

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

НОЧНАЯ СТРАЖА

Night Watch

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!

Annotation

Это подлинная история самого Ночного из всех Ночных Дозоров. История анк-морпоркской Ночной Стражи. Вот только нашего героя зовут Сэм Ваймс, а не сами знаете как. Но про «треснул мир напополам» – это сущая правда. Ведьм не будет, но будут монахи. Вампиров не будет, но будут убийцы. И будут убитые. И будут Свобода – Равенство – Братство, а когда возникает эта троица, жди беды и, самое главное, – крови.

И будет смешно. И будет грустно. Ведь это абсолютно правдивая история, которая просто обязана была где-то произойти.

Да, а еще не будет... Рембрандта, а будет самый настоящий Терри Прагчетт!!!

- [Терри Прагчетт](#)

-

-

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

Терри Пратчетт

Ночная Стража

© Берденников Н., перевод на русский язык, 2011

© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Когда снаружи раздался душераздирающий крик, Сэм Ваймс вздохнул, но продолжил бриться.

Закончив, он накинул куртку и вышел в восхитительное сверкающее утро. Стояла поздняя весна. В кронах деревьев пели птицы, над распустившимися цветами жужжали пчелы. Впрочем, в небе витало марево, и тучи на горизонте обещали разразиться грозой. Но сейчас воздух был горячим и густым. И в старой выгребной яме за сараем садовника кто-то плескался, старательно держа голову над водой.

Ну хорошо, не над водой. Над тем, в чем он плескался.

Остановившись чуть поодаль, Ваймс раскурил сигару. Пользоваться открытым огнем рядом с выгребной ямой, пожалуй, было бы опрометчиво: юноша, рухнув с крыши сарая, проломил корку на ее поверхности.

– Доброе утро! – жизнерадостно поздоровался Ваймс.

– Доброе утро, ваша светлость, – откликнулся купальщик, отчаянно пытающийся удержаться на поверхности.

Голос его оказался неожиданно высоким, и Ваймс с удивлением понял, что барахтающийся в яме юнец на самом деле девица. Это не было чем-то из ряда вон выходящим – в Гильдии Наемных Убийц прекрасно знали, что, когда речь заходит о всякого рода хитроумных убийствах, женщины как минимум не уступают мужчинам. И все же это несколько меняло дело.

– Мы ведь, кажется, не знакомы, – сказал Ваймс. – Тем не менее ты меня знаешь. А ты?..

– Кудли, сэр, – представилась купальщица, – Йокаста Кудли. Большая честь познакомиться с вами, ваша светлость.

– Кудли? – переспросил Ваймс. – Известная в Гильдии фамилия. Кстати, простого «сэр» будет достаточно. Если мне не изменяет память, я как-то сломал твоему батюшке ногу?

– Да, сэр. Он передает вам привет, – сказала Йокаста.
– А ты не слишком ли молода для такого заказа? – спросил Ваймс.
– Это не заказ, сэр, – возразила Йокаста, загребая руками.
– Да неужели? За мою голову назначена цена по меньшей мере в...
– Совет Гильдии временно наложил запрет на этот контракт, сэр, – объяснила девушка, по-собачьи работая конечностями. – Вы исключены из списка. В настоящее время заказы на вас не принимаются.

– Ну и ну! И с какой же вдруг стати?

– Не могу знать, сэр, – сказала Йокаста Кудли.

Благодаря своему упорству она все-таки добралась до края ямы, где обнаружила идеально гладкую кирпичную кладку, уцепиться за которую не представлялось никакой возможности. Ваймс знал об этом, потому что в один прекрасный день лично потратил несколько часов, чтобы добиться именно такого результата.

– Тогда зачем тебя направили ко мне?

– Госпожа Банда послала меня сюда в качестве тренировки, – объяснила Йокаста. – Однако это у вас весьма коварно придумано, с кирпичной облицовкой-то.

– Верно, – согласился Ваймс. – Ты чем-то досадила госпоже Банде? Как-то ее расстроила?

– О нет, ваша светлость. Но она сказала, что я стала слишком самоуверенной и работа в условиях, приближенных к боевым, пойдет мне на пользу.

– А, понятно.

Насколько припоминал Ваймс, Элис Банда слыла одной из самых строгих преподавательниц Гильдии. И ярой сторонницей практических занятий.

– Значит... она послала тебя за моей головой? – спросил он.

– Никак нет, сэр! У меня с собой даже стрел для арбалета нет, можете проверить! Я просто должна была найти позицию, чтобы взять вас на прицел, и описать ее в своем отчете!

– И госпожа Банда поверила бы тебе?

– Конечно, сэр, – заметно оскорбившись, ответила Йокаста. – Честь Гильдии, сэр.

Ваймс тяжело вздохнул.

– Видишь ли, сударыня, за последние несколько лет твои коллеги-приятели неоднократно пытались убить меня в моем же доме. Как ты догадываешься, я изрядно подустал от этого.

– Отлично вас понимаю, сэр, – сказала Йокаста голосом человека,

также понимающего, что выбраться из затруднительного положения он может только благодаря доброму расположению своего собеседника, не имеющего ровным счетом никаких причин оное расположение испытывать.

– Ты удивишься, узнав, какое количество ловушек расставлено вокруг дома, – продолжил Ваймс. – Некоторые из них весьма изощренны, поверь мне на слово.

– Эта черепица на крыше сарая крайне коварно ушла у меня из-под ног, сэр.

– Я уложил ее на хорошо смазанные полозья, – пояснил Ваймс.

– Здорово придумано, сэр!

– И некоторые ловушки могут быть смертельны, – сказал Ваймс.

– Значит, мне повезло, что я угодила именно в эту, да, сэр?

– О, эта тоже смертельна, – сказал Ваймс. – Она, как бы это выразиться, отложенного действия. – Он снова вздохнул.

Он и правда пытался отбить всякую охоту у членов Гильдии являться сюда, но... его исключили из списков? Не то чтобы ему нравилось, когда на него охотятся люди в капюшонах, нанятые его многочисленными врагами, но это было своего рода вотумом доверия. Свидетельствовало о том, что он по-прежнему раздражает богатых и высокомерных типов, которых и нужно раздражать.

Кроме того, Гильдию Убийц было достаточно легко перехитрить. Наемные убийцы придерживались строгих правил, собственного кодекса чести, и это вполне устраивало Ваймса, который в отдельных практических областях не придерживался никаких правил.

Исключен из списков, значит? До сих пор он слышал только об одном человеке, удостоившемся подобной чести, – лорд Витинари, патриций, по слухам, с некоторых пор тоже не значился в этих списках. Убийцы разбирались в тонкостях городских политических игр как никто другой, и если уж они исключили тебя из списка, значит, почувствовали, что твоя кончина не только спутает игру, но и разнесет в щепки всю доску...

– Я была бы весьма признательна, сэр, если бы вы вытащили меня отсюда, – окликнула его Йокаста.

– Что? Ах да. Извини, не хочется пачкать одежду, – сказал Ваймс. – Но я пришлю сюда дворецкого с лестницей, как только вернусь в дом. Хорошо?

– Большое спасибо, сэр. Приятно было с вами познакомиться, сэр.

Ваймс направился к дому. Исключен из списков? А жалобу подать можно? Может, они думают...

Его с головой накрыл очень мощный запах.

Он поднял взгляд.

И увидел куст сирени в цвету.

Ваймс долго смотрел на него.

Проклятье! Проклятье! Проклятье! Каждый год он забывает. Впрочем, нет. Он никогда ничего не забывал. Просто убирал воспоминания подальше, как старое столовое серебро, чтобы не потускнели. И каждый год они возвращались, острые и сверкающие, ранящие в самое сердце. И надо же было такому случиться, чтобы именно сегодня...

Он поднял руку и дрожащими пальцами переломил веточку. Понюхал цветы. Постоял немного, глядя в пустоту. А потом, осторожно держа веточку в руке, вернулся в свою гардеробную.

Вилликинс приготовил для него парадную форму. Сэм Ваймс непонимающе уставился на мундир и лишь через несколько мгновений вспомнил. Ах да, заседание Комитета по делам Стражи. Ну конечно. Старая мятая кираса для такого случая вряд ли подойдет. Ведь он теперь его светлость герцог Анкский, командующий Городской Стражей сэр Сэмюель Ваймс. Лорд Витинари выразился по этому поводу чертовски недвусмысленно, будь оно все проклято.

И будь оно проклято еще больше, но Сэм Ваймс прекрасно понимал, что эти требования по-своему обоснованны. Как бы он ни ненавидел парадную форму, с некоторых пор он представляет не только самого себя. Сэм Ваймс мог являться на важные встречи в грязных доспехах, даже сэр Сэмюель Ваймс мог изловчиться и придумать оправдание тому, чтобы везде и всюду ходить в повседневной форме, но герцог... герцогу необходима некоторая доля лоска. Герцог не может позволить себе заявиться на встречу с иностранными дипломатами, сияя голым задом. Честно говоря, и Сэм Ваймс в своем неблагородном прошлом никогда не опускался до такого, но, даже если б и опустился, никакой войны из-за этого не случилось бы.

Прежний Сэм Ваймс – старый, добрый, простой Сэм Ваймс – сопротивлялся изо всех сил. Ему удалось избавиться от перьев на шлеме и нелепых трико и добиться того, что парадный мундир, по крайней мере, стал похож на нечто мужское. Но с позолотой на шлеме пришлось смириться, и оружейники выковали новую сверкающую нагрудную пластину с бесполезными золотыми завитушками. Всякий раз, надевая ее, Ваймс чувствовал себя классовым предателем. Кто-то ведь может решить, что он теперь ничем не отличается от тех, кто по всякому удобному случаю цепляет на себя эти цацки. Похож? Похож. Значит, виновен.

Он покрутил веточку сирени в руке и еще раз вдохнул опьяняющий

аромат. Да... конечно, так было не всегда...

Кто-то заговорил с ним, заставив вынырнуть из воспоминаний.

– Что? – огрызнулся Ваймс.

– Я спросил, хорошо ли чувствует себя госпожа, ваша светлость, – повторил слегка напуганный дворецкий. – А вы, ваша светлость, хорошо себя чувствуете?

– Что? Ах да. Я в порядке. Как и госпожа, спасибо. Я заходил к ней, прежде чем выйти из дома. Там с ней госпожа Контент. По ее словам, это случится не прямо сейчас.

– Тем не менее я распорядился на кухне, чтобы приготовили побольше теплой воды, ваша светлость, – сказал Вилликинс, помогая Ваймсу надеть позолоченный нагрудник.

– Да, конечно. Интересно, зачем нужно столько воды?

– Не могу сказать, ваша светлость. Думаю, лучше и не знать, – откликнулся Вилликинс.

Ваймс кивнул. Сибилла с присущим ей тактом уже объяснила, что в данном случае в его помощи она не нуждается. И честно говоря, оно и к лучшему.

Он передал Вилликинсу веточку сирени. Дворецкий, не сказав ни слова, вставил веточку в маленькую серебряную трубку с водой, благодаря которой цветы не завянут несколько часов, и прикрепил ее к одному из ремней кирасы.

– Как быстро бежит время, не правда ли, ваша светлость? – спросил он, обметая доспехи метелкой для пыли.

Ваймс достал свои часы.

– Вот именно. Послушай, по пути во дворец я заскочу в Ярд, чтобы подписать то, что нужно подписать, и вернусь домой, как только освобожусь, хорошо?

Вилликинс посмотрел на него с почти недворецким участием.

– Ваша светлость, уверен, с госпожой все будет в порядке, – ответил он. – Она, конечно, не слишком, гм...

– ...молода, – подсказал Ваймс.

– Я сказал бы, что она может похвастаться бóльшим жизненным опытом, нежели другие первороженицы, – с честью вышел из положения Вилликинс. – Но осмелюсь заметить, она весьма, что называется, крепко сбита, и в ее роду испокон веков не было особых трудностей с родоразрешением...

– С на что разрешением?

– С рождением детей, ваша светлость. Уверен, ее светлость предпочла

бы знать, что вы преследуете злодеев, а не протаптываете дыру в ковре под дверьми.

– Пожалуй, ты прав, Вилликинс. Ах да, Вилликинс, в выгребной яме барахтается юная девушка.

– Ясно, ваша светлость. Немедленно отправлю туда поваренка с лестницей. Послать сообщение в Гильдию Убийц?

– Удачная мысль. Девушке потребуется чистая одежда и ванна.

– Думаю, лучше использовать шланг в старой прачечной, ваша светлость. По крайней мере, для начала.

– Разумно. Позаботься об этом. Ну, мне пора.

Сидевший за столом в набитой стражниками дежурке Псевдополис-Ярда сержант Колон рассеянно поправил веточку сирени, которую пристроил на шлем наподобие пера.

– Люди меняются, Шнобби. Странно так меняются, – сказал он, рассеянно перебирая скопившиеся за ночь документы. – Это чисто стражническое. И со мной так было, когда появились дети. Ты матереешь.

– Начинаешь больше материться? – уточнил капрал Шноббс, возможно, наилучшее ходячее доказательство того, что человек эволюционировал из животного постепенно.

– Ну-у, – протянул Колон, откинувшись на спинку стула, – это типа... Вот когда ты доживешь до наших лет...

Замолчав, он задумчиво поглядел на Шнобби. Шнобби уже много лет утверждал, что ему «где-то тридцать четыре». В семье Шноббсов всегда было плохо со счетом.

– Я хотел сказать, когда человек доживает до определенного возраста, – поправился сержант, – он начинает понимать, что такой штуки, как идеальный мир, никогда не существовало и не будет существовать. Этот мир всегда будет немного, немного...

– Фиговым? – попытался подсказать Шнобби.

За ухом у него вместо традиционного окурка торчала увядшая веточка сирени.

– Вот именно, – подтвердил Колон. – Идеальным он никогда не станет, и тебе остается просто делать то, что ты можешь делать. Понял? Но как только речь заходит о детях, мужчина сразу меняется. «Слушайте, – думает он, – моему ребенку вот в *этом* расти. Э, нет, пора наводить порядок. Создавать Лучший Мир». И с той поры он воспринимает все малость... обостренно. Будто у него шило в задую появляется. Поэтому, когда наш босс узнает о том, что случилось с Рукисилой, здесь такое начне... Доброе утро,

господин Ваймс!

– Обо мне треплетесь, да? – пробурчал Ваймс, проходя мимо вытянувшихся по стойке «смирно» стражников.

На самом деле он не расслышал ни слова из их разговора, но лицо сержанта Колона было для него не только открытой книгой, но книгой, все страницы которой он давным-давно выучил наизусть.

– Просто гадали, случилась ли радость... – забубнил Колон, едва попевая за Ваймсом, который через две ступени шагал по лестнице.

– Не случилась, – отрезал Ваймс и распахнул дверь в свой кабинет. – Доброе утро, Моркоу.

Капитан Моркоу вскочил на ноги и отдал честь.

– Доброе утро, сэр! Ее светлость...

– Нет, Моркоу. Еще нет. Что произошло за ночь?

Взгляд Моркоу скользнул к веточке сирени и вернулся на лицо Ваймса.

– Ничего хорошего, сэр, – сказал он. – Еще один стражник убит.

Ваймс замер.

– Кто? – спросил он.

– Сержант Рукисила. Его нашли на улице Паточной Шахты. Опять дело рук Карцера.

Ваймс взглянул на часы. У них оставалось десять минут, чтобы добраться до дворца. Но вдруг время перестало что-либо значить.

Он сел за свой стол.

– Свидетели?

– На сей раз трое, сэр.

– Так много?

– Все – гномы. Сэр, Рукисила даже не был на службе. Закончил дежурство, зашел в лавку купить крысиный пирог и жареной картошки и наткнулся на Карцера. Этот гаденыш полоснул его ножом по горлу и скрылся. Вероятно, решил, что мы его выследили.

– Мы гоняемся за ним уже несколько недель! А он натывается на беднягу Рукисилу, когда тот способен думать только о завтраке! Ангва идет по следу?

– Честно пыталась, сэр, – сказал Моркоу.

– Но?

– Но он... кто-то бросил анисовую бомбу на Саторской площади, мы думаем, это был Карцер. Почти чистое анисовое масло.

Ваймс вздохнул. Поразительно, с какой легкостью люди адаптируются. В Страже появился вервольф. Весть об этом мгновенно разнеслась по улицам, точнее, по темным переулкам. И чтобы выжить в обществе, где у

закона вдруг обострился нюх, нарушителям пришлось срочно эволюционировать. И появились бомбы-вонючки. О, ничего особо драматичного, никаких спецэффектов. Надо было просто бросить на оживленном перекрестке пузырек с анисовым или мятным маслом, чтобы люди разнесли запах во все стороны. Это сотни, тысячи пересекающихся следов! Единственное, на что сержант Ангва была способна после такого, – это вернуться домой и свалиться в постель с жуткой головной болью.

Ваймс мрачно слушал, как Моркоу докладывает о том, кого он вызвал из отпуска, а кого перевел на две смены; стукачи уже стучат, доносчики доносят, наводчики наводят, нос по ветру, ухо к земле, мышь не прошмыгнет, не волнуйтесь, сэр. Но Ваймс слишком хорошо понимал, как мало от всего этого проку. Стражников по-прежнему чуть больше сотни, считая буфетчицу, а в городе – миллион с лишним жителей и миллиард мест, где можно спрятаться. Анк-Морпорк – одна большая нора. А этот Карцер – настоящее бедствие, сущий кошмар.

Ваймс давно привык к придуркам всех мастей, которые живут себе вполне по-человечески, но в один прекрасный день вдруг слетают с катушек и бьют кого-нибудь кочергой по голове за то, что тот слишком громко высморкался. Но Карцер был не из таких. Он страдал раздвоением личности, причем его личности, вместо того чтобы постоянно ссориться, просто соревновались. Демоны сидели на обоих его плечах, подзуживая и подкалывая друг дружку.

И вместе с тем... Карцер постоянно улыбался – веселой такой, непринужденной улыбочкой. Он обладал наглостью пройдохи, толкающего золотые часы, которые позеленеют буквально через неделю. Выглядел так, словно был убежден, совершенно убежден в том, что не совершил и не совершает ничего плохого. Стоял после бойни, руки в крови по локоть, карманы битком набиты украденными драгоценностями, а на лице – оскорбленная невинность: «Кто? Я? А что я такого сделал?»

И ты ему верил – верил, если не догадывался заглянуть поглубже в эти нахальные смеющиеся глаза. Ведь оттуда, из самой глубины, на тебя смотрели демоны.

Но было бы ошибкой вглядываться в его глаза слишком долго: стоит лишь на секунду выпустить из виду руки Карцера, как в следующий миг в одной из этих рук появится нож.

Обычному стражнику такой тип не по зубам. Обычный стражник думает, что преступник, оказавшись в численном меньшинстве, сдастся, попытается договориться или, по крайней мере, *перестанет двигаться*. Большинство стражников не ожидают, что кто-то может убить из-за каких-

то пятидолларовых часов. (Вот если бы это были стодолларовые часы – совсем другое дело. В конце концов, это же Анк-Морпорк.)

– Рукисила был женат?

– Нет, сэр. Жил на улице Новых Сапожников с родителями.

«С родителями, – подумал Ваймс. – Совсем плохо».

– Им уже сообщили? – спросил он. – Только не говори, что это сделал Шнобби. Не хватало еще, чтобы он опять устроил безобразия вроде: «Спорю на доллар, ты вдова Джексона!»

– Я сам посетил их, сэр. Как только узнал о случившемся.

– Спасибо. И как они встретили новость? Скверно, да?

– Они встретили ее... серьезно, сэр.

Ваймс застонал. Он как наяву видел их лица.

– Я напишу им официальное письмо, – сказал Ваймс, открывая ящик стола. – Попроси кого-нибудь доставить его, хорошо? Пусть передаст, что чуть позже я зайду лично. Может, сейчас не время... – Хотя нет, они же гномы, а для гномов разговор о деньгах всегда уместен. – В общем, передай, что о пенсии мы позаботимся. И обо всем прочем. Он погиб при исполнении служебных обязанностей. Ну, почти. Значит, будет прибавка. Да, так и сделаем. – Он порылся в ящиках. – А где его дело?

– Здесь, сэр, – ответил Моркоу, ловким движением передавая папку. – Сэр, в десять мы должны быть во дворце. Заседание Комитета по делам Стражи... но я уверен, что нас поймут, – добавил он, увидев выражение лица Ваймса. – Я достану вещи из шкафчика Рукисилы, сэр, наверное, ребята сбросятся на цветы и все остальное...

Потом Моркоу вышел, и Ваймс склонился над фирменным бланком. Затем в ярости отшвырнул перо.

Личное дело! Все-таки придется залезть в личное дело! В последнее время стражников стало так много...

«Сбросятся на цветы. И на гроб. О своих надо заботиться, как когда-то, давным-давно, говаривал сержант Дикинс...»

Ваймс плохо ладил со словами, особенно на бумаге, но, несколько раз заглянув в дело, чтобы освежить память, постарался написать только самое лучшее.

Все слова были добрыми и более или менее правильными. Но на самом деле Рукисила был просто порядочным гномом, зарабатывавшим на жизнь службой в Страже. Он решил стать стражником потому, что в последнее время это была многообещающая работа. Неплохое жалование, приличная пенсия, замечательное медицинское обслуживание (если у тебя, конечно, хватало мужества спуститься к Игорю в подвал), а примерно через

год, поднабравшись опыта, анкморпоркский стражник мог отправиться в любой город на равнине, вступить в тамошнюю Стражу и сразу получить повышение по службе. Такое случалось постоянно. Их называли сэмми – даже в городах, где слыхом не слыхивали о Сэмюеле Ваймсе. Ваймс немного гордился этим. Сэмми – это стражники, которые умели думать, не шевеля губами, которые не брали взятки, по крайней мере крупных, только в виде пива и пончиков, а такого рода взятки даже сам Ваймс считал смазкой, помогающей колесам лучше крутиться. Сэмми – это стражники, которым можно доверять. В разумных пределах, конечно.

Громовой топот сообщил о том, что сержант Детрит привел последних новобранцев с утренней пробежки. До Ваймса донеслась песня, которой их обучил Детрит. Каким-то образом сразу становилось понятно, что сочинил ее именно тролль.

Песню глупую я петь!
Песню петь, нога бежать!
Почему я петь не знать!
У меня вообще со стихами фигово!

Труби труба!
Раз! Два!
Труби труба!
Много! Тьма!
Труби труба!
Э... чо?

Ваймса по-прежнему слегка раздражало, что многие новоиспеченные стражники, окончившие курсы в здании бывшей лимонадной фабрики, сбегали из города, едва дождавшись окончания стажировки. Но в этом были и свои преимущества. Сэмми служили почти во всех городах, вплоть до Убервальда, и не просто служили, а быстро поднимались по служебной лестнице. Ты знал все их имена, а они знали твое имя, ведь еще в учебке их научили отдавать тебе честь. Это было большим подспорьем. Приливы и отливы в политике часто приводили к тому, что местные правители разрывали связи с соседями, но сэмми поддерживали связь друг с другом постоянно, через семафорные башни.

Он вдруг понял, что едва слышно напевает совсем другую песню. Ту, которую много лет пытался забыть. Мотив пришел вслед за запахом

сирени. Ваймс почувствовал укол вины и умолк.

Когда постучали в дверь, он дописывал письмо.

– Почти закончил! – крикнул он.

– Это я, мафтер, – сказал, заглядывая в кабинет, констебль Игорь. – Игорь, сэр, – добавил он.

– Да, Игорь? – сказал Ваймс, в который раз удивившись: зачем тому, у кого голова вся смётана грубыми швами, постоянно напоминать окружающим, кто он такой и как его зовут?^[1]

– Я просто хотел сказать, что мог бы пофтавить юного Рукисилу обратно на ноги, мафтер, – с некоторой укоризной сообщил Игорь.

Ваймс вздохнул. Лицо Игоря выражало тревогу с примесью разочарования. Ему не позволили продемонстрировать свое... мафтерство. Естественно, он был раздосадован и обижен.

– Игорь, мы это уже обсуждали. Пришить оторванную ногу – это одно дело, но тут совсем другое. Все гномы решительно против таких штук.

– В этом ведь нет ничего сверхъестественного, мафтер. Я же ярый сторонник натурфилоффии! И когда его принесли, он был еще тепленьким...

– Таковы правила, Игорь. Но все равно спасибо. Мы все знаем, что у тебя в груди бьется доброе сердце...

– Бьются, сэр. Фердца, сэр, – с упреком поправил Игорь.

– Именно это я и имел в виду, – откликнулся Ваймс, даже глазом не моргнув.

Впрочем, Игорь тоже не моргнул. Мешали чудовищные швы, перепоясывающие голову.

– Ну хорошо, сэр, – наконец уступил он. И, помолчав немного, спросил: – А как дела у ее светлости?

Ваймс ждал этого вопроса. Воображение повело себя крайне подло, моментально подсунув ему ситуацию, в которой фигурировали и Сибилла, и Игорь. Не то чтобы Ваймс недолюбливал Игоря. Как раз наоборот. Многие стражники расхаживали сейчас по городу на своих двоих только благодаря гению Игоря в обращении с иглой и нитью. Но...

– Отлично. Просто отлично, – резким тоном произнес Ваймс.

– Я фльшал, госпожа Контент немного обеспоко...

– Игорь, есть области, в которых... Послушай, ты хоть что-нибудь знаешь о... женщинах и детях?

– Не слишком много, сэр, но я давно понял: фтоит уложить кого-нибудь на плиту и хорошенько покопаться, так фказать, в вопросе, как все

сразу...

Воображение Ваймса очень вовремя отключилось.

– Спасибо, Игорь, – перебил он, чудом не допустив дрожи в голосе. – Но госпожа Контент весьма опытная повитуха.

– Как фкажете, сэ, – отступил Игорь, правда в его словах проскользнуло некоторое сомнение.

– А теперь мне пора, – сказал Ваймс. – Впереди долгий и нелегкий день.

Он сбегал вниз по лестнице, бросил письмо сержанту Колону, кивнул Моркоу, и они быстрым шагом направились во дворец.

Когда дверь захлопнулась, один из стражников поднял голову, прервав свою неравную битву с рапортом, в котором всякий страж правопорядка должен четко и ясно описать все то, чему на самом деле следовало бы произойти.

– Сержант?

– Да, капрал Пинг?

– Сержант, а почему некоторые из вас носят лиловые цветочки?

Атмосфера в комнате неуловимо изменилась, множество мигом наострившихся ушей всосало все звуки без остатка. Все, кто трудился над рапортами, разом перестали писать.

– Я к тому, что ты, Редж и Шнобби в прошлом году тоже пришли с цветами, вот я и подумал, что, может, мы все должны были...

Пинг осекся: обычно излучавшие дружелюбие глаза Колона превратились в узкие щели, и в них отчетливо читалось: «Ты вышел на тонкий лед, приятель, и он уже трещит под тобой...»

– Я хочу сказать, у моей хозяйки есть сад, и я могу сходить и тоже срезать... – затем продолжил Пинг, похоже вознамерившись покончить со своей никчемной жизнью.

– То есть ты тоже хотел бы сегодня прийти с сиренью? – негромко спросил сержант Колон.

– Я просто говорю: если нужно, я мог бы...

– А ты вообще там был? – рявкнул сержант, вскочив на ноги так резко, что стул опрокинулся.

– Спокойно, Фред, спокойно... – пробормотал Шнобби.

– Я вовсе не... – начал было Пинг. – То есть я... Был где, сержант?

Колон облокотился на стол так, что его круглое багровое лицо оказалось в дюйме от носа Пинга.

– Если ты не знаешь, где это было, значит, тебя там не было, – произнес он прежним тихим голосом и выпрямился. – Так, у нас со

Шнобби дела, – объявил он. – Вольно, Пинг. Мы отбываем.

– Э...

День для Пинга явно не задался.

– Да? – отозвался сержант Колон.

– Э... Правила внутреннего распорядка, сержант... Ты, ну, типа старший по званию, а я дежурный офицер, так-то я б не стал спрашивать, но... если ты покидаешь караулку, то должен сообщить мне, куда направляешься. На всякий случай, если кто-то будет тебя искать, понимаешь? И я должен внести это в журнал. Ручкой. Чернилами. Все такое, – добавил он.

– Пинг, ты хоть знаешь, что сегодня за день? – спросил Колон.

– Э... двадцать пятое мая, сержант.

– А знаешь, что это значит, Пинг?

– Ну...

– Это значит, – сказал Шнобби, – что все, кто имеет право спрашивать, куда мы идем...

– ...знают, куда мы пошли, – закончил Фред Колон.

Дверь за ними громко захлопнулась.

На кладбище Мелких Богов, как правило, хоронили людей, не знающих, что с ними случится далее. Они ни во что особо не верили, не задумывались, существует ли жизнь после смерти, и частенько даже понятия не имели, что с ними в итоге приключилось. Они шагали по жизни в добродушной неопределенности, пока абсолютная определенность в конце концов не настигала их. Среди городских мест упокоения данное кладбище являлось эквивалентом ящика с пометкой «прочее». Тут хоронили людей, не ожидавших после смерти ничего особенного.

Именно здесь находили свой последний приют почти все стражники. После нескольких лет службы даже в людей и в тех перестаешь верить, не говоря уж о ком-то там невидимом и неосязаемом.

На этот раз дождя не было. Ветер, шелестя листвой, раскачивал замызганные тополя вдоль кладбищенской стены.

– Нужно было принести цветы, – заметил Колон, пробираясь через густую высокую траву.

– Могу позаимствовать со свежих могил, сержант, – предложил Шнобби.

– Лично я предпочел бы услышать от тебя совсем другие слова, учитывая обстоятельства, – укоризненно произнес Колон.

– Виноват, сержант.

– В такие минуты человек должен думать о своей бессмертной душе,

так сказать, визавизирующей с бескрайней могучей рекой по имени История. На твоём месте, Шнобби, я бы занялся именно этим.

– Конечно, сержант. Несомненно. Кстати, как я вижу, кто-то там уже визирует.

У одной из стен росли кусты сирени. То есть кто-то когда-то посадил здесь сирень, и она разрослась, как это свойственно сирени, сотнями гибких боковых побегов, так что на месте каждого стебелька появились почти непролазные заросли. Ветки были густо усеяны бледными розовато-лиловыми цветами.

Но в густой зелени ещё можно было разглядеть надгробия. У могил стоял Себя-Режу-Без-Ножа Достабль – самый безуспешный анк-морпоркский бизнесмен. На шляпе у него была веточка сирени.

Заметив стражников, он кивнул. Стражники кивнули в ответ и остановились рядом перед семью могилами. Только одна из них была ухоженной: блестящая мраморная плита без следа мха, травка подстрижена, каменный бордюр сияет чистотой.

Деревянные надгробия остальных шести могил поросли мхом, но каменную, ту, что в центре, кто-то очистил, так чтобы можно было разглядеть имя:

ДЖОН КИЛЬ

А чуть ниже чья-то старательная рука вырезала:

КАК ОНИ ВЗМЫВАЮТ

На могиле покоился огромный, перевязанный лиловой лентой венок из сирени. На нём, также перевязанное лиловой лентой, лежало яйцо.

– Госпожа Лада и госпожа Батье с девушками приходили чуть раньше, – сообщил Достабль. – Мадам, как всегда, позаботилась о том, чтобы на могиле лежало яйцо.

– Приятно, что они не забывают, – сказал сержант Колон.

Они помолчали. Никто из них, положив руку на сердце, не обладал подходящим подобному случаю запасом слов. Однако через некоторое время Шнобби почувствовал, что не может больше молчать.

– Однажды он подарил мне ложку, – поведал он.

– Да, я знаю, – кивнул Колон.

– Папаша отобрал её у меня, сразу как вышел из тюрьмы, но это была моя ложка, – упрямо продолжал Шнобби. – Своя ложка так много значит

для ребенка.

– Если на то пошло, он был первым, кто произвел меня в сержанты, – сказал Колон. – Меня потом разжаловали, конечно, но я уже знал, что снова смогу подняться. Он был хорошим стражником.

– Он купил у меня пирог, – ответил Достабль. – Когда я только-только начал работать. На первой же неделе. И весь съел. Ничегошеньки не выплюнул.

Они снова замолчали.

Через некоторое время сержант Колон откашлялся, и его кашель послужил остальным сигналом, что торжественная минута истекла. Можно было расслабить мускулы.

– Знаете, надо будет как-нибудь прийти сюда с садовыми ножницами и немного подстричь эти заросли, – сказал сержант.

– Ты каждый год говоришь это, сержант, – заметил Шнобби, когда они двинулись прочь от могил. – Но до дела так и не доходит.

– Если б мне давали доллар за каждые похороны стражника, на которых я тут присутствовал, – сказал Колон, – у меня уже было бы девятнадцать долларов и пятьдесят пенсов.

– Пятьдесят пенсов? – переспросил Шнобби.

– Капрал Хильдебидль вовремя очухался и принялся колотить в крышку гроба, – пояснил Колон. – Это было задолго до тебя, конечно. Все тогда сошлись во мнении, что это было настоящее чудо.

– *Господин сержант?*

Все трое обернулись. К ним шустро ковыляла костлявая, закутанная во все черное фигура. Это был Первый Законней-Некуда, местный могильщик, тут же и живущий.

Колон вздохнул.

– Да, Закки?

– Добренькое утро, милейш... – начал было могильщик, но сержант Колон погрозил ему пальцем.

– Прекрати немедленно, – сказал он. – Тебя уже предупреждали. Нечего тут разыгрывать веселого могильщика. Во-первых, не смешно, во-вторых, глупо. Просто выкладывай, что у тебя. Без всяких своих прибауток.

Закки совсем упал духом.

– Что ж, наилюбезней...

– Закки, – устало перебил его Колон. – Я знаю тебя много лет. Просто постарайся, хорошо?

– Дьякон хочет раскопать эти могилы, Фред, – мрачно буркнул Закки. – Прошло больше тридцати лет. Их давно пора было перенести в склепы...

– Ни за что, – отрезал Фред Колон.

– Я приготовил для них такую прекрасную полочку! – взмолился Закки. – Прямо у двери. Фред, нам ведь не хватает места! Здесь людей можно хоронить только стоя! Черви уже гуськом ползают! Отличное место, Фред, прямо у входа, где я всегда смогу поболтать с ними за чашечкой чая... Ну, что скажешь?

Стражники и Достабль переглянулись. Почти все жители города побывали в склепах Закки, хотя бы ради того, чтобы испытать себя на смелость. И большинство уходило оттуда, глубоко потрясенные открытием, что, вопреки общему мнению, похороны вовсе не даруют тебе вечный покой. На самом деле это лишь передышка в несколько лет, чтобы, как их называл Закки, «мои маленькие козьяные помощнички» сделали свое дело. После чего по-настоящему последним пристанищем покойного становятся склеп и запись в огромных учетных книгах.

Закки в этих склепах жил. Согласно его заверениям, он единственный там именно что жил, ну а тамошняя компания ему даже нравилась.

Закки слыл весьма чудным. «Вот и чудно, что он нашел свое место», – заключали все.

– Это ведь не ты придумал, а? – спросил Фред Колон.

Закки потупился.

– Новый дьякон, он немного... слишком новый, – сказал он. – Очень уж энергичный, понимаешь? Переменчатый.

– Но ты же объяснил ему, почему эти могилы никто не трогает? – уточнил Шнобби.

– Он ответил, что все это древняя история, – пожал плечами Закки. – А еще заявил, что прошлое должно оставаться позади.

– А ты сказал, что ему придется утвердить эту идею у Витинари? – спросил Шнобби.

– Да, но он ответил, что его светлость – прогрессивно мыслящий человек, который вряд ли будет цепляться за пережитки прошлого, – сказал Закки.

– Судя по этим его словам, дьякон действительно новичок, – заметил Достабль.

– Ага, – согласился Шнобби. – И стать старичком у него вряд ли получится. Все в порядке, Закки, можешь передать ему, что поговорил с нами.

Могильщик не скрывал облегчения.

– Спасибо, Шнобби. Хочу заверить вас, господа, что, когда настанет ваше время, я приготовлю вам полочку с чудесным видом. Я и ваши имена

в учетные книги уже внес. На всякий случай.

– Что ж, Закки, мы тебе очень благодарны, – сказал Колон, хотя был не совсем уверен в этом.

Из-за недостатка места кости в склепах сортировались не по владельцам, а по размеру. Там были комнаты ребер. Коридоры бедренных костей. И конечно, у входа располагались стеллажи с черепами – какой же это склеп, если там нет черепов? Если когда-нибудь некоторые религиозные учения окажутся верны и всеобщее воскрешение все-таки наступит, неразбериха будет та еще.

– А также удачное местечко... – начал было Закки, но вдруг замолчал и показал в сторону входа на кладбище. – Вы же знаете, как я не люблю, когда он сюда является!

Они обернулись. По кладбищенской дорожке торжественно шагал капрал Редж Башмак с целым букетом сирени на шлеме. На плече он нес лопату с длинным черенком.

– Это всего-навсего Редж, – сказал Фред. – Закки, он имеет право приходить сюда. Ты прекрасно это знаешь.

– Он – мертвец! Я не потерплю на своем кладбище мертвецов!

– Закки, их же здесь полным-полно, – попытался утихомирить могильщика Достабль.

– Да, но они не разгуливают туда-сюда!

– Перестань, Закки, каждый год одно и то же, – перебил его Фред Колон. – Разве он виноват в том, как его убили? Нельзя относиться к нему плохо только потому, что он зомби. Очень трудолюбивый парень, этот Редж. Если б все следили за своими могилами так, как он, этот мир был бы куда чище. Доброе утро, Редж.

Редж Башмак с улыбкой на сером лице кивнул всем четверым и прошагал дальше.

– Еще и свою лопату притащил, – пробормотал Закки. – Мерзость какая!

– А по-моему, с его стороны очень мило делать то, что он делает, – заметил Фред. – Оставь его в покое, Закки. А будешь, как в прошлом году, бросаться в него камнями, об этом узнает командор Ваймс и у тебя будут большие неприятности. Я тебя предупредил. Ты, конечно, переживаешь за мерт... ну, за этих, как их...

– ...за жмуров, – услужливо подсказал Шнобби.

– ...но тебя-то там не было, – продолжал Колон. – А Редж был. И хватит об этом. Раз тебя там не было, ты все равно не поймешь. А теперь беги считай черепа. Я знаю, это твое любимое занятие. И выше нос, Закки!

Первый Законней-Некуда долго смотрел им вслед. Сержант Колон почувствовал себя взвешенным и измеренным.

– Интересно, почему его так называли, – сказал Шнобби, оборачиваясь, чтобы помахать могильщику рукой. – Ну, то есть... Первый? Законней-Некуда?

– Материнская гордость, Шнобби, это такая штука... – ответил Колон.

– Что еще мне сегодня стоит знать? – спросил Ваймс, пробираясь вместе с Моркоу по запруженным народом улицам.

– Мы получили письмо от черноленточников^[2], сэр. Они пишут, что большим шагом на пути к обеспечению гармоничного сосуществования видов в нашем городе стало бы ваше согласие...

– Они хотят, чтобы мы приняли в Стражу вампира?

– Так точно, сэр. Насколько я знаю, многие члены Комитета по делам Стражи считают это неплохой идеей, несмотря на сомнения, которые вы высказываете.

– Посмотри на меня. Как я тебе? Похож на труп?

– Нет, сэр.

– Значит, мой ответ – нет. Что еще?

Моркоу, едва поспевая за ним, порылся в набитой бумагами папке.

– В «Правде» пишут, что Борогравия вторглась в Гробдавию, – сообщил он.

– Это хорошо или нет? Честно говоря, вообще не помню, где эти страны находятся.

– Обе были раньше частью Темной империи, сэр. Это соседи Убервальда.

– А мы на чьей стороне?

– «Правда» утверждает, что мы должны поддержать маленькую Гробдавию и защитить ее от агрессора, сэр.

– Мне уже нравится Борогравия, – прорычал Ваймс. На прошлой неделе «Правда» напечатала особенно нелестную карикатуру на него самого. Но что еще хуже, Сибилла приобрела оригинал и поместила его в рамочку. – И что все это значит для нас?

– Вероятно, новых беженцев, сэр.

– О боги, у нас и так нет места! Почему все они едут сюда?

– Думаю, в поисках лучшей жизни, сэр.

– Лучшей жизни?! – воскликнул Ваймс. – Здесь?!

– Думаю, жизнь там, откуда они уезжают, еще хуже, сэр, – сказал

Моркоу.

– О беженцах какого сорта речь?

– Ну, по большей части они люди, сэр.

– Ты имеешь в виду, что среди них больше людей или что каждый из них большей частью человек? – уточнил Ваймс. Прожив некоторое время в Анк-Морпорке, учишься правильно формулировать подобного рода вопросы.

– Э... Насколько мне удалось выяснить, кроме людей в тех местах обитает только один достаточно многочисленный вид – шлемазлы, сэр. Они живут в лесных чащах и отличаются густым волосяным покровом.

– Правда? Ладно, узнаем о них больше, когда они обратятся с просьбой принять своего представителя в Стражу, – кисло констатировал Ваймс. – Что-нибудь еще?

– Достаточно обнадеживающие новости, сэр, – с улыбкой произнес Моркоу. – Помните гумов? Уличную банду?

– Они опять чем-то отличились?

– Приняли в свои ряды первого тролля.

– Что? Но я думал, они бьют троллей! Что именно для этого они и собрались в банду!

– Очевидно, юному Кальциту тоже нравится бить троллей.

– И это хорошо?

– В некотором смысле, сэр. Полагаю, это шаг вперед.

– Имеешь в виду, ненависть объединяет?

– Думаю, да, сэр, – сказал Моркоу, перелистывая бумаги в папке. – Так, что еще у нас есть... Ах да, патрульная лодка снова потонула...

«В чем я ошибся? – думал Ваймс, слушая перечисляемые жалобы. – Когда-то я был стражником. Настоящим стражником. Гонялся за преступниками. Был *легавым*. Занимался тем, что умел делать хорошо. Мог определить, на какой я улице, просто по форме камней под подошвами башмаков. А теперь посмотрите на меня! Герцог! Главнокомандующий Стражей! Политическое животное! Должен знать, кто и с кем дерется за тысячи миль отсюда, на тот случай если беспорядки вдруг перекинутся сюда!

Когда я в последний раз патрулировал улицы? Неделю назад? Месяц? Да сейчас это и патрулированием-то не назовешь: сержанты сразу оповещают всех, что я покинул штаб-квартиру, и куда б я ни направился, в какой бы глухой уголок ни залез, все констебли у меня на пути почему-то чисто выбриты и от каждого несет средством для чистки доспехов.

(Эта мысль, по крайней мере, вызывала чувство гордости, так как

свидетельствовала о том, что в сержантах дураков не держим.)

Я больше не мокну ночами напролет под дождем, не борюсь за собственную жизнь в сточной канаве с каким-нибудь бандитом, не передвигаюсь быстрее, чем шагом. Все это у меня отобрали. Ради чего?

Комфорта, власти, денег и прекрасной жены.

...ГМ...

...что, конечно, совсем не плохо, но... тем не менее...

Проклятье. Но я больше не стражник, я... управленец. Вынужден нянчиться с членами этого треклятого комитета, словно они дети малые. Хожу на приемы в нелепых игрушечных доспехах. Сплошь политика и бумажная работа. Все это как-то чересчур раздулось...

Куда подевалось то время, когда все было просто?

Рассыпалось прахом, как отцветшая сирень».

Добравшись до дворца, они сразу поднялись по главной лестнице в Продолговатый кабинет.

Когда они вошли, патриций Анк-Морпорка смотрел в окно. Кроме него, в кабинете никого не было.

– А, Ваймс, – сказал патриций, не оборачиваясь. – Мне показалось, ты можешь опоздать. Учитывая недавние события, я отменил заседание. Члены комитета, как и я сам, весьма сожалеют по поводу случившегося с Рукисилой. И тебе ведь пришлось писать официальное письмо.

Ваймс вопросительно посмотрел на Моркоу, тот закатил глаза и пожал плечами. Витинари узнавал обо всем *исключительно* быстро.

– Вы абсолютно правы, – признал Ваймс.

– Да еще в такой прекрасный день, – продолжал Витинари. – Впрочем, я вижу, на город надвигается буря.

Он повернулся к стражникам. К его лацкану была приколата веточка сирени.

– Леди Сибилла хорошо себя чувствует? – спросил он, садясь за стол.

– Еще бы.

– Бывают обстоятельства, когда остается только ждать, – непринужденным тоном заметил Витинари, перебирая бумаги на столе. – Так, посмотрим, посмотрим... Я хотел обсудить с тобой ряд вопросов... Ага... Очередное письмо от наших религиозных друзей из Храма Мелких Богов. – Он аккуратно извлек письмо из пачки и отложил его в сторону. – Думаю, мне стоит пригласить нового дьякона на чашку чая и объяснить ему, что к чему. Так, на чем я остановился... Политическая ситуация... Да?

Дверь открылась, вошел Стукпостук, секретарь Витинари.

– Сообщение для его светлости, – сказал он, но лист бумаги вручил

лорду Витинари.

Патриций, соблюдая этикет, протянул руку через стол и передал послание Ваймсу. Тот развернул лист.

– Прямиком с семафора! – воскликнул он. – Карцера обложили в Новом Зале! Я должен *немедленно* отправиться туда!

– Как волнительно, – ответил патриций, резко поднимаясь из-за стола. – Погоня не ждет. Но, ваша светлость, разве твое личное присутствие обязательно?

Ваймс мрачно посмотрел на него.

– Обязательно, – подтвердил он. – Потому что, если меня там не будет, какой-нибудь дуралей, которого я сам научил поступать по закону, попытается арестовать этого гаденыша. – Он повернулся к Моркоу. – Капитан, немедленно займись! Семафор, голуби, гонцы, кто угодно. Я хочу, чтобы на призыв слетелись все до единого. Но никто, повторяю, никто не должен пытаться арестовать его без подкрепления, причем серьезного подкрепления! Понятно? Вот еще что, поднимай в воздух Свирса! О, проклятье...

– В чем дело, сэр? – спросил Моркоу.

– Сообщение передала Задранец. Прямо сюда, во дворец. Как она там оказалась? Ведь ее дело сидеть в лаборатории. Она не умеет работать на улице! Все делает по уставу!

– А как нужно? – поинтересовался Витинари.

– Иначе. Первым делом Карцеру следует всадить стрелу в ногу. Просто чтобы привлечь его внимание. Сначала стреляешь...

– ...а уж потом задаешь вопросы? – уточнил Витинари.

Ваймс задержался на пороге.

– У меня нет к нему вопросов.

На Саторской площади Ваймсу пришлось сбавить шаг, чтобы отдышаться, и это было отвратительно. Всего несколько лет назад он бы еще только разгонялся! Но надвигающаяся с равнин буря гнала перед собой волну жара, а командующему Стражей не подобает прибывать на место преступления запыхавшимся. Ваймс спрятался за уличным ларьком и сделал несколько глубоких вдохов, но даже после этого он сомневался, что ему хватит дыхания на фразу длиннее чем из трех слов.

У стен Университета он, к своему огромному облегчению, обнаружил капрала Шельму Задранец, целую и нераненую. Она отдала ему честь.

– Докладываю, сэр, – объявила она.

– Ммм, – промычал Ваймс.

– Пара троллей регулировала уличное движение неподалеку, – начала

Шельма, – я направила их к Шлюзовому мосту. Потом появился сержант Детрит, и я приказала... *посоветовала* ему войти в Университет через главные ворота и забраться куда-нибудь повыше. Потом прибыли сержант Колон и Шнобби, их я послала к мосту Возможностей...

– Зачем? – спросил Ваймс.

– Затем, что вряд ли он попытается прорваться там, – с невинным видом ответила Шельма. Ваймс едва удержался, чтобы не кивнуть. – Когда подошли еще люди, я расставила их по периметру. Но я думаю, он забрался на крыши и оттуда не слезет.

– Почему?

– Потому что иначе ему придется прорываться сквозь целую толпу волшебников, сэр. Нет, он предпочтет уйти поверху и спуститься где-нибудь в тихом местечке. В городе достаточно убежищ, а по крышам он сможет добраться до самой Персиковопирожной.

«Лабораторная крыса? – подумал Ваймс. – Ха! Остается надеяться, что про Сварли он не знает».

– Достойно придумано.

– Спасибо, сэр. Не могли бы вы встать поближе к стене, сэр?

– Зачем?

Что-то со звоном отскочило от булыжников. Ваймс вдруг распластался по стене.

– У него арбалет, сэр, – доложила Шельма. – Мы думаем, он забрал его у Рукисилы. Но он плохо умеет с ним обращаться.

– Хвалю, капрал, – только и смог выдать Ваймс. – Отличная работа.

Он оглянулся на площадь за спиной. Ветер всюду трепал маркизы уличных лотков, и торговцы, с тревогой поглядывая на небо, торопливо убрали свой товар.

– Но мы ведь не можем позволить, чтобы он и дальше сидел там, – продолжил Ваймс. – Начнет палить в белый свет, в кого-нибудь да попадет.

– Зачем ему это делать, сэр?

– Карцер не нуждается в причинах, – пожал плечами Ваймс. – Ему вполне хватает повода.

Его внимание привлекло движение высоко над головой, и он широко ухмыльнулся.

Большая птица взмыла над городом.

Цапля, недовольно клекоча, набирала высоту огромными пологими кругами. Глядя, как вертится внизу город, капрал Сварли Свирс еще сильнее сдавил шею птицы коленями и направил цаплю по ветру. Через

мгновение птица уже бежала вперевалку по крыше Башни Искусства, самого высокого здания в городе.

Отточенным движением лепрекон перерезал стропу, которой был привязан портативный семафор, и спрыгнул на толстый слой компоста из листьев плюща и старых вороньих гнезд, устилавших крышу башни.

Цапля наблюдала за ним глупыми круглыми глазами. Сварли приручил ее традиционным лепреконьим способом: красишь себя в зелено-лягушачий цвет, торчишь на болоте, квакаешь, а когда цапля пытается тебя съесть, взбегаешь по ее клюву и вырубает ударом по башке. Пока она не пришла в себя, вдуваешь в ноздри специальное масло (на изготовление его ушел целый день, а воняло так, что все стражники мигом разбежались из караулки), и птица, едва открыв глаза, признает в тебе свою мамочку.

Цапля часто выручала. Она могла перевозить снаряжение. Но для наблюдения за уличным движением Сварли предпочитал ястреба-перепелятника – он лучше умел парить.

Лепрекон вставил рычаги портативного семафора в пазы столба, который тайно установил на башне еще несколько недель назад. Затем достал из седельных сумок цапли крошечный телескоп и привязал его к каменному бордюру, направив почти строго вниз. Сварли любил подобные минуты в своей работе, – минуты, когда он был выше всех.

– Что ж... Посмотрим, что нам видно, – пробормотал он.

Он видел здания Университета. Колокольню Старого Тома и легко узнаваемую глыбу сержанта Детрита среди печных труб. Желтый свет надвигающейся грозы играл бликами на шлемах снующих по улицам стражников. А еще там, внизу, вдоль парапета крался...

– Ага, вот и ты, – прошептал Сварли и потянулся к рукояткам семафора.

– Д... Т... Р... Т... пробел... П... Р... Ч... Т... С... пробел... С... Т... Р... пробел... Т... М... – произнесла Шельма.

Ваймс кивнул. Детрит на крыше рядом со Старым Томом. А его оружие – это осадный арбалет, который даже троим взрослым мужикам не поднять. Кроме того, Детрит приспособил эту махину для стрельбы толстым пучком стрел. Почти все стрелы, не выдерживая напора воздуха и трения, превращались в щепки еще в полете, так что цель накрывало огромное облако острых горящих лучин. Ваймс запретил использовать арбалет против людей, но для проникновения в здания он был незаменим. Этот арбалет открывал переднюю и заднюю двери одновременно.

– Передай, чтобы Детрит сделал предупредительный выстрел, – сказал Ваймс. – Если он попадет в Карцера, мы даже тело не найдем.

«Хотя как раз это я был бы очень не против найти», – добавил он про себя.

– Есть, сэр!

Шельма сняла с ремня выкрашенные в белый цвет лопатки, повернулась в сторону башни и передала короткий сигнал. Далеко наверху Сварли ответил.

– Д... Т... Р... Т... пробел... П... Р... Д... П... Р... Д... Т... пробел... В... С... Т... Р... Л... – пробормотала едва слышно Шельма, передавая сообщение.

С башни отсемафорили подтверждение. Через мгновение оттуда взлетела и взорвалась высоко в небе красная ракета. Это был верный способ привлечь внимание. Затем Ваймс увидел, как лепрекон передает сообщение. Окружавшие Университет стражники, прочитав, какой приказ получил Детрит, поспешно юркнули в дверные проемы. Все прекрасно знали, на что способен арбалет.

Троллю потребовалось несколько секунд, чтобы перевести сигналы в буквы и сложить их вместе. Затем раздался далекий глухой удар, за которым последовал гул, словно над городом пролетел рой адских пчел, а потом послышался грохот осыпающихся черепицы и штукатурки. На площадь обрушился целый град из черепичных обломков. В нескольких ярдах от Ваймса на мостовую упала дымящаяся печная труба.

Следом посыпались пыль, щепки и пролился ласковый ливень из голубиных перьев.

Ваймс стряхнул штукатурку со шлема.

– Ну что ж, пожалуй, предупреждение он получил.

Рядом с трубой на землю упала половина флюгера.

Шельма сдула перья с телескопа и снова навела его на крышу башни.

– Сварли передает, преступник перестал двигаться, сэр, – доложила она.

– Правда? Ну надо же. – Ваймс поправил ремень. – А теперь можешь отдать мне свой арбалет. Я лезу туда.

– Но, сэр, вы же говорили, что никто не должен пытаться его арестовать! Вот почему, когда мы его обложили, я немедленно связалась с вами!

– Все верно. Его арестую я. Прямо сейчас. Пока он пересчитывает свои части тела, чтобы убедиться, все ли на месте. Кстати, передай Детриту, что я поднимаюсь, – мне не хочется закончить жизнь в виде ста шестидесяти фунтов субпродуктов. И перестань открывать рот. Пока подойдет тяжеловооруженное подкрепление, пока мы всех расставим по

местам, он успеет где-нибудь спрятаться.

Последние слова он произнес уже на бегу.

Ваймс распахнул дверь и нырнул в здание. В Новом Зале жили студенты, но в половине одиннадцатого почти все они еще валялись в постелях. Несколько голов высунулись из дверей, пока Ваймс трусцой бежал по коридору, направляясь к лестнице в дальнем его конце. На верхний этаж он поднялся уже шагом и с куда меньшей уверенностью в своем будущем. Так, кажется, ему уже приходилось здесь бывать... Верно, вон за той приоткрытой дверью виднеются швабры и ведра – там чулан уборщицы.

А из него на крышу ведет приставная лестница.

Ваймс аккуратно взвел арбалет.

Итак, у Карцера тоже арбалет стражника. Надежная классическая однозарядная модель, на перезарядку которой требуется немало времени. Если Карцер выстрелит в Ваймса и промахнется, на второй выстрел времени у него не останется. И после этого... все будет как будет.

Ваймс начал подниматься по лестнице, и тут в ушах у него снова зазвучала старая песенка.

– Поднимают ноги и летят, и летят, и летят... – прошептал он себе под нос.

Ваймс остановился так, чтобы его голова была чуть ниже кромки люка, ведущего на плоский участок крыши. Не стоит и надеяться обмануть Карцера старым, как мир, трюком под названием «шлем на палочке», особенно учитывая то, что у него есть всего один выстрел. Придется рисковать.

Ваймс высунул голову, быстро огляделся и, на мгновение вновь скрывшись в проеме, стремительно выскочил из люка, неуклюже перекатился и поднялся на корточки. На крыше никого не было. Ваймс все еще был жив. Он вздохнул с облегчением.

Чуть в стороне над плоским участком, где сидел Ваймс, круто вздымалась остроконечная крыша. Ваймс подполз к ней, прижался к густо посыпанной щепками дымовой трубе и поднял взгляд на башню.

Небо над головой было иссиня-черным. Катясь через равнины, бури обретали немало индивидуальности, но нынешняя, похоже, грозила побить все рекорды. И все же ослепительные солнечные лучи еще падали на Башню Искусства, высвечивая отчаянные сигналы Сварли...

О... О... О...

Офицер в беде. Брат в опасности.

Ваймс резко обернулся – нет, никто не пытался подобраться к нему со

спины. Тогда он крадучись обогнул дымоход и в рощице печных труб обнаружил того, кого искал. Карцер спрятался так, что его не мог видеть никто, кроме Ваймса и поднебесного Сварли.

Карцер прицеливался.

Ваймс отыскал взглядом цель.

В ста шагах от него по крыше факультета высокоэнергетической магии пробирался Моркоу.

Этот идиот так и не овладел искусством маскировки. Да, он вроде бы сгибался в три погибели, но, вопреки всякой логике, от этого делался лишь более заметным. Он так и не научился становиться невидимым. И сейчас, ковыляя по заваленной мусором крыше, он бросался в глаза, как здоровенная утка в крошечной ванне. А кроме того, он заявился сюда без подкрепления.

Болван...

Карцер тщательно прицеливался. Крыша факультета высокоэнергетической магии представляла собой лабиринт из всевозможных, порой уже ненужных механизмов, и как раз в эти мгновения Моркоу пересекал площадку, где были установлены бронзовые яйцевидные шары, прозванные в народе «яйцами волшебников». Эти самые «яйца» отвечали за сброс избыточной магии, если, вернее, когда опыты в зале этажом ниже заканчивались неудачно. Заслоняемый «яйцами» Моркоу представлял собой не самую легкую мишень.

Ваймс вскинул арбалет.

Над городом прокатился гром. Именно прокатился. Словно некий гигантский металлический куб слетел вниз по лестнице богов, и каждый его глухой удар о ступени разрывал небо пополам и сотрясал здание.

Карцер поднял взгляд и увидел Ваймса.

– И шо там такое, а, шударь?

Сварли не стал оглядываться. В эту минуту никому не удалось бы оторвать его от телескопа, даже при помощи лома.

– Заткнитесь, глупые птицы! – отмахнулся он.

Оба человека внизу выстрелили, и оба промахнулись, потому что пытались стрелять и уклоняться одновременно.

– Не, ну шо там такое, а, шударь? – не сдавался настойчивый голос.

Сварли обернулся. Оказалось, за его спиной собралась дюжина потрепанных воронов, похожих на стариков в мешковатых плащах. Вороны были коренным населением крыши. Воздух тут насквозь пропитался магией, и жизнь в подобной среде на протяжении сотни поколений подняла

интеллектуальный уровень этих и без того разумных птиц до небывалых высот. Но это еще не означало, что они стали умными. Просто их дурость приобрела некую настырность, поскольку происходящее в городе стало для этих птиц своего рода эквивалентом развлекательного телевидения.

– Да отвалите вы! – рявкнул Сварли и снова прильнул к телескопу.

Карцер бежал по крыше, Ваймс преследовал его, и *тут с неба обрушился град...*

Весь мир стал белым. Град молотил по крыше, от ударов звенел шлем. Градины размером с его голову отскакивали от каменной кладки и рикошетом били Сварли в живот. Отчаянно ругаясь и прикрывая лицо руками от нескончаемого потока ледяных шариков, каждый из которых обещал наполнить ближайшее будущее невыносимой болью, он скользя покатился по ледяной корке. Кое-как Сварли удалось добраться до увитой плющом арки между двумя башенками, где уже нашла укрытие цапля. Там ледяная шрапнель по-прежнему жалила его, но он, по крайней мере, мог дышать и видеть.

Острый клюв клюнул его в спину.

– И шо вше это такое, а, шударь?

Карцер тяжело приземлился на арочное перекрытие между студенческим залом и главным зданием, едва не потерял равновесие на скользкой черепице и на мгновение замер. Арбалетная стрела, выпущенная стоящим внизу стражником, оцарапала ему ногу.

Ваймс рухнул на крышу за его спиной точно в тот миг, когда налетел град.

Ругаясь и оскальзываясь, преследующий и преследуемый побежали по перекрытию. Карцер первым добрался до зарослей плюща, поднимавшихся по стене к крыше Библиотеки, и начал отчаянно карабкаться вверх, рассыпая во все стороны льдинки.

Ваймс схватился за стебли плюща, когда Карцер уже перевалился на плоскую крышу. Услышав грохот, он оглянулся и увидел, как Моркоу пробирается к нему вдоль стены факультета высокоэнергетической магии. Градины разбивались о него на ледяные осколки, и Моркоу шел в сверкающем облаке.

– Оставайся там! – закричал Ваймс.

Ответ Моркоу потонул в ужасающем грохоте.

Ваймс отчаянно замахал руками, но, чуть не свалившись, вынужден был снова схватиться за плющ.

– Стой на месте, мать-перемать! – заорал он. – Это *приказ!* Сгинешь ни

за что!

После чего Ваймс повернулся и полез вверх по мокрым, скользким стеблям.

Ветер стих, на крышу упали последние градины.

Ваймс остановился в нескольких футах от кромки библиотечной крыши, уперся ногами в переплетение древних стеблей и постарался как можно крепче уцепиться правой рукой.

Затем он резко выбросил тело вверх, перехватил левой рукой нацеленный в голову удар башмаком и толкнул ногу Карцера назад, лишая его равновесия. Преступник упал, поскользнувшись на ледяных шариках, попытался встать, но снова упал. Ваймс к тому времени полностью вылез на крышу, встал, сделал шаг и понял, что ноги его разъезжаются в разные стороны. Потом они с Карцером опять поднялись, опять сделали по шагу и опять рухнули как подкошенные.

Карцер лежа пнул Ваймса в плечо, отчего они заскользили по льду в противоположных направлениях, потом развернулся и на четвереньках уковылял за огромный библиотечный купол из стекла и металла. Схватившись за ржавую раму, он встал на ноги и достал нож.

– Ну, иди и возьми меня, – предложил он, и вслед его словам раздался очередной раскат грома.

– А зачем? – откликнулся Ваймс. – Мне-то спешить некуда.

«По крайней мере, пока не переведу дыхание», – мысленно добавил он.

– Почему ты преследуешь меня? Что такого я сделал?

– Пара-другая убийств? Не? Ничего не припоминаешь? – спросил Ваймс.

Если бы оскорбленная невиновность была валютой, лицо Карцера стоило бы бешеных денег.

– Ничего не знаю ни о каких...

– Не надейся, Карцер, я с тобой в эти игры играть не буду. Так что завязывай.

– Хочешь взять меня живым, а, ваша светлость?

– Сам знаешь, что не хочу. Но люди считают, что так будет правильнее.

Слева донеслись грохот черепицы и стук, когда огромный осадный арбалет опустился на край крыши. Через мгновение над ним появилась голова Детрита.

– Прощайте меня, господин Ваймс. Уж больно под ентим градом трудно лазить. Так, а теперь чуток в сторонку...

– И ты позволишь ему *выстрелить* в меня? – воскликнул Карцер,

отбросив нож. – В безоружного человека?

– Который пытался бежать, – парировал Ваймс.

Но дело начинало принимать дурной оборот. Он чувствовал это своей шкурой.

– Кто? Я? Да я ж стою на месте. Ха-ха!

Вот оно. Треклятый смех в довесок к треклятой ухмылке. Он всегда был совсем рядом, этот мерзкий смешок. Простым «ха-ха» его не передать, не выразить всю его гадость. Тут все дело было в интонации: это покровительственное хихиканье как бы говорило, что на самом деле все очень смешно, просто ты не уловил соль шутки.

Но ведь нельзя же стрелять в человека только потому, что его смех тебя бесит. А Карцер стоял на месте. Вот если бы он убежал, можно было бы выстрелить. И хотя теоретически Детрит мог целиться в ноги, от его оружия пострадают и ноги всех тех, кому случится быть в округе.

Так или иначе, Карцер просто стоял и ждал, оскорбляя весь мир своим существованием.

Нет, он не просто стоял. Одним движением он вдруг запрыгнул на нижний железный обод, опоясывающий купол Библиотеки. Стекла – те, что уцелели после внезапной атаки града, – заскрипели в своей раме.

– Стой на месте! – взревел Ваймс. – И немедленно спускайся!

– Да куда я отсюда денусь? – с ухмылкой спросил Карцер. – Просто жду, когда ты меня арестуешь. Слушай, а отсюда твой дом видно!

«Что находится под куполом? – лихорадочно думал Ваймс. – Как высоко вздымаются стеллажи? В Библиотеке ведь несколько этажей? И галереи, заставленные стеллажами? Но купол виден с самого нижнего этажа, верно? Впрочем, с купола можно запрыгнуть на галерею. Рискованно, конечно, но если человек собрался прыгать...»

Он очень осторожно подошел к краю купола. Карцер залез чуть выше.

– Предупреждаю, Карцер...

– Только для поднятия духа, ваша светлость, ха-ха! Нельзя мешать человеку наслаждаться последними мгновениями свободы, верно ведь?

«Отсюда твой дом видно...»

Ваймс прыгнул на купол. Карцер восторженно завопил.

– Молодец, господин Ваймс! – воскликнул он, карабкаясь к вершине.

– Не шути со мной, Карцер. Тебе же хуже будет!

– А куда хуже-то? – Карцер посмотрел вниз сквозь разбитое стекло. – Высоко, господин Ваймс. Думаю, если кто грохнется с такой высоты, сразу оочурится.

Ваймс опустил взгляд, и тут Карцер прыгнул.

Но он просчитался. Ваймс предвидел этот трюк. После короткой схватки Карцер оказался распростертым на решетке купола, а сверху на нем восседал Ваймс, не давая вытащить одну руку и ожесточенно колотя по раме второй его рукой. Наконец по поверхности купола покатился нож.

– За дурака меня держишь? – прорычал Ваймс. – Ты бы ни за что не выбросил нож, если бы у тебя не было в запасе другого!

Их лица были так близко, что Ваймс мог видеть, как демоны в глазах Карцера приветственно машут ему. Карцер широко ухмылялся.

– Ты делаешь мне больно, а это запрещено!

– Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось, Карцер, – пояснил Ваймс. – Хочу, чтобы ты предстал перед его сиятельством. Хочу, чтобы ты сознался хоть в одном преступлении. Хочу увидеть, как эта идиотская ухмылка будет стерта с твоего лица. Сержант Детрит!

– Сэр! – откликнулся с далекого конька крыши тролль.

– Передай сигнал. Пусть стражники поднимутся сюда. Мы с Карцером тихонечко дождемся их. Он обещал не шалить.

– Есть, сэр. – Тролль исчез из виду, сопровождаемый грохотом гбнущей черепицы.

– Жаль, ты прогнал капитана Моркоу, – пробормотал Карцер. – Ему не нравится, когда обижают невинных горожан...

– Все верно, ему еще предстоит освоить все тонкости уличной работы как таковой, – ответил Ваймс, не ослабляя хватки. – Кстати, я не делаю тебе больно. Я тебе жизнь спасаю. А то еще упадешь с такой высоты и расшибешься.

Снова прогремел гром. Небо уже не было по-грозовому черным. На тучах появились розовые и лиловые, как синяки, пятна. На глазах у Ваймса облака принялись сплетаться и извиваться, будто змеи в мешке, под непрерывные мрачные раскаты. Волшебники, что ли, с погодой балуются, подумал Ваймс.

Что-то произошло с самим воздухом. Он приобрел вкус перекаленного металла и кремня. На шпиле купола бешено завращался флюгер.

– Никогда не держал тебя за дурака, господин Ваймс.

– Что? – переспросил Ваймс, резко опуская взгляд.

Карцер жизнерадостно улыбался.

– Я сказал, что никогда не держал тебя за дурака, господин Ваймс. Знал, что такого умного стражника, как ты, фокусом с двумя ножами не проведешь.

– Ну да, ну да... – пробормотал Ваймс, чувствуя, как волосы на голове встают дыбом.

По раме купола, даже по доспехам пробежали похожие на голубых многоножек искры.

– Господин Ваймс?

– Ну что тебе?! – рявкнул Ваймс.

Подшипники флюгера начали дымиться.

– На самом деле, господин Ваймс, у меня три ножа, – сказал Карцер, вскидывая руку.

Ударил молния.

Окна вылетели, железные водосточные трубы расплавились. Крыши поднялись в воздух и опустились на место. Здания содрогнулись.

Буря проделала долгий путь по равнинам, толкая перед собой волну естественной фоновой магии. А теперь взяла и разом все это сбросила.

Потом говорили, что молния угодила в часовую мастерскую на улице Искусных Умельцев, из-за чего там остановились все часы. Но это были еще пустяки. На Пекарной улице двое молодых людей, увидевших друг друга впервые в жизни, вдруг почувствовали такое электрическое притяжение, что спустя пару дней им пришлось пожениться.

В Гильдии Наемных Убийц главный оружейник сделался невероятно и, поскольку в тот момент он находился в оружейной, *трагически* притягателен для металлов. Яйца сварились в корзинах, яблоки запеклись на лотках зеленчиков. Самовольно вспыхнули свечи. Принялись рваться фейерверки. А изысканно украшенная оловянная ванна аркканцлера Незримого Университета аккуратно оторвалась от пола, пролетела через кабинет на балкон, выпорхнула наружу и опустилась на восьмиугольную лужайку несколькими этажами ниже, расплескав не больше горсти пенной воды.

Аркканцлер Наверн Чудакулли замер – банная щетка на длинной ручке тоже замерла, так и не коснувшись спины, – и настороженно огляделся.

Черепица сыпалась на землю. В декоративном фонтане рядом закипела вода.

Чудакулли едва успел пригнуться, когда над лужайкой просвистело и влетело в окно, брызнув осколками, чучело барсука неизвестного происхождения.

Потом аркканцлер слегка поморщился, когда на него обрушилась совершенно необъяснимая порция звонкого града из маленьких шестеренок.

Затем, сопровождаемый аркканцлеровым взором, через восьмигранник лужайки пробежал отряд стражников и скрылся в Библиотеке.

И вот уже после этого аркканцлер оперся на края ванны и встал. Мыльная вода хлынула с него потоками, аки пена с древнего левиафана, восставшего из бездны морской.

– Господин Тупс! – взревел Чудакулли, и голос его громовым эхом отразился от каменных стен, раскатившись далеко вокруг. – Где, вашу мою шляпа?

Аркканцлер снова сел и стал ждать.

Через несколько минут полной тишины из главной двери выбежал запыхавшийся глава факультета нецелесообразной магии и почетный лектор Незримого Университета Думминг Тупс с остроконечной шляпой аркканцлера в руках.

Чудакулли выхватил из его рук шляпу и нахлобучил ее на голову. После чего снова встал.

– Отли А теп будь любез объяс что исходи возьми? И почему Старый Том непрерывно нит?

– магия ая-то, сэр! Я кого-нибудь рить механизм! – закричал в ответ Думминг сквозь периодически накатывающие приливы тишины, поглощающие все звуки в округе^[3].

Со стороны часовой башни донесся затихающий металлический звон. Думминг и Чудакулли подождали немного, но не услышали ничего, кроме обычного городского шума типа грохота рушащихся стен и далеких пронзительных воплей.

– Ну хорошо, – констатировал Чудакулли, с неохотой выставляя миру сносную оценку за проявленное усердие. – Тупс, что происходит? И почему в Библиотеке стражники?

– Мощная магическая буря, сэр. Несколько тысяч гигахар. Мне кажется, Стража преследует преступника.

– Но это еще не значит, что они могут без разрешения бегать тут повсюду, – заявил Чудакулли, вылезая из ванны и решительно направляясь в сторону Библиотеки. – В конце концов, за что мы платим налоги?

– Э... Мы не платим налоги, сэр, – заметил Думминг, с трудом поспевая за ним. – Вся фишка в том, что мы обещаем заплатить налоги, если город попро сит, при условии, что город никогда не попросит сэр. Мы лишь делаем добровольные...

– Ну, по крайней мере, существует *договоренность*, Тупс.

– Конечно, сэр. Позвольте заметить, вы...

– А это значит, что они должны спрашивать *разрешения*! Приличия нужно соблюдать, – непререкаемым тоном заявил Чудакулли. – А я – глава этого учебного заведения.

– Кстати о приличиях, сэр, по существу, на вас нет...

Чудакулли решительно вошел в распахнутые двери Библиотеки.

– Итак, что здесь происходит? – громогласно спросил он.

Стражники обернулись – и застыли, разинув рты. Большой комок пены, до этого мгновения отважно стоявший на страже тех самых приличий, медленно сполз на пол.

– Что? – рявкнул аркканцлер. – Волшебника никогда не видели?

Один из стражников вытянулся по стойке «смирно» и отдал честь.

– Капитан Моркоу, сэр. Столько волшебника – никогда, сэр.

Чудакулли ответил ему лишенным выражения взглядом, который, как правило, применяют люди, страдающие острой недостаточностью сообразительности.

– Тупс, что он имеет в виду? – спросил он, едва шевеля губами.

– Вы... э... не вполне одеты, сэр.

– Что? Но моя шляпа, она у меня на голове?

– Да, сэр, но...

– Шляпа = волшебник, волшебник = шляпа. Все остальное – наносная мишура. Кроме того, я уверен, что все мы человеки, – добавил Чудакулли и только после этого удосужился оглядеться и заметить некоторые подробности в облике стражников. – Ну и... гномы... А еще тролли... И, как вижу, женщины... – Аркканцлер замолчал на мгновение и произнес: – Господин Тупс?

– Да, сэр?

– Будь добр, поднимись в мои покои и принеси мою мантию.

– Конечно, сэр.

– А пока, будь добр, одолжи мне на время *свою* шляпу.

– Но у вас ведь уже есть шляпа. На голове, сэр, – заметил Думминг.

– Именно так, именно так, – произнес Чудакулли медленно и отчетливо сквозь застывшую на губах улыбку. – Тем не менее, господин Тупс, дополнительно к *моей* я хочу, чтобы *ты* одолжил мне *свою* шляпу. Пожалуйста.

– О! – воскликнул Думминг. – Э... Конечно...

Через несколько минут совершенно чистый и благопристойно одетый аркканцлер стоял в самом центре Библиотеки и смотрел на поврежденный купол. Рядом с ним Думминг Тупс, который по какой-то неведомой причине предпочел остаться с непокрытой головой, хотя давным-давно получил назад свою шляпу, с мрачным видом таращился на магические приборы.

– Совсем ничего? – спросил Чудакулли.

– У-ук, – ответил библиотекарь^[4].

– Везде посмотрел?

– Он не мог посмотреть везде в этой Библиотеке, сэр, – сказал Думминг. – На это, вероятно, потребуется больше времени, чем его вообще существует. Но библиотекарь определенно осмотрел все стеллажи, относящиеся к данной вселенной. Гм.

Моркоу повернулся к Думмингу.

– Что означает это «гм», сэр?

– Видишь ли, это волшебная библиотека. А это значит, что даже при нормальных обстоятельствах книжные стеллажи обладают высоким магическим потенциалом.

– Мне уже приходилось здесь бывать, – заметил Моркоу.

– Тогда ты должен знать, что время в библиотеках... в некотором роде более гибкое, чем обычно, – продолжал Думминг. – С учетом дополнительной мощности бури вполне возможно, что...

– Вы хотите сказать, он переместился во времени? – спросил стражник.

Думминг был потрясен до глубины души. Прожитые годы и полученное образование не позволяли ему поверить в существование умного стражника. Впрочем, он приложил все усилия, чтобы ничем не выдать своего удивления.

– Если бы все было так просто, – откликнулся он. – Судя по всему, молния добавила случайную латеральную переменную...

– Что? – спросил Чудакулли.

– То есть не только во времени, но и в пространстве? – уточнил Моркоу.

Этот вопрос добил Думминга. Неволшебники не должны соображать так быстро.

– Не... совсем, – произнес он и сдался. – Мне нужно поработать над этим, аркканцлер. Некоторые показания приборов не могут, не должны соответствовать действительности!

Ваймс понимал, что пришел в себя. Он видел темноту, слышал шум дождя, чувствовал жуткую боль – нестерпимо болела половина лица.

Еще один очаг усиливающейся боли находился в затылке. А еще, судя по всему, Ваймса болтало из стороны в сторону.

А потом появился свет.

Он видел его сквозь веки. По крайней мере, сквозь левое веко. Справа

не было ничего, кроме боли. Сочтя за лучшее не открывать пока глаза, он напряг слух.

Кто-то ходил рядом. Зазвенело что-то металлическое. А потом женский голос произнес:

– Он очнулся.

– Ты уверена? – спросил мужской голос. – Откуда ты знаешь?

– Я всегда чувствую, спит мужчина или нет, – сказала женщина.

Ваймс открыл глаз. Он лежал на скамье или каком-то столе. Рядом, прислонившись к стене, стояла молодая женщина. По ее платью, осанке и манере стоять стражнический мозг Ваймса мгновенно определил: белошвейка, но из сообразительных. Мужчина был одет в длинный черный балахон и дурацкую шляпу с обвисшими полями, что вызвало в голове Ваймса отчаянный сигнал тревоги: «Помогите, я в лапах у лечилы!»

Ваймс резко сел.

– Посмеешь до меня дотронуться – врежу! – рявкнул он, пытаясь спустить ноги со стола.

Половину головы мгновенно объяло пламя.

– На твоём месте я бы не стал так спешить, – сказал лекарь, осторожно укладывая его обратно на стол. – Порез скверный, и не притрагивайся к повязке на глазу!

– Порез? – переспросил Ваймс, касаясь пальцами грубой ткани повязки. Воспоминания сложились в единую картину. – Карцер! Его удалось задержать?

– Кто бы на тебя ни напал, его уже и след простыл, – ответил лекарь.

– После падения с такой высоты? – спросил Ваймс. – По меньшей мере, он должен хромать. Послушай, мне нужно...

Потом он обратил внимание на остальное. Подсознание и прежде подмечало детали, но только сейчас представило весь список.

На нём была чужая одежда.

– Куда подевался мой мундир? – спросил он и заметил, как девушка посмотрела на лекаря с выражением «ну, я же говорила».

– Тебя раздели до подштанников и оставили валяться на улице, – пояснила она. – Дома я нашла тебе подходящие шмотки. И чего только мужики не забывают...

– А кто взял мои доспехи?

– Имен не знаю, так проще живётся, – откликнулась девушка. – Видела лишь, как какая-то шайка убегала с твоими вещами.

– Обычные воры? А квитанцию они не оставили?

– Нет! – засмеялась она. – А должны были?

– А нам разрешено задавать вопросы? – спросил лекарь, раскладывая свои инструменты.

Все было как-то неправильно...

– Ну, это... Спасибо, конечно, – пробормотал Ваймс.

– Как тебя зовут?

Рука Ваймса замерла на полпути к лицу.

– Вы что, меня не знаете? – спросил он.

– А должны? – удивился лекарь.

И впрямь, все очень даже неправильно...

– Но мы же в Анк-Морпорке, да? – уточнил Ваймс.

– Э... Да, – ответил лекарь и повернулся к девушке. – Удар по голове, – сказал он, – но я не думал, что будет *настолько* плохо...

– Слышите, мое время денег стоит, – буркнула девушка. – Ты кто такой, господинчик?

Каждый человек в городе знал Ваймса. Уж Гильдия-то Белошвеек определенно знала. И лекарь не выглядел непроходимым тупицей. Может, сейчас не время быть абсолютно правдивым. Может, Ваймс оказался в таком месте, где быть стражником не совсем разумно. Где быть Ваймсом опасно, а он не совсем хорошо себя чувствовал, чтобы выкручиваться из трудных положений.

– Киль, – сказал он.

Имя просто пришло ему в голову, оно пузырилось под поверхностью мыслей весь день, с тех пор как он увидел сирень.

– Молодец, – с улыбкой произнесла девушка. – Фамилию придумал, осталось придумать имя.

– Джон, – сказал Ваймс.

– Сойдет. Ладно... *Джон*, такое дело... Валяющиеся на улице голые мужики – не такая уж большая редкость в этих местах. Забавно, но мало кто из них рвется назвать свое настоящее имя или адрес. Ты не первый, кого заштопал доктор Газон. Меня зовут Роза. Кстати, неплохо бы обсудить гонорар. Ну, нам обоим, сечешь?

– Хорошо, хорошо, я все понял, – откликнулся Ваймс, поднимая руки. – Мы в Тенях, верно?

Оба кивнули.

– Ладно. Спасибо вам. Как видите, у меня нет денег, но как только я вернусь домой...

– Я тебя провожу, не возражаешь? – вызвалась девушка, передавая ему сюртук нелепого покроя и пару древних башмаков. – А то вдруг ты опять чего лишишься. Памяти, например.

Ваймс огрызнулся, но очень осторожно. Лицо болело, все тело ныло от ушибов, обноски, что были на нем, воняли сортиром. Он собирался заскочить в штабквартиру, помыться, переодеться, написать короткий рапорт о случившемся и направиться домой. А эта молодая дамочка проведет ночь в камере, а утром ее передадут Гильдии Белошвеек. Там весьма строго относятся к тем, кого ловят на подобном вымогательстве. Это скверно влияет на репутацию.

– Ладно, ладно... – пробурчал он.

И надел башмаки. Подошвы были сделаны из тонкого влажного картона, и башмаки жали.

Доктор Газон махнул рукой, словно отправляя их в путь.

– Поступай как знаешь, Розы. А тебе, господин Киль, советую не снимать повязку еще несколько дней. Если повезет, глаз будет в полном порядке. Кто-то полоснул тебя по лицу острым ножом. Я сделал все, что мог, заштопал в лучшем виде, но шрам останется.

Ваймс снова вскинул руку к щеке.

– И лапами не хватай! – рявкнул Газон.

– Пошли... Джон, – потянула его Розы. – Доставлю тебя домой в наилучшем виде.

Они вышли на улицу. Вода капала с карнизов, хотя дождь уже прекратился.

– Я живу рядом с Псевдополис-Ярдом, – сообщил Ваймс.

– Показывай дорогу, – ответила Розы.

Они не дошли и до конца улицы, когда Ваймс заметил две темные фигуры, пристроившиеся за ними. Он хотел обернуться, но Розы схватила его за руку.

– Не трогай их, и они не тронут тебя, – прошипела она. – Они просто защищают.

– Кого? Тебя или меня?

Розы рассмеялась.

– Обоих.

– Да, просто будь паинькой и шагай куда надо, а мы будем вести себя тихо, как мышки, – раздался за его спиной пронзительно-скрипучий голос.

Другой голос, более низкий, добавил:

– Все верно, миленок. Просто веди себя хорошо, и тетушка Дотси не станет открывать свою сумочку.

– Это же Дотси и Сади! – воскликнул Ваймс. – Тетушки Милосердия. Уж они-то знают, кто я такой!

Он обернулся.

Темные фигуры, обе в старомодных черных соломенных капорах, отступили на шаг. Из темноты донесся приглушенный металлический лязг, и Ваймс усилием воли заставил себя не делать резких движений. Никогда нельзя быть уверенным в том, чем именно закончится встреча с Тетушками Милосердия, хотя они и выступали, более или менее, на стороне Стражи. Конечно, именно поэтому их услуги было трудно переоценить. Любой клиент, нарушивший покой в одном из местных домов с солидной репутацией, боялся Тетушек гораздо больше, чем Стражу. Стража действовала по правилам. И у Стражи не было сумки тетушки Дотси. А какие кошмарные вещи творила Сади своим зонтиком, украшенным головой попугая...

– Привет, – поздоровался он. – Дотси? Сади? Хватит валять дурака.

Что-то уперлось ему в грудь. Он опустил взгляд и увидел резное украшение в виде головы попугая.

– Просто иди, дорогуша, – раздался голос.

– Пока у тебя есть пальцы на ногах, миленок, – добавил другой голос.

– А что, хорошая мысль, – встряла Роза, хватая Ваймса за руку. – Впрочем, тебе удалось произвести на них впечатление.

– С чего ты взяла?

– Ну, ты не валяешься на земле и не издаешь булькающие звуки. Пошли дальше, таинственный незнакомец.

Ваймс уставился вперед, выискивая взглядом синий огонек Псевдополис-Ярда. Сейчас он его увидит, и все станет хорошо, все наладится.

Но, подойдя к дому, он увидел, что никакого синего фонаря над аркой нет. Свет горел лишь в нескольких окнах верхнего этажа.

Ваймс принялся барабанить в дверь, пока та не приоткрылась.

– Что здесь происходит? – спросил он у носа и одного глаза, которые являли собой всю видимую составляющую человека за дверью. – Прочь с дороги!

Он распахнул дверь и вошел.

Это была совсем не штаб-квартира. По крайней мере, внутри. Лестница оказалась на прежнем месте, все верно, но комнату для задержанных зачехлили перегородили стенкой, на полу постелили ковры, а на стенах развесили гобелены... А еще тут была служанка с подносом в руках, которая сразу выронила поднос и громко заверещала.

– Где все мои стражники?! – заорал Ваймс.

– Убирайтесь немедленно, слышите? Вы не имеете права так врываться в дом! Выметайтесь!

Ваймс повернулся лицом к старику, который открыл ему дверь. Старик был похож на дворецкого, и где-то он взял дубину. Конец дубины ходил ходуном – возможно, от волнения или из-за свойственной почтенному возрасту дрожи. Ваймс выхватил оружие из его рук и швырнул на пол.

– Да что тут вообще происходит? – рявкнул он.

На лице старика была написана та же растерянность, которую ощущал сам Ваймс.

Вдруг он почувствовал, как все его естество захлестывает ужас. Ваймс рванулся к открытой двери и выбежал в мокрую ночь. Розы и Тетушки растворились во мраке, как и полагается ночным обитателям города при первых признаках опасности, и Ваймс, расталкивая пешеходов и периодически натываясь на случайные телеги, побежал в сторону Королевского проезда.

На Лепешечной улице у него открылось второе дыхание, и совсем скоро он свернул на дорожку, ведущую к дому. Ваймс не знал, что его ждет, заметил только, что дом выглядит нормально и по обе стороны от стены горят факелы. Гравий привычно захрустел под ногами.

Он хотел было забарабанить в дверь, но заставил себя сдержаться и позвонил.

Через мгновение дверь открыл дворецкий.

– Хвала богам! – воскликнул Ваймс. – Это я, старина. Попал в переделку. Волноваться не о чем. Как дела у...

– Что вам нужно? – холодно осведомился дворецкий и отошел на шаг, отчего свет из холла упал на его лицо.

Ваймс никогда прежде не видел этого человека.

– А что случилось с Вилликинсом? – спросил он.

– С посудомойщиком? – Тон дворецкого стал и вовсе ледяным. – Если ты его родственник, советую пройти к черному входу. Следовало бы знать, что парадный вход не для тебя.

Пока Ваймс пытался понять, что делать дальше, его кулак решил не ждать своего хозяина и одним ударом свалил дворецкого с ног.

– Извини, нет времени на всякую ерунду, – сказал Ваймс, переступая через его тело.

Выйдя на середину зала, он сложил ладони в воронку и поднес ко рту.

– Госпожа Контент? Сибилла? – завопил он, чувствуя, как внутренности завязываются узлом от ужаса.

– Да? – донесся голос из комнаты, которую Ваймс всегда называл Кошмарно-Розовой гостиной, и на пороге появилась Сибилла.

Это действительно была Сибилла. Ее голос, ее глаза, ее манера

держаться. Вот только годы не ее. Эта девушка была слишком молода, чтобы быть Сибиллой...

Она перевела взгляд с него на распростертого на полу дворецкого.

– Это вы так обошлись с Форсайтом?

– Я... э... я... Произошла ошибка, – пробормотал Ваймс и попятился к двери.

Но Сибилла уже снимала со стены меч. Этот меч был не просто украшением холла. Ваймс не помнил, училась ли его жена фехтованию, но несколько футов острой стали представляют значительную угрозу даже в руках рассерженного любителя. Кроме того, иногда любителям везет.

Он поспешил отступить.

– Произошла ошибка... Не тот дом... Не тот дворецкий... – Ваймс споткнулся о поверженного слугу, едва не упал, перешел на неуверенную трусцу и кубарем скатился с крыльца.

Мокрые листья хлестали его по лицу, пока он продирался сквозь заросли к воротам, и, только оказавшись на улице, он позволил себе прислониться к стене и перевести дух.

Проклятая Библиотека! Он ведь слышал как-то раз, что в ней можно пройти сквозь время, ну или что там еще! Все эти волшебные книги, собранные в одном месте, творят всякую дрянь.

Сибилла была такой молодой... Выглядела лет на шестнадцать! Неудивительно, что он не нашел свою штаб-квартиру в Псевдополис-Ярде! Они переехали туда всего несколько лет назад!

Дешевые обноски, что были на нем, насквозь промокли. А где-то дома висел его огромный кожаный плащ, пропитанный маслом, теплый, как тост...

Думай, думай, не давай ужасу овладеть тобой...

Может быть, стоит вернуться и попытаться все объяснить Сибилле? В конце концов, она ведь настоящая Сибилла? А Сибилла всегда отличалась добротой к несчастным, побитым жизнью существам. Но даже самое мягкое сердце не может не ожесточиться, если в дом врывается гнусный тип со свежим шрамом на морде и в грязных лохмотьях и заявляет, что станет твоим мужем. Молодая женщина может истолковать все происходящее несколько превратно, а это было бы нежелательно, особенно когда у нее в руках меч. Кроме того, лорд Овнец, скорее всего, еще жив, а он, насколько мог припомнить Ваймс, всегда был кровожадной сволочью.

Ваймс обессиленно прислонился к стене, потянулся в карман за сигарой, и тут его охватил очередной приступ ужаса.

В кармане ничего не было. Совсем ничего. Не только «Тонких

Цыгарок Горлодера», но и, что куда хуже, портсигара...

Портсигар был изготовлен на заказ. С изящным изгибом. Всегда уютно лежал в кармане – с того самого дня, как Сибилла подарила его. Стал почти частью тела Ваймса.

«Мы – здесь и сейчас». Констебль Посети, ярый приверженец омнианской веры, часто цитировал это изречение из своего священного писания. Но Ваймс всегда трактовал эти его слова, пользуясь менее высокопарным стражническим языком, а именно: «Ты делаешь ту работу, которая прямо перед тобой».

«Я здесь, – подумал Ваймс. – И тогда». А менее сознательная часть мозга добавила: «И у тебя здесь нет друзей. Нет дома. Нет цели. Ты здесь совсем один».

«Нет... не один», – возразила другая часть, которая залегала гораздо, гораздо глубже ужаса и всегда была начеку.

Кто-то следил за ним.

Темный силуэт отделился от влажных теней улицы и направился к Ваймсу. Лица было не разглядеть, но это не имело значения. Ваймс знал, что на этом лице застыла улыбка, особая улыбка хищника, знающего, что жертве уже не спастись и что жертва понимает это и в отчаянии станет делать вид, будто между ними происходит совершенно дружеский разговор, потому что больше всего на свете ей хочется, чтобы это было именно так...

«Ты не хочешь умереть здесь и сейчас», – сказала глубинная, темная часть души Ваймса.

– Огоньку не найдется? – поинтересовался хищник, даже не удосужившись помахать незажженной сигаретой.

– Почему же, конечно найдется, – ответил Ваймс.

Сделав вид, что хлопает себя по карманам, он резко развернулся и, выбросив вперед руку, врезал по уху второму головорезу, подкрадывавшемуся со спины. Затем, не медля ни секунды, Ваймс прыгнул на того, кто спросил огоньку, и повалил его на землю, вцепившись руками в горло.

Это должно было сработать. Потом, задним числом, он понял, что у него все получилось бы... если бы в темноте не прятались еще двое. А так ему удалось только лягнуть одного из них в коленную чашечку, прежде чем на его горле затянулась удавка.

Его подняли на ноги, и порез на лице взорвался вспышкой боли. Ваймс обеими руками отчаянно пытался зацепиться за веревку.

– Держи так, – раздался голос. – Посмотри, что он с Джезом сотворил. Сволочь, сейчас он получит по...

Тени сместились. Ваймс задыхался и видеть мог только одним слезящимся глазом, так что толком не разглядел, что произошло. Вдруг раздались хрипы, последовала некая невнятная возня, и удавка на его горле неожиданно ослабла.

Он упал вперед, но затем сумел-таки подняться на подгибающиеся ноги. Двое мужчин валялись на земле.

Один, скорчившись, издавал странные булькающие звуки. Вдали быстро затихал топот.

– Повезло, что мы нашли тебя вовремя, дорогуша, – раздался голос прямо за его спиной.

– Зато другим не повезло, миленок, – добавил другой голос рядом.

Из темноты появилась Роза.

– Думаю, тебе лучше вернуться с нами, – сказала она. – Если будешь и дальше так носиться по городу, добром для тебя это точно не кончится. Пошли. К себе я тебя, конечно, пригласить не могу...

– Еще бы, – пробормотал Ваймс.

– ...Но у Лишая найдется место, где ты сможешь передохнуть.

– Лишай Газон! – воскликнул Ваймс, вдруг ощутив приятное, легкое головокружение. – Это он! Трипперный доктор! Я вспомнил! – Превозмогая усталость, он попытался сосредоточить взгляд на девушке. Да, знакомая форма черепа. Подбородок. Подбородок, который не потерпит всяких шалостей. Подбородок, который имеет над людьми власть. – Роза... ты ведь госпожа Лада!

– Госпожа? – Ее тон стал холодным, а Тетушки Милосердия пронзительно захихикали. – Да вроде пока нет.

– Я хотел сказать... – запинаясь, произнес Ваймс.

Конечно, только старшие представительницы этой профессии относились к обращению «госпожа» как к заслуживающему уважение. Она еще не была старшей. Даже Гильдии как таковой еще не было.

– Я никогда раньше тебя не видела, – сказала Роза. – Дотси и Сади тоже тебя не знают, а у них поразительная память на лица. Но ты, Джон Киль, нас знаешь и ведешь себя так, словно весь город принадлежит тебе.

– Правда?

– Правда. Видно по тому, как ты стоишь. У тебя армейская выправка. Хорошо питаешься. Возможно, слишком хорошо. На твоём месте я бы сбросила несколько фунтов. Все тело покрыто шрамами. Я видела, когда ты лежал на столе у Лишая. Ноги загорели ниже колен, значит ты – стражник, только они ходят с голыми ногами. Но я знаю всех до одного стражников, и ты не из них. Возможно, ты военный. Дерешься ты, полагаясь на свое чутье

и не гнушаясь грязными приемчиками. Значит, ты привык сражаться за свою жизнь в рукопашном бою, и это странно, потому что тогда выходит: ты рядовой солдат, а не офицер. Но по слухам, с тебя сняли богатые доспехи. Значит, все-таки офицер. Однако ты не носишь перстней. Значит, солдат, потому что кольца и перстни цепляются и застревают, из-за них можно лишиться пальца, если вести себя неосторожно. И ты женат.

– А это из чего следует?

– Женщины видят это с первого взгляда, – невозмутимо ответила Роза. – А теперь пошевеливайся. Мы уже нарушаем комендантский час. На нас Страже наплевать, а вот тобой могут заинтересоваться.

«Комендантский час, – подумал Ваймс. – Как давно это было. Витинари никогда не прибегал к таким мерам. Комендантский час мешает бизнесу».

– Наверно, я потерял память, когда на меня напали, – сказал он.

Такое объяснение показалось ему убедительным. Сейчас он нуждался только в одном – очутиться в каком-нибудь тихом месте, где можно спокойно все обдумать.

– Правда? Тогда я царица Гершебская, – фыркнула Роза. – Но запомни, дорогуша: я делаю это не ради тебя; наоборот, должна признаться, мне смертельно любопытно, сколько ты протянул бы в этом городе. Если б ночь не была такой холодной, если бы не шел дождь, я бросила бы тебя на улице. Я девушка работающая, и неприятности мне не нужны. Но ты похож на человека, у которого могут найтись пара-другая долларов, и уж поверь, счет не замедлит себя ждать.

– Я оставлю деньги на туалетном столике, – пробормотал Ваймс.

Мощная пощечина отбросила его к стене.

– Расценивай это как полное отсутствие у меня чувства юмора, – произнесла Роза, потряхивая онемевшей рукой.

– Извини, – сказал Ваймс. – Я вовсе не хотел... Послушай, спасибо тебе за все, просто пойми, ночка выдалась не из легких.

– Вижу.

– Все хуже, чем ты думаешь. Можешь мне поверить.

– У каждого хватает своих неприятностей. Можешь мне поверить, – парировала Роза.

Возвращаясь в Тени, Ваймс уже нисколько не жалел о том, что их сопровождают Тетушки Милосердия. Это были *старые* Тени, и Газон жил всего в одном квартале от них. Стража боялась совать сюда нос. Честно говоря, новые Тени были ненамного лучше, но в конце концов до тамошних обитателей дошло, какие последствия могут быть, если кто-то

вдруг нападет на стражника. А вот Тетушки – совсем другое дело. Никто никогда не нападал на Тетушек.

«Нормально поспать, – подумал Ваймс. – Всего одну ночь. И может, утром все вернется на круги своя».

– Ее там не было, да? – спросила через некоторое время Роза. – Ну, в смысле, твоей жены? Это ведь был дом лорда Овнеца. Какие у тебя с ним дела?

– Никогда с ним не встречался, – рассеянно ответил Ваймс.

– Тебе повезло, что нам сказали, куда ты пошел. Эти типы, скорее всего, состоят на службе у какого-нибудь местного воротилы. Они сами себе закон, и так по всему Анку. Появляется какой-то бродяга, на торговца или ремесленника не похож... Значит, его нужно прогнать, и кому какое дело, если его при этом ограбят до нитки?

«Да, – подумал Ваймс. – Все правильно. Привилегии, приравненные к местным законам. Лишь два типа людей могут насмеяться над законом: те, кто его нарушают, и те, кто его устанавливают. Ну конечно, сейчас положение дел немного изменилось...

...Но сейчас – это не сейчас. Будь прокляты эти волшебники...

Волшебники. Точно! Утром пойду к ним и все объясню! Как просто! Уж они-то поймут! Готов поспорить, они смогут вернуть меня обратно! У них там целый университет народу, способного справиться с этой задачей. Уф, прямо гора с плеч!»

Облегчение окутало его тело теплым розовым туманом. Осталось только пережить эту ночь...

Но зачем ждать? Университет ведь всегда открыт. Магия не закрывается. Ваймс вспомнил, как иногда, патрулируя улицы поздней ночью, видел в некоторых университетских окнах свет. Можно просто...

Стоп, стоп... Ему не давала покоя мысль, которая могла прийти в голову только стражнику. Тетушки никогда не бегали. Они *славились* тем, что никогда не бегают. Они настигают тебя медленно, но неотвратимо. Любой, кого они называли «скверным мальчишкой», спал крайне плохо, узнав, что Тетушки идут по его следу и *медленно* приближаются, останавливаясь только для того, чтобы выпить чайку со сливками и вареньем или посетить какую-нибудь интересную барахолку. Но Ваймс бежал, несясь как ошалелый до самой Лепешечной улицы, в темноте, несмотря на множество повозок и людей, торопившихся добраться до дома, прежде чем начнется комендантский час. Никто не обращал на него ни малейшего внимания, да и кто стал бы запоминать его лицо? С чего бы? Он, Ваймс, никого здесь не знал. Вернее, не так. *Его*, Ваймса, тут не знали.

– Ну ладно, выкладывайте, – как бы небрежно произнес он. – Кто рассказал вам, куда именно я направился?

– Да так. Один из этих, монахов, – ответила Роза.

– Который из них?

– А кто его знает! Сухонький, лысенький, в рясе, с метлой. Эти монахи повсюду шляются, бубнят что-то и просят подавание. Мы встретили его на Федрской улице.

– И спросили, куда я направился?

– Что? Нет. Он просто оглянулся и говорит: «Господин Киль побежал в сторону Лепешечной улицы». И давай себе дальше подметать улицу.

– Подметать?

– Наверное, это у них типа как ритуал. Чтобы на муравьев не наступать, потому как это грех. А может, они просто любят чистоту. Кому какое дело, чем заняты монахи?

– И тебе не показалось это странным?

– Что именно? Откуда ж я тебя знаю?! Вдруг ты мимо нищего пройти спокойно не можешь? – отрезала Роза. – Мне-то что с того? Дотси вон, тоже что-то бросила в его миску.

– Правда? И что же?

– А тебе-то зачем знать?

«И в самом деле, кому какое дело, чем заняты монахи? – подумала главная часть Ваймса. – Они монахи. Именно поэтому и кажутся странноватыми. Ну явилось одному из них откровение, с ними такое частенько бывает. И что с того? Разыщи волшебников, расскажи им, что произошло, пускай сами разбираются».

Но стражническая часть его разума возразила: «А откуда этому монаху знать, что меня зовут Киль? Чую, тут зарыта какая-то собака».

«Ага. Легавая», – заметила главенствующая часть.

«Да, – ответил ей стражник, – потому-то оно так и смердит».

– Послушайте, мне нужно уйти и проверить кое-что, – сказал он. – Я вернусь... Почти наверняка.

– Ладно, не могу же я посадить тебя на цепь, – хмыкнула Роза. И с мрачной улыбочкой добавила: – За такое я беру дополнительно. Но если ты не вернешься и все же решишь задержаться в этом городе, Тетушки...

– Уверяю, меньше всего мне сейчас хочется покидать Анк-Морпорк, – покачал головой Ваймс.

– Звучит достаточно убедительно, – заметила Роза. – Проваливай. Комендантский час уже начался, но мне почему-то кажется, тебя это мало беспокоит.

Как только он исчез в сумерках, к Розе бочком подступила Дотси.

– Нам проследить за ним, дорогуша?

– Не стоит.

– Тебе следовало разрешить Сади немного с ним поработать. После этого всякие нахалы ведут себя куда сдержаннее.

– Думаю, этого человека будет трудно сдерживать. А неприятности нам не нужны. По крайней мере, сейчас. Мы уже слишком близко.

– Зря ты покинул свой дом в такое время, господин.

Ваймс перестал барабанить в закрытые университетские ворота и оглянулся.

За его спиной стояли трое стражников. Один из них держал факел. Другой – арбалет. Третий, похоже, считал, что подъем тяжелых предметов не входит в сегодняшнюю ночную программу.

Ваймс, стараясь не делать резких движений, повернулся.

– По-моему, он уже мечтает провести остаток ночи в приятной прохладе наших темниц, – заметил стражник с факелом.

«Ничего себе, – подумал Ваймс. – Ну прямо конкурс на лучшего шутника года. У тех, кто стоит на страже закона, никогда не было чувство юмора, однако они все равно пытаются шутить».

– Я просто хотел посетить Университет, – сказал он.

– Правда? – удивился стражник без факела и арбалета. Он был довольно тучным, и Ваймс сумел различить тусклый блеск сержантских нашивок. – А где ты живешь?

– Нигде, – ответил Ваймс. – Только что приехал в город. Продолжим по списку? Работы у меня нет, денег тоже. Но это не является преступлением.

– Стало быть, ты решил прогуляться? Во время комендантского часа? Вот так, налегке? – спросил сержант.

– Когда на душе легко, и дышится легче, – пожал плечами Ваймс.

– Ну, дышать-то тебе недолго осталось, гы-гы, – встрял один из стражников, однако, наткнувшись на взгляд Ваймса, тут же замолчал.

– Сержант, я хочу подать жалобу, – сказал Ваймс.

– По поводу?

– Тебя, – сказал Ваймс. – И присутствующих здесь братьев Гы. Вы действуете неправильно. Если хочешь кого-то арестовать, делай это немедленно. У тебя есть значок и оружие, правильно? А у него только поднятые вверх руки и нечистая совесть. Совесть нечиста у всех без исключения. Поэтому, пока он размышляет о том, что именно тебе известно

и как ты дальше поступишь, ты должен начать задавать вопросы. Причем с ходу, без остановки. Вместо того чтобы отпускать всякие глупые шуточки, которые делают тебя слишком человечным в его глазах, нужно поддерживать в нем состояние сомнения, чтобы потенциальный задержанный *не шагнул вот так, не схватил тебя за руку, едва не сломав ее, не выхватил у тебя меч и не приставил его к твоему горлу*. А теперь прикажи своим подчиненным опустить оружие, хорошо? Они так размахивают клинками, что могут кого-нибудь поранить.

Сержант что-то неразборчиво пробулькал.

– Вот именно, – согласился Ваймс. – Сержант... И разве это меч? Ты когда-нибудь точил его? Что ты им делал, использовал его как дубинку? Итак, поступаем следующим образом. Вы все кладете оружие на землю, потом я отпускаю сержанта и убегаю вот по этому переулку, договорились? А когда вы снова возьмете в руки свое оружие, – а я очень советую сделать это, прежде чем отправляться за мной в погоню, – я буду уже далеко. Нет человека – нет проблемы. Вопросы?

Стражники промолчали. Но затем Ваймс услышал тихий звук, раздавшийся очень-очень близко. Это был шорох волосинок в его ушах, когда наконечник арбалетной стрелы крайне осторожно проник в его ушную раковину.

– Да, сэр, у меня есть один вопрос, – раздался голос за его спиной. – Ты когда-нибудь прислушиваешься к внутреннему голосу?

Давление в ухе чуть усилилось. Интересно, подумал Ваймс, насколько глубоко проникнет стрела, если нажать на спуск? Впрочем, одного дюйма будет более чем достаточно.

Что ж, иногда приходится проигрывать. Он нарочито аккуратно опустил меч на землю, выпустил из объятий сержанта и покорно отошел в сторону. Четвертый стражник проводил его арбалетом.

– Ноги расставить? – спросил Ваймс.

– А как же... – прорычал, обернувшись, сержант. – Раньше начнем, раньше закончим. Впрочем, для тебя, господин, у нас впереди вся ночь. Молодец, младший констебль. Мы еще сделаем из тебя настоящего стражника!

– И правда, отличная работа, – согласился Ваймс, не спуская глаз с юноши с арбалетом в руках.

А сержант уже начинал разбег.

Прошло время. Пришла боль.

Ваймс лежал на жесткой койке в камере и пытался не думать о боли.

Впрочем, могло быть куда хуже. Полные тупицы. Не способны даже намять бока как следует. Большую часть времени они мешали друг другу, а о такой увертке, как пережат в момент удара, похоже, и вовсе не слышали.

Почему это было так приятно? Не боль, нет. Боль он переносил легко. Вернее, это она его переносила – прочь из реальности, в блаженное забытие. Но где-то внутри прятался другой Ваймс, который подавал голос, когда после долгой погони настигаешь преступника, и который подзуживал: дай ему еще, ну дай, – хотя в этом уже не было никакой необходимости. Эта часть его наслаждалась, избивая врага. Он называл эту часть себя зверем. Обычно зверь прятался в своем логове, но стоило возникнуть необходимости, он сразу был тут как тут. Чтобы призвать его, нужна была боль, а еще – страх. Ваймс убивал вервольфов голыми руками, обезумев от ярости и ужаса, чувствуя, как кровь зверя течет по жилам, наслаждаясь этим ощущением... И вот сейчас зверь принюхивался.

– Привет, господин Ваймс, ха-ха. Я все ждал, когда ж ты очухаешься.

Он резко сел. Камеры были отделены решетками не только от коридора, но и друг от друга, чтобы те, кто внутри, сразу понимали, где их место. В клетке. И в соседней клетке, заложив руки за голову, лежал на койке Карцер.

– Ага, вперед, – бодрим тоном продолжил Карцер. – Валяй, попробуй дотянуться до меня. Проверим, быстро ли прибегут стражники.

– По крайней мере, ты тоже попался, – сказал Ваймс.

– Ненадолго, ненадолго. Уже чую запах свободы, ха-ха. Гость города, заблудился, оказал всяческое содействие Страже, извинился за причиненное беспокойство, пожелал отблагодарить за помощь... Зря ты запретил Страже брать взятки, господин Ваймс. Жизнь была намного проще, ха-ха.

– Значит, я арестую тебя в другой раз, Карцер.

Карцер поковырялся в носу, извлек палец, критически осмотрел добычу и щелчком отправил ее к потолку.

– А вот здесь могут возникнуть трудности, господин Ваймс. Это не меня приволокли сюда четверо стражников, не я напал на Стражу, и не я пытался незаконно проникнуть на территорию Университета...

– Но я же просто стучал в ворота!

– О, господин Ваймс, я-то тебе верю. Но ты же знаешь, какими вредными бывают эти стражники. Стоит только косо на них взглянуть, и тебя обвинят во всех преступлениях сразу. Просто ужас, какие грехи они способны повесить на невинного человека, ха-ха.

Да, Ваймс это знал.

– Стало быть, у тебя есть деньги.

– Конечно, господин Ваймс. Я же мошенник. Кстати, гораздо проще быть мошенником, если никто не подозревает, что ты мошенник, ха-ха. Но стражник только тогда стражник, когда люди считают его стражником. Стоит занести в учебники, правда? Ты ведь уже понял, что мы попали в старые добрые времена, ха-ха?

– Похоже на то, – согласился Ваймс.

Ему не нравилось разговаривать с Карцером, но с кем еще можно было поговорить не таясь?

– Позволь спросить, где именно ты приземлился?

– В Тенях.

– И я тоже. И пара громил тут же попыталась меня ограбить. Меня! Нет, ты только подумай, господин Ваймс! Впрочем, они оказались при деньгах, и все прошло гладко. Кстати, у меня создается ощущение, что здесь я буду действительно счастлив. Ага, а вот и наши brave ребята...

По коридору, помахивая ключами, прошел стражник. Он был пожилым, то есть в том возрасте, когда стражнику охотнее доверяют размахивать ключами, нежели дубинкой, и самой главной его отличительной чертой был нос – вдвое шире и вполовину короче среднестатистического носа. Бросив взгляд на Ваймса, стражник проследовал к камере Карцера и отпер дверь.

– Ты, – сказал он. – Проваливай!

– Да, сэр. Благодарствуйте, сэр, – пробубнил Карцер, поспешив на выход. Он показал пальцем на Ваймса. – На вашем месте, сэр, я не спускал бы с него глаз. Просто животное. Таких нельзя сажать в камеры с приличными людьми.

– Я сказал, вали отсюда!

– Уже валю, сэр. Спасибочки, сэр. – И Карцер, издевательски подмигнув Ваймсу, свалил.

Тюремщик повернулся к Ваймсу.

– И как тебя, х-на, зовут, а, господин?

– Джон Киль, – ответил Ваймс.

– Ну да?

– Ну да. И у меня есть деньги. Все по-честному. Я тоже хотел бы свалить.

– Правда, что ль? Х-на! То есть отдать тебе, х-на, ключи да еще и пять центов на дорожку за доставленное, х-на, беспокойство?

Тюремщик стоял *слишком* рядом с решеткой и, судя по ухмылке на

лице, считал себя умнее всех. На самом же деле он был безумнее некуда, ведь даже при нынешних рефлексах Ваймсу хватило бы секунды, чтобы допрыгнуть с койки до решетки и так впечатать старого придурка в прутья, что его нос размажется по лицу еще больше. Да, в местной темнице настоящему психу есть где разгуляться.

– Достаточно просто помахать ручкой вслед, – произнес Ваймс, с трудом поборов искушение.

– Ничо, скоро тебе наш капитан, х-на, ручкой, х-на, помашет, – пообещал тюремщик.

– Это капитан Мякиш, правильно? – уточнил Ваймс. – Тот, что дымит, как печная труба? С бронзовым ухом и деревянной ногой?

– Ага, он самый, х-на. Ты с ним позвени, он твои, х-на, бубенцы на фиг открутит.

Память Ваймса, представляющая собой заваленный всякой дребеденью стол, откинула в сторону салфетку забывчивости, и под нею вдруг обнаружилось блюдце, полное воспоминаний.

– Ты ведь Пятак! – воскликнул он. – Тебе нос сломали, и он потом сросся неправильно! А еще у тебя постоянно слезятся глаза, поэтому тебя и перевели охранять задержанных...

– Господин, мы чо, знакомы? – спросил Пятак, подозрительно взглядываясь в лицо Ваймса слезящимися глазами.

– Мы? Нет, конечно. Нет! – торопливо произнес Ваймс. – Но я слышал, как о тебе рассказывали. Говорят, на самом деле ты в Страже практически главный. И типа очень справедливый. Жестокий, но справедливый. Никогда не плюнешь в овсянку, не отольешь в чай. И всегда знаешь, чья сосиска длиннее.

Видимые части лица стражника сложились в угрюмую гримасу, которая свидетельствовала, что ее обладатель не совсем поспевает за нитью беседы.

– Чо, правда? – наконец выдавил Пятак. – Ну, х-на, я всегда содержал камеры в чистоте, это точняк. – Невзирая на некоторую растерянность, вызванную неожиданным поворотом событий, он снова мрачно свел брови. – Оставайся здесь, господин, а я доложу капитану, что ты очухался.

Ваймс лег на койку и принялся разглядывать грешившие грамматическими и анатомическими ошибками граффити на потолке. Иногда снизу доносился визгливый голос, прерываемый смущенным «х-на!» со стороны Пятака.

Потом он услышал шаги тюремщика на лестнице.

– Ну чо? – произнес Пятак тоном человека, которому не терпелось,

чтобы третья сторона побыстрее получила то, на что очень напрашивалась. – Случилось так, что капитан хочет видеть тебя прямо сейчас. Дашь надеть наручники или позвать, х-на, ребят?

«Да хранят тебя боги, – подумал Ваймс. – Может, не зря болтали, что у Пятака извилины смялись от того удара, который размазал ему нос по физиономии? Нужно быть редкостным идиотом, чтобы попытаться в одиночку заковать особо опасного преступника. Если бы он попробовал выкинуть подобный фокус, к примеру, с Карцером, то стал бы мертвым идиотом еще пять минут назад».

Тюремщик открыл дверь. Ваймс встал и протянул руки. Чуть помедлив, Пятак надел на него наручники. С тюремщиками вежливость всегда окупается – по крайней мере, тебе не будут сковывать руки за спиной. А человек, обе руки которого находятся впереди, обладает достаточной степенью свободы.

– По лестнице поднимаешься первым, – приказал Пятак, наклоняясь, чтобы подобрать с пола весьма убедительный арбалет. – Попробуешь что выкинуть, я, х-на, как шмальну в тебя, будешь потомдохнуть медленно.

– Все честно, – согласился Ваймс. – Я понял.

Он поднимался по ступеням очень осторожно, слыша за спиной тяжелое дыхание Пятака. Подобно большинству людей с ограниченными умственными способностями, Пятак крайне серьезно относился к тем немногим обязанностям, которые все же способен был исполнять. В частности, нажав на курок, он испытал бы освежающее отсутствие каких-либо угрызений совести.

Ваймс поднялся на верхнюю площадку и вовремя вспомнил, что нужно остановиться.

– Теперь, х-на, налево, – велел Пятак за его спиной.

Ваймс кивнул, в основном для себя. Да, а потом – направо. Воспоминания возвращались всепокрушающей волной. Он находился на улице Паточной Шахты. В штаб-квартире Стражи, куда когда-то пришел устраиваться на службу. Именно здесь все начиналось.

Дверь в кабинет капитана была открыта. Сидевший за столом немолодой и явно уставший человек поднял голову.

– Садись, – холодно приказал Мякиш. – Спасибо, Пятак.

В голове Ваймса о капитане Мякише сохранились лишь смутные воспоминания. Раньше он был военным, а эту должность ему предложили как синекуру, и это было скверно. Потому что он ждал Указаний Сверху и слепо выполнял их, в то время как Ваймс давно уже действовал иначе: ждал Указаний Сверху, после чего пропускал их через мелкое сито здравого

смысла, привнося туда изрядную толику созидательного недопонимания и, возможно, даже зачаточной глухоты, так как Верхи крайне редко снисходят до уровня улицы. Мякиш особое внимание уделял надраенным нагрудникам и удалому виду на парадах. В чем-то он был прав, о таких вещах нельзя забывать. Нельзя позволять людям распускаться. Но Ваймс, хотя никогда и не говорил об этом вслух, предпочитал, придя в штаб-квартиру, увидеть в дежурке доспехи с вмятинами от ударов. Они означали, что кто-то оставил эти вмятины. Кроме того, не очень-то сподручно сидеть в засаде, когда ты весь сверкаешь, словно начищенный пятак.

На одной стене висел флаг Анк-Морпорка – некогда красный, а теперь вылинявший до невнятного оранжевого. По слухам, Мякиш ежедневно отдавал флагу честь. Большую часть письменного стола занимал огромный серебряный письменный прибор, украшенный позолоченным полковым крестом, который Пятак надраивал каждое утро до зеркального блеска. Мякиш так и не сумел навсегда распротиться с армией.

И все же старик был чем-то симпатичен Ваймсу. Он был успешным солдатом и, как правило, оказывался на стороне победителей, а хорошая, хотя и достаточно тупая тактика помогла ему прикончить больше врагов, чем удалось убить его подчиненным при помощи тактики плохой, хотя и весьма похвальной. Мякиш был по-своему добрым и в разумной степени честным. Стражники постоянно водили его за нос, а он ничего не замечал.

В данный момент Мякиш решил наградить новоприбывшего Тяжелым Взглядом Поверх Горы Важных Бумаг. Этот взгляд должен был сообщить задержанному: «Мы о тебе все знаем, так почему бы тебе самому не рассказать все о себе?» Но Мякиш не очень хорошо владел этим трюком.

Ваймс в ответ посмотрел на него без всякого выражения.

– Итак, – сказал Мякиш, сообразив наконец, что в этой игре ему победа не светит. – Назови-ка еще раз свое имя.

– Киль, – ответил Ваймс. – Джон Киль.

Да и вообще... какого черта...

– Слушай, – сказал он, – все упирается в один клочок бумаги, а именно в рапорт сержанта, если, конечно, тот сержант умеет писать. Давай разорвем его и...

– Честно говоря, в два клочка, – перебил его капитан. – И второй касается кончины некоего Джона Киля, агась?

– Что? Из-за мелкой стычки со стражниками?

– Учитывая чрезвычайные обстоятельства, этой стычки тебе вполне хватит для смертного приговора, – сказал, наклонившись вперед, Мякиш. – Впрочем, может, исполнять его и не потребуется, ха-ха, потому что Джон

Киль умер еще вчера. Ты избил и ограбил его, агась? Деньги, конечно, забрал, а вот на письма не обратил внимания, потому что вряд ли такое отребье, как ты, умеет читать, агась? Поэтому ты не понял, что Джон Киль был *стражником*, агась?

– Что?!

Ваймс недоуменно уставился на тощую физиономию с триумфально встопорщившимися усами и тусклыми голубыми глазами.

А потом раздался звук, словно кто-то принялся прилежно подметать коридор за дверью кабинета. Капитан посмотрел поверх Ваймса, зарычал и бросил перо.

– Уберите его отсюда! – рявкнул он. – И вообще, какого дьявола он тут делает среди ночи?

Ваймс повернулся.

В дверях стоял тощий старик с испещренным морщинами лицом, лысый как младенец. Тупо улыбаясь, он держал метлу.

– Он, х-на, очень мало берет, сэр, и, как правило, работает, когда никого нет, – пробормотал Пятак, хватая старика чуть выше иссохшего локтя. – Давай, Лютик, проваливай...

Арбалет больше не смотрел в затылок Ваймса. А на запястьях у него висело несколько фунтов металла, что позволяло ему использовать руки как кувалду. Он начал незаметно подниматься...

Ваймс очнулся и уставился на потолок. Где-то рядом раздавался глухой грохот. Ветряная мельница? Или водяная?

Вопрос, который вертелся у него на языке, грозил прозвучать банально, но некоторые вещи нужно знать.

– Где я? – спросил он и добавил: – На этот раз?

– Молодец, – услышал он чей-то голос. – Всего пять секунд как очнулся, а к тебе уже вернулось чувство юмора...

Судя по ощущению в воздухе, комната была довольно просторной. На стене плясали тени – должно быть, где-то горели свечи, которых Ваймс не мог видеть со своего места.

– Я хотел бы, чтобы ты считал меня своим другом, – продолжил голос.

– Другом? С какой стати? – спросил Ваймс.

В воздухе витал запах сигаретного дыма.

– У каждого человека должен быть друг, – произнес голос. – А, похоже, ты понял, что все еще закован в наручники...

Голос произнес эти слова потому, что Ваймс одним движением слетел со стола и бросился вперед...

Ваймс очнулся и уставился на потолок. Где-то рядом раздавался глухой грохот. Ветряная мельница? Или водяная? Дальше мысли пренеприятнейшим образом свивались в тугой клубок.

– Что, – спросил Ваймс, – это было?

– Я знал, молодой человек, что ты просто так не уймешься, – сказал его невидимый друг. – Но у нас в запасе много фокусов. Попробуй просто сесть. Понимаю, тебе многое пришлось пережить, но у нас нет времени на всякую чепуху. Я бы предпочел, чтобы все развивалось немного медленнее, но решил: лучше уж забрать тебя оттуда, пока дела не обернулись по-настоящему прискорбным образом... господин Ваймс.

Ваймс замер.

– Кто ты? – спросил он.

– Официально меня зовут Лю-Цзе, господин Ваймс. Но ты можешь называть меня Метельщиком, мы ведь друзья.

Ваймс осторожно сел и огляделся.

Тускло освещенные стены были покрыты... наверное, все-таки письменами, но письменами, которые используются только в Пупземелье и которые недалеко ушли от самых обычных картинок.

Свеча стояла на блюде. Чуть дальше, куда едва доходил ее свет, виднелись один над другим два гигантских цилиндра, толщиной с человека и вдвое его выше, установленные на массивных горизонтальных подшипниках. Оба медленно вращались, и оба казались значительно больше, чем были на самом деле. Их глухой грохот заполнял комнату. Цилиндры окружал странный лиловый ореол.

Двое монахов в желтых рясах суетились рядом с цилиндрами, но внимание Ваймса привлек тощий лысый старик, сидевший на перевернутом ящике рядом со свечкой. Он курил небрежно скрученную самокрутку вроде тех, что любил Шнобби, и выглядел как монах из какой-то далекой страны. Точнее, как один из монахов, которых Ваймс иногда видел на улицах города с мисками для подаяния.

– Выглядишь совсем неплохо, господин Ваймс, – заметил Метельщик.

– Это ты был в караулке, верно? – спросил Ваймс. – Лютик. Кажется, так назвал тебя Пятак.

– Да, господин Ваймс, но на самом деле меня зовут Лю-Цзе. Я подметал там каждый вечер последние десять дней кряду. Всего за два пенса и столько пинков, сколько мог вынести. Ждал тебя.

– И это ты сказал Розе, куда я направился? Ты был тем монахом на мосту?

– Еще раз да. Не был уверен, что она тебя догонит.

– Но откуда ты знаешь, кто я?

– Не надо так волноваться, господин Ваймс, – безмятежно сказал Метельщик. – Я здесь, чтобы помочь тебе... ваша светлость, а еще я твой друг, потому что нет другого человека во всем мире, который поверил бы в твой рассказ о непонятных грозах и мистических падениях. По крайней мере, вменяемого человека, не сумасшедшего.

С полминуты Ваймс сидел молча, а Метельщик также молча смотрел на него.

– Отлично, господин Ваймс, – наконец произнес Метельщик. – Ты задумался. Люблю, когда люди думают.

– Это все магия, да? – наконец спросил Ваймс.

– Что-то вроде, – согласился Метельщик. – Например, недавно мы переместили тебя немного назад во времени. Всего на несколько секунд. Чтобы ты не совершил то, о чем потом сожалел бы. Ты столько пережил, поэтому, вполне естественно, бросаешься на всех подряд. Но нам не хотелось бы, чтобы ты пострадал...

– Ха! Я почти вцепился тебе в горло!

Метельщик улыбнулся – едва заметной, обезоруживающей улыбкой.

– Покурим? – спросил он и, пошарив под рясой, достал помятую самокрутку.

– Спасибо, предпочитаю свои... – машинально ответил Ваймс, но его рука замерла на полпути к карману.

– Ах да, – кивнул Метельщик. – Серебряный портсигар. Свадебный подарок леди Сибиллы, если не ошибаюсь. Мне очень жаль, что так вышло.

– Я хочу вернуться домой, – сказал Ваймс. Вернее, прошептал.

Он не спал уже часов двенадцать, хотя несколько раз за это время ему приходилось просыпаться.

Метельщик промолчал, и некоторое время тишину нарушал лишь глухой рокот цилиндров.

– Ты стражник, господин Ваймс, – промолвил наконец старик. – И я тоже. Хочу, чтобы ты считал так, по крайней мере до поры до времени. Я и мои коллеги... мы приглядываем за тем, чтобы... события происходили. Или не происходили. Не задавай вопросов, просто кивни.

Ваймс кивать не стал, но пожал плечами.

– Хорошо. Так вот, представим ситуацию метафорически. Субботний вечер, мы патрулируем территорию и вдруг натываемся на тебя, валяющегося в канаве и распевającego непристойную песенку про садовые тачки.

– Непристойную песенку? Про садовые тачки?

Метельщик вздохнул.

– Ну, про ежика? Про заварной крем? Однострунную скрипку? Не важно. Главное – мы нашли тебя очень далеко от того места, где тебе полагалось быть, и хотели бы вернуть тебя домой, но это не так-то просто.

– Я переместился назад во времени, да? Во всем виновата эта проклятая Библиотека! Ее все стороной обходят, поскольку тамошняя магия может сотворить с тобой что угодно!

– Верно. В общем смысле ты прав. Но точнее было бы сказать, что тебя затянуло в одно весьма значительное событие.

– И кто-нибудь может вернуть меня назад? Ты можешь вернуть меня назад?

– Ну-у-у... – Метельщик явно смутился.

– Если не ты, то волшебники наверняка! – заявил Ваймс. – Навещу-ка их утром.

– Правда? Ни за что на свете не пропущу это зрелище. Здесь нет старины Чудакулли, и его волшебников тоже. В лучшем случае тебя поднимут на смех. И даже если они захотят помочь тебе, то столкнутся с тем же самым затруднением.

– Каким еще затруднением?

– Вернуть тебя невозможно. По крайней мере, пока. – Метельщик впервые за все время разговора потерял самоуверенный вид. – Главная трудность, господин Ваймс, заключается в том, что... В общем, я должен сказать тебе пару вещей, которые мне категорически запрещено тебе говорить. Но ты из тех людей, кто не успокоится, пока не узнает все факты. Я уважаю такой подход. Таким образом... Удели мне минут двадцать своего времени, и я тебе расскажу все начистоту. Ладно? Возможно, это знание спасет тебе жизнь.

– Ладно, – согласился Ваймс. – Но что...

– Значит, договорились, – перебил его Метельщик. – Ребята, крутите.

Издаваемый цилиндрами шум на мгновение изменился, и Ваймс почувствовал что-то странное. Как будто в этот миг его тело сделало *плюм*.

– Двадцать минут, – повторил Метельщик. – Я отвечу на *все* твои вопросы. А потом, господин Ваймс, мы вернемся на двадцать минут назад, в *сейчас*, и ты расскажешь самому себе все, что, как мы выяснили, тебе следует знать. Такой вот план. Ты же умеешь хранить тайны, верно?

– Да, но... – начал было Ваймс.

Издаваемый цилиндрами звук едва заметно изменился.

Сэм Ваймс увидел посреди комнаты себя.

– Это же я! – воскликнул он.

– Ага, – кивнул Метельщик. – А теперь внимательно его послушай.

– Привет, Сэм, – произнес другой Ваймс, глядя в его сторону, но куда-то чуть выше. – Я тебя не вижу, хотя мне сказали, что ты видишь меня. Помнишь запах сирени? Ты думал о тех, кто умер. А потом приказал Вилликинсу отмыть ту девицу. И, гм... у тебя болит грудь, тебя это беспокоит, но ты никому об этом не говорил... По-моему, достаточно доказательств. Теперь ты знаешь, что я – это ты. Детали опустим, я не могу в них вдаваться. Сейчас я нахожусь в... – Говоривший замолчал и повернулся в другую сторону, словно обращаясь за подсказкой к кому-то невидимому. – Во временной петле. Я – двадцать минут твоей жизни, которых как будто не было. Так вот, помнишь, когда ты...

...Как будто в этот миг его тело сделало *плюм*.

Метельщик встал.

– Терпеть не могу прибегать к таким штукам, – поморщился он, – но мы в храме, и мы умеем сглаживать парадоксы. Вставай, господин Ваймс. Я расскажу тебе обо всем.

– Но ты только что сказал, что тебе это запрещено!

Метельщик улыбнулся.

– Помочь снять наручники?

– Что? Эти примитивные «чашепалы» первой модели? Дай мне гвоздь и пару минут. А как я оказался в храме?

– С моей помощью.

– Ты принес меня сюда?

– Нет. Ты шел самостоятельно. С завязанными глазами, конечно. А когда мы здесь оказались, я дал тебе кое-что выпить...

– Ничего не помню!

– Конечно. Потому что питье подействовало. В нем нет ничего мистического, но оно отлично делает свое дело. Нам не хотелось бы, чтобы ты вернулся сюда. Это место считается тайным...

– Ты подчистил мне память? Слушай, знаешь что... – Ваймс привстал, но Метельщик остановил его умиротворяющим жестом руки.

– Спокойно, спокойно, ты забыл всего несколько минут.

– *Сколько?*

– Совсем немного, совсем немного. К тому же в напитке были травы. Травы полезны для здоровья. А потом мы дали тебе поспать. Не волнуйся, никто нас не преследует. Никто не заметил твоего исчезновения. Посмотри на это.

Метельщик поднял замысловатую коробку, стоявшую на полу. У нее

были лямки, как у рюкзака, а внутри виднелся цилиндр.

– Эта штука называется Ингибитор, – сказал монах. – Переносное подобие вон тех устройств, похожих на бабушкины катки для белья. Не хочу углубляться в подробности, но, когда Ингибитор вертится, время вокруг тебя сдвигается. Понимаешь меня?

– Нет!

– Ладно. Это волшебная шкатулка. Так лучше?

– Продолжай, – мрачно буркнул Ваймс.

– Такой же Ингибитор был на тебе, когда я провожал тебя сюда из участка. Благодаря ему ты, скажем так, находился вне времени. Потом, когда мы закончим нашу недолгую беседу, я провожу тебя обратно, и старый капитан ничего не заметит. Когда мы находимся в храме, время во внешнем мире стоит. Благодаря Ингибиторам. Как я уже говорил, они сдвигают время. В действительности они сдвигают нас назад во времени, в то время как время движет нас вперед. Тут есть еще Ингибиторы. Благодаря им у нас продукты всегда свежие. Что еще рассказать... Ах да. А еще Ингибиторы помогают отслеживать события, если, конечно, считать, что они происходят одно за другим.

– Это очень похоже на сон, – сказал Ваймс.

Наручники с легким щелчком расстегнулись на его запястьях.

– Точно, – спокойно согласился Метельщик.

– А твоя волшебная шкатулка не может вернуть меня домой? Сдвинуть по времени туда, где я должен находиться?

– Эта? Ха! Нет, она слишком маломощная, чтобы...

– Послушай, господин Метельщик. У меня был очень насыщенный день: я сражался на крыше с одной законченной сволочью, потом меня дважды поколотили, один раз заштопали и – ха! – один раз пришили дело. У меня такое ощущение, что я должен быть тебе благодарен, но будь я проклят, если понимаю за что. Я хочу получить прямые ответы, господин. В конце концов, я командующий Стражей в этом городе!

– Может, ты хотел сказать, будущий командующий?

– Нет. Ты сам сказал, что нужно относиться к событиям так, словно они происходят одно за другим! Так вот, согласно моему личному времени, вчера я был командующим Стражей, а значит, остаюсь им до сих пор. Мне наплевать, что по этому поводу думают другие. Они просто не обладают всей полнотой информации.

– Эта фраза. Запомни ее, – хмыкнул Метельщик, поднимаясь со стула. – Ладно, командующий Стражей. Тебе нужна информация. Что ж, предлагаю тебе прогуляться по садику.

– Ты можешь вернуть меня домой?

– Пока нет. Но могу высказать профессиональную точку зрения: ты оказался здесь неспроста.

– Неспроста? Я провалился сквозь треклятый купол!

– И это тоже. Успокойся, господин Ваймс. Ты немножко переутомился.

Метельщик вывел его из зала. Рядом оказалось конторское помещение, в котором царила напряженная, но тихая деятельность. На поцарапанных и потрепанных столах Ваймс увидел цилиндры, подобные тем, что были в зале. Некоторые из них медленно вращались.

– В нашем анк-морпоркском отделении всегда дел невпроворот, – пояснил Метельщик. – Пришлось скупить лавки по обеим сторонам улицы. – Он взял свиток с одного из столов, бегло просмотрел содержимое и, грустно вздохнув, бросил его обратно. – И все работают сверхурочно, – добавил он. – Мы сидим тут круглые сутки, а когда мы говорим «круглые сутки», уж поверь, так оно и есть.

– Но чем именно вы занимаетесь? – спросил Ваймс.

– Мы заботимся о том, чтобы события случались.

– А без вас они не случаются?

– Смотря какие. Мы исторические монахи, господин Ваймс. Мы приглядываем за тем, чтобы все происходило.

– Никогда не слышал о вас, хотя знаю город как свои пять пальцев, – заметил Ваймс.

– Верно, а как часто ты разглядываешь свои пять пальцев, господин Ваймс? Перестань ломать голову, мы в Глиняном переулке.

– Что? Вы те самые чокнутые монахи из странного, чужеземного вида здания между конторой ростовщика и дешевой лавчонкой? Те самые монахи, которые пляшут на улицах, стучат в барабаны и вопят всякую чушь?

– Молодец, господин Ваймс. Ты не поверишь, как незаметен может быть полоумный монах, вопящий всякую чушь и пляшущий под бой барабанов.

– Когда я был маленьким, почти вся моя одежда покупалась в той дешевой лавчонке в Глиняном переулке, – сказал Ваймс. – Все наши знакомые там одевались. А заправлял этой торговлей какой-то чужеземец с очень смешным именем...

– Брат Пей Мой Чай, – ответил Метельщик. – Не слишком просвещенный агент, но настоящий гений, когда дело касается третьесортного барахла.

– Рубашки, заношенные настолько, что просвечивают насквозь, и

лоснящиеся, как стекло, штаны... – кивнул Ваймс. – К концу недели половина этих вещей возвращалась обратно к ростовщикам.

– Правильно, – согласился Метельщик. – Ты закладываешь свою одежду ростовщику, но никогда *не покупаешь* у него вещи, потому что существует Черта, которую нельзя переступить.

Ваймс кивнул. Чем ниже по лестнице, тем ближе ступени, тем условнее граница между ними, и боги знают, как женщины трясутся над тем, чтобы ненароком не очутиться ступенькой ниже. Простолюдинки в этом смысле ничуть не лучше герцогинь. Пусть у тебя почти ничего нет, но Черта есть всегда. Пусть одежда дешевая и старая, ее можно хотя бы выстирать. Пусть за твоей дверью нет ничего, на что могли бы позариться воры, зато твое крыльцо будет настолько чистым, что с него можно есть – если, конечно, у тебя вдруг появится что есть. И никто никогда не покупал одежду в ломбарде. Отступить от этого правила означало опуститься до самого дна. Нет, ты покупал одежду в сомнительной лавке господина Чая и никогда не спрашивал, где тот ее взял.

– На свою первую работу я пошел в костюме, купленном именно там, – сказал Ваймс. – Кажется, с тех пор прошла целая вечность.

– Нет, – возразил Метельщик. – Это случилось всего на прошлой неделе.

Тишина раздулась на всю комнату. Ее нарушало только тихое жужжание вращающихся цилиндров.

– Ты уже должен был сам обо всем догадаться, – наконец промолвил Метельщик.

– С чего бы? Большую часть времени я либо дрался, либо валялся в отключке, либо пытался вернуться домой! Хочешь сказать, я где-то там?!

– О да. И прошлой ночью ты стал героем, взяв на прицел опасного злодея, который напал на твоего сержанта.

– Ерунда, – помолчав, ответил Ваймс. – Не было такого. Я бы запомнил. Первую неделю службы я до сих пор помню во всех подробностях.

– Занятно, верно? – усмехнулся Метельщик. – Но разве не говорится в писании: «Есть многое на свете, о чем нам забыли сказать»? Господин Ваймс, тебе стоит недолго отдохнуть в Саду Безмятежности Внутреннего Города.

Это и правда был сад, похожий на большинство садов и парков в районе Глиняного переулка. Серая почва представляла собой старую кирпичную крошку, смешанную с кошачьим пометом и полусгнившим

мусором. В дальнем конце находился общественный сортир на три кабинки. Он был традиционно расположен рядом с калиткой, ведущей в задний проулок, чтобы собирателям нечистот не приходилось далеко ходить, но данный сортир отличался от собратьев тем, что рядом с ним был установлен небольшой, медленно вращающийся каменный цилиндр, да и калитка была заперта.

Сад тонул в полумраке, как и другие подобные сады. Освещение появится, только если в домах по соседству поселятся люди побогаче, – тогда и саду перепадут остатки попользованного света. Некоторые пытались разводить на своих клочках земли голубей или кроликов; другие, игнорируя очевидное, выращивали овощи. Но дотянуться до настоящего солнечного света в подобных садах могли разве что волшебные бобы.

Тем не менее кто-то здесь очень постарался. Большая часть свободного пространства была засыпана гравием различного калибра, на котором вывели граблями плавные волны и завитки. Тут и там виднелись внушительные валуны, расположенные явно с каким-то умыслом.

Пытаясь отвлечься от неприятных мыслей, Ваймс уставился на сад камней.

Он понимал, чего тут хотели добиться, но, похоже, все усилия садовника пропали даром. В конце концов, это же большой город. Тут повсюду царит мусор. Наиболее распространенный способ от него избавиться – это перекинуть через соседнюю стену. Рано или поздно кто-нибудь его продаст или, возможно, съест.

Молодой монах прилежно разравнивал гравий граблями. Заметив Метельщика, он поклонился.

Старик присел на каменную скамью.

– Юноша, прекрати заниматься всякой ерундой и принеси-ка лучше нам две чашки чая, – велел он. – Мне – зеленый с ячьим маслом, а господин Ваймс, насколько я знаю, любит чай, заваренный в котелке так, чтобы ложка стояла, с двумя кусочками сахара и вчерашним молоком.

– Именно такой и люблю, – подтвердил Ваймс, садясь за стол.

Метельщик вздохнул тяжело и протяжно.

– А я люблю разбивать сады, – сказал он. – Жизнь должна быть похожа на сад.

Ваймс тупо смотрел на то, что находилось прямо перед ним.

– Ладно, – сказал он. – Гравий, камни – это я могу понять. И жаль, что все завалено мусором. Но ведь без него никуда, верно?

– Да, – согласился Лю-Цзе. – Все – часть замысла.

– Что? И пустая сигаретная пачка?

- Конечно. Она взывает к стихии воздуха.
- А кошачий помет?
- Напоминает нам о дисгармонии, которая, подобно кошке, проникает во все сферы.
- А капустные кочерыжки? Использованные сонки?^[5]
- На свою беду, мы забыли о роли органики во всеобщей гармонии. То, что кажется нам случайным вмешательством, на самом деле часть высшего замысла, постичь который мы можем лишь отчасти. Этот важнейший факт как раз относится к твоему случаю.
- А пивная бутылка?
- Впервые Ваймс увидел, как монах хмурится.
- Знаешь, какая-нибудь сволочь обязательно перекинет ее через стену, возвращаясь в пятницу с дружеской попойки. И если бы это не было запрещено, я бы дал ему ощутить хлопок моей ладони, уж не сомневайся.

- То есть бутылка не является частью высшего замысла?
- Может, да, может, нет. Кому какое дело? Такие вопросы крайне неблагоприятно влияют на мои тунги, – сказал Метельщик. Он откинулся на спинку, положив руки на колени. Снова воцарилось спокойствие. – Итак, господин Ваймс... Начнем с самого начала. Наша вселенная состоит из очень маленьких частиц.
- А?
- Мы должны двигаться постепенно. Ты сообразительный человек, господин Ваймс, и все поймешь. Я не могу и дальше говорить, будто все происходит по волшебству.
- Слушай, я что, правда сейчас здесь? Ну, в городе? В смысле, я, но молодой?
- Конечно. А почему бы и нет? Так, о чем я... Ах да. Вселенная состоит из очень маленьких частиц и...
- Не лучшее время для службы в Страже. Я вспомнил! Комендантский час! И это только начало!
- Из маленьких частиц, господин Ваймс, – уже резче произнес Метельщик. – Ты должен это понять.
- Да-да, конечно. И насколько маленьких?
- Очень, очень маленьких. Настолько крошечных, что иногда они ведут себя крайне странно.
- Ваймс вздохнул.
- Теперь я должен спросить, насколько странно, да?
- Я рад, что ты задал этот вопрос. Во-первых, они могут находиться в

разных местах одновременно. Думай, господин Ваймс, думай.

Ваймс попытался сосредоточиться на том, что смахивало на грязный кулек, символизирующий, возможно, Бесконечность. Сейчас множество тревожных мыслей требовали его внимания, но ради вопроса монаха он отодвинул их в сторону – и, как ни странно, почувствовал большое облегчение. Разум иногда выкидывает подобные фортели. Ваймс вспомнил, как однажды с интересом рассматривал узоры на ковре, хотя был серьезно ранен и мог истечь кровью, если бы сержант Ангва не подоспела вовремя. А его чувства тем временем говорили: «У нас осталось всего несколько мгновений, так давайте запечатлеем все, в мельчайших подробностях...»

– Такого не может быть, – отозвался Ваймс. – Если эта скамейка сделана из мельчайших частиц, которые могут находиться в разных местах одновременно, как она вообще стоит?

– Молодец, возьми с полки сигарку! – торжествующе воскликнул Метельщик. – В этом-то вся и сложность, господин Ваймс. И ответ на твой вопрос, как говорит наш настоятель, заключается в том, что эта скамейка тоже находится в разных местах одновременно. А, вот и чай... А для того, чтобы она могла находиться в разных местах одновременно, множественная вселенная должна состоять из множества альтернативных вселенных. Из мириад мириад. Самого большого числа, которое только можно вообразить. Только так вселенная может вместить в себя все кванты. Ты меня понимаешь или я слишком спешу?

– А, ты об этом, – сказал Ваймс. – Да-да, слышал. Типа ты принимаешь одно решение в этой вселенной и совсем другое – в другой. Помнится, волшебники спорили об этом на одном помпезном приеме. Они обсуждали... Славное Двадцать Пятое Мая.

– И что именно они говорили?

– Обычную чепуху... Что все было бы иначе, если бы мятежники как следует защищали ворота и мосты, что осаду лобовой атакой не прорвешь... Мол, все именно так и случилось, но не здесь, а где-то еще.

– И ты им поверил?

– По мне, так все это полная тунга. Но иногда сам невольно гадаешь: а как бы все сложилось, если бы я поступил иначе?..

– Как в том варианте, когда ты убил свою жену?

Отсутствие какой-либо реакции со стороны Ваймса явно произвело впечатление на Метельщика.

– Это типа проверка?

– Ты способный ученик, господин Ваймс.

– Но в другой вселенной, можешь мне поверить, ты бы получил по

морде.

Метельщик опять улыбнулся едва заметной, действующей на нервы улыбкой, словно не поверил ни единому слову.

– Ты не убивал свою жену, – сказал он. – Ни в одном из вариантов. Нет ни одного места во всей бесконечно огромной множественной вселенной, где Сэм Ваймс, такой, какой он сейчас, убил бы леди Сибиллу. Хотя теория говорит о другом. А именно: если что-то может произойти, оно *должно* произойти. Разумеется, если законы физики не нарушены. Пусть в твоём случае этого не произошло, тем не менее теория множества вселенных работает. Не будь ее, мы бы не могли принимать решения.

– Ну и что?

– А то, что все наши поступки очень важны! – воскликнул Метельщик. – Люди изобретают *другие* законы. То, что они делают, имеет *большое* значение! Наш настоятель пришел в подлинный восторг от этой теории. Чуть сухариком не подавился. Ведь это означает, что множественная вселенная не бесконечна и выбор людей значит куда больше, чем им кажется. Своими поступками они способны изменять вселенную.

Метельщик пристально посмотрел на Ваймса.

– Господин Ваймс, ты сейчас думаешь, что переместился назад во времени и можешь оказаться тем самым сержантом, который научил тебя всему, что ты сейчас знаешь?

– Была такая мысль. Стража в эти дни принимала всех подряд. Смутные времена были: комендантский час, все друг на друга стучали... Но послушай, я помню Киля. Да, у него определенно был шрам, была и повязка на глазу, но я точно уверен: это был не я.

– Верно. Вселенная работает несколько иначе. Тебя действительно взял под крыло некий Джон Киль, стражник, который перебрался в Анк-Морпорк из Псевдополиса, потому что тут больше платят. Это был вполне реальный человек. И притом не ты. Кстати, он говорил тебе, что сразу по приезде, едва он вылез из повозки, на него напали двое грабителей?

– Да, говорил, – подтвердил Ваймс. – Точно, грабители. Они-то и оставили ему на память шрам. Обычное приветствие Анк-Морпорка. Но он был силен. Без проблем уложил обоих.

– А тут их было трое, – вставил Метельщик.

– Да, с тремя справиться сложнее, но...

– Ты стражник. Сам догадайся, как звали третьего.

Ваймсу даже не пришлось задумываться. Ответ пробкой вылетел на поверхность из глубин самых мрачных подозрений.

– Карцер?

– Да, он быстро освоился здесь.

– Этот гад сидел в соседней камере! Да еще хвастался, что ограбил кого-то.

– И вы оба застряли здесь, господин Ваймс. Это больше не твое прошлое. Нет, не так. Это просто прошлое. А выше находится просто будущее. Которое может оказаться твоим. А может, и не оказаться. Ты хочешь сейчас вернуться домой, оставив Карцера здесь, а Джона Киля – мертвым? Но если ты поступишь так, у тебя больше не будет дома. Потому что не будет порядочного человека, который обучит молодого Сэма Ваймса работе стражника. Он научится всему у людей типа сержанта Тука, капрала Квирка и младшего капрала Колона. И это еще не самое плохое. Дальше может быть куда хуже.

Ваймс закрыл глаза. Вспомнил, каким зеленым был. А Фред, ну что Фред... Фред Колон не так уж плох, если не брать в зачет его сердечную трусоватость и отсутствие воображения, зато Квирк... Квирк всегда был сукиным сыном, что же касается Тука, н-да, он был наставником Фреда, а яблоко от яблони недалеко падает. Ну а чему научился Сэм Ваймс у Джона Киля? Всегда быть начеку, жить своим умом, не брать в голову квирков и туков – и плевать в сегодняшней драке на все правила, если от этого зависит твоя способность драться завтра.

Он часто думал, что давно бы погиб, если бы не...

Он резко поднял взгляд на монаха.

– Увы, господин Ваймс, я не знаю, – покачал головой Лю-Цзе. – Сейчас все абсолютно неопределенно. Это все кванты.

– Зато я знаю! Мое будущее уже свершилось, потому что я был в нем!

– Увы, мой друг. Тут все упирается в квантовые помехи. Понятно? Вижу, что нет... Скажем так... Существует одно прошлое и одно будущее. Но есть два настоящих. Одно, в котором оказался ты и твой злобный приятель, и второе, в котором вас нет. Мы можем заставить эти два настоящих сосуществовать в течение нескольких дней. На это уйдет много человеко-часов, но мы на это способны. Однако потом два настоящих все равно сольются в одно целое. Какое будущее настанет – зависит от тебя. Нам нужно будущее, в котором Ваймс будет хорошим стражником. А не то, другое.

– Но оно и так должно было настать! – рявкнул Ваймс. – Я же говорил, я помню его. Я лично там был! Еще вчера!

– Хорошая попытка, но это уже ничего не значит, – возразил монах. – Поверь мне. Это случилось с тобой, но могло и не случиться. Это все

кванты. Сейчас в грядущем будущем не существует дырки, в которую мог бы втиснуться командор Ваймс. Это так называемое Неопределенное будущее. Но если ты все сделаешь правильно, оно обретет определенность. Сейчас Сэм Ваймс учится быть крайне скверным стражником. И он способный ученик.

Тощий монах встал.

– Я дам тебе время подумать, – сказал он.

Ваймс кивнул, разглядывая гравиевый садик.

Метельщик тихо отошел и скрылся в храме. Там он пересек конторское помещение, снял висевший на груди ключ странной формы и вставил его в замочную скважину небольшой двери. Дверь открылась, из-за нее хлынул яркий солнечный свет. Монах шагнул через порог, подошвы его сандалий, покинув холодные каменные плиты, коснулись утоптанной, теплой от солнца земли.

В этом глубоком прошлом река протекала по другому руслу, и современные жители Анк-Морпорка весьма удивились бы, узнав, как мило она выглядела семьсот тысяч лет тому назад. На отмелях посреди реки нежились на солнышке гиппопотамы. Ку жаловался, что последнее время они стали доставлять много беспокойства и ему теперь приходится по ночам заключать свой лагерь в кольцо времени, благодаря которому животные, вздумавшие побродить среди палаток, вдруг снова оказывались в реке, обзаведясь по пути сильной головной болью.

Сам Ку в соломенной шляпе, защищавшей его от палящих лучей, наблюдал за действиями своих помощников на расчищенном от лиан участке. Лю-Цзе, тяжело вздохнув, направился туда.

Он знал, что без взрывов не обойдется.

Не то чтобы он недолюбливал Ку, отвечавшего в ордене за всевозможные механизмы. В некотором роде этот человек занимался почти тем же самым, что и настоятель. Настоятель брал идеи тысячелетней давности и перерабатывал их совершенно новым образом, так что в результате множественная вселенная раскрывалась, словно цветок. Ку, со своей стороны, брал древнюю технологию Ингибиторов, позволяющую хранить и восстанавливать время, и приспособлял ее для рутинных повседневных нужд – например, чтобы отрывать людям головы. А Лю-Цзе всегда старался избегать подобных мер. Людским головам можно найти куда более достойное применение.

Перед Лю-Цзе простиралась бамбуковая декорация улицы, по которой шла шеренга монахов, весело приплясывая под грохот петард и бой барабанов. Прежде чем скрыться за углом, последний монах обернулся и

как бы случайно сунул в протянутые руки соломенного чучела маленький барабанчик.

Воздух замерцал, и чучело с легким хлопком исчезло.

– Приятно видеть, что на сей раз ты обошелся без отрывания голов, – заметил Лю-Цзе, присаживаясь на натянутую лиану.

– Привет, Метельщик, – поздоровался Ку. – Не могу взять в толк, в чем я ошибся. Понимаешь, тело должно было переместиться на микросекунду вперед, оставив голову позади. – Он поднял мегафон. – Всем спасибо! Еще разок, покорнейше прошу! Сото, команду!

Он повернулся к Лю-Цзе.

– Итак?

– Он обдумывает, – сказал Лю-Цзе.

– Я тебя умоляю, Лю-Цзе! Сам знаешь, это совершенно против правил! Наша задача – искоренять инородные витки истории, а не тратить прорву времени на их поддержание!

– Но данный виток важен. Мы перед этим человеком в долгу. Ведь он не виноват, что, как раз когда он провалился сквозь купол, у нас тут произошло глобальное времятрясение.

– Две временные линии разворачиваются параллельно! – простонал Ку. – Это совершенно неприемлемо, знаешь ли. Мне приходится прибегать к еще не опробованным техникам.

– Да, но это всего несколько дней.

– А Ваймс? Он выдержит? Он же необучен!

– Как бы там ни было, он прежде всего стражник. Стражник остается стражником при любых обстоятельствах.

– Не понимаю, почему я слушаю тебя, Лю-Цзе, правда не понимаю, – покачал головой Ку. Бросив взгляд на арену, он поспешно вскинул рупор. – Не держи ее так! Я сказал, не держи ее тем концом вве...

Воздух вздрогнул от громового раската. Лю-Цзе даже не обернулся.

Ку снова поднес рупор ко рту и устало произнес:

– Ладно, кто-нибудь, позовите брата Кая! Начните поиски, гм, скажем, с позапрошлого века. Ты даже не пользуешься моими изобретениями, а ведь они такие, э, изобретательные, – добавил он, укоризненно посмотрев на Лю-Цзе.

– Нет нужды, – ответил Лю-Цзе. – Мне своих мозгов хватает. И вообще, я ведь пользуюсь темпоральным туалетом, верно?

– Сортир, сливающий нечистоты на десять миллионов лет в прошлое? Не самая лучшая идея, Метельщик. До сих пор не понимаю, как тебе удалось меня уговорить.

– Он позволяет нам экономить четыре пенса в неделю на услугах Короля Гарри и его ведрочерпиев, а четыре пенса, Ку, – это не пустяк, ибо разве не говорится: «Сэкономленный пенни – заработанный пенни»? Кроме того, все падает прямо в кратер вулкана. Абсолютно гигиенично.

Снова прогремел взрыв. Ку обернулся и вскинул рупор.

– В бубен больше двух раз не стучать! – взревел он. – Бум-бум-бросили-пригнулись! Зарубите себе на носу, покорнейше прошу!

Он снова повернулся к Метельщику.

– Не больше четырех дней, Лю-Цзе. Извини, но после этого я обязан буду отразить все в отчетах. И если твой человек выдержит, я буду сильно удивлен. Каким бы, по-твоему, крутым он ни был, рано или поздно его рассудок окажется под угрозой. Это не его время.

– Но мы ведь узнаем столько нового! – настаивал Лю-Цзе. – Получается идеальная логическая цепочка: Ваймс появился точно в нужное время и даже выглядит как Джон Киль! Повязка на глазу и шрам! Что это – Повествовательная Причинность, Историческая Неотвратимость или просто странное совпадение? А может, придется вернуться к теории о том, что история сама себя восстанавливает? Или случайностей вообще не бывает, как и говорит настоятель? Любая случайность – всего лишь часть замысла более высокого порядка? Как бы мне хотелось узнать все это!

– Четыре дня, – упрямо повторил Ку. – Потом эта маленькая авантюра выплывет наружу и настоятель будет нами очень, очень недоволен.

– Ты прав, о Ку, – смиренно согласился Лю-Цзе.

«О да, настоятель будет очень недоволен. Если узнает, конечно», – мысленно добавил он, пока шел назад к двери, маячившей в чистом поле. На сей счет настоятель выражался весьма недвусмысленно. Глава исторических монахов (Людей в Шафрановом, Монастыря-Которого-Нет... имен у них много) никогда бы не разрешил ничего подобного, и он приложил немало усилий, вдалбливая это в голову Лю-Цзе. «Но если ты все же решишься на такое, – добавил тогда настоятель, – очень надеюсь, что Историческая Неотвратимость победит».

Вернувшись в сад, Метельщик обнаружил, что Ваймс таращится невидящим взглядом на пустую консервную банку из-под бобов, воплощающую Вселенское Единство.

– Итак, командор, – сказал Лю-Цзе.

– Вы что-то типа... патруля времени? – спросил Ваймс.

– В некотором роде, – ответил Метельщик.

– Приглядываете за тем, чтобы... ну, все происходило хорошо?

– Не хорошо, а правильно, – уточнил Метельщик. – Но, честно говоря, в последнее время мы успеваем заботиться только о том, чтобы хоть что-то происходило. Раньше мы считали, что время похоже на реку, по которой можно грести и взад и вперед и возвращаться туда, откуда отчалил. Потом мы поняли, что оно больше похоже на море, по которому можно плавать не только взад и вперед, но и в стороны. Еще позже мы предположили, что время – это скорее водяной шар, в котором можно плыть еще и вверх и вниз. А сейчас... сейчас нам кажется, что время – это великое множество пространств, скатанных в единое целое. Кроме того, бывают еще временные скачки и временные сдвиги, да и люди добавляют путаницы, когда убивают или выигрывают время. Ну и кванты, конечно, куда без них... – Монах тяжело вздохнул. – Без треклятых квантов никуда. Таким образом, честно говоря, мы рады уже тому, что вчера наступает прежде, чем завтра. Ты, господин Ваймс, оказался втянутым в определенное... событие. Мы не можем его исправить, чтобы вышло так, как надо. Но ты – можешь.

Ваймс откинулся на спинку скамейки.

– А у меня есть выбор? Как говорил мой старый сержант, делай ту работу, что прямо перед тобой. – Он осекся. – Так выходит, это был я, да? Это я научил себя всему тому, что знаю...

– Нет. Я же объяснял.

– А я не понял. Впрочем, возможно, мне это и не нужно.

Метельщик сел.

– Отлично. Итак, господин Ваймс, теперь я провожу тебя обратно в храм, расскажу, что знаю, о сержанте, мы попытаемся разобраться, что из этого тебе пригодится, а потом сделаем небольшой прыжок назад, чтобы ты сам сообщил себе все, что тебе необходимо знать. Только никаких имен!

– А что случится со мной? – спросил Ваймс. – Со мной, который сидит здесь и сейчас? Ну то есть... другой я пойдет себе дальше, а что будет со мной?

Метельщик долго и задумчиво смотрел на него.

– Знаешь, – произнес он наконец, – очень трудно говорить о квантах на языке, изначально предназначенном для того, чтобы одна обезьяна могла сообщить другой, где висит спелый фрукт. Что будет потом? Ну, будешь ты. Примерно такой же, как сейчас, поэтому никто не сможет сказать, что это не ты. Эта встреча будет своего рода витком во времени. В некотором смысле она никогда не закончится. Это, ну...

– Как сон, – устало закончил Ваймс.

Метельщик просиял.

– Очень хорошо! Замечательно! Не правда, но очень, очень хорошая ложь.

– А нельзя было взять и все мне просто рассказать? – спросил Ваймс.

– Нельзя. Все я бы рассказать не смог, да и ты, господин Ваймс, сейчас не в настроении для всяких словесных игрищ. Я хочу, чтобы человек, которому ты доверяешь, то есть ты сам, рассказал тебе всю правду, которую тебе необходимо знать. А потом мы займемся тем, что послушники называют «нарезкой и склейкой», и господин Ваймс вернется на улицу Паточной Шахты немного помудревшим.

– А как ты собираешься вернуть его... меня в участок? Никакую гадость я пить больше не буду, даже не думай.

– Хорошо. Мы завяжем тебе глаза, крутанем несколько раз, проведем окольными путями и вернем туда, откуда взяли. Обещаю.

– Другие советы есть? – мрачным тоном спросил Ваймс.

– Просто будь самим собой, – посоветовал Метельщик. – Дождись итога. Настанет время, когда ты вспомнишь произошедшее и поймешь, что оно имело смысл.

– Правда?

– Я не стал бы обманывать тебя. Идеальный миг придет. Верь мне.

– Но... – Ваймс замолчал.

– Да?

– Ты же понимаешь, тут есть еще одна небольшая загвоздка. Допустим, я стану сержантом Килем. Но я помню, какой сейчас день, и знаю, что должно произойти.

– Да, – сказал Метельщик. – Я тоже знаю. Ты хочешь об этом поговорить?

Капитан Мякиш прищурился.

– Что здесь происходит?

– Где именно? – спросил Ваймс, борясь с приступом тошноты.

После путешествия назад во времени его преследовало отвратительное ощущение: будто он теперь не один, а целых два человека, причем оба чувствуют себя прескверно.

– Ты двоишься.

– Наверное, от усталости, – буркнул Ваймс, невероятным усилием воли приходя в себя. – Послушай, капитан. Я – Джон Киль и могу это доказать, понятно? Задавай вопросы. Мои документы и так у тебя. У меня их украли!

Мякиш замялся на мгновение. Он был из тех людей, чьи мысли, придя в движение, крайне неохотно меняли направление.

– Ладно, тогда скажи, кто командует Стражей Псевдополиса? – спросил он.

– Шериф Ураклякс, – без запинки ответил Ваймс.

– Ага! Ошибся. На первом же вопросе, да? На самом деле, дурень, это шериф Пер...

– Х-на, сэр, прошу прощения, – вмешался Пятак.

– Да? Что?

– Уже Ураклякс, сэр. Перли умер на прошлой неделе, я в пивной, х-на, слышал.

– Напился и упал в реку, – подсказал Ваймс.

– Так я, х-на, и слышал, – подтвердил Пятак.

Мякиш вдруг озверел.

– Но ты ведь тоже мог об этом слышать! Что это доказывает?!

– Спроси что-нибудь еще, – предложил Ваймс. – Спроси, что Ураклякс говорил обо мне.

«Надеюсь, я дам правильные ответы...» – подумал он про себя.

– И что же?

– Он говорил, что я был лучшим стражником под его началом и ему очень жаль меня отпускать. Говорил, я мужик что надо. Жалел, что не может платить мне двадцать пять долларов в месяц, которые я получу тут...

– Я не предлагал тебе...

– Нет, ты предложил мне двадцать долларов, но теперь, когда я вижу, какой у вас тут бардак, они меня уже не устраивают! – рявкнул Ваймс. Мякиш абсолютно не умел управлять беседой, и Ваймс не замедлил этим воспользоваться. – Если ты платишь Туку двадцать долларов, он должен давать тебе девятнадцать сдачи. Ему даже не по силам одновременно говорить и жевать жвачку. И кстати, взгляни-ка сюда.

Ваймс бросил на стол наручники. Мякиш и Пятак уставились на них как замороженные.

«Да уж...» – подумал Ваймс, поднимаясь и выхватывая арбалет из рук Пятака. Тут главное – правильно двигаться. Если двигаешься уверенно, можешь выиграть пару секунд. Уверенность – это всё. Он выпустил стрелу в пол и передал арбалет стражнику.

– Даже ребенок мог бы избавиться от этих наручников, а Пятак, хотя и содержит камеры в чистоте, надзиратель никудышный, – сказал Ваймс и навис над столом. – Это ваше заведение нуждается в хорошей встряске.

Костяшки его пальцев упирались в стол капитана, а лицо находилось всего в нескольких дюймах от дрожащих усов и мутных глаз Мякиша.

– Двадцать пять долларов, или я ухожу, – произнес он слова, которых,

вероятно, не произносил еще ни один заключенный во всем мире.

– Двадцать пять долларов... – как загипнотизированный, повторил Мякиш.

– И звание сержанта при оружии, – добавил Ваймс. – Не просто сержанта. Не хочу, чтобы мной командовали люди типа Тука.

– Сержант при оружии... – рассеянно повторил Мякиш, но Ваймс расслышал в его голосе едва заметные нотки одобрения.

Должно быть, Мякишу понравилось, как звучит это звание – по-военному. Хотя на самом деле оно пришло из тех времен, когда Стражи еще не существовало и суд, чтобы доставить в зал обвиняемого, нанимал здоровяка с дубиной, которого звали приставом или сержантом при оружии. Простота и изящность этого решения проблем всегда восхищала Ваймса.

– Ну... э... шериф Ураклякс... э... определенно дал тебе блестящие рекомендации, – наконец пробормотал капитан, зашуршав бумагами. – Действительно блестящие. Мы столкнулись с определенными трудностями, потеряв сержанта Ви...

– Я хочу получить жалованье за первый месяц авансом, сэр. Нуждаюсь в одежде, приличном питании и жилье.

Мякиш откашлялся.

– Многие неженатые стражники живут в казармах на Халявной стороне...

– Но не я, – перебил его Ваймс. – Я остановлюсь у доктора Газона на Мерцающей улице.

«Ну, Роза ведь намекала, что у него есть свободная комната...»

– У этого трипперного, х-на, докторишки? – изумился Пятак.

– Я очень разборчив в своих знакомствах, – сказал Ваймс. – Кстати, доктор живет буквально в двух шагах отсюда.

Он убрал руки со стола, отошел на шаг и отдал честь с до смешного преувеличенной лихостью, как всегда нравилось Мякишу.

– Прибуду на службу ровно в три завт... сегодня, сэр! – рявкнул он. – Благодарю вас, сэр!

Мякиш заворуженно смотрел на него.

– Двадцать пять долларов, сэр, – напомнил Ваймс, не опуская руки.

Капитан встал и шагнул к древнему зеленому сейфу в углу. Мякиш приложил все усилия, чтобы Ваймс не увидел, какую комбинацию он набирает на диске, но его потуги были совершенно излишни. Когда Ваймса произвели в капитаны, сейф стоял в том же углу, и всем была известна не только комбинация 4-4-7-8, но и то, что никто не знает, как ее изменить.

Хранили в сейфе лишь чай и сахар, а также те бумаги, которые надо было подсунуть прочитать Шнобби.

Мякиш вернулся к столу с небольшим кожаным кошельком, отсчитал нужную сумму, но, все еще пребывая в потрясении, даже не попросил Ваймса расписаться.

Ваймс взял деньги, еще раз отдал честь и протянул другую руку.

– Значок, сэр, – сказал он.

– А? Ах да, конечно...

Окончательно сломленный капитан пошарил в верхнем ящике письменного стола и достал тусклый значок стражника. Будь Мякиш более наблюдателен, он заметил бы, с какой жадностью Ваймс уставился на бляху.

Новоиспеченный сержант при оружии аккуратно взял значок и снова отдал честь.

– Присяга, сэр, – сказал он.

– Ах, это? Кажется, она где-то у меня записана...

Ваймс набрал полную грудь воздуха. Возможно, мысль была не слишком удачная, но его несло. И он уже не мог остановиться.

– Я, запятая, квадратная скобка, имя новобранца, квадратная скобка, запятая, торжественно клянусь, квадратная скобка, имя божества, выбранного новобранцем, квадратная скобка, поддерживать Законы и Постановления города Анк-Морпорк, запятая, оправдывать доверие общества и защищать подданных Его, косая черта, Ее, скобка, зачеркните несоответствующее, скобка, величества, скобка, имя правящего монарха, скобка, без страха, запятая, упрека или мыслей о собственной безопасности преследовать злодеев и защищать невиновных, запятая, не щадя своей жизни, скобка, при необходимости, скобка, для исполнения вышеупомянутого долга, запятая, и да поможет мне, скобка, вышеуказанное божество, скобка, точка, боги, запятая, храните короля, косая черта, королеву, скобка, зачеркните несоответствующее, скобка, точка.

– Ну ничего себе, просто молодец! – воскликнул Мякиш. – Ты отлично подготовился.

– А теперь Королевский Шиллинг, сэр, – заявил Ваймс, паря на крыльях дерзости.

– Что?

– Я должен получить Королевский Шиллинг, сэр.

– Э... А у нас есть?..

– Лежит, х-на, в нижнем ящике, сэр, – подсказал Пятак. – Такой, х-на, на веревочке.

– Ах да! – просияв, воскликнул Мякиш. – Давненько мы им не пользовались...

– Правда? – спросил Ваймс.

Покопавшись в столе, Мякиш достал монетку. Это был настоящий шиллинг, который благодаря содержанию в нем серебра в эти дни стоил, должно быть, добрых полдоллара, а поскольку стражники во все времена одинаковы, монетку следовало опустить на ладонь новобранца и сдернуть ее за шнурок, прежде чем тот успеет ее схватить.

Ваймс однажды уже приносил присягу. А что, если повторная присяга отменяет первую? Но никуда не денешься, нужно было по крайней мере коснуться шиллинга. Он почувствовал вес монетки ладонью и успел с недостойным чувством радости схватить ее прежде, чем капитан дернул за шнурок. Но, показав себя, Ваймс тут же разжал пальцы.

Отдав честь еще раз, Ваймс повернулся и похлопал Пятака по плечу.

– Я хотел бы поговорить с тобой на улице, с разрешения капитана, конечно.

Он вышел из кабинета.

Пятак посмотрел на Мякиша, который загипнотизированно таращился на шиллинг, раскачивающийся на шнурке как маятник.

– Хороший парень, – произнес наконец капитан. – Очень хороший... э... волевой такой...

– Тогда пойду узнаю, чего он, х-на, хочет, – сказал Пятак и вылетел из кабинета.

Он дошел почти до конца коридора, когда внезапно метнувшаяся из темноты рука схватила его за горло.

– Очень полезно водить знакомство с таким человеком, как ты, Пятак, – прошипел Ваймс.

– Так точно, сэр, – выдавил Пятак, стоя почти на цыпочках.

– Ты ведь держишь ушки востро, а?

– Так точно, сэр!

– В каждой страже, Пятак, есть человек, который всегда знает, что происходит, и может достать все, что угодно. И здесь, как мне кажется, такой человек – это ты.

– Х-на, так точно, сэр!

– Тогда слушай меня внимательно, – продолжал Ваймс. – Нужны башмаки восьмого размера, шлем семь с четвертью, хорошая кожаная накидка с капюшоном. Башмаки должны быть добротными, но изрядно поношенными. Усек?

– Поношенными?

– Да. Подошвы должны быть протертыми почти до дыр.

– Протертыми почти до дыр, усек, – кивнул Пятак.

– Нагрудник без намека на ржавчину, но можно слегка помятый.

Хороший клинок – уж поверь, Пятак, когда я возьму его в руки, то сразу пойму, хорош он или нет. Что до всего остального, не сомневаюсь, такой человек, как ты, достанет самое лучшее и доставит к десяти часам в дом доктора Газона, что на Мерцающей улице. Поверь, Пятак, ты в накладе не останешься. Я тебя отблагодарю.

– И как же? – спросил Пятак, страдая в крепкой хватке Ваймса.

– Своей вечной дружбой, Пятак, – ответил Ваймс. – А это очень редкий товар в здешних местах, можешь мне поверить.

– Так точно, сержант при оружии, сэр, – отозвался Пятак. – Сэр, а колокольчик вам разве не понадобится?

– Колокольчик?

– Чтобы звенеть и кричать «Все, х-на, спокойно!», сержант, сэр.

Ваймс обдумал предложение. Колокольчик. У каждого стражника был колокольчик, потому что так было написано в уставе, но Ваймс запретил его использование, кроме как на всяких церемониях.

– Лично мне колокольчик не нужен, Пятак, – наконец сказал он. – А сам-то ты как считаешь? Все спокойно?

Пятак попытался сглотнуть.

– Это как посмотреть, сэр, – прохрипел он.

– Молодец. До встречи.

Когда Ваймс вышел на улицу, край неба уже розовел в предчувствии рассвета, но город по-прежнему оставался переплетением теней.

Карман приятно оттягивала успокаивающая тяжесть значка. А в душе пела необъятная свобода, которую дала присяга. Ни один из правителей так и не заметил, сколько в этой самой присяге лазеек...

Ваймс направился к Мерцающей улице уверенным и неспешным шагом. Пара стражников попыталась остановить его, но выручил выданный значок. И самое главное, к нему вернулся *голос*. Была ночь, Ваймс шагал по улицам, которые, черт возьми, снова принадлежали ему, и это сразу проявилось в его манере речи. В общем, стражники сочли за благо удалиться. Ваймс не был уверен, что ему поверили, но, по крайней мере, они сделали вид, что поверили. *Голос* сулил им неприятности, несоизмеренно большие по сравнению с их жалованьем.

Один раз ему пришлось отойти в сторону, чтобы пропустить тощую клячу, волочившую по булыжной мостовой недоброй памяти громадную четырехколесную повозку. Испуганные лица уставились на него сквозь

широкие металлические прутья повозки, но уже через мгновение унылый экипаж исчез в полумраке. Ночная жатва комендантского часа.

Ваймс попал в недобрые времена. Все знали, что лорд Ветрун просто чокнутый. Один не менее безумный юноша как-то раз попытался прикончить его и непременно преуспел бы, если бы лорд в самый последний момент не шевельнулся. Стрела попала его сиятельству в руку, и люди – люди, эти безымянные горожане, которых можно встретить в любой пивной, – начали поговаривать, что стрела была отравлена и от этого разум правителя еще больше помутнел. Лорд Ветрун стал подозревать всех и вся, в любом темном углу ему мерещились коварные наемные убийцы. По слухам, каждое утро он просыпался в поту, потому что убийцы преследовали его и во сне.

Он всюду видел шпионов и заговоры, поэтому создал специальную службу по их искоренению. Но в искоренении заговоров и шпионов во все времена и повсюду есть одна главная беда: даже если поначалу никаких заговоров и шпионов нет и в помине, стоит начать их искоренять, и вот уже в заговорах и заговорщиках нет недостатка.

Хорошо хоть, Ночная Стража не имела к этому никакого отношения. Она просто брала под стражу тех, кого велели. Зато на Цепной улице работал целый специальный отдел, карающая длань его параноидального сиятельства. Официально отдел назывался Особым, но, насколько помнил Ваймс, его сотрудники обожали, когда их звали «непоминаемыми». Это они прятались в каждой тени, подслушивая разговоры; это они заглядывали в каждое окно. Ну, то есть, наверное, они. По крайней мере, если в твою дверь посреди ночи раздавался стук, это были точно они.

Ваймс остановился. Дешевая одежда промокла до нитки, в башмаках хлюпала вода, капли дождя стекали по подбородку, и он был так далеко от дома. Впрочем, в некотором предательском смысле он был как раз дома. Большую часть своего рабочего дня он проводил ночью на улице. Шагать по мокрым улицам спящего города означало для него быть живым.

Природа ночи изменилась, но природа зверя осталась прежней.

Он сунул руку в заштопанный карман и еще раз коснулся пальцами значка.

В темноте, с которой не могли бороться редкие фонари, Ваймс постучал в дверь. В одном из окон первого этажа горел свет, значит, Газон, скорее всего, еще не спал.

Через некоторое время в двери открылось маленькое окошко, и он услышал голос:

– А... Это ты.

Загромыхали отодвигаемые засовы.

Лекарь распахнул дверь. В руке он держал очень длинный шприц. Ваймс невольно уставился на это орудие. Капля лиловой жидкости упала с кончика иголки на пол.

– Ты что, собирался *заколоть* меня насмерть? – спросил он.

– Мм? – Газон посмотрел на шприц так, словно только сейчас вспомнил о нем. – А... Да нет, помогаю кое-кому решить небольшую проблему. Пациенты приходят в любое время.

– Не сомневаюсь. Э... Роза говорила, у тебя есть свободная комната, – сказал Ваймс. – Я заплачу, – добавил он быстро. – Нашел работу. Пять долларов в месяц, идет? Мне ненадолго.

– Вверх по лестнице, налево, – кивнул Газон. – Утром поговорим.

– Я не какой-нибудь чокнутый головорез, – добавил Ваймс.

Он сам не знал, зачем сказал это и кого пытался убедить.

– Ничего страшного, скоро приживешься, – успокоил его Газон. Из дверей его кабинета донесся жалобный стон. – Постель не просушена, но вряд ли это тебя волнует. А теперь, если позволишь...

Постель действительно не была просушена, и это ничуть не волновало Ваймса. Он не помнил, как лег на нее.

Один раз он проснулся в панике, когда под окнами прогрехотал огромный черный фургон. Этот звук органично вписался в его кошмар.

В десять часов утра Ваймс увидел чашку холодного чая у кровати и аккуратно сложенные стопкой доспехи и одежду на полу у двери. Он стал пить чай и разглядывать доставленное.

Он не ошибся в Пятаке. Тот выжил именно благодаря умению чують, откуда ветер дует, и мигом поворачиваться, точно флюгер. Сейчас ветер дул в сторону Ваймса. Пятак приложил даже пару чистых носков и кальсоны, хотя они не входили в заказ. Весьма заботливо с его стороны. Вряд ли ему пришлось за них заплатить. Скорее, он их просто «достал». Старая добрая Ночная Стража...

Но, черт возьми, кальсонами этот мелкий подхалим не ограничился. На каждой из нашивок над тремя сержантскими лычками красовалась маленькая золотая корона. Ваймс питал инстинктивное отвращение к коронам, но этой он даже обрадовался.

Затягивая пояс, он спустился вниз, где столкнулся с Газоном, выходящим из кабинета. Лекарь рассеянно улыбнулся, вытирая руки тряпицей, потом заметил форму. Улыбка не столько поблекла, сколько стекла с его лица.

– Шокирован? – спросил Ваймс.

– Удивлен, – ответил доктор. – Зато не удивлюсь, если Роза воспримет все как должное. Кстати сказать, я абсолютно чист. Ничего противозаконного.

– Значит, тебе нечего бояться, – пожал плечами Ваймс.

– Правда? Это только еще раз доказывает, что ты не местный, – хмыкнул Газон. – Позавтракать не хочешь? Есть почки.

На этот раз улыбка стекла с лица Ваймса.

– Ягненка, – добавил доктор.

В крохотной кухне он снял крышку с высокого глиняного горшка и достал оттуда банку. Из горшка повалил пар.

– Лед, – пояснил лекарь. – Беру напротив. Зато еда всегда свежая.

Ваймс нахмурился.

– Напротив? В покойнице, то бишь?

– Не волнуйся, его не использовали, – успокоил Газон, ставя на плиту сковороду. – Один из моих пациентов, господин Гарнир, оставляет мне несколько раз в неделю по куску примерно того же размера, что его опухоль.

– Но в основном ты пользуешься дамочек, работающих, скажем так, на договорной основе? – уточнил Ваймс.

Газон резко посмотрел на него, словно проверяя, шутит ли он, но выражение лица Ваймса нисколько не изменилось.

– Не только их, – ответил лекарь. – Есть и другие.

– Люди, которые входят через заднюю дверь, – подсказал Ваймс, окидывая взглядом тесную кухню. – Люди, которые по той или иной причине не могут обратиться... к более известным докторам?

– Или не могут себе этого позволить, – уточнил Газон. – Люди, которые вдруг лишились документов. Куда ты клонишь... Джон?

– Просто спрашиваю, – ответил Ваймс, проклиная себя за то, что попался в ловушку. – Просто мне стало интересно, где тебя учили.

– С чего бы это?

– Те, кто входит через заднюю дверь, обычно относятся к категории людей, которым нужны результаты.

– Ха. Я учился в Клатче. У них там много новаторских идей в области медицины. Например, они считают, что в результате лечения пациентам должно становиться лучше. – Он перевернул почку вилкой. – Честно говоря, сержант, ты мне нравишься. Мы оба делаем то, что должны, работу нашу трудно назвать, э-э, популярной, и думаю, у тебя, как и у меня, есть черта. Я не мясник. Роза уверяет, что ты тоже. Ты... Ты делаешь работу,

которая прямо перед тобой; в противном случае кто-то умрет.

– Я это запомню, – сказал Ваймс.

– В конечном счете, – добавил Газон, – на свете существуют и куда более неприятные занятия, чем щупать пульс у женщин.

После завтрака сержант при оружии Джон Киль вышел на улицу в первый день оставшейся ему жизни.

Постояв неподвижно, он закрыл глаза и слегка крутнулся туда-сюда на пятках, словно пытаясь погасить два окурка одновременно. Широкая улыбка медленно расплылась на его лице. Пятак нашел-таки правильные башмаки. В последние... то есть в грядущие годы Вилликинс и Сибилла вошли в тайный сговор с целью помешать Ваймсу носить старые, хорошо изношенные башмаки – тайком похищали их и отдавали башмачнику сменить подошвы. Как же приятно снова ощущать улицу под ногами, да еще и когда в башмаках ничего не хлюпает. Проведя целую жизнь в дозоре, он научился *чувствовать* улицы. Взять, к примеру, булыжник – он бывает множества видов: «кошачьи головы», «тролльи головы», «буханки», длинная и короткая брусчатка, «кругляки», «морпоркские шестерики», восемьдесят семь типов дорожных кирпичей и четырнадцать типов каменных плит, а еще двенадцать типов камня, не предназначенного для мощения, но тем не менее использованного для него, и все со своими узорами износа, а еще щебень и гравий, и следы ремонта, и тринадцать разных типов подвальных люков, и двадцать типов сливных лю...

Ваймс попрыгал, словно проверяя твердость земли под ногами.

– Улица Вязов, – сказал он и подпрыгнул еще раз. – На пересечении с Мерцающей. Точно.

Он вернулся!

От улицы Паточной Шахты его отделяло не так много шагов, и когда Ваймс свернул к зданию Стражи, его взгляд привлекло яркое пятно.

Да, вот она, торчит из-за садовой ограды. В городе было много сирени. Она живучая, ее так просто не изведешь, и это правильно. Бутоны уже набухли, готовые вот-вот раскрыться.

Он стоял и смотрел, как ветеран на поле старой битвы.

...поднимают руки и летят, и летят, и летят...

«И что дальше? Думай о событиях так, словно они происходят по порядку. Не делай вид, будто ты знаешь, что произойдет, потому что этого может и не произойти. Будь самим собой. Будь верен себе».

Верный себе, Ваймс сделал несколько мелких покупок в лавках, приткнувшихся в темных переулках, и направился на службу.

Днем в здании Ночной Стражи на улице Паточной Шахты обычно

никого не было, но Ваймс был уверен, что застанет по крайней мере Пятака. Тот был Бессменной Сменой, как Шнобби, Колон и Моркоу и, если разобраться, сам Ваймс. Пребывание на службе было их постоянным состоянием. Они оставались торчать в караулке, даже когда сменялись с дежурства, потому что именно здесь проходила их жизнь. Настоящий стражник не вешает службу на крюк у двери, отправляясь домой.

«Но я научусь этому, обещаю, – подумал Ваймс. – Когда я вернусь, все будет иначе».

Он обошел штаб-квартиру и вошел во двор со стороны конюшен. Дверь даже не заперта. Это тоже запишем вам в минус, ребята.

Железная громадина фургона стояла пустой.

А позади находилось то, что теперь называли конюшнями. На самом же деле это был редкий образец первичного промышленного наследия Анк-Морпорка, хотя вряд ли кто-то считал его таковым. В действительности все относились к нему как к мусору, слишком тяжелому, чтобы увезти его прочь и выбросить. Это была часть подъемного механизма давно заброшенной паточной шахты. Одна из бадей намертво приклеилась к полу остатками последнего груза – густой, липкой, неочищенной патоки, которая после застывания держала крепче цемента и защищала от воды лучше, чем смола. Ваймс помнил, как пацаном выпрашивал у шахтеров кусочки свиной патоки: всего один комочек, сочащийся сладостью доисторического тростника, заставлял замолчать на неделю самого говорливого ребенка^[6].

Под залитой патокой крышей конюшни лошадь уныло жевала клочок исключительно скверного сена.

Ваймс понял, что это лошадь, потому что у нее было все, что положено иметь лошади: четыре копыта, хвост, голова с гривой, потрепанная гнедая шкура. Хотя вообще-то кляча больше напоминала полтонны костей, связанных вместе конским волосом.

Ваймс с опаской похлопал ее по шее – как прирожденный горожанин, он всегда чувствовал себя неловко в присутствии лошадей. Затем снял с гвоздя засаленную папку и перелистал страницы. Потом еще раз окинул взглядом двор. Мякиш никогда этого не делал. Ваймс увидел хлев в углу, где Тук держал свою свинью, загон для кур, голубятню и кривобокие клетки для кроликов и кое-что прикинул в уме.

Старая штаб-квартира! Все здесь было так, как в тот день, когда он впервые сюда пришел. Когда-то на этом месте стояли два дома, один из которых был конторой паточной шахты. Любое здание в городе когда-то было чем-то иным. Поэтому штаб-квартира представляла собой лабиринт

из заложенных кирпичом дверей, древних окон и убогих комнатенок.

Он бродил по двору, как по музею. Посмотрите направо, этот шлем на палке – мишень для стрельбы из лука! А теперь слева вы можете полюбоваться на вылезшие сквозь дыры в обивке пружины кресла, в котором сержант Тук так любил коротать солнечные дни!

А внутри запахи: запах мастики для полов, застарелого пота, политуры для доспехов, нестираной одежды, чернил, жареной рыбы и, конечно, всепроникающий запах патоки.

Ночная Стража. Он вернулся.

Когда первые стражники пришли на дежурство, они увидели незнакомца, непринужденно развалившегося в кресле, закинувшего ноги на стол и лениво перебиравшего документы. На плечах у него были сержантские нашивки, и всем своим видом он напоминал взведенный капкан. Новичок не обратил ни малейшего внимания на пришедших. И особое внимание он не обратил на нескладного младшего констебля, который еще был очень и очень зелен, судя по попытке начистить нагрудник...

Недовольно ворча, стражники разошлись по караулке и расселись за столами.

Ваймс видел их насквозь. Они оказались в Ночной Страже, потому что были слишком неряшливыми, уродливыми, неумелыми, неуклюжими или жестокими, чтобы служить в Дневной. Они были честны в особом, стражническом смысле. То есть не крали то, что слишком тяжело тащить. Их совесть напоминала черствый имбирный пряник.

Прошлой ночью он размышлял о том, а не произнести ли перед ними какую-нибудь зажигательную речь, чтобы представиться, но потом передумал. Может, они и скверные люди, но они стражники, а стражники не любят заигрываний типа: «Мы все – большая дружная семья» или: «Привет, парни, зовите меня просто Кристофер, моя дверь всегда открыта для вас. Уверен, если будем действовать сообща, все у нас получится и мы станем одной большой счастливой семьей». Они видели слишком много семей, чтобы поверить в подобную чушь.

Рядом раздалось злобное покашливание. Ваймс поднял взгляд на сержанта Тука по прозвищу Затык и поймал себя на желании отдать честь. Затем он вспомнил, кем был Тук.

– Что?

– Ты сидишь за *моим* столом, сержант, – сказал Тук.

Ваймс вздохнул и показал на крошечную корону на рукаве.

– Это видишь, сержант? – спросил он. – Это обычно называют

«шапкой власти».

Бегающий взгляд Тука остановился на короне, потом снова переполз на лицо Ваймса. И похоже, на сержанта снизошло понимание, поскольку глаза его полезли на лоб.

– Будь я проклят, – прошептал Тук.

– «Будь я проклят, сэр», – поправил Ваймс. – Впрочем, можешь называть меня «сержант». Большую часть времени. Это твои парни, да? Ну и ну. Ладно, начнем.

Он скинул ноги со стола и встал.

– Я просмотрел счета на корм для Мэрилин, – сказал он. – Занятное чтение, ребята. По моим грубым расчетам, лошадь, которая столько жрет, должна быть круглой, как шарик. Она же, напротив, настолько тощая, что, если вы дадите мне две палочки и ноты, я сыграю вам на ней веселую мелодию.

Ваймс бросил бумаги на стол.

– Не думайте, будто я не знаю, куда девается зерно. Спорим, я запросто догадаюсь, кто держит кур, кроликов и голубей. И свинью. И готов побиться об заклад, капитан уверен, будто вся эта живность жиреет на обедках.

– Да, но... – произнес чей-то неуверенный голос.

Ваймс ударил кулаком по столу.

– Вы морите голодом бедную лошадь! – закричал он. – Это прекратится немедленно! Как и многое другое. Я все понимаю. Лакать пиво и жрать пончики на халяву – ничего не имею против, это часть службы. И кто знает, быть может, в этом городишке найдется пара грязных забегаловок, где будут так счастливы увидеть стражника, что на радостях накормят его задаром. И не такое случалось. Но вы немедленно прекратите воровать овес у Мэрилин. И вот еще что. Здесь говорится, что прошлой ночью в фургоне было восемь пассажиров. О двоих я знаю, потому что одним был я, а второй мне знаком. А утром камеры оказались пустыми. Куда делись остальные шестеро? Сержант Тук?

Сержант нервно облизал губы.

– Куда-куда, ясно дело, выгрузили на Цепной для допроса, – сказал он. – Согласно инструкции.

– Расписку взяли?

– Что?

– Твои люди арестовали шесть человек, которые не успели домой дотемна, и передали их «непоминаемым», – произнес Ваймс с тем абсолютным спокойствием, которое, как правило, предвещает бурю. – А те

за них расписались? Вы хотя бы их имена позаботились узнать?

– Согласно приказу мы должны просто сдавать их, – с робким вызовом ответил Тук. – Сдал и свободен.

Ваймс запомнил это на будущее.

– Меня отвезли сюда, а не туда, потому что мы немного... недопоняли друг друга, – продолжил он. – А теперь, как видишь, выясняется, что мы друг друга крепко не поняли. Ты думал, я уже в Танти, считаю тараканов? Ни в коем случае. – Он сделал несколько шагов вперед. – Я стою здесь, перед тобой. Видишь меня?

– Так точно, сержант, – пробормотал Тук, побледнев от страха и злости.

– Так точно, сержант... – эхом повторил Ваймс. – Но в камере был еще один человек, и он исчез. Я хочу знать, сколько и кому. И нечего смотреть на меня с херувимской невинностью. Никаких мне «не-понимаю-что-вы-имеете-в-виду-сэр». Сколько? И кому?

Обиженная солидарность красным облаком заволокла лица стоявших перед ним стражников. Но Ваймс и так все знал. Он *помнил*. Капрал Квирк всегда жил тем, что брал на лапу. Он смахивал на Шнобби Шноббса, только без добродушной некомпетентности последнего. Представьте себе *успешного* Шнобби и добавьте склонность к запугиванию, подхалимажу и мелким пакостям.

Взгляд Ваймса упал на Квирка и остановился на нем.

– Капрал, я знаю, что прошлой ночью ты управлял фургоном, – заявил он. – Здесь сказано, что твоим напарником был младший констебль, э... Ваймс.

– *Тех, что приличные, мы особо не беспокоим. Иначе потом проблем не оберешься,* – сказал Квирк.

А он спросил:

– И как же узнать, приличные они или нет, капрал?

– А ты прикидывай, сколько они могут себе позволить.

– То есть тех, у кого водятся деньги, мы отпускаем?

– Так устроен мир, юноша, так устроен мир. Не вижу причин не получить свою долю. Видишь его кошелек? Думаю, пяти долларов будет достаточно. Четыре – мне, один – тебе, потому что ты еще учишься. Почти трехдневное жалованье, порадуешь свою старую мамулю, и кому от этого плохо?

– Но, капрал, что, если он украл эти деньги?

– А что, если луна сделана из сыра? Откажешься от ломтика?

– Думаю, ты взял с него пять долларов, капрал, – предположил Ваймс.

Скользкий взгляд капрала украдкой метнулся к юному младшему констеблю.

– Это арестованный проболтался, – соврал Ваймс. – Сказал, мол, я идиот, если не смог откупиться. Вот так, господин Квирк. В Дневной Страже очень не хватает достойных людей – может, тебя и возьмут, только не становись слишком близко к свету, когда придешь проситься. А теперь проваливай!

– Но ведь все так делают! – выпалил Квирк. – Обычный *навар*!

– Все? – переспросил Ваймс и обвел взглядом стражников. – Кто-нибудь еще берет взятки?

Его свирепый взгляд переходил с лица на лицо, и почти все стражники разом превратились в Объединенную Исследовательскую Группу По Изучению Пола и Потолка. Только трое посмотрели ему в глаза.

Одним был младший констебль Колон, никогда не отличавшийся сообразительностью. Вторым – знакомый младший констебль с искаженным от ужаса лицом. И еще темноволосый круглолицый констебль – он выглядел озадаченным, словно отчаянно пытался что-то вспомнить, но тем не менее смотрел прямо в глаза спокойным взглядом настоящего вралю.

– Похоже, что нет, – хмыкнул Ваймс.

Квирк вытянул руку, тыча дрожащим пальцем в сторону молодого Сэма Ваймса.

– Он взял долю! Долю взял! – завопил он. – Спроси у него!

Ваймс почувствовал, как волна отвращения прокатилась по стражникам. Квирк только что совершил самоубийство. Не выдавать друг друга офицерам – это было честно, но, когда игры кончены, Нельзя Толкать Товарища В Дерьмо. Да, слова «честь стражника» давно стали поводом для насмешек, но свой кодекс чести у них все же был, пусть и извращенный. Нельзя Толкать Товарищей В Дерьмо. Особенно зеленых, толком еще не успевших ничего понять новобранцев.

Ваймс первый раз повернулся к молодому человеку, на которого до этой минуты старался особо не смотреть.

«О боги, неужели я был таким тощим? – подумал он. – Неужели у меня был такой огромный кадык? И неужели я действительно пытался счистить ржавчину с нагрудника?»

Глаза юноши закатились, были видны только белки.

– Младший констебль Ваймс, не так ли? – тихим голосом спросил Ваймс.

– Так точно, сэр! – прохрипел Сэм.

- Вольно, младший констебль. Ты действительно взял свою долю?
- Так точно, сэр. Один доллар, сэр.
- По наущению капрала Квирка?
- Э... сэр?
- Он сам тебе предложил? – перевел Ваймс.

Он спокойно наблюдал за собственными мучениями. Нельзя Толкать В Дерьмо Своего Товарища.

– Хорошо, – промолвил он наконец. – С тобой я поговорю позже. Ты еще здесь, Квирк? Хочешь пожаловаться капитану – я не против. Но если через десять минут ты не заберешь из шкафчика свои пожитки, будешь платить аренду!

Квирк затравленно оглянулся в поисках аморальной поддержки, но так и не обрел ее. Он зашел слишком далеко. Кроме того, стражники всегда чувствуют, когда над головой сгущаются тучи дерьма, и никому не хотелось лезть под ливень ради такого человека, как Квирк.

– А я и пожалуюсь, – пообещал он. – Пожалуюсь капитану. Вот увидишь. Сам увидишь. Четыре года беспорочной службы, и я...

– Четыре года неловленной службы, – возразил Ваймс. – Пшел вон.

Когда шаги Квирка стихли, Ваймс обвел стражников испепеляющим взглядом.

– Добрый день, парни, я – Джон Киль, – представился он. – Нам лучше ладить. А теперь приведите себя в порядок, капитанский смотр через две минуты... Разойдись! Сержант Тук, можно тебя на пару слов?

Стражники поспешно разошлись. Тук подошел ближе, с трудом скрывая волнение. В конце концов, его непосредственным начальником стал человек, которому он прошлой ночью врезал ногой по яйцам. За такое ведь можно и злобу затаить. Кроме того, у сержанта Тука было время все взвесить.

– Я просто хотел сказать, сэр, прошлой ночью... – начал он.

– Меня не интересует прошлая ночь, – перебил его Ваймс.

– Правда?

– Ты рекомендовал бы произвести Фреда Колона в капралы? Мне было бы интересно твое мнение.

– Правда?

– Определенно. Он производит впечатление надежного парня.

– Он? Да, конечно. Очень дотошный. – Облегчение валило от Тука волнами, словно клубы пара. – Никогда не спешит. Хочет вступить в один из полков.

– Стало быть, проверим его, пока он служит у нас. Это значит, что нам

потребуется другой младший капрал. Что за парень стоял рядом с Колоном?

– Тренч, сэр. Нед Тренч. Смысленный парень, иногда думает, что умнее всех, но все мы были такими, верно?

Ваймс кивнул. Выражение его лица ничем не выдавало тот факт, что, по его мнению, некоторые существа, цепляющиеся за верхние ветви деревьев, прогрессировали куда дальше сержанта Тука.

– Значит, ему не повредит почувствовать некоторую ответственность, – сказал он.

Тук кивнул. В эту минуту он готов был согласиться абсолютно со всем. Даже его поза явственно говорила: «Мы, сержанты, должны держаться вместе, верно? Мы тут толкуем о своих, сержантских вещах. Нас не волнует, что кто-то кому-то заехал ногой прямо в расселину. Только не нас! Потому что мы – сержанты».

Тут в комнату вошел Мякиш, Тук выпучил глаза и отдал честь. Другие стражники как-то нерешительно последовали его примеру. Капитан церемонно ответил на приветствия и с некоторым беспокойством посмотрел на Ваймса.

– А, сержант, – сказал он. – Осваиваешься?

– Так точно, сэр. Никаких проблем.

– Молодец. Так держать.

Когда командир поднялся по скрипящим ступеням, Ваймс снова повернулся к Туку.

– Сержант, мы не отдаем своих задержанных без расписки, понятно? Никогда! Что с ними происходит потом? Ты *знаешь*?

– Их допрашивают, – ответил Тук. – Мы доставляем их туда на допрос.

– А какие вопросы им задают? Сколько времени требуется двум мужчинам, чтобы выкопать половину ямы? Типа того?

– Что? – Тук озадаченно сдвинул брови.

– Начиная с сегодняшнего дня кто-нибудь на Цепной улице будет расписываться за арестованных, или мы будем привозить их сюда, – заявил Ваймс. – Чертовски элементарно, сержант. Передаешь арестованных, получаешь квитанцию. Разве в Танти ты поступаешь иначе?

– Да, конечно, но... Цепная улица... То есть, сэр, вы, конечно, не знаете, что там происходит, но с «непоминаемыми» с Цепной лучше не...

– Послушай, я же не приказываю тебе вышибать там двери и орать: «А ну-ка, все, резко бросили тиски для пальцев!» – пояснил Ваймс. – Я говорю, что мы должны следить за судьбой арестованных. Когда ты арестовываешь человека, то передаешь его под расписку Пятаку, верно? Когда он уходит, Пятак или дневальный отмечают это в журнале, не так ли?

Обычная процедура содержания под стражей! Таким образом, если передаешь арестованного в контору на Цепной, кто-то должен расписаться в получении. Понятно? Нельзя, чтобы человек просто *исчезал*.

Выражение лица Тука выдавало тяжелые раздумья о его, Тука, ближайшем будущем. Точнее, о том, что возможностей подзаработать теперь станет гораздо меньше, зато риск получить выволочку – куда больше.

– И чтобы не было никаких сомнений в том, что все меня правильно поняли, сегодня я сам поеду на фургоне, – сказал Ваймс. – Но сначала прогуляюсь с этим пареньком Ваймсом. Хочу немного встряхнуть его.

– Это ему не мешает, – одобрил Тук. – Никак не может настроиться. Руками работает хорошо, но всё ему приходится повторять дважды.

– Тогда я буду говорить один раз, но громко, – ответил Ваймс. – Ваймс! Младший констебль Ваймс задрожал и вытянулся по стойке «смирно».

– Мы идем в дозор, юноша, – сказал Ваймс. – Пора тебе узнать, что к чему.

Он кивнул Туку, взял себя молодого за плечо и вышел из штаб-квартиры.

– Ну, сержант, что скажешь? – спросил Тренч, подойдя сзади к Туку, который яростно уставился вслед удалявшейся спине Ваймса.

– Ты ему нравишься, – с горечью в голосе произнес Тук. – В тебе он просто души не чает. Как в старом приятеле. Кстати, тебя произвели в младшие капралы.

– Долго протянет?

– Думаю, пару недель, – пожал плечами Тук. – Видал я таких. Большие люди из маленьких городишек, заявляют сюда и начинают задирать нос. Но мы им носы быстро подрезаем по размеру. Как считаешь?

– Не знаю, сержант, – ответил Тренч. – Еще считаю.

– Службу-то он знает, можешь мне поверить, – сказал Тук. – Но слишком уж хвост распускает. Ничего, скоро узнает. Узнает... Мы ему покажем. Собьем спесь. Покажем, как здесь дела делаются...

Обычно Ваймс предпочитал обходить улицы один, чтобы рядом никого не было. А сейчас его было двое, но рядом не было никого, кроме него, Ваймса. Странное было чувство, будто смотришь на мир через маску.

– Нет, не так, – буркнул он. – Вечно приходится учить людей ходить. Ступни высоко не поднимай, да-да, типа того. Если освоишь, сможешь ходить весь день не уставая. Ты никуда не торопишься. И должен все подмечать.

– Так точно, сержант, – отозвался молодой Сэм.

Это называлось «следовать». Ваймс следовал по улице Паточной Шахты и чувствовал себя... великолепно. Конечно, ему хватало поводов для головной боли, но здесь и сейчас от него требовалось всего лишь обходить дозором улицы, и он наслаждался этим. В старой Страже было мало бумажной работы, и, если вдуматься, в будущем ее станет так много именно благодаря ему. А сейчас нужно было просто выполнять свой долг, как его учили. Просто быть самим собой.

Молодой Сэм почти все время молчал. То есть вел себя разумно.

– Вижу, тебе выдали колокольчик, юноша, – заметил через некоторое время Ваймс.

– Так точно, сержант.

– Уставной?

– Так точно, сержант. Сержант Тук выдал.

«Не сомневаюсь», – подумал Ваймс.

– Когда вернемся, поменяйся с кем-нибудь. Неважно с кем. Никто ничего не скажет.

– Хорошо, сержант.

Ваймс ждал.

– Но зачем, сержант? Все колокольчики одинаковы.

– Только не этот, – сказал Ваймс. – Он в три раза тяжелее обычного. Его выдают новичкам, чтобы посмотреть, как они себя поведут. Ты не жаловался?

– Никак нет, сержант.

– Правильно. Ничего не говори, просто передай его другому молокососу, когда вернемся. Так поступают настоящие стражники. Кстати, почему ты пошел в Стражу?

– Мой приятель Иффи записался в стражники в прошлом году. Сказал, что кормят бесплатно, выдают форму и всегда есть возможность зашибить лишний доллар.

– Ага, Иффи Суматошкинс, что живет неподалеку, в районе Сестер Долли, – кивнул Ваймс. – И часто тебе приходилось зашибать лишний доллар?

Некоторое время они шли молча. Потом Сэм спросил:

– Сержант, я должен вернуть тот доллар?

– Ты сам себя как *оцениваешь*? В доллар?

– Я отдал его матери, сержант.

– А ты рассказал, как он тебе достался?

– Я не хотел! – выпалил Сэм. – Но капрал Квирк сказал...

– А его стоило слушать?

– Не знаю, сержант.

– Не знаешь? Уверен, твоя матушка воспитывала тебя иначе, – хмыкнул Ваймс.

«Конечно иначе, – подумал он. – Узнай она, что доллар заработан нечестно, мигом разукрасила бы твою задницу, стражник ты или нет».

– Так точно, сержант. Но все этим занимаются. Я не говорю о стражниках, но посмотрите на город. За жилье дерут все больше, налоги растут, да еще новые налоги постоянно вводят, и все это так бесчеловечно, сержант, жестоко. Ветрун продал нас всех своим приятелям, это факт, сэр.

– Гмм, – промычал Ваймс.

Ну да, точно. Налоговые поборы. Хитроумное изобретение. Старый добрый Ветрун. Передал права на сбор налогов тем, кто предложил самую высокую цену. Отличная идея, почти такая же блестящая, как запрет носить оружие после наступления темноты. Потому что а) тебе не надо больше тратиться на сборщиков налогов и всю систему пополнения казны; б) ты получаешь вагон наличных, причем сразу. И в) весь процесс сбора налогов становится делом могущественных людей, которые, невзирая на свое могущество, предпочитают держаться в тени. Зато те, кого они нанимают, не только выходят из тени, но и запросто заслоняют собой любой источник света. О, эти работнички великолепно владеют ремеслом сбора дани, особенно им удается прием «На Меня Смотри, Кому Г-рю!». Как сказал об этом Витинари? «Взимание налогов не более чем ловко замаскированное вымогательство»? Что ж, откупщики не очень-то маскировались в своем стремлении окупить вложения.

Ваймс помнил те... *эти* дни. Город никогда не выглядел более нищим, хотя, боги свидетели, налоги собирались, и в огромных количествах.

Трудно объяснить такому юноше, как Сэм, почему присваивать доллар при первой же возможности – это плохо.

– Давай взглянем на происходящее с другой стороны, младший констебль, – предложил он, когда они повернули за угол. – Ты отпустил бы убийцу за тысячу долларов?

– Никак нет, сэр!

– Но за тысячу ты смог бы купить своей матери красивый дом в хорошем районе.

– Перестаньте, сержант. Я не из таких.

– Ты стал таким, когда взял тот доллар. Все остальное – просто вопрос цены.

Они долго шли молча. А потом...

– Сержант, меня уволят? – спросил младший констебль.

– Из-за одного доллара? Нет.

– Спасибо, конечно, но лучше бы меня уволили, – несколько вызывающе произнес молодой Сэм. – В прошлую пятницу нас послали разогнать митинг у Университета. Люди просто разговаривали! И мы должны были выполнять приказы какого-то *штатского*, ну а парни с Цепной улицы малость грубоваты... И не то чтобы у людей было оружие или что-то такое! Только не говорите, что это правильно, сержант. А потом мы загрузили несколько человек в фургон, просто для разговора. Элсон, сын госпожи Филлин, так домой и не вернулся. Говорят, его отволокли во дворец только потому, что он назвал его светлость чокнутым. А теперь люди с моей улицы смотрят на меня как-то странно.

«О боги, я помню, – простонал про себя Ваймс. – Я-то думал, мне придется гоняться за людьми, которые в конце улицы всегда будут останавливаться и говорить: “Все, начальник, ты меня поймал”. Думал, уже к концу недели меня наградят медалью».

– В наше время нужно быть осторожнее со словами, приятель, – сказал он.

– Да, но мама говорит, пускай сажают всяких смутьянов и психов, лишь бы нормальных людей не трогали.

«И это я? – подумал Ваймс. – Вот этот тип, у которого понимания, что происходит в обществе, как у вши?»

– Кстати, он ведь действительно чокнутый. Нам нужен такой человек, как Капканс...

«И инстинкт самосохранения, как у лемминга».

– Юноша, послушай совет. В этом городе и в это время, если не знаешь, с кем разговариваешь, лучше молчи.

– Понятно, но Капканс говорит...

– *Послушай*. Стражник никогда не треплется. Не говорит то, что знает. Не говорит то, что думает. Нет. Он наблюдает и слушает, учится и выжидает. Его ум лихорадочно работает, но лицо ничего не выражает. Пока не настанет *момент*. Понятно?

– Понятно, сержант.

– Хорошо. Кстати, приятель, ты мечом владеешь?

– Да, я ходил на тренировки.

– Отлично. Отлично. На тренировки. Просто здорово. Значит, если на нас вдруг нападут мешки с соломой, я могу на тебя положиться. А пока заткнись, держи ушки на макушке, смотри в оба и *учись*.

«Капканс – вот кто нас спасет, – мрачно подумал он. – Да, я в это

верил. Многие верили. Только потому, что он иногда проносился по городу в открытой повозке, останавливался, подзывал к себе людей и разговаривал с ними, причем разговоры чаще всего были типа: “Так ты плотник? Чудесно! И чем ты занимаешься на своей работе?” Только потому, что он публично заявлял: мол, налоги несколько завышены. Только потому, что он *махал рукой*».

– Вы здесь уже бывали, сержант? – спросил Сэм, когда они повернули за угол.

– Все когда-нибудь бывали в Анк-Морпорке, юноша, – весело ответил Ваймс.

– Согласен, но мы обошли улицу Вязов по самому короткому маршруту, а я позволял вам идти впереди.

Проклятье. Вот куда могут завести ноги. Один волшебник как-то рассказывал Ваймсу о чудовищах из Пупземелья, настолько громадных, что у них в лапах имеются дополнительные мозги, «потому что команды от головы так далеко не доходят». Вот и у стражника со временем заводятся дополнительные мозги в ступнях, это уж точно.

Улица Вязов, налево к Ямам, затем снова налево на Поносную... Таким был маршрут его первого в жизни дозора, и Ваймс мог пройти по нему не глядя. Что он и сделал.

– Я хорошо подготовился, – соврал он.

– Вы узнали Неда? – спросил Сэм.

Тут Ваймс порадовался, что его ноги сами знают, куда идти, потому что мозг вдруг заполнился тревожным звоном.

– Неда? – переспросил он.

– Как раз перед тем, как вы пришли, он сказал, что помнит вас по Псевдополису, – ответил Сэм, не замечая тревоги Ваймса. – Он служил в тамошней Дневной Страже, потом перевелся к нам, решив, что здесь больше шансов продвинуться по службе. Сказал, что вы большой человек.

– Что-то не припоминаю, – осторожно произнес Ваймс.

– А вы не такой уж и большой, сержант.

– Ну, возможно, в те времена Нед был меньше ростом, – пожал плечами Ваймс, хотя больше всего ему хотелось рявкнуть: «Слушай, парень, заткнись, а!»

Но парень был не кем иным, как им самим... Тем, кто замечает малейшие детали. Обращает внимание на несоответствия. То есть он был настоящим стражником. Вероятно, Ваймс должен был гордиться собой в юности, но почему-то не мог.

«Ты – не я, – подумал он. – Вряд ли я когда-то был таким молодым.

Если ты собираешься стать мной, тебе придется серьезно поработать над собой. Тридцать проклятых лет на наковальне жизни. Тебе еще предстоит их пережить».

Вернувшись в штаб-квартиру, Ваймс лениво подошел к шкафу Улик и Потерянного Имущества. На дверце висел замок, но его никогда не запирали. Ваймс быстро нашел то, что искал. Непопулярному стражнику нужно быть ко всему готовым, а он собирался стать непопулярным.

Затем он поужинал, выпил кружку густого коричневого какао, на котором работала Ночная Стража, и направился с Сэмом к тюремному фургону.

Он уже просчитал метод действия своих нынешних товарищей по Страже и нисколько не удивился, обнаружив, что те решили прибегнуть к старому трюку злорадно-неукоснительного исполнения приказов. Подъехав к первому месту сбора, он увидел младшего капрала Тренча и констебля Дрынна в компании с четырьмя угрюмыми и вяло протестующими полуночниками.

– Четверо, сержант, – доложил Тренч, лихо отдав положенную по уставу честь. – Все арестованы, сэр! Все записаны в протоколе, который я передаю вам в эту минуту, сэр!

– Отличная работа, младший капрал, – сухо похвалил его Ваймс, взяв документ. Он подписал один экземпляр и вернул его капралу. – Получишь полдня отгула на Свячельник, передавай от меня привет своей бабушке. Сэм, грузи их в фургон.

– Обычно мы задерживаем не больше четырех-пяти человек зараз, сержант, – прошептал Сэм, когда фургон покатился дальше. – Что будем делать?

– Сделаем несколько ездов, – ответил Сэм.

– Но ребята прика... подшучивают, сэр! Они смеялись!

– Наступил комендантский час, – отрезал Ваймс. – Таков закон.

Капрал Колон и констебль Букли ждали их на своем посту с еще тремя злодеями.

Одним из которых была Роза Лада.

Ваймс передал поводья Сэму, прыгнул на землю, открыл дверь фургона и разложил ступени.

– Жаль видеть тебя здесь, сударыня, – сказал он.

– Похоже, один сержант-новичок решил показать, как он крут, – откликнулась Роза Лада голосом холодным, как айсберг.

Презрительно отказавшись от помощи, она сама забралась в повозку.

Среди задержанных была еще одна женщина, ростом пониже Розы. Она уставилась на Ваймса с отчаянной задиристостью. В руках она держала огромную корзину с рукоделием, обшитую стеганой тканью. Ваймс по привычной галантности взял корзину, помогая женщине подняться по ступенькам.

– Мне очень жаль, госпожа, но... – начал было он.

– Убери свои поганые лапы! – Она вырвала корзину из его рук и скрылась в темноте фургона.

– Э-э, ну прости, – только и мог промолвить Ваймс.

– Это Сандра Батье, – пояснила уже устроившаяся на скамье Розы. – Она белошвейка.

– Но я думал...

– Я сказала «белошвейка», – повторила Розы. – С иголками и нитками. Ее конек – макраме.

– Гм... Это типа... – хотел спросить Ваймс.

– Это типа вязания, – встряла из темноты фургона Сандра Батье. – Странно, что ты этого не знаешь.

– То есть она самая настоящая... – начал было Ваймс, но Розы захлопнула железную дверь.

– Поехали, Джон Киль. Потом поговорим.

Из темноты фургона донеслось хихиканье, тут же оборвавшееся воплем. А буквально за миг до крика раздался характерный звук, с которым острый каблучок вонзается в подъем стопы.

Ваймс с каменным лицом подписал замызганный протокол и вернул его Фреду Колону. Капрал слегка забеспокоился.

– Куда теперь, сержант? – спросил Сэм, когда фургон поехал дальше.

– На Цепную, – ответил Ваймс.

В клетке у него за спиной поднялся испуганный ропот.

– Но так же нельзя... – пробормотал Сэм.

– Таковы правила, – обрубил Ваймс. – Тебе еще предстоит узнать, зачем нужны правила, младший констебль. И нечего сверлить меня взглядом. Меня сверлили взглядом настоящие мастера этого дела, а у тебя сейчас такое лицо, словно тебе приспичило в сортир.

– Но ведь всем известно: там людей *пытают*, – пробормотал Сэм.

– Правда? – удивился Ваймс. – Тогда почему никто ничего не делает по этому поводу?

– Потому что там пытаются.

«Ага, – подумал Ваймс, – Кажется я наконец начинаю понимать основные движущие силы этого общества».

Фургон громыхал по улицам, с соседнего места на козлах не доносилось ничего, кроме мрачного молчания, но за спиной Ваймса слышался шепоток. Среди прочего ему удалось разобрать, как Роза Лада едва слышно прошипела: «Не, с ним это не пройдет, на что угодно могу поспорить».

А еще через несколько секунд раздался мужской голос, несколько искаженный от выпивки, а еще больше – от страха, сводящего судорогой мочевого пузыря:

– Э... сержант, нам... э... кажется, мы должны заплатить штраф... э... пять долларов?

– А мне так не кажется, сэр, – ответил Ваймс, не сводя глаз с залитой дождем мостовой.

Снова донеслось отчаянное перешептывание. Потом тот же голос произнес:

– А еще у меня... э... есть красивое золотое колечко...

– Очень рад за вас, сэр, – сказал Ваймс. – У каждого человека должно быть что-нибудь красивое.

Он похлопал по карману в поисках серебряного портсигара и на мгновение ощутил скорее гнев, чем отчаяние, и скорее грусть, чем гнев. Будущее есть. Должно быть. Он помнил его. Но оно существует только в воспоминаниях, ненадежных, как мыльный пузырь, и, вероятно, столь же недолговечных.

– Э... А также я мог бы добавить...

– Сэр, если вы еще раз попытаете предложить мне взятку, – перебил его Ваймс, когда фургон повернул на Цепную улицу, – я вас сам отмечу. Считайте это предупреждением.

– Может, есть другой способ... – произнесла Роза Лада, когда впереди замаячили огни конторы на Цепной.

– Для двухпенсовой перепышки место также неподходящее, – отрезал Ваймс и тут же услышал коллективный вздох. – Замолчите, все.

Он остановил Мэрилин, спрыгнул на землю и достал из-под сиденья папку.

– Семеро для вас, – сказал он стоявшему у дверей охраннику.

– Чо, правда? – хмыкнул охранник. – Ну, открывай, пускай выгружаются.

– Хорошо, – Ваймс полистал бумаги. – Нет проблем. – Он сунул папку стражнику под нос. – Распишись здесь.

Охранник отшатнулся, словно Ваймс протянул ему змею.

– Чо значит «распишись»? – изумился он. – Выгружай давай!

– Распишись, – упрямо повторил Ваймс. – Таковы правила. Задержанные передаются под охрану другого лица только под расписку. Если не получу твою подпись, это может стоить мне службы.

– Да твоя служба и плевка не стоит, – прорычал охранник, вырывая из его рук папку.

Он тупо уставился на нее, а Ваймс протянул карандаш.

– Если возникнут проблемы с трудными буквами, дай знать, – с готовностью вызвался он.

Недовольно ворча, охранник накарябал что-то на бумаге и вернул папку Ваймсу.

– А теперь отворяй, *дорогуша*.

– Конечно, – сказал Ваймс, бросив взгляд на расписку. – Но сначала я хотел бы увидеть твои документы, будь добр.

– Чо?

– Дело не во мне, понимаешь? – пояснил Ваймс. – Но когда я вернусь и покажу своему капитану этот клочок бумаги, он скажет мне: «Послушай Ва... Киль, откуда ты знаешь, что это был именно Генри-Хомяк?» – и этот вопрос поставит меня... в крайне затруднительное положение. Возможно, я даже приду в замешательство.

– Слышь, мы не расписываемся за арестованных!

– Зато мы расписываемся, Генри, – сказал Ваймс. – Нет подписи – нет арестованных.

– И ты чо, помешаешь нам их забрать? – осведомился Генри-Хомяк, делая несколько шагов вперед.

– Если ты коснешься рукой этой двери, – предупредил Ваймс, – я буду вынужден...

– Отрубить ее, да?

– Арестовать тебя, – поправил Ваймс. – Для начала, за создание помех правосудию, а в участке придумаю еще несколько обвинений.

– Арестовать? Меня? Но я такой же стражник, как ты!

– Опять ошибаешься, – сказал Ваймс.

– Так, что здесь происходит?

Маленький тощенький человечек появился в свете факелов. Генри-Хомяк отступил на шаг и принял позу величайшего подобострастия.

– Сэр, этот офицер отказывается передавать нам нарушителей комендантского часа, – отрапортовал он.

– Этот самый? – спросил человечек, подсакивая к Ваймсу странно дерганым манером.

– Так точно, сэр.

Ваймс почувствовал на себе холодный и неприкрыто враждебный взгляд отмороженных, как у ручной крысы, глаз бледного человечка.

– А, – сказал человечек, открывая маленькую жестянку и доставая зеленую пастилку для горла. – Ты совершеннослучайно не... Киль? Я уже... слышал тебе.

Голос человечка был таким же нетвердым, как походка. Паузы возникали в совершенно неуместных местах.

– До вас быстро доходят вести, сэр.

– В таких случаях принято отдавать честь, сержант.

– Не вижу кому или чему, сэр, – сказал Ваймс.

– Верноподмечено. Верноподмечено. Ты – новичок, конечно. Но, понимаешьли, мы, особисты... часто находим необходимымходить... в штатском.

«Как же, помню... В резиновом фартуке, например», – подумал Ваймс, а вслух произнес:

– Так точно, сэр.

Хорошая фраза. Может означать все, что угодно, или совсем ничего. Если больше ничего не говорить, она остается не более чем знаком препинания.

– Я – капитан Загорло, – представился человечек. – Цоп Загорло. Если имя кажетсятебе забавным, ухмыльнись... и покончим с этим. Теперь можешь отдать честь.

Ваймс отдал честь. Уголки рта Загорло на мгновение поднялись.

– Хорошо. Твое первое дежурство на тюремном фургоне, сержант?

– Сэр.

– Ты приехал так рано. С полным фургоном. Может быть... взглянем на твоих пассажиров? – Он заглянул в фургон сквозь прутья решетки. – А, добрый вечер, Лада. С подружкой, как я вижу...

– Я занимаюсь макраме!

– ...А это, похоже, ночныегуляки. Так-так. – Загорло отошел. – Эти твои патрульные такие проказники, сержант. Они ивправду *прочесали* улицы. А уж какони любят... пошутить.

Загорло положил ладонь на ручку двери фургона, и тут раздался звук – едва слышный, но в повисшей тишине он прогремел, как раскат грома. Звук меча, который частично достали из ножен.

Загорло на мгновение замер как вкопанный, после чего ловко закинул в рот очередную пастилку.

– Ага. Я думаю, эту мелкую рыбешку можно отпустить... обратнореку, чтоскажешь, сержант? Не стоит делать иззакона...

посмешище. Увози их, увози.

– Так точно, сэр.

– Одну минуту, сержант. Сделай одолжение... У меня есть... маленькое хобби...

– Сэр?

Загорло пошарил в кармане своего слишком длинного пальто и достал очень большой стальной циркуль. Ваймс поморщился, когда Загорло принялся измерять циркулем ширину его черепа, переносицы и длину бровей. Потом капитан прижал к его уху стальную линейку.

Производя измерения, Загорло что-то бормотал себе под нос. Закончив, он со щелчком сложил циркуль и убрал его в карман.

– Должен тебя поздравить, сержант, – объявил он, – с успешным преодолением врожденных пороков. Ты знаешь, что у тебя глаза серийного убийцы? В таких вопросах я никогда... не ошибаюсь.

– Никак нет, сэр. Не знаю, сэр. Но впредь постараюсь никогда ими не пользоваться, сэр, – отозвался Ваймс.

Загорло даже не улыбнулся.

– Уверен, когда ты освоишься, твоя дружба с капралом, ага, Хомяком, будет крепнуть неподнямапочасам.

– Не по дням, а по часам. Так точно, сэр.

– Не смею... больше задерживать, сержант Киль.

Ваймс отдал честь. Загорло кивнул, развернулся почти без участия ног, словно на шарнирах, и зашагал в контору. Или, точнее, задрогал, поправился Ваймс. Человечек двигался так же, как говорил: с неестественно переменной быстротой. Он был весь словно на пружинах – когда он шевелил рукой, первые несколько дюймов были стремительными, едва уловимыми глазом, но по мере того, как рука приближалась к намеченной цели, она двигалась все медленнее. Его речь состояла из скороговорок и пауз. Ему был абсолютно чужд какой-либо *ритм*.

Не обращая внимания на разъяренного капрала, Ваймс забрался на козлы.

– Разворачивайся, младший констебль, – приказал он. – Спокойной ночи, Генри.

Сэм дождался, пока колеса фургона не загрохочут по булыжникам, после чего обернулся к Ваймсу. Глаза у него были большими, как блюдца.

– Вы были готовы обнажить клинок, сэр? – спросил он. – Против него?

– Следи за дорогой, младший констебль.

– Но это же был сам капитан Загорло! А когда вы попросили у охранника доказать, что он действительно Генри-Хомяк, я едва не обо...

поперхнулся! Сержант, вы ведь знали, что они не станут расписываться! Потому что иначе появится документ, согласно которому они получили людей. И когда кто-нибудь захочет выяснить...

– Просто держи вожжи, младший констебль, – перебил его Ваймс.

Впрочем, юноша был прав. «Непоминаемые» одновременно и любили, и ненавидели бумаги. Они плодили их во множестве. Всё записывали. Однако терпеть не могли значиться в документах, составленных другими. Это их нервировало.

– Не могу поверить, что такое сошло нам с рук, сержант!

«Может, и не сошло, – подумал Ваймс. – Впрочем, у Загорло своих проблем хватает. Вряд ли ему есть дело до очередного тупого сержанта».

Он повернулся и постучал по решетке.

– Прошу прощения за доставленные неудобства, дамы и господа, но, судя по всему, «непоминаемые» не желают сегодня работать. Придется нам самим допросить вас. Мы в этом деле не слишком большие мастера, поэтому остается только надеяться, что я как-нибудь уж управлюсь. Слушайте меня внимательно. Среди вас есть серьезные заговорщики, задумавшие свергнуть правительство?

Сидевшие в фургоне люди ошеломленно промолчали.

– Ну давайте, давайте, – подбодрил их Ваймс. – Я не собираюсь тратить на вас всю ночь. Кто-нибудь из вас замышлял свергнуть лорда Ветруна?

– Да вроде... нет? – раздался голос Розы Лады.

– А может, кто-нибудь замышлял его *пришить*?

– Я все *слышу*! – взвизгнул другой пронзительный женский голосок.

– Что, никто? Какая досада, – сказал Ваймс. – Меня это вполне устраивает. А тебя, младший констебль?

– Э... Конечно, сержант.

– Ну, раз такое дело, мы высадим вас по пути домой, и мой обаятельный помощник Ваймс взыщет с каждого из вас, скажем, по полдоллара за проезд, причем каждому выпишет квитанцию. Спасибо за то, что были с нами, надеюсь, вы вспомните про тюремный фургон, когда решите в очередной раз нарушить комендантский час.

Ваймс услышал за спиной удивленное перешептывание. То, что он собирался сделать, в эти дни считалось совершенно невозможным.

– Сержант, – позвал младший констебль Ваймс.

– Да?

– У вас действительно глаза серийного убийцы?

– Да, только я их забыл в кармане другого костюма.

– Ха. – Сэм помолчал, а когда заговорил, стало ясно, что у него в голове возникли новые мысли. – Э... сержант?

– Да, юноша?

– А что такой двухпенсовая перепышка?

– Это такой особенный пончик с джемом, юноша. Разве твоя мама никогда не делала такие?

– Делала... Сержант?

– Да, юноша?

– Думаю, это означает еще и кое-что другое, – сказал Сэм и хихикнул. – Что-то более неприличное...

– Век живи – век учишься, младший констебль.

Через десять минут они остановили фургон во дворе, и к этому времени Ваймс уже знал, что по городу стремительно распространяется новый слух. Молодой Сэм успел шепотом сообщить обо всем другим офицерам, когда высаживал нарушителей комендантского часа, а по части сплетен стражникам нет равных. Им не нравились «непоминаемые». Подобно всем мелким жуликам, стражники гордились тем, что у их падения хотя бы были пределы. Должен же быть кто-то ниже тебя, пусть даже копошащиеся в придонном иле черви.

Рози Лада заперла дверь в свою комнатку, прислонилась к стене и пристально посмотрела на Сандру.

– Кто он такой? – спросила Сандра, бросив корзинку на стол. Внутри что-то звякнуло. – Он на *нашей* стороне?

– Ты сама все слышала! – рявкнула Рози. – Никаких взяток! А потом он притаскивает нас к подонкам Загорло, после чего *не сдает* нас! Ух, так бы и убила его! Вытащила из канавы, уговорила Лишая заштопать, а теперь он затеял играть со мной во всякие дурацкие игры!

– Кстати, а что такое двухпенсовая перепышка? – вдруг вспомнила Сандра.

Рози помолчала. Ей нравилось общество Сандры; кроме того, та платила за комнату, а деньги лишними не бывают. Но иногда Рози задумывалась о том, не пора ли а) серьезно поговорить с девушкой или б) потихоньку-полегоньку наладить ее. Честно говоря, она склонялась ко второму варианту, потому что Сандра последнее время зарабатывала больше, чем она сама. Это начинало действовать на нервы.

– Пончик с джемом, – ответила Рози. – А теперь ступай и спрячь...

Кто-то постучался в дверь за ее спиной. Она жестом приказала Сандре спрятаться за шторой из бус, помедлила, собираясь с мыслями, и приоткрыла дверь.

В коридоре стоял очень маленький старичок.

Все в нем безнадежно клонилось вниз. Седые усы он словно одолжил у моржа или гончей, которой сообщили очень плохие новости. Плечи были безвольно опущены. Даже некоторые части лица, казалось, проигрывали битву с силой притяжения.

Старик нервно мямл в руках кепку.

– Да? – сказала Роза.

– Э... На вывеске написано «белошвейка», – пробормотал старик. – Понимаешь, с тех пор, как умерла жена, то одно, то другое, а я так и не научился делать это сам...

Он наградил Розу взглядом, полным беспомощного смущения.

Она опустила глаза на мешок у ног, после чего наклонилась и подняла его. Мешок был набит очень чистыми, но очень старыми носками. На каждом зияли дыры – на носке и пятке.

– Сандра, – окликнула она. – Твой клиент...

Было так рано-рано утром, что «поздно-поздно ночью» еще даже не вполне закончилось. Белый туман окутывал улицы и оседал перламутровыми капельками на рубашке Ваймса, который как раз собирался нарушить закон.

Если встать на крышу сортира за штаб-квартирой и подтянуться на водосточной трубе, можно открыть одно из окон верхнего этажа, ударив по стеклу ладонью в *правильном* месте.

Весьма полезная информация, возможно, ее стоит передать молодому Сэму. Каждый честный стражник должен знать, как тайно проникнуть в собственную штаб-квартиру.

Мякиш давно укувылял домой, так что Ваймс быстро обыскал его кабинет и, к своему глубокому удовлетворению, не обнаружил именно того, чего и не ожидал найти. На нижнем этаже несколько самых добросовестных стражников расписывались в журнале, прежде чем отправиться восвояси. Он подождал в темноте, пока в последний раз дверь не хлопнула, потом выждал еще несколько минут, чтобы уж наверняка. Ничьих шагов не было слышно. Тогда Ваймс спустился по лестнице и вошел в раздевалку.

Ему выдали ключ от шкафчика, но прежде чем открыть дверцу, Ваймс смазал ее петли маслом из небольшой масленки. Сам он не успел ничего положить в свой шкафчик, однако на нижней полке обнаружился помятый мешок. Ваймс поднял его...

Ай, *молодцы*.

Внутри лежала серебряная чернильница капитана Мякиша.

Ваймс выпрямился, окинул взглядом шкафчики с вырезанными древними инициалами и редкими отметинами от ударов ножом. Достал из кармана небольшой сверток черной ткани, который чуть раньше изъясил из шкафа с уликами. Когда он развернул ткань, в тусклом свете блеснули стальные отмычки. Ваймс не был специалистом по взлому, но открыть дешевые расхлябанные замки на дверях ему не составило труда.

Все просто, главное – выбрать правильный инструмент.

Еще чуть позже он шагал домой по окутанном туманом улицам.

И вдруг он с ужасом осознал, что так хорошо ему давно не было. Тем самым он как будто предавал Сибиллу, будущую Стражу и даже себя самого, его светлость сэра Сэмюеля Ваймса, обязанного думать о политике в далеких странах, о нехватке личного состава и о том, как поднять со дна реки эту треклятую лодку, которую вечно топят олухи из Речной Стражи. При этом он *хотел* вернуться назад... или вперед, или вбок, или как там его. Действительно хотел. Так хотел снова очутиться в своем времени, что почти ощущал его вкус. Конечно хотел. Но не мог, по крайней мере пока, и потому вынужден был оставаться здесь и, как сказал доктор Газон, делать ту работу, что была прямо перед его носом. В настоящий момент эта работа заключалась в том, чтобы остаться в живых и выйти победителем из игры с Тупыми Подлюгами, а Ваймс умел выходить победителем из таких игр, еще как умел. Он любил эти игры. Такова уж природа зверя.

От раздумий его отвлекли какие-то люди, выскочившие из темного переулка.

Первый получил удар ногой в живот, потому что зверь не привык драться честно. Ваймс отскочил в сторону и схватил второго. Почувствовал, как нож скользнул по нагруднику, наклонил голову и нанес удар шлемом.

Нападавший аккуратно свернулся калачиком на мостовой.

Ваймс быстро повернулся к первому драчуну, который корчился от боли и задыхался, но тем не менее не выпустил из рук нож и размахивал им перед собой, будто талисманом. Острие описывало в воздухе неровные восьмерки.

– Бросай нож, – велел Ваймс. – Повторять не буду.

Вздохнув, он сунул руку в задний карман. Достал кожаный чулок, набитый дробью. Он запретил офицерам своей Стражи носить такое оружие, но знал, что некоторые все равно его не послушались. Что ж, если у стражника есть голова на плечах, на подобное слушание можно и сквозь пальцы посмотреть. Иногда нужно закончить спор быстро, а чулок с

дробью далеко не самый плохой аргумент.

Он опустил кистень на руку нападавшего, тщательно рассчитав силу удара, чтобы не переборщить. Человек взвыл, и нож со звоном упал на булыжники.

– Твоего приятеля оставим здесь, сам очухается, – сказал Ваймс. – А тебе, Генри, придется обратиться к врачу. Пойдешь сам или как?

Через несколько минут доктор Газон открыл заднюю дверь и впустил в дом Ваймса с телом на плече.

– Ты оказываешь помощь всем, верно? – спросил Ваймс.

– В разумных пределах, но...

– Это один из «непоминаемых», – перебил его Ваймс. – Пытался убить меня. Нуждается в помощи.

– А почему он без сознания? – поинтересовался лекарь.

На нем был огромный резиновый фартук и резиновые же сапоги.

– Лечиться не хотел.

Газон вздохнул и махнул шваброй, приглашая Ваймса пройти.

– Неси его прямо в операционную, – сказал он. – Боюсь, приемную после господина Каустика мне еще долго убирать.

– А что он натворил?

– Взорвался.

Ваймс, подавив природную любознательность, потащил тело в святилище Газона. Ему показалось, что с прошлого раза комната несколько изменилась; впрочем, тогда ему было не до деталей. Здесь стоял стол, рядом – верстак; вдоль одной стены протянулся стеллаж с бутылками, среди которых не нашлось бы и двух одинаковых. В паре бутылок что-то плавало.

Вдоль противоположной стены были разложены инструменты.

– Когда я умру, – сказал Газон, осматривая пациента, – повесь на моей могильной плите колокольчик. В кои-то веки смогу с чистой совестью лежать и не дергаться, когда звонят. Опустить его. Похоже на сотрясение мозга.

– Это я, – услужливо подсказал Ваймс.

– А руку сломал тоже ты?

– Верно.

– И сделал это очень аккуратно. Легко вправить и наложить гипс. Что-нибудь не так?

Ваймс разглядывал инструменты.

– Ты всем этим орудуешь, когда лечишь? – спросил он.

– Да. Хотя некоторые из них еще не прошли апробацию, – ответил

Газон, подготавливая стол.

– Да, не хотелось бы мне, чтобы ты использовал на мне вот это, – хмыкнул Ваймс, взяв в руки странный инструмент, похожий на две соединенные струной лопатки.

Газон вздохнул.

– Сержант, не могу представить себе обстоятельства, в которых мне пришлось бы применять сие приспособление на тебе, – сказал он, быстро работая руками. – Это для... женщин.

– Для белошвеек? – поинтересовался Ваймс, поспешно бросая щипцы на стол.

– Эти? Нет, в наше время ночные дамы гордятся тем, что никогда не прибегают к подобным услугам. Я с ними все больше профилактикой занимаюсь.

– Учишь их пользоваться наперстками и все такое? – спросил Ваймс.

– Что-то вроде. Поразительно, до каких пределов можно развить метафору, не правда ли?

Ваймс потрогал пальцем лопатки. Почему-то они вызывали у него чувство тревоги.

– Ты женат, сержант? – спросил Газон. – Розы была права?

– Э... Да. Хотя моя жена далеко отсюда.

Он снова взял инструмент в руки, но тут же выронил его. Лопатки со звоном упали на стол.

– Что ж, ты все равно должен понимать: ребенка родить – это тебе не горох лущить.

– Да уж надеюсь, черт возьми!

– Кстати, повитухи крайне неохотно посвящают меня в свои тайны. Говорят, мужчина не должен совать нос не в свое дело. Словно мы до сих пор живем в пещерах.

Газон посмотрел на пациента.

– Итак, как говорил прародитель нашего ремесла, великий философ Скептий: «А мне за это заплатят?»

Ваймс проверил содержимое кошелька на поясе жертвы.

– Шести долларов хватит?

– Зачем «непоминаемым» понадобилось нападать на тебя, сержант? Ты ведь стражник.

– Я-то стражник, а вот они – нет. Знаешь, кто они такие?

– Приходилось заштопывать некоторых их гостей, – ответил Газон, и Ваймс уловил нотки тревоги в его голосе. В этом городе вредно знать слишком много. – У одних были занятные вывихи, у других – ожоги от

горячего воска... Всякое такое...

– Ночью я немного повздорил с капитаном Загорло, – пояснил Ваймс. – Он вел себя подчеркнуто вежливо, но я готов поспорить на собственные башмаки, он знает, что этот парень с приятелем отправились проучить меня. Это было бы вполне в его стиле. Вероятно, решил посмотреть, как я справлюсь.

– Не только он тобой интересуется, – сказал Газон. – Мне сообщили, что Роза Лада хочет с тобой поговорить. То есть я думаю, что под «неблагодарной сволочью» она подразумевала именно тебя.

– Похоже, я ей должен, – кивнул Ваймс. – Но понятия не имею сколько.

– Меня не спрашивай, – пожал плечами Газон, разглаживая ладонью гипс. – Обычно она сама называет цену.

– Я имел в виду вознаграждение нашедшему, или как оно там называется!

– Понимаю, но, боюсь, ничем не могу помочь, – сказал Газон.

Ваймс наблюдал за тем, как работает лекарь.

– Что можешь сказать об этой девице, Батье? – спросил он.

– Белошвейке? Она недавно здесь появилась.

– Она и в правду белошвейка?

– Лучше называть ее рукодельницей, во избежание путаницы. Хотя признаю, звучит тоже достаточно двусмысленно. Услышала, наверное, что в большом городе много работы для белошвеек, приехала сюда. Пару раз попала в неловкое положение, прежде чем кто-то объяснил ей, что к чему. На прошлой неделе, к примеру, мне пришлось извлекать вязальный крючок из уха одного бедолаги. Но ничего, прижилась. Общается с остальными девушками.

– Прижилась? Как это?

– Благодаря бешеным деньгам, которые стала зарабатывать, – усмехнулся лекарь. – Сержант, тебе никогда не приходило в голову, что иногда люди приходят в массажный салон только ради массажа? В городе масса дамочек работает под скромными вывесками типа «Ремонт штанов в присутствии клиента», и иногда, хотя не так уж и редко, к ним стучатся клиенты, совершившие ту же ошибку, что и Сандра. Множество мужчин приехали сюда на заработки, оставив своих жен дома, и порой у них возникают... желания. Например, надеть носки без дырок или рубашку, на которой больше одной пуговицы. Дамы передают работу ей. Очевидно, в этом городе крайне трудно найти хорошую рукодельницу. Многих отпугивает то, что их постоянно путают с, э-э, белошвейками.

– Просто интересно, зачем она болталась по улицам после наступления комендантского часа с огромной корзиной для рукоделия...

Газон пожал плечами.

– Здесь я ничем не могу помочь. Все, с этим господином я закончил. Будет лучше, если некоторое время он полежит неподвижно. – Он кивнул на стеллажи с бутылками. – На какое время мне его отключить?

– А ты и это можешь?

– Конечно. Официальная медицина Анк-Морпорка считает такой метод ненаучным, но, думаю, он не будет возражать, потому что *официально* признанный местный способ – это треснуть его по голове киянкой.

– Но ведь лекарь вроде не должен причинять вред пациенту?

– Разве что в результате естественной некомпетентности. Однако я с удовольствием отправлю твоего друга в страну снов минут на двадцать. Конечно, я не смогу тебя остановить, если ты решишь треснуть его по башке киянкой. У последнего гостя Загорло, которого я лечил, некоторые пальцы на руках смотрели не в ту сторону. Поэтому, если ты пожелаешь хорошенько отдубасить его на дорожку, я могу показать наиболее чувствительные места на теле...

– Нет, спасибо. Я просто вынесу его через заднюю дверь и брошу в каком-нибудь темном переулке.

– И все?

– Нет. Потом... я напишу свое имя на гипсе. Чтобы он увидел его, когда очнется. Огромными буквами, чтобы не стерлись.

– Вот это я и называю чувствительным местом, – одобрил Газон. – Интересный ты человек, сержант. Настоящий мастер по части наживания врагов.

– Знаешь, я никогда не увлекался рукоделием... – прокряхтел Ваймс, взваливая тело на плечо. – Что носят рукодельницы в корзинах, как ты думаешь?

– Ну, не знаю... Иголки, нитки, ножницы, пряжу... Все такое прочее, – ответил Лишай Газон.

– То есть ничего тяжелого?

– Конечно. А почему ты спрашиваешь?

– Так просто, – ответил Ваймс, намотав услышанное на ус. – Интересно... Ладно, вынесу-ка я нашего приятеля, пока туман не рассеялся.

– Отлично. А к тому времени, как ты вернешься, я как раз разогрею завтрак. Сегодня печенка. Телячья.

Зверь помнит. На этот раз Ваймс спал крепко.

Он всегда считал, что днем спать лучше. Двадцать пять лет ночных дежурств приучили мозг к ночному образу жизни. В темноте ему почему-то было проще. Он мог стоять совершенно неподвижно, – а таким талантом обладают немногие, – умел растворяться во мраке. Умел сидеть в засаде и все видеть, оставаясь невидимым.

Он помнил Цопа Загорло. Многое вошло в историю. Люди все равно взбунтовались бы, с ним или без него, но он был, если угодно, гноем на верхушке нарыва.

Обучение он прошел в Гильдии Наемных Убийц, и его ни в коем случае нельзя было принимать в Стражу. Для стражника он был слишком башковитым. Точнее, в башке у него было не совсем то, что требуется для стражника. Но своими теориями Загорло произвел впечатление на Ветруна, был принят в Стражу в звании сержанта и немедленно повышен до капитана. Ваймс так и не узнал, почему; возможно, чувства остальных офицеров оскорбляла его, гм, утонченность, рядом с которой они себя чувствовали тупыми амбалами. Кроме того, у него были слабые легкие или еще какой-то недуг.

Ваймс ничего не имел против интеллекта. В старые времена любой, у кого хватало сообразительности повернуть дверную ручку, мог стать грозой улиц, но, чтобы получить звание выше сержанта, требовался мешок хитрости, коварства и уличной смекалки, что, впрочем, при плохом освещении вполне могло сойти за интеллект.

Загорло начал свою службу иначе. Не стал присматриваться, наблюдать и учиться, чтобы потом сказать: «Ага, значит, вот люди какие, ну и как нам с ними быть?» Нет, он сел и решил: «Итак, люди должны быть вот такими, ну и как нам их изменить?» Мысль, достаточно разумная для священнослужителя, но отнюдь не для стражника. Загорло взялся за работу с редкой въедливостью и упорством, но перевернул ее с ног на голову.

Например, этот закон об оружии. Оружие замешано в подавляющем большинстве преступлений, и Загорло логично предположил, что если оружия станет меньше, то и преступления будут совершаться не столь часто.

Интересно, порой размышлял Ваймс, как все было? Он проснулся среди ночи и поздравил себя с гениальной идеей, пришедшей ему во сне? Конфисковать все оружие, и уровень преступности снизится. Да, логично. Так бы и произошло, будь стражников побольше. Скажем, по трое на каждого штатского.

Как ни странно, жители не торопились сдавать оружие. Загорло не учел одну маленькую тонкость: преступники законам не подчиняются. Это в некотором роде одна из их профессиональных характеристик. Они не заинтересованы в том, чтобы сделать улицы города более безопасными, их интересуют только собственные шкуры. Поэтому, когда вышел закон, они поверить не могли своему счастью. Прямо Свячельник каждый день.

Похоже, что-то пошло не так, – вполне разумно заподозрили некоторые горожане, – раз теперь вооруженными остались только плохие парни. При этом честной народ постоянно хватали и бросали за решетку. Средний стражник, которому надоело постоянно получать промеж, кхм, глаз и который имеет веские основания считать, что начальству по большому счету все равно, по вполне понятным причинам предпочитает арестовывать людей, не пытающихся его прирезать, особенно если они ведут себя по-хамски и одеты более богато, чем он сам может себе позволить. Кривая арестов резко пошла вверх, и Загорло был очень доволен.

Большинство задержанных были виновны только в ношении оружия после наступления темноты. Впрочем, кое-кто оказывался за решеткой по другой причине: разгневанные горожане начали в ответ нападать на стражников. Однако это считалось Оскорблением При Исполнении, наиболее гнусным и подлым преступлением – очень, очень тяжелым, не то что какие-то заурядные кражи, которые происходят каждый день.

И нельзя сказать, что в городе царило беззаконие. Законов было много. Мало было возможностей не нарушать их. Загорло так и не смог уяснить идею, что система должна ловить преступников и при помощи достаточно грубых, но действенных способов заставлять их становиться честными людьми. Вместо этого он ловил честных людей и превращал их в преступников. А Стражу – в еще одну банду.

А потом, когда дела приняли совсем дурной оборот, он изобрел краниометрию.

У плохих стражников всегда были свои методы выяснить, виновен человек или нет. В те далекие старые времена, то есть, ха-ха, *сейчас*, тиски для пальцев, молотки, маленькие заостренные палочки и, конечно, обычный ящик письменного стола всегда были к услугам стражника, спешащего закрыть дело. Загорло ни в чем подобном не нуждался. Он мог определить твою виновность, просто посмотрев на твои брови.

Он измерял людей. Использовал для этого циркуль и стальную линейку. Тихо записывал результаты и производил расчеты, например, делил длину носа на окружность головы и умножал полученное число на

расстояние между глазами. На основании полученных значений он мог с абсолютной точностью заключить, что ты изворотливый, неблагонадежный тип или даже прирожденный преступник. И что поразительно, подчиненные Загорло всякий раз подтверждали его правоту. Все, что им требовалось, – это двадцать минут наедине с подозреваемым и некоторые простейшие инструменты.

Каждый в чем-то виновен. Ваймс знал это. Все стражники это знают. Это позволяло поддерживать авторитет власти – любой человек, разговаривая со стражником, в душе боялся, что доказательства его вины написаны прямо у него лбу, открытые взгляду закона. Конечно, ничего там не написано. Но это еще не повод хватать человека на улице и плющить ему пальцы молотком до тех пор, пока он не скажет, в чем состоит его преступление.

Загорло, скорее всего, закончил бы свои дни в каком-нибудь темном переулке, если бы Ветрун не считал его весьма полезным орудием. Загорло обладал несравненным чутьем на заговорщиков. Поэтому его сделали начальником особистов, рядом с которыми сержант Тук выглядел Лучшим Стражником Месяца. Ваймс давно ломал голову над тем, как Загорло удавалось держать своих живодеров в узде. Должно быть, эти кровожадные звери нутром чуяли в нем существо, пришедшее к кровожадности долгим кружным путем и потому во имя здравости способное изобрести такое издевательство, какое не снилось даже самому сумасшедшему психу.

Жить в прошлом оказалось совсем не просто. Нельзя же избить человека за то, что он совершит в будущем, или за то, о чем пока еще никто не знает. И предупредить никого нельзя. Совершенно непонятно, как может измениться будущее, но, насколько понял Ваймс, история всегда стремится вернуться в старое русло. Изменить можно лишь мелкие детали берегового рельефа. Важные события не отменить. Сирень все равно зацветет. Революция неминуемо свершится.

Ну то есть... *что-то вроде* революции. Не очень-то подходящее к случаю слово. Народная Республика Улицы Паточной Шахты (Свобода! Равенство! Братство! Любовь по разумным расценкам! И яйцо вкрутую!), просуществовала всего несколько часов, она была подобна странной свече, которая моментально сгорела и тут же погасла, как фейерверк. А потом последовала чистка этого дома боли, и...

Впрочем... *делай ту работу, что прямо перед тобой, и, как полагается* нормальному стражнику, не включая воображение.

Он встал около часа пополудни. Газон заперся в операционной, откуда доносился жалобный вой второго участника врачебного действия. Ваймс

постучал в дверь.

Через мгновение она приоткрылась. Лицо доктора Газона было закрыто маской, в руке он держал очень длинные щипцы.

– Да?

– Я ухажу, – сказал Ваймс. – Проблемы?

– Не слишком серьезные. Шнырри Харрису вечером не повезло за карточным столом. У него вдруг появился туз.

– Разве это плохая карта?

– Да, если Большой Тони знает, что он ее тебе не сдавал. Впрочем, я ее уже почти извлек. Кстати, если собираешься нанести сегодня травму кому-нибудь, постарайся сделать это до того, как я лягу спать. Заранее спасибо. – Газон закрыл дверь.

Ваймс кивнул дверным доскам и направился поразмять ноги и пообедать. Обед ждал его на переносном лотке, висевшем на груди торговца.

Торговец был молод, но было что-то знакомое в выражении его лица, во взгляде крысы, уверенной, что прямо за углом ее ждет сыр. Та же уверенность имела у нее и насчет угла, который крыса только что миновала, и насчет всех предыдущих углов, и хотя мир оказался полон углов, но крайне беден сыром, крыса все равно верила, что вот за этим углом сыр уж точно есть.

Ваймс уставился на торговца. Что тут странного? Насколько он помнил, в этом городе всегда был кто-то, торговавший весьма сомнительного качества едой из химически восстановленной свинины. Торговец был явно знакомый. Просто... молодой.

Лоточник заметно оживился, увидев новое лицо. Он всегда был рад встретить человека, который еще не покупал один из его пирогов.

– А, сержант... Слушай, а что означает эта маленькая корона?

– Сержант при оружии, – пояснил Ваймс. – Скажем так, отборный сержант.

– Отлично, сержант, итак, не заинтересует ли тебя весьма особая сосиска в тесте? Гарантированно без содержания крысы? Органическая на сто процентов? Из свинины, побритой перед переработкой?

«А почему бы и нет?» – подумал Ваймс. Его желудок, печень, почки и кишечник немедленно объяснили почему, но он все же принялся шарить в карманах в поисках мелочи.

– И сколько она стоит, господин... э... – Ваймс вовремя спохватился и сделал вид, что пытается прочесть имя на лотке, – Достабль?

– Четыре пенса, сержант.

– И ты себя без ножа режешь, да? – развеселившись, добавил Ваймс.
– Прошу прощения? – переспросил озадаченный Достабль.
– Я сказал, что, отдавая по такой цене, ты себя режешь без ножа.
– Себя режу?..
– Без ножа, – подсказал Ваймс.
– О. – Достабль явно задумался. – Верно. Да. Именно так. Как точно подмечено. Значит, купишь сосиску?
– Я заметил, что на твоем лотке написано: «Предприятие Достабля, осн.», – сказал Ваймс. – А разве там не должно дальше стоять, когда оно было основано?
– А что, должно? – Достабль опустил взгляд на лоток.
– Как долго ты этим занимаешься? – спросил Ваймс, выбирая пирожок.
– Сейчас подумаю... А какой сейчас год?
– Э... кажется, Пляшущей Собаки.
– Значит, с прошлого вторника, – сказал Достабль и вдруг просиял. – Но это только начало, господин. Чтобы застолбить участок. Через пару лет я стану заметной фигурой в этом городе.
– Я тебе верю, – ответил Ваймс. – Правда верю.
Когда Ваймс отошел, Достабль снова опустил взгляд на лоток.
– Себя режу без ножа, себя режу без ножа... – пробормотал он и, судя по всему, остался доволен. Потом он взгляделся в свой лоток и вдруг побледнел. – Сержант! – закричал он. – Не ешь эту сосиску!
Ваймс замер в нескольких ярдах от него, не успев донести сосиску в тесте до рта.
– А в чем дело? – спросил он. – Что не так с этой сосиской?
– Ничего! Просто вот эти... лучше!
Ваймс рискнул бросить на лоток еще один взгляд. Все сосиски казались ему одинаковыми. Продукция Достабля часто выглядела весьма аппетитно. Это был ее первый и единственный плюс.
– Не вижу разницы, – сказал он.
– Разница есть, *есть!* – затараторил Достабль, обливаясь потом. – Смотри! На той сосиске, что ты взял, сделаны узоры из теста в виде свинок. А на других – в виде колбасок. Видишь? Мне совсем не хочется, чтобы ты подумал, будто я считаю тебя свиньей и все такое, поэтому, если ты вернешь мне сосиску, я с радостью заменю ее правильной, не то чтобы эта была неправильной, но на ней как бы свинья, и поэтому...

Ваймс посмотрел ему прямо в глаза. Достаблю еще предстояло овладеть своим фирменным дружелюбно-смущенным взглядом. Нужно

тридцать лет торговать пирожками *воистину* органического происхождения, чтобы обрести этот взгляд.

И прямо на глазах у обомлевшего от ужаса Достабля Ваймс впился зубами в сосиску.

Там было все, чего он ожидал, и ничего, что он мог бы опознать.

– Гм, – задумчиво произнес Ваймс и сосредоточенно, продолжая сверлить взглядом беднягу-торговца, доел свою сосиску в тесте. – Думаю, твои пирожки единственные в своем роде, господин Достабль, – продолжал он, облизывая пальцы на тот случай, если придется кому-нибудь пожимать руку.

– Ты ее правда съел? – спросил Достабль.

– А в чем дело? – осведомился Ваймс.

Облегчение валило от торговца, будто дым от сырых дров.

– Что? Нет, все в порядке! Ничего себе! Не хочешь заесть еще одной? За полцены?

– Нет, одной сосиски более чем достаточно, – невольно попятившись, отказался Ваймс.

– Ты правда ее съел? До последней крошки? – уточнил Достабль.

– А что?

– Ничего. Все правильно! Просто замечательно!

– Ну, мне пора, – сказал Ваймс и пошел дальше по переулку. – Надеюсь, мы еще встретимся, когда я буду не так голоден.

Отойдя подальше и немного покрутившись по лабиринту тесных переулков, он спрятался в темной дверной нише и нащупал во рту кусок пирожка, который оказался не разгрызаемым даже по пирожковым стандартам.

Обычно, обнаружив нечто странно твердое или хрустящее в одном из Знаменитых Пирожков со Свиной Достабля, ты либо глотал это нечто в надежде на лучшее, либо выплевывал, причем непременно с закрытыми глазами. Но Ваймс нащупал между деснами и щекой сложенный в несколько раз клочок бумаги, пропитанный соусами неизвестного происхождения.

Развернув его, он обнаружил расплывшуюся, но еще читаемую надпись карандашом: *«Морфическая улица, сегодня в девять вечера. Пароль: рыба-меч».*

«Рыба-меч»? Почему пароль всегда «рыба-меч»? Каждый раз, когда кто-то пытается придумать слово, которое, как ему кажется, никому не придет в голову, он *обязательно* выбирает рыбу-меч. Еще одна причуда человеческого разума.

По крайней мере, это объясняло виноватый вид Достабля. Заговор. Очередной треклятый заговор в кишасщем заговорами городе. А оно мне надо, знать о заговорах? Впрочем, об этом заговоре Ваймс и так знал. Морфическая улица. Знаменитый Заговор с Морфической. Ха.

Он убрал замызганный клочок бумаги в карман и задумался.

Кто-то пытался оставаться неслышимым. На фоне далекого городского шума выделялась брешь в звуках, заполненная очень осторожным дыханием. А еще волосы на загривке предупреждающе зашевелились.

Почти беззвучно Ваймс достал из заднего кармана кистень.

Итак, какие могут быть варианты? Он стражник, и на него пытаются напасть. Если это не стражники, они не правы (потому что он как раз стражник). Если это стражники, значит, они из команды Загорло и, следовательно, тоже зря это затеяли (потому что Ваймс по определению лучший стражник, чем они; любая мерзость, плавающая в сточной канаве, и то лучше).

Так что в любом случае не будет ничего предосудительного в том, чтобы обеспечить им ведерочко темноты.

С другой стороны, всем известно, что воры, наемные убийцы и головорезы Загорло привыкли подкрадываться к людям, так что неплохо владеют этим ремеслом. А тот, кто пытался незаметно подобраться к Ваймсу, так истово прижимался к стене, что был слышен шорох. Значит, скорее всего, это рядовой гражданин, которому что-то взбрело в голову, и Ваймс, подумав, решил не добавлять этой самой голове несколько унций свинцовой дроби (поскольку ему нравилось думать, что он не из *таких* стражников).

Он уже собирался шагнуть из ниши и сказать: «Да?»...

...и тут встретился взглядом со своим преследователем. Это был мальчик. То есть Ваймс надеялся, что это мальчик. Не хотелось бы верить, что природа может обойтись с девочкой настолько жестоко. Отдельные черты лица представшего перед ним создания сами по себе выглядели еще терпимо безобразными, но все вместе... Это был как раз тот случай, когда целое намного больше суммы своих составляющих. А еще запах. Он был не то чтобы скверным. Просто не вполне человеческим. В нем присутствовало что-то дикое, далекое от цивилизации.

– Э... – произнесло существо, вздернув сужающуюся к носу мордочку. – Знаешь чо, господин, давай ты скажешь, куда идешь, а я за это перестану следить за тобой, ну, по рукам? Со скидкой это обойдется тебе не больше пенни. Другие платили гораздо больше, чтоб я перестал за ними таскаться.

Ваймс молча смотрел на говорящего. Существо было одето в смокинг не по размеру, блестящий от жира и зеленоватый от старости, и цилиндр, который, похоже, побывал под копытами лошади. Но все, что не могли скрыть эти предметы гардероба, выглядело, к сожалению, весьма и весьма знакомым.

– О нет... – простонал Ваймс. – Нет, нет, нет...

– Господин, ты в порядке?

– Нет, нет, нет... Но, о боги, это ведь должно было случиться...

– Может, сбегать за Лишаем, господин?

Ваймс наставил на него обвиняющий палец.

– Ты Шнобби Шноббс, верно?

Сорванец попятился.

– Возможно. И чо? Это чо, преступление? – Он попытался развернуться и убежать, но рука Ваймса тяжело опустилась на его плечо.

– Некоторые считают именно так. Ты Шнобби Шноббс, сын Мэйси и Сконнера Шноббсов?

– Мож-быть, мож-быть! Но я ж ничо не сделал, господин!

Ваймс наклонился, чтобы заглянуть в глаза, смотревшие на мир сквозь дырочки в маске из грязи.

– Неужели тебе не доводилось щипать зелень, тырить из хохольника, циперничать? Или, скажем, раскокать дурку и подыбить скок?

Шнобби наморщил лоб в искреннем недоумении.

– А что такое тырить из хохольника?

Теперь уже Ваймс уставился на него озадаченно.

Должно быть, за тридцать лет уличный жаргон сильно изменился.

– Ну это... красть всякие мелочи?

– Не, господин. Это называется «ходить по верхам», – ответил, успокоившись, Шнобби. – Впрочем, для новичка ты неплохо разбираешься. Что такое... «ангельское масло»?

В памяти что-то щелкнуло.

– Взятка, – сказал Ваймс.

– А фанфарон?

– Это просто, – пожал плечами Ваймс. – Так называют либо главного нищего, либо просто красивого мужчину.

– Круто. А спорим, ты не знаешь, как воскресить клячу.

И снова ответ явился на свет из пыльных тайников памяти. Такое не забывается.

– Ничего себе, – покачал головой Ваймс. – Ты и это знаешь? Как не стыдно в таком юном возрасте. Если тебе нужно сбыть с рук заезженную

лошадь и сделать так, чтобы перед покупателями она выглядела резвушкой, берешь свежий жгучий имбирный корень, поднимаешь кляче хвост и засовываешь имбирь прямо в...

– Ух ты, – выдохнул потрясенный Шнобби. – Все говорят, мол, ты подметки на ходу режешь, вот теперь и я вижу, что не врут. Ты прям как будто здесь родился.

– Почему ты следишь за мной, Шнобби Шноббс? – спросил Ваймс.

Сорванец протянул замызганную ладошку. Кое в чем язык улиц не меняется никогда.

Ваймс дал ему шестипенсовик. На ладони Шнобби монетка сияла, как бриллиант в ухе трубочиста.

– Есть одна дамочка, – сказал Шнобби и ухмыльнулся. Его рука осталась протянутой.

– Я дал тебе целых шесть пенсов, сопляк, – прорычал Ваймс.

– Да, но я ведь должен думать о...

Ваймс схватил его за лацканы засаленного смокинга и оторвал от земли, слегка поразившись тому, что не почувствовал ровно никакого веса.

«Уличный сопляк, – подумал он. – Вот именно, сопляк. Скользкий, как угорь, и колючий, как морской еж, с легким запахом гнилых водорослей. Но в этом городе сотни таких, цепляющихся за жизнь на самой грани, и Шнобби, насколько я помню, был одним из самых пронырливых. И столь же надежным, как шоколадный молоток. Впрочем, это не страшно. С этим можно справиться».

– Сколько? – спросил он. – Сколько за то, чтобы ты работал на меня постоянно?

– Но мои клиенты... Как же я их... – начал было сорванец.

– Легко и просто, – перебил его Ваймс. – Потому что я держу тебя сейчас за шиворот.

Шнобби обдумал свое положение, покачивая огромными не по размеру башмаками в футе над землей.

– Чо, ты меня на постоянку хочешь?

– Да!

– Ну... На такое я соглашусь, только если каждый день буду видеть его сиятельство...

– Целый доллар? Подумай еще раз!

– Э... полдоллара?

– Никаких шансов. Доллар в неделю, и я не стану превращать твою жизнь, Шнобби, в сущий ад, хотя, можешь мне поверить, у меня есть масса способов тебе это обеспечить.

По-прежнему болтаясь над землей, Шнобби попытался все тщательно взвесить.

– Значит... я буду, типа, стражником, да? – спросил он, хитро усмехаясь.

– Типа.

– Подозреваемый Номер Один говорит, стражникам хорошо живется – они ведь могут тырить, не боясь, что их сцапают.

– Не врет, – подтвердил Ваймс.

– А еще он говорит, что если тебе будут хамить, то можно треснуть гада по башке и отправить в Танти, – продолжил Шнобби. – Когда-нибудь я тоже стану стражником.

– А кто он такой, это Подозреваемый Номер Один?

– Так наша мама называет Сконнера, нашего папочку. Э... А плата вперед? – добавил он с надеждой в голосе.

– А ты как думаешь?

– Ага, понятно. Значит, нет?

– Нет. Знаешь что... – Он опустил Шнобби на землю, еще раз отметив про себя, что мальчишка легок как перышко. – Ступай за мной.

Многие люди в Анк-Морпорке жили в съемных комнатах. Все, у кого был свободный угол, сдавали его. Помимо вязания и штопки, которые сделали Сандру Батье самой высокооплачиваемой белошвейкой в городе, мужчины нуждаются еще кое в чем, что могут предоставить только женщины. А именно – в еде.

В городе было много харчевен быстрого питания, подобных той, к которой сейчас направлялся Ваймс. В ней продавалась простая еда для простых людей. Меню не было. Ты ел то, что ставили перед тобой, ел быстро и радовался, что у тебя есть хотя бы это. Если тебе не нравилась еда, на твою порцию всегда находилось много желающих. Блюда носили названия типа «трущобный зев», «вареные концы», «лобгуст», «мокрые коврижки», «расстегай-до-кучи» и «паточный козел». Хорошая, серьезная еда, после которой ты долго не захочешь есть и не сможешь встать. Во многих блюдах было слишком много турнепса, даже в тех, где его не должно было быть вовсе.

Ваймс локтями проложил дорогу к стойке, волоча за собой Шнобби. Надпись мелом на доске дежурных блюд гласила: «Все, что успеешь сожрать за десять минут, за десять пенсов».

Под надписью булькала гигантская кастрюля, где в серой жиже плавали куски неизвестного происхождения. Тучная особа в платье с засученными рукавами, надзирающая за кастрюлей, смерила Ваймса

оценивающим взглядом и пригляделась к нашивкам.

– Что угодно, сержант? – спросила женщина. – Кстати, что случилось с сержантом Туком?

– Часто сюда заходит, да? – поинтересовался Ваймс.

– Обедать и ужинать. – Ее взгляд сообщил все остальное: всегда берет добавку и никогда не платит.

Ваймс поднял над стойкой Шнобби.

– Видишь? – спросил он.

– Эту обезьянку? – уточнила женщина.

– Ха-ха, как смешно, – буркнул Шнобби, когда Ваймс опустил его на пол.

– Он будет приходить сюда каждый день, чтобы нормально питаться, – сказал Ваймс. – Все, что сможет съесть на десять пенсов.

– Да? А кто будет платить, позволь спросить?

– Я. – Ваймс бросил на стойку полдоллара. – За пять дней вперед. Чем кормят сегодня? Трущобным зевом? О, от такого питания у него вырастут волосы на груди, когда, конечно, эта самая грудь появится. Дай ему большую миску. За десять пенсов он сожрет столько, сколько вам и не снилось.

Он усадил Шнобби на скамью, грохнул на стол перед ним жирную миску, а сам сел напротив.

– Ты упомянул некую даму, – напомнил он. – Ты со мной, Шнобби, лучше не шути.

– Сержант, я должен этим с кем-то поделиться? – спросил Шнобби, схватив деревянную ложку.

– Все твое. И смотри съешь все, до последнего кусочка. Возможно, в конце даже вкус почувствуешь, – сказал Ваймс. – Итак, ты говорил о женщине.

– Леди Мизероль, сэр, – прочавкал Шнобби сквозь овощи и жир. – Шикарная дама. Все называют ее Мадам. Приехала из Орлеи несколько месяцев назад.

– Когда она поручила тебе следить за мной?

– Сегодня утром, сержант.

– Что? Просто взяла и остановила тебя на улице?

– Э... У меня с ней заключено типа как генеральное соглашение, сержант.

Ваймс молча смотрел на него. Суровый взгляд всегда действует лучше слов. Шнобби заерзал на скамье.

– Честно говоря, сержант... Где-то месяц назад она поймала меня,

когда я пытался обчистить ее хохольник. Просто очуметь, сержант, она бьет, как осел лягается! Когда я очнулся, мы поговорили, и она сказала, что такой проворный юноша может оказаться ей полезным: она, дескать, хочет знать, что творится в городе.

Ваймс был весьма впечатлен, хотя ничем не выдал этого. Юный Шнобби был прирожденным карманником. Чтобы схватить его за руку, надо было обладать неслыханным проворством. Ваймс еще немного прибавил суровости своему взгляду.

– Ну ладно, сержант, она сказала, что сдаст меня в Дневную Стражу, если я откажусь, – признался Шнобби. – А если жалобу подает знатный человек, это прямая дорога в Танти.

«Все верно, – подумал Ваймс. – Снова частный закон».

– Я не хочу в Танти, сержант. Там сейчас Сконнер сидит.

«Который не раз ломал тебе руки», – припомнил Ваймс.

– Ну и чем же я заинтересовал такую знатную даму? – спросил он.

– Я не спрашивал. Я рассказал ей о тебе, о тюремном фургоне, о «непоминаемых». Она назвала тебя интересным человеком. И еще Роза Лада платит мне жалкий пенс в день, чтобы я следил за тобой. Ну, капрал Гавкс с Цепной платит мне полпенса, но что такое полпенса в наше время?.. Я за такие деньги не особенно и стараюсь. Да, а еще один пенс я получаю от младшего капрала Тренча.

– Почему?

– Не знаю. Тоже нанял меня сегодня утром. Дешевая работа. – Шнобби громко рыгнул. – Не стоит держать в себе, верно? Сержант, а для тебя я кого должен пасти?

– Меня, – ответил Ваймс. – Если, конечно, для меня найдется место в твоём напряженном графике.

– Ты хочешь, чтобы я следил за тобой?

– Нет, просто сообщай, что обо мне говорят люди. Наблюдай за теми, кто следит за мной. Прикрывай меня. Что-то вроде того.

– Понял!

– Отлично. И вот еще что, Шнобби...

– Да, сержант? – прохрюкал Шнобби, отчаянно работая ложкой.

– Верни блокнот, носовой платок и четыре пенса, которые ты вытащил из моих карманов. Понял?

Чуть не захлебнувшись трущобным зевом, Шнобби открыл было рот, чтобы выразить протест, но, встретившись глазами с Ваймсом, мальчишка резко передумал отпираться и молча достал все украденное из своих многочисленных и жутких карманов.

– Молодец, – похвалил его Ваймс и встал. – Уверен, ты сам понимаешь, что с тобой будет, если попытаешься еще раз выкинуть подобный фокус, верно, Шнобби?

– Понимаю, сержант, – пробормотал, опустив взгляд, Шнобби.

– Хочешь еще миску? Не стесняйся. А мне пора на службу.

– Можешь на меня положиться, сержант!

«Странно, – подумал Ваймс, возвращаясь в караулку, – но я, скорее всего, правда могу на него положиться. Шнобби может спереть что угодно или выкинуть еще какой-нибудь фортель, однако он не *плохой*. Ему можно доверить собственную жизнь, но только дурак доверит ему хотя бы доллар».

У уличного торговца он купил пачку «Тонких Цыгарок Горлодера». Было непривычно таскать сигары в картонной пачке.

В штаб-квартире, когда он вошел, царило оживление. Стражники стояли маленькими группками. Сержант Тук, заметив Ваймса, тут же подскочил к нему.

– Кое-что случилось, сэр. К нам вломились, сэр. Прошлой ночью, – доложил он с легкой ухмылкой.

– Правда? – сказал Ваймс. – И что украли?

– А разве я говорил, что что-нибудь украли, сэр? – с невинным видом спросил сержант.

– Нет, не говорил, – кивнул Ваймс. – Это я сделал то, что мы называем поспешным выводом. Итак, что-нибудь украли, или к нам вломились лишь за тем, чтобы доставить коробку шоколада или поздравительную корзинку с фруктами?

– Похитили серебряный чернильный набор капитана, – доложил невосприимчивый к сарказму Тук. – И если хотите знать мое мнение, работал свой. Дверь на верхнем этаже была взломана, а входные двери – нет. Преступление совершил стражник!

Ваймс поразился такой глубине дедуктивной мысли.

– Подумать только, стражник – вор!

– Да, просто ужасно, – горячо подхватил Тук. – Особенно после того, как вы вчера объяснили нам, как важно быть честным и все такое. – Он бросил взгляд поверх плеча Ваймса. – Смирно! На караул!

По лестнице спускался Мякиш. Тишину в комнате нарушали только его неуверенные шаги.

– Что-нибудь удалось выяснить, сержант?

– Пока нет, сэр, – ответил Тук. – Я как раз рассказывал сержанту Килю об этом ужасном происшествии.

– На нем ведь были гравировки. Ну, в смысле, на наборе, – печально сообщил Мякиш. – Все в полку скинулись, кто сколько смог. Происшедшее... просто ужасно.

– Только настоящий мерзавец способен совершить такую подлость, да, сержант? – спросил Тук.

– Полностью согласен, – кивнул Ваймс. – Я вижу, у тебя все под контролем, сержант. Везде посмотрели?

– Везде, кроме шкафчиков, – ответил Тук. – Мы слишком серьезно относимся к обыску личных шкафчиков, но сейчас присутствуют все, и пусть капитан Мякиш будет свидетелем, что все по-честному. Хотя мне крайне неприятно, прошу вашего разрешения произвести обыск, капитан.

– Да-да, конечно, если это необходимо, – сказал Мякиш. – Но я не в восторге от этой идеи. В этом есть что-то постыдное.

– В таком случае, сэр, чтобы показать добрые намерения, – сказал Тук, – предлагаю в первую очередь обыскать шкафчики сержантов. Тогда никто не посмеет сказать, что мы отнеслись к происшествию несерьезно.

– Перестань, сержант, – едва заметно улыбнувшись, произнес Мякиш. – Уж вас-то никто не подозревает.

– Не надо, сэр! – горячо возразил Тук. – Будем поступать строго по правилам. Подадим пример, да, сержант Киль?

Ваймс пожал плечами. Тук усмехнулся, достал огромную связку ключей и позвал младшего капрала Тренча.

– Окажи нам честь, Нед, – широко улыбнувшись, сказал сержант. – Мой первым, конечно.

Дверь оказалась незапертой. В шкафчике Тука царил обычный для стражников бардак, но серебряного чернильного прибора не было. А если бы и был, то за день успел бы зарости грязью дочерна.

– Отлично. Теперь, Нед, очередь сержанта Киля.

Пока стражник возился с замком, Тук преданно смотрел Ваймсу в глаза, сияя дружеской улыбкой. Лицо Ваймса оставалось невыразительным, как чистая грифельная доска, но взгляда он не отводил. Дверца со скрипом отворилась.

– Так, что у нас здесь? – спросил Тук, не удосужившись даже заглянуть в шкафчик.

– Мешок, сержант, – доложил Тренч. – А в нем что-то тяжелое.

– Ну и ну! – воскликнул Тук, по-прежнему глядя на Ваймса. – Развяжи его, приятель, только осторожно, чтобы ничего не повредить, хорошо?

Послышался шорох мешковины, а потом:

– Гм... Это полкирпича, – доложил Нед.

– Что?

– Половина кирпича, сэр.

– Коплю на дом, – пояснил Ваймс.

В толпе кто-то пару раз хихикнул, но наиболее сообразительные из стражников явно встревожились.

«Они знают, – подумал Ваймс. – Добро пожаловать в игорный дом Ваймса, ребята. Вращайте рулетку, посмотрим, куда упадет шарик...»

– Ты уверен? – спросил Тук, поворачиваясь к открытому шкафчику.

– Только мешок, сержант, – подтвердил Нед. – А в нем полкирпича.

– Может быть, там есть какое-нибудь двойное дно или еще что? – Тук был в отчаянии.

– В мешке, сержант?

– Итак, с нашими шкафчиками покончено, – сказал, потирая руки, Ваймс. – Кто следующий, сержант Тук?

Шарик – прыг, шарик – скок, в чей, в чей упадет он лоток?..

– Знаете, лично мне кажется, что капитан прав. Вряд ли кто-то из наших... – начал было Тук, но осекся.

Взглядом Ваймса можно было плющить заклепки.

– А мне кажется, сержант, нужно закончить то, что начали, – ответил Мякиш. – Так будет справедливо.

Ваймс подошел на пару шагов к Тренчу и протянул руку.

– Ключи, – велел он.

Тренч посмотрел на него испепеляющим взглядом.

– Ключи, младший капрал, – повторил Ваймс.

Он выхватил связку из руки Тренча и повернулся к ряду шкафчиков.

– Итак, – продолжил он, – начнем с отъявленного преступника младшего констебля Ваймса...

Они открывали дверцу за дверцей. В шкафчиках, содержимое которых могло бы весьма заинтересовать исследователя запахов нестираного белья и всего того, что способно вырасти на давно забытых носках, не оказалось ни одного серебряного чернильного прибора.

Зато в шкафчике капрала Колона обнаружился экземпляр «Амурных Похождений Молли Трещотки». Ваймс смотрел на пошлые гравюры, как на давно потерянного друга. Он помнил эту книгу, она много лет переходила из рук в руки стражников, и он в юности многое узнал из ее иллюстраций, хотя, как выяснилось потом, далеко не все было правдой.

К счастью, капитан Мякиш ничего не успел заметить, и Ваймс положил засаленную книгу обратно на полку и повернулся к Колону, уши которого приобрели багровый оттенок.

– Изучаешь теорию, Фред? Молодец. Навык мастера ставит.

Затем он повернулся к шкафчику Тренча. Младший капрал Тренч следил за Ваймсом, как ястреб.

Поцарапанная дверь со скрипом распахнулась. Все вытянули шеи, чтобы заглянуть в шкафчик. В нем лежала пачка старых блокнотов, висела гражданская одежда и валялся небольшой мешок. Его содержимое вывалили на пол – это оказалось белье.

– Удивлены? – спросил младший капрал.

«Не настолько, как ты», – подумал Ваймс.

Он подмигнул Тренчу и отвернулся.

– Капитан, я могу поговорить с вами в вашем кабинете?

– Да, сержант, пожалуй, – ответил Мякиш и окинул взглядом стражников. – Ну и дела...

Ваймс дал старику время подняться по ступеням, затем последовал за ним в кабинет и тактично закрыл за собой дверь.

– Итак, сержант? – сказал Мякиш, тяжело опускаясь в кресло.

– Вы везде посмотрели, сэр? – спросил Ваймс.

– Конечно, а ты как думал?

– Я думаю, может, вы случайно убрали его в ящик стола или в сейф, сэр?

– Конечно нет! Иногда я прячу его в сейф на выходные, но... вчера вечером я его точно никуда не убирал.

Ваймс заметил едва уловимую неуверенность в голосе. Он знал, что поступает скверно. Мякишу было почти семьдесят. В таком возрасте человек начинает понимать, что к собственной памяти следует относиться только как к весьма приблизительному путеводителю по событиям.

– Знаете, сэр, когда у человека дел по горло, бывает так, что он сделает что-нибудь, а потом оно у него начисто вылетит из головы, – сказал Ваймс.

«Вот я, например, – добавил он про себя. – Бывало, положу ключи от дома в совершенно пустой комнате, а уже через тридцать секунд никак не могу их найти».

– В последнее время приходится работать на износ, – продолжал Ваймс, зная, что Мякиш иногда засыпает днем прямо за столом и просыпается только после того, как Пятак громко раскашляется под дверью, прежде войти с кружкой какао.

– Да, это верно, – согласился Мякиш, поднимая на него полные отчаяния глаза. – Этот комендантский час... выбивает меня из колеи. Я давно потерял бы собственную голову, если бы она не была так крепко приделана...

Он повернулся и посмотрел на зеленый сейф.

– А его и ввели-то всего месяца два как, – пробормотал он. – Наверное, я... Слушай, сержант, отвернись, пожалуйста. Я тут поищу на всякий случай...

Ваймс послушно повернулся к нему спиной. Послышался звон ключей, скрип двери, потом – громкий вздох.

Мякиш поднялся на ноги, держа в руках серебряный чернильный прибор.

– Кажется, я выставил себя дураком, сержант, – сказал он.

«Нет, это я выставил тебя дураком, – подумал Ваймс, жутко раскаиваясь в душе. – Я намеревался подложить его в шкафчик Тренча, но не смог...

...Особенно после того, что обнаружил там».

– Знаете, сэр, – начал он, – мы можем сказать, что все это было проверкой...

– Киль, обычно я говорю только правду! – возмутился было капитан, но тут же добавил: – Тем не менее весьма признателен за предложение. Да, годы берут свое, признаю. Возможно, пора уже и в отставку. – Он вздохнул. – Последнее время я часто подумываю об этом.

– Не надо так говорить, сэр, – возразил Ваймс. Он старался, чтобы его голос звучал жизнерадостно, хотя на самом деле никакой радости не ощущал. – Не могу даже представить вас в отставке.

– Да, наверное, мне все ж придется еще задержаться... – пробормотал Мякиш, возвращаясь к своему столу. – Сержант, ты знаешь, что некоторые стражники считают тебя шпионом?

– Чьим? – поинтересовался Ваймс.

Он знал, что Пятак приносит капитану не только какао.

– Лорда Ветруна, полагаю, – ответил Мякиш.

– Мы все работаем на него, сэр. Но отчитываюсь я только перед вами, если хотите знать.

Мякиш поднял на него взгляд и печально покачал головой.

– Шпион ты или нет, Киль, признаюсь как на духу: некоторые последние приказы, которые мы получаем... не совсем обдуманно, на мой взгляд... Агась?

Он посмотрел на него свирепым взглядом, словно предлагая немедленно достать раскаленные докрасна тиски.

Ваймс понимал, как нелегко было старику признать, что похищения и пытки, а также выставление честных граждан закоренелыми преступниками... возможно, не совсем правильная правительственная

политика. Мякиш был иначе воспитан. Он выступал под знаменем Анк-Морпорка на борьбу с щеботанскими сыроедами, клатчскими джонни или другими людьми, которых почему-то признавали врагами те, кто находился выше по командной цепочке. Он шел на войну, не задумываясь о том, за правое дело он сражается или нет, ведь подобные мысли не пристали истинному солдату, они остужают его пыл.

Мякиш с детства верил, что те, кто наверху, всегда правы, – иначе как бы они оказались наверху? Ему элементарно не хватало мыслей, чтобы мыслить как предатель, ведь только предатели могут помыслить об этом.

– Я тут слишком недолго, чтобы что-то говорить, сэр, – пожал плечами Ваймс. – Не знаю, как у вас тут заведено.

– Как заведено? Всяко не так, как раньше, – пробормотал Мякиш.

– Вполне возможно, сэр.

– Пятак говорит, ты поразительно хорошо знаешь город, сержант. По крайней мере, для новичка.

На конце утверждения покачивался крючок с наживкой, но из Мякиша был плохой удильщик.

– Все участки в мире чем-то похожи, сэр, – откликнулся Ваймс. – Кроме того, мне приходилось бывать в этом городе.

– Конечно, конечно, – торопливо согласился Мякиш. – Ну... спасибо тебе, сержант. Может, ты все сам объяснишь моим подчиненным? Я был бы весьма признателен...

– Да, сэр. Конечно.

Тщательно закрыв за собой дверь, Ваймс сбежал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Стражники, похоже, за все это время не сдвинулись с места. Он хлопнул в ладоши, как школьный учитель.

– За дело, за дело! Улицы кто будет патрулировать, а? Шевелитесь! А ты, сержант Тук, выйди-ка со мной во двор на два слова!

Ваймс не стал оборачиваться, чтобы посмотреть, идет за ним сержант или нет. Просто вышел во двор, озаренный косыми лучами вечернего солнца, прислонился к стене и стал ждать.

Будь Ваймс на десять лет моложе... нет, не так. Будь Ваймс на десять лет моложе да еще и трезвый к тому же, ему хватило бы нескольких точных ударов, чтобы объяснить Туку, кто здесь главный. В нынешние деньки никто бы не удивился, если бы Ваймс решил преподать Туку урок. Когда Ваймс был констеблем, стражники нередко чистили друг другу лица. Но сержант Киль не стал бы драться.

Вышел Тук. Сержант чуть не лопался от задиристой храбрости и плохо скрываемого ужаса. Когда Ваймс вскинул руку, он испуганно шархнулся в

сторону.

– Сигару? – спросил Ваймс.

– Э...

– Я не пью, – сказал Ваймс, – но что может быть лучше хорошей сигары?

– Я... э... не курю, – пробормотал Тук. – Слушай, по поводу этой чернильницы...

– Представляешь, он сам убрал ее в сейф, – с улыбкой перебил его Ваймс.

– Правда?

– И забыл, – продолжал Ваймс. – С каждым может случиться, а, Уинсборо? Мысли человека начинают путаться, он толком не помнит, что делал вот прямо только что.

Все это время Ваймс дружески скалился. Слова работали не хуже кулаков. Ко всему прочему он еще и назвал Тука по имени, которое тот отчаянно скрывал, боясь насмешек.

– Просто подумал, надо сообщить тебе об этом, чтобы ты не беспокоился, – сказал Ваймс.

Сержант Уинсборо Тук неловко переступил с ноги на ногу. Он не был уверен, выбрался ли он на твердую почву или, наоборот, увяз пуще прежнего.

– Расскажи-ка мне о младшем констебле Тренче, – предложил Ваймс.

Лицо Тука перекосилось от усилий – сержант мучительно искал выход. В конце концов он остановился на проверенной тактике: если по твоему следу идут волки, нужно кого-нибудь сбросить с саней.

– О Неде, сэр? – уточнил он. – Прилежный работник, с работой справляется, но, между нами, сэр, с ним надо держать ухо востро.

– Правда? Кстати, совсем не обязательно обращаться ко мне «сэр», Уинсборо. По крайней мере, здесь.

– Считает, что работники ничем не хуже хозяев, если понимаете, о чем я. Ну, что он сам ничуть не хуже других. В этом смысле он немного смутян.

– Философ-самоучка?

– Да, что-то вроде.

– Сочувствует мятежникам?

Тук поднял на него невинные глаза.

– Возможно, сэр. Хотя мне не хотелось бы, чтобы у парня были неприятности.

«Ты считаешь, что я шпионю для “непоминаемых”, – подумал

Ваймс. – И решил бросить Тренча на съедение. А совсем недавно поддержал идею его повесить. Ты, жалкий червяк...»

– Значит, следует за ним присмотреть, да? – спросил он.

– Так точно, сэр.

– Интересненько... – обронил Ваймс.

На всех, кто ходил по тонкому льду, это слово всегда действовало одинаково: они начинали нервничать. Тут определенно занервничал. Ваймса вдруг осенило: «О боги, а ведь Витинари играет в эти игры *все время...*»

– Некоторые из нас после дежурства ходят... э... в «Порванный Барабан», – сказал Тук. – Открыт круглые сутки. Может, вы с нами, тогось...

– Я не пью, – перебил его Ваймс.

– Ну да, вы говорили.

– Что ж, думаю, мне пора. Надо отправляться с молодым Сэмом в обход, – сказал Ваймс. – Приятно было поболтать с тобой, Уинсборо.

И он направился прочь, с трудом сдерживаясь, чтобы не обернуться. Сэм покорно ждал его в штаб-квартире, но Ваймс-старший прошагал мимо так решительно, что юношу подхватило порывом ветра и понесло следом.

– Слушайте, а что это за баба там, рядом со стариной Фолли?

Старшие ученики подняли глаза. И вправду, на возвышении в конце шумного зала доктор Фоллетт – глава Гильдии Наемных Убийц и, по долгу службы, директор школы Гильдии – о чем-то оживленно разговаривал с какой-то дамой. В интерьере огромного зала доминировал черный цвет, отчего лиловое платье незнакомки сразу бросалось в глаза, а элегантная белизна ее волос казалась огнем маяка в непроглядной тьме.

В конце концов, это была Гильдия Убийц. Почти все носили черное. Ночь черна, и ты должен с ней сливаться. Кроме того, черный цвет выглядит стильно, и все сходились во мнении, что наемный убийца без стилия не более чем высокооплачиваемый головорез.

С тех пор как старшим ученикам исполнилось восемнадцать, им разрешили посещать те районы города, о существовании которых младшие ученики не должны были даже подозревать. Так что у них уже не вскакивали прыщи при одном только виде женщины. Когда прозвучал вопрос, все они посмотрели на упомянутую даму с хищным прищуром. Почти все начинающие убийцы давно поняли, что мир – это устрица, которую можно открыть золотом, если клинка оказалось недостаточно.

– Наверное, чья-то родительница.

– И кто же этот счастливчик?

– А я знаю, кто это такая, – заявил глава дома Гадюки Людорум, которого все звали Людо. – Слышал, как о ней говорили учителя. Это мадам Роберта Мизероль. Купила старый дом на Легкой улице. Говорят, сорвала хороший куш у себя в Орлее и решила поселиться здесь. Должно быть, ищет, куда вложить деньги.

– *Мадам?* – переспросил Низз. – Это почтительное обращение или название профессии?

– В Орлее? Вероятно, и то и другое, – ответил кто-то под общим смех.

– Фолли определенно решил накачать ее шампанским, – заметил Низз. – Приступили к третьей бутылке. Интересно, о чем они говорят?

– О политике, – сказал Людо. – Все знают, что Ветрун ни за что не уйдет по-человечески, поэтому нам придется о нем позаботиться. А Фолли обеспокоен, потому что мы уже потеряли троих ребят. Ветрун – хитрая bestия. Куда ни сунься, везде стражники или солдаты.

– Ветрун – балбес, – заявил Низз.

– Конечно, Низз. У тебя все балбесы, – невозмутимо отозвался Людо.

– Конечно все.

Низз повернулся к столу, и его внимание привлекло... нет, не движение, а его отсутствие. Один молодой убийца на дальнем конце стола пристроил перед тарелкой подставку для книги и с головой ушел в чтение. Он так увлекся, что замер, не донеся до рта пустую вилку.

Подмигнув приятелям, Низз взял из вазы яблоко, незаметно размахнулся и бросил яблоко со злонамеренной точностью.

Вилка метнулась быстро и прицельно, как змеиный язык, пронзив яблоко на лету.

Книгочей перевернул страницу, не глядя поднес вилку ко рту и откусил от яблока.

Сидевшие за столом посмотрели на Низза, кто-то захихикал. Низз нахмурился. Нападение закончилось полным провалом, оставалось только прибегнуть к язвительному остроумию, которым он не обладал.

– Вот ты точно балбес, Коновал.

– Конечно, Низз, – спокойно ответил книгочей, не отрывая взгляда от страницы.

– Как ты будешь сдавать экзамены, а, Коновал?

– Честно говоря, не знаю, Низз.

– Ты ведь еще никого не убил, а, Коновал?

– Насколько я знаю, нет, Низз.

Юноша перевернул страницу. Тихий шорох бумаги окончательно

вывел Низза из себя.

– Что это ты читаешь? – рявкнул он. – Робертсон, будь добр, покажи, что читает Коновал. Передай мне книгу.

Мальчишка, сидевший рядом с тем, кого называли Коновалом, схватил книгу с подставки и с силой толкнул ее, запустив по столу.

Книгочей со вздохом откинулся на спинку стула и стал смотреть, как Низз торопливо листает страницы.

– Вы только посмотрите, ребята! – воскликнул тот. – Коновал читает книжку с картинками. – Он показал открытую книгу остальным. – Сам раскрасил красками или карандашами, да, Коновал?

Лишившийся книги читатель уставился в потолок.

– Нет, Низз. Книга была раскрашена по указанию автора, лорда Уинстэнли Гревилля-Дуду, его сестрой, леди Эмилией Джейн. Так написано на фронтиспise, если угодно.

– О, надо же, какой тут тигр красивый нарисован, – гнул свое Низз. – А на что тебе сдались эти картинки, а, Коновал?

– Потому что лорд Уинстэнли разработал ряд очень интересных теорий по искусству маскировки, Низз, – ответил юноша.

– Ха! Черно-оранжевый тигр среди зеленых деревьев? – фыркнул Низз, безжалостно пролистывая страницы. – Огромный красный примат в зеленом лесу? Черно-белая зебра на желтой траве? Это что, руководство по тому, как не стоит прятаться?

Кто-то снова захихикал, но на этот раз как-то вымученно. У Низза были друзья, потому что он был сильным и богатым, но иногда находиться рядом с ним было неловко.

– Кстати, лорд Уинстэнли сделал несколько крайне интересных замечаний, касающихся опасности интуитивного...

– Это книга Гильдии, Коновал?

– Нет, Низз. Несколько лет назад гравюры были изготовлены по частному заказу, и мне удалось отыскать экземпляр в...

Низз резко взмахнул рукой. Книга стремительно пролетела по воздуху, заставив сидевших на ее пути младших учеников шарахнуться в стороны, и приземлилась прямо в камине, у самой дальней стенки. Старшие члены Гильдии и гости за почетным столом обернулись, но ничуть не заинтересовались увиденным. Пламя лизало страницы. Тигр светло горел.

– Значит, редкая книга, да? – с ухмылкой спросил Низз.

– Думаю, теперь ее можно назвать несуществующей, – ответил тот, кого называли Коновалом. – Это был единственный сохранившийся экземпляр. А формы, с которых ее печатали, пошли на переплавку.

- Ты никогда не выходишь из себя, а, Коновал?
- Никогда, Низз. – Книгочей отодвинул стул и поднялся из-за стола. – А теперь, если позволите, я хотел бы пораньше лечь спать. – Он кивнул сидевшим за столом. – Доброй ночи, Низз, господа...
- Ты полный балбес, Витинари.
- Как скажешь, Низз.

На ходу Ваймсу всегда думалось лучше. Это простое движение успокаивало его и приводило мысли в порядок.

Помимо охраны ворот и надзора за соблюдением комендантского часа Ночная Стража мало чем занималась. Отчасти потому, что ни на что больше стражники и не были способны, а отчасти потому, что ничего другого никто от них и не ждал. Они ходили по улицам достаточно медленно, чтобы по-настоящему опасные личности успели не спеша раствориться во тьме. Они звонили в колокольчик, сообщая спящему, а точнее, только что разбуженному миру вокруг, что все спокойно (хоть с виду и не скажешь). А еще они ловили безобидных пьяниц и отбившуюся от стада скотину (но только в том случае, если она не вела себя совсем по-скотски).

«Они решили, что я шпионю для Ветруна? – думал Ваймс. – Шпионю за Стражей с улицы Паточной Шахты? С таким же успехом можно шпионить за тестом».

Ваймс наотрез отказался носить колокольчик. Молодой Сэм нашел колокольчик полегче, но из уважения к недвусмысленно выраженным желаниям Ваймса обернул язык колокольчика тряпицей.

– Сержант, а фургон будет сегодня ездить по городу? – спросил молодой Сэм, когда сумерки уже начали сменяться ночью.

– Да, сегодня на нем дежурят Колон и Дрынн.

– Задержанных отвезут на Цепную улицу?

– Нет, – ответил Ваймс. – Я приказал им доставлять всех в штаб-квартиру, там Пятак оштрафует их на полдоллара, запишет фамилии и адреса. Может, устроим лотерею.

– У нас будут неприятности, сержант.

– Комендантский час введен для того, чтобы запугать людей. Это почти ничего не значит.

– Мама говорит, скоро начнутся беспорядки, – сказал Сэм. – В рыбной лавке об этом судачили. Все говорят, что скоро во дворце будет сидеть Капканс. Он прислушивается к людям.

– Да, конечно, – откликнулся Ваймс. «А я прислушиваюсь к грому, –

добавил он про себя, – но это еще не значит, что я поспешу ему на помощь».

– А мама сказала, когда Капканс станет патрицием, каждый сможет говорить что хочет, – продолжил Сэм.

– Да, да, только ты, юноша, пожалуйста, говори тише.

– И торговец рыбой говорит, что настанет день, когда разгневанные массы восстанут и сбросят свои подковы, – заявил Сэм.

«Если бы я был шпионом Загорло, этого торговца бы уже выпотрошили, – подумал Ваймс. – Да и наша мамочка – настоящая революционерка.

Может, преподать этому идиоту несколько уроков по основам политики? Кто же не мечтал о таком шансе... “Ах, если бы я уже тогда знал то, что знаю сейчас...” Но с возрастом понимаешь, что ты-нынешний и ты-молодой – два совершенно разных человека. Тогда ты был простодушным идиотом. Ты был тем, кем и должен был быть, чтобы совершить восхождение по тернистой тропе к себе-нынешнему. И простодушный идиотизм – один из участков этой тропы.

Уж лучше иная мечта: “Ах если бы я никогда не узнал того, что знаю сейчас...” По крайней мере, спал бы крепче».

– А чем занимается твой отец? – спросил Ваймс, будто сам не знал ответа.

– Он скончался очень давно, сержант, – ответил Сэм. – Когда я был совсем маленьким. Его сбила повозка, когда он переходил улицу, мама рассказывала.

«Она еще и непревзойденная лгунья».

– Жаль это слышать, – сказал Ваймс.

– Э... Мама говорит, что с радостью угостила бы вас чаем. Вы ведь тут почти никого не знаете...

– Юноша, дать тебе еще один совет? – спросил Ваймс.

– Конечно, сержант, ваши советы такие полезные.

– Младшие констебли не приглашают своих сержантов на чай. Не спрашивай почему. Просто не принято.

– Вы не знаете нашу маму, сержант.

Ваймс закашлялся.

– Все мамы одинаковы, младший констебль. Им не нравится, когда мужчины начинают жить самостоятельно – вдруг их милые мальчики нацепляют всякого разного?

«Кроме того, я знаю, что последние десять лет она живет в районе Мелких Богов, так что я скорее положу руку на стол и сам дам Загорло

молоток, чем покажусь на Заводильной».

– Она сказала, что приготовит для вас сдавленный пудинг, сержант. Наша мама готовит замечательный сдавленный пудинг.

«Самый лучший, – подумал Ваймс, глядя перед собой. – О боги. Самый лучший. В этом никто не может с ней сравниться».

– Очень... любезно с ее стороны, – пробормотал он.

– Сержант, – сказал Сэм через некоторое время, – а почему мы патрулируем Морфическую улицу? Это ведь не наш участок.

– Я изменил маршрут. Хочу увидеть как можно больше, – ответил Ваймс.

– На Морфической улице и смотреть-то не на что, сержант.

Ваймс пристально взгляделся в темноту.

– Не знаю, не знаю... – пробормотал он. – Поразительно, и что только не заметишь, если как следует приглядеться? – Он резко затащил Сэма в дверную нишу. – Говори шепотом. А теперь посмотри на дом напротив. Видишь дверь, которая темнее остальных?

– Да, сержант, – прошептал Сэм.

– А почему она темнее, как ты думаешь?

– Не знаю, сержант.

– Потому что в ней стоит кто-то в черном, вот почему. Значит так: пройдем чуть дальше по улице, потом свернем за угол, там развернемся и снова сюда. Мы направляемся в штаб-квартиру, как порядочные парни, у нас какао уже остывает, понятно?

– Так точно, сержант.

Они неторопливо проследовали за угол и продолжали идти еще некоторое время, пока на Морфической улице были слышны их шаги. Наконец Ваймс решил, что они отошли достаточно далеко.

– Хорошо, теперь можем остановиться.

«Нужно отдать Сэму должное, – подумал он. – Он умеет стоять неподвижно. Надо еще научить его рассредоточиваться так, чтобы становиться почти невидимым, по крайней мере в пасмурный день. Это ведь Киль научил меня этому? Да уж, после определенного возраста на память действительно нельзя полагаться...»

Городские часы отбили четверть.

– Когда начинается комендантский час? – шепотом спросил Ваймс.

– В девять часов, сержант.

– Значит, почти наступил, – сказал Ваймс.

– Нет, сейчас только без четверти девять, сержант.

– И еще несколько минут мне понадобится на то, чтобы вернуться. А

ты без шума следуй за мной и спрячься за углом. Когда начнется, беги ко мне, изо всех сил звоня в колокольчик.

– Начнется что, сержант? Сержант?

Но Ваймс уже неслышно скользил по улице. Надо будет дать Пятаку доллар, мельком подумал он, – башмаки сидели на ногах как перчатки.

На перекрестке шипели факелы, временно ослепляя любого, кто посмотрит в их направлении. Держась на границе полумрака, Ваймс боком прокрался вдоль стен до самой двери. И, только очутившись рядом, он прыгнул вперед, рывкнув:

– Попался, приятель!

–! – ответила тень.

– Это оскорбительные выражения, сэр, жаль, если мой молодой младший констебль их услышал.

Младший констебль Ваймс уже бежал к ним со всех ног, отчаянно звоня в колокольчик и вопя:

– Уже девять часов, и все совсем не спокойно!

Были и другие звуки – захлопывавшихся дверей и торопливо удалявшихся шагов, – к которым Ваймс почти не прислушивался.

– Идиот! – завизжала фигура в черном, отчаянно пытаюсь вырваться из хватки Ваймса. – Это что еще за игры?

Задержанный толкнул Ваймса, но тот только сильнее сжал руки.

– А это, сэр, нападение на офицера Стражи, – сообщил Ваймс.

– Я сам офицер Стражи, чертов легавый! С Цепной улицы!

– А где твоя форма?

– Мы не ходим в форме!

– А твой значок?

– Мы не носим значки!

– Не понимаю, почему я не должен считать тебя обычным вором. Ты присматривался к дому напротив, – сказал Ваймс, наслаждаясь ролью огромного, туповатого и абсолютно непрошибаемого стражника. – Мы тебя *видели*.

– Там должно состояться собрание опасных анархистов!

– Это еще что за религия, сэр? – Ваймс ощупал пояс задержанного. – А что у нас здесь? О, кинжал весьма зловещего вида. А ну-ка, засвидетельствуй, младший констебль Ваймс. Оружие, никаких сомнений! А это незаконно. Ношение оружия после наступления темноты еще более незаконно! Да еще и скрытое ношение.

– Что значит скрытое? – завопил извивающийся задержанный. – Кинжал ведь в ножнах, чтоб мне сдохнуть!

– Желаете покончить жизнь самоубийством? Не выйдет! – Ваймс сунул руку в карман черного плаща. – А это что? Маленький сверток из черного бархата, а в нем набор отмычек? Ага, похоже, тут готовились к краже со взломом...

– Они не мои, и ты это знаешь! – огрызнулся мужчина.

– Ты уверен? – спросил Ваймс.

– Да! Потому что свои я ношу во внутреннем кармане, скотина.

– А это – Использование Выражений, Нарушающих Общественный Порядок, – сообщил Ваймс.

– Ха! Да из-за вас, идиоты, все давно разбежались. Кого я могу оскорбить?

– Меня, например. Уверен, ты этого не хочешь, господин.

– Ты ведь тот тупой сержант, о котором нам рассказывали, да? – прорычал мужчина. – Слишком глупый, чтобы понять, что происходит? Но сейчас ты все у меня поймешь, господин...

Он вывернулся из рук Ваймса, и из темноты донеслись металлические щелчки. «Запястные ножи, – подумал Ваймс. – Даже наемные убийцы считают их оружием идиотов».

Он отступил на пару шагов от приплясывающего и размахивающего клинками человека.

– Ну что, солдафон? Какой тупой ответ ты придумаешь на это?

И тут Ваймс увидел Сэма. К его ужасу, юнец подобрался к противнику со спины и медленно заносил свой колокольчик, целясь прямо в темечко.

– Не надо! – закричал он.

Особист обернулся, и Ваймс тут же врезал ему ногой.

– Если собираешься драться, дерись, – сказал он поверженному телу. – Если собираешься говорить, говори. Не пытайся драться и говорить одновременно. А сейчас не советую тебе делать ни того ни другого.

– Я легко мог с ним справиться, сержант, – обиженно проворчал Сэм, когда Ваймс достал наручники и опустился на колени рядом с задержанным. – Загасил бы его, что вашу свечу.

– Травма головы может быть смертельной, младший констебль. Мы должны оправдывать доверие общества.

– Но вы врезали ему прямо по, гм, причиндалам, сержант!

«Потому что не хотел, чтобы они объявили охоту на тебя, – подумал Ваймс, застегивая наручники. – А чтобы ее не объявили, ты не должен бить их по головам. Если будешь маячить на заднем плане как бестолковый сообщник, останешься в живых. И возможно, я тоже».

– Нельзя драться так, как ждет от тебя противник, – сказал он,

взваливая человека в черном на плечи. – Помоги-ка мне... Оп-па, пошли отсюда. Я несущего, ты показываешь дорогу.

– Назад в штаб-квартиру? – изумился Сэм. – Вы решили *арестовать* «непоминаемого»?

– Да. Надеюсь, мы встретим по пути кого-нибудь из наших. Пусть это будет тебе уроком. Правил не существует. Как только ножи вынуты из ножен, правил больше нет. Ты просто вырубаешь противника. По возможности тихо и по возможности не причиняя ему серьезного вреда, но все равно вырубаешь. Он идет на тебя с ножом, ты лупишь его по руке дубинкой. Он идет на тебя с голыми руками, ты бьешь коленом, башмаком или шлемом. Твоя задача – мирные улицы. Ты должен умиротворять все окружающее как можно быстрее.

– Да, сэр. Но нас ждут большие неприятности.

– Это самое обыкновенное задержание. Даже стражники должны соблюдать закон, каким бы он ни был...

– Да, сержант, но я имел в виду, что неприятности нас ждут прямо сейчас.

В конце улицы, куда они уже почти подошли, маячили несколько темных силуэтов. Похоже, встречающие были настроены решительно – на такую мысль наводили их угрожающие позы да и тусклый блеск оружия в руках. Захлопали маленькие заслонки, улица осветилась светом потайных фонарей.

«Ну конечно, он был не один, – пожурил себя за несообразительность Ваймс. – Его дело было подождать, пока все не соберутся, и по-тихому смотаться за головорезами. Их не меньше дюжины. Ну, щас из нас шницель^[7] сделают».

– Что будем делать, сержант? – шепотом спросил Сэм.

– Звони в колокольчик.

– Но они нас заметили!

– Звони в чертов колокольчик! Иди вперед, не останавливайся! И не переставай звонить!

«Непоминаемые» рассредоточились, и, подойдя поближе, Ваймс заметил, как несколько человек с обеих сторон прошмыгнули ему за спину. Значит, вот как это будет. Как с грабителями с Лепешечной. Они начнут непринужденную беседу, а их глаза скажут тебе: «Эй, ты знаешь, что наши приятели у тебя за спиной, и мы знаем, что ты это знаешь, и нам весело смотреть, как ты притворяешься, будто бы мы просто мило беседуем, хотя понимаешь, что в любую минуту можешь получить по почкам. Мы чувствуем твою боль. И нам это нравится...»

Он остановился. Пришлось остановиться, чтобы не воткнуться в кого-нибудь из них. А по всей улице горожане, разбуженные звоном колокольчика, открывали окна и двери.

– Добрый вечер, – сказал он.

– Добрый вечер, ваша светлость, – раздался голос из прошлого. – Приятно встретить старого друга, верно?

Ваймс застонал. Случилось самое худшее из того, что могло случиться.

– Карцер?

– *Сержант* Карцер, если угодно. Странные вещи случаются в этом мире, верно? Как оказалось, я прирожденный стражник, ха-ха. Мне выдали новый костюм, меч и назначили денежное содержание двадцать пять долларов в месяц, вот так-то. Парни, это тот самый тип, о котором я вам рассказывал.

– Эй, слышь, а почему ты назвал его «ваша светлость»? – спросил один из темных силуэтов.

Карцер не спускал глаз с лица Ваймса.

– Мы так шутим. Там, откуда мы приехали, все звали его Герцогом. – Карцер сунул руку в карман и достал какой-то предмет. Ваймс заметил тусклый латунный блеск. – Кличка у него была такая... Эй, Герцог! Прикажи-ка своему сопляку перестать звонить.

– Хватит, младший констебль, – тихо сказал Ваймс.

Шум уже сделал свое дело. У предстоящей сцены появились безмолвные зрители. Впрочем, присутствие зрителей не имело для Карцера никакого значения. Он мог запросто зарезать тебя на арене под взглядами сотен людей и невинно спросить: «Кто? Я?» Но громилы за его спиной стали нервничать, как тараканы, ожидающие, что вот-вот вспыхнет свет.

– Не волнуйся, Герцог, – успокоил Карцер, надевая на пальцы латунный кастет. – Я рассказал ребятам о нас с тобой. О том, как давно мы друг друга знаем, ха-ха.

– Неужели? – откликнулся Ваймс. Это был не суперстроумный ответ, но Карцеру явно хотелось поговорить. – А как тебе удалось стать сержантом, Карцер?

– Я услышал, что кое-где нужны стражники со свежими идеями, – пожал плечами Карцер. – Милейший капитан Загорло лично побеседовал со мной и понял, что я честный человек, которому в жизни просто чуть-чуть не повезло. Он измерил меня своими циркулями, линейками и прочей гёметрией, и они подтвердили, что я не могу быть преступником. А еще он

сказал, что во всем виновата окружающая среда.

– Ты имеешь в виду трупы, которые появляются повсюду, где бы ты ни оказался?

– Здорово сказано, Герцог, ха-ха.

– И у тебя действительно есть свежие идеи?

– Ну, одна из них ему особенно приглянулась, – произнес Карцер, прищуриваясь. – Как оказалось, он никогда слыхом не слыхивал про фокус с имбирным пивом.

Фокус с имбирным пивом. Это превзошло самые худшие ожидания. Пыточных дел мастера много веков бились над секретом фокуса с имбирным пивом, а Карцер раскрыл его такому маньяку, как капитан Загорло.

– Фокус с имбирным пивом, – повторил Ваймс. – Молодец, Карцер. Именно такого человека искал Загорло. Настоящую сволочь.

Карцер улыбнулся, словно только что выиграл небольшой приз.

– Да, и я уже рассказал ему, как ты набросился на меня за то, что я украл всего-навсего буханку хлеба.

– Перестань, Карцер, – поморщился Ваймс. – Ты в жизни не крал хлеб. Ты предпочитал убить пекаря и присвоить всю пекарню.

– Еще тот пройдоха, да? – сказал Карцер, полуобернувшись к своим людям, чтобы подмигнуть и кивком указать на Ваймса.

И закончил разворот, сильно ударив в живот человека, стоявшего рядом.

– Никогда не смей звать меня «эй-слышь», – прошипел он. – Я – сержант, понятно?

Особист застонал в ответ, корчась на мостовой.

– Будем считать, это значит «да», ха-ха, – кивнул Карцер, убирая кастет в карман. – Теперь к делу... Герцог, так получилось, что у тебя мой человек. Как насчет того, чтобы ты передал его мне и мы тихо-мирно разошлись?

– Что тут происходит, сержант?

Голос донесся откуда-то из-за спины Ваймса. Он обернулся и увидел Букли и Зайтса. Они шагали не спеша, напустив на себя самодовольный и беспечный вид, но было заметно, что они только что бежали. А когда они узрели особистов, то мигом растеряли большую часть беспечности и еще более значительную часть самодовольства.

Отчаянный звон колокольчика. Он означал: «Офицер В Беде», и все стражники, заслышав его, спешили на этот призыв.

Разумеется, далеко не всегда офицер мог рассчитывать, что ему

действительно помогут. Особенно когда перевес был на другой стороне. В конце концов, это ведь старая Ночная Стража. Но по крайней мере, из реки тебя выловят, из петли достанут и о достойных похоронах позаботятся.

С другого конца улицы послышался грохот, и из-за угла вывернула громадина тюремного фургона с Фредом Колоном на козлах и констеблем Дрынном у задней двери.

– В чем там дело, Билл? – донесся до Ваймса крик.

– Это Киль и Ваймси! – крикнул Букли в ответ. – Давайте сюда, живее.

Ваймс старался не смотреть Карцеру в глаза, старался делать вид, будто ничего не произошло, будто мир не раскололся вдруг, как хрустальный шар, впустив в себя ледяной ветер бесконечности. Но Карцер был не дурак.

Он бросил взгляд на Ваймса, потом пригляделся к Сэму.

– Ваймси? – переспросил он. – Значит, тебя зовут Сэм Ваймс?

– Я ничего не говорил, – упрямо заявил младший констебль Ваймс.

– Так-так-так, – с довольным видом произнес Карцер. – Ну и поворот, да? Есть о чем подумать. И никаких ошибок, ха-ха.

Тюремный фургон со скрипом остановился. Карцер поднял глаза на круглое бледное лицо капрала Колона.

– Займись своими делами, капрал, – велел он. – Проваливай.

Колон нервно сглотнул. Ваймс заметил, как дернулся, словно пытается спрятаться, его кадык.

– Э... Мы услышали звон, – промямлил Фред.

– Просто кое-кто слегка переволновался, – объяснил Карцер. – Но это напрасные тревоги. Все мы стражники, верно? Я не хочу неприятностей. Это всего лишь небольшое недоразумение. Сейчас сержант Киль передаст мне моего друга, верно, сержант? И никто не будет в обиде, ага? Ты просто сорвал нам небольшую операцию, сущие пустяки. Передай его нам, и покончим с этим.

Все посмотрели на Ваймса.

Он прекрасно понимал, что самым благоразумным было бы подчиниться. И тогда Карцер, скорее всего, уйдет, а Ваймсу отчаянно хотелось, чтобы он оказался где-нибудь подальше от молодого Сэма.

Но Карцер вернется. Точно вернется. Такие твари, как Карцер, всегда возвращаются, особенно если знают, что нашли уязвимое место.

И это еще не самое страшное. Хуже всего то, что Ваймс изменил ход истории.

Заговор с Морфической действительно существовал. Особисты

накрыли заговорщиков. Несколько человек погибли, но некоторым удалось сбежать, беспорядки продолжались несколько дней и закончились, только когда...

Однако той ночью молодого Сэма Ваймса не было рядом с Морфической улицей. Киль учил его обмениваться рукопожатием с дверными ручками далеко отсюда, в Тенях.

Но ты решил, что умнее всех, Герцог. Решил, что можешь вставлять палки в колеса и лупить по головам, да?

Плюс еще вмешался Карцер, и вот ты далеко за пределами учебников истории, на незнакомой местности и без карты...

Карцер по-прежнему весело улыбался. Здесь и сейчас Ваймс больше всего на свете хотел стереть с его лица эту улыбку, стереть навсегда.

– *Эй, слышь*, я был бы рад услужить, – сказал он. – Честное слово. Но мы его взяли, и я обязан доставить его в штаб-квартиру и оформить бумаги. Надо его допросить, вдруг он поможет разобраться с некоторыми нераскрытыми преступлениями.

– Например? – спросил Карцер.

– Не знаю, – пожал плечами Ваймс. – Смотря что у нас сейчас есть нераскрытого. Мы посадим его в камеру, напоим чаем, поболтаем о том о сем... *сам* знаешь, как это бывает. Часто у человека развязывается язык после чашечки чая. Ну, или газировки, если он не любит чай.

Некоторые стражники захихикали, хотя Ваймс искренне надеялся, что никто из них не понял истинного смысла его последних слов.

Улыбка исчезла с лица Карцера.

– *Я сказал*: он – мой человек при исполнении, а я – сержант.

– А я – старший сержант, и я сказал, что мы передадим его тебе в штаб-квартире, сержант Карцер. Официально.

Карцер кивнул в сторону младшего констебля, настолько неувлимо, что только Ваймс заметил это. И понизил голос:

– Зато мне чисто случайно достались все тузы, Герцог.

– Зато я чисто случайно не играю в карты, Карцер. Мы можем устроить драку прямо здесь и сейчас, и я, честно говоря, не знаю, чем она закончится. Я уверен только в том, что завтра ты уже не будешь сержантом. Но если ты думаешь, что все тузы у тебя, можешь повысить ставки.

Карцер пристально посмотрел на него, потом подмигнул и повернулся к своим.

– Я же говорил, он еще тот пройдоха, – сообщил он, ни к кому в особенности не обращаясь, и заговорщицки ткнул Ваймса под ребра. – Вечно блефует! Ну ладно, сержант... при оружии, будь по-твоему. Нужно

же и вам, обычным солдафонам, иногда чем-то заняться, ха-ха! Я пришлю за ним пару своих ребят через часок-другой.

«Правильно, дай мне время попотеть при мысли о том, что я могу кануть в небытие, если ты перережешь этому парню горло, – подумал Ваймс. – Основная беда в том, что меня действительно бросает в пот».

Он выпрямился и жестом приказал тюремному фургону подъехать ближе.

– Мы все вместе проводим его в участок, понятно? – сказал он. – Пора выпить по кружке какао. Дрынн, помоги мне его загрузить. Фред, другие пассажиры есть?

– Всего один пьяница, сержант. Заблевал всю округу.

– Ладно. Задержанного поместим в фургон, сами поедем на подножке. – Ваймс кивнул Карцеру. – Уверен, мы скоро встретимся, сержант.

– Ага, – отозвался Карцер, на лице которого снова появилась проказливая улыбочка. – Береги себя!

Ваймс вскочил на подножку подоспевшего фургона. Оборачиваться он не стал. Карцеру следовало отдать должное в одном: он никогда не станет стрелять в спину, если уверен, что в скором времени ему представится возможность перерезать тебе горло.

Фургон оглушительно гроыхал по булыжникам. Рядом с Ваймсом на подножке ехал констебль Букли. Через некоторое время он отважился спросить:

– А что там произошло, сержант? Ты знаешь этого типа?

– Да. Он убил двоих стражников. Один пытался его арестовать, а второй, сменившись с дежурства, просто ел пирог. Он много кого убил.

– Но он же сам стражник!

– Загорло взял его на службу, Букли.

Грохот колес по булыжной мостовой вдруг стал значительно громче. Все стражники внимательно слушали.

– Ты давно в Страже, констебль? – спросил Ваймс.

– Уже два года, сержант, – ответил Букли. – Раньше таскал фрукты на рынке, но эти утренние заморозки... У меня из-за них и спину стало ломить, и в груди колоть...

– А я ничего не слышал об убийствах стражников, – сказал младший констебль Ваймс.

– Это случилось не здесь, юноша. Это случилось очень далеко.

– И вы там были?

– Тех стражников я знал.

И снова атмосфера вокруг фургона изменилась. Никто из стражников не издал ни звука, но незримое «Вот оно что!», казалось, повисло у них над головами.

– И ты приехал сюда, чтобы выследить его? – спросил Букли.

– Вроде того.

– Мы слышали, вы приехали сюда из Псевдополиса, сержант, – сказал Сэм.

– Я много откуда приехал.

– Здорово! – воскликнул Сэм.

– Он убил стражника, который ел пирог? – спросил Фред Колон.

– Да.

– Вот сволочь! А с чем был пирог?

– Свидетели не сказали, – соврал Ваймс.

Это же был *старый* Анк-Морпорк. Здесь и сейчас гномы были видовым меньшинством и старались не привлекать к себе внимания и не высовываться... ну, хотя не высовываться-то им было совсем не трудно. И в этом Анк-Морпорке уж точно не было забегаловок, круглосуточно торгующих пирогами с крысятиной.

Какая-то мысль явно не давала Букли покоя.

– Они ведь придут за этим типом, которого ты арестовал, – сказал он.

– Хочешь взять отгул на оставшуюся часть ночи, констебль? – спросил Ваймс.

Остальные стражники несколько нервно захихикали.

«Прохвосты, – подумал Ваймс. – Записались в Стражу, потому что жалованье хорошее, работенка не бей лежачего, а тут вдруг трудности, понимаете ли».

– Сержант, а какие обвинения вы собираетесь предъявить задержанному? – спросил Сэм.

– Попытка нападения на стражника. Ты же сам видел его ножи.

– Но ведь это вы ударили его ногой.

– Верно, совсем забыл. Значит, обвиним и в сопротивлении при аресте.

Снова раздался смех. Перед смертью люди готовы смеяться над чем угодно.

«В славную компанию я попал. Я отлично вас знаю, ребята. Предел ваших мечтаний – тихая жизнь и хорошая пенсия. Вы никогда не торопитесь на место происшествия, чтобы к вашему появлению там уже точно ничего не происходило. А самая грозная опасность, которую вы готовы встретить лицом к лицу, – это буйный пьяница или бодливая корова. Большинство из вас даже стражниками-то не назовешь, невзирая на форму.

В бескрайнем море приключений вы придонные падальщики, подбирающие то, что больше никому не нужно.

А сейчас идет война, и вы на острие событий. Не примкнули ни к одной из сторон. Банда тупых солдафонов, вот вы кто. Как низко вы пали. Но поверьте, ребята, вы еще подниметесь».

Минуту или две на Морфической улице было тихо – ни движения, ни звука.

Потом из-за угла появилась карета. Шикарная, запряженная парой лошадей. Вместо фонарей на ней были закреплены факелы, и, когда карета подпрыгивала на булыжниках, языки пламени, казалось, на мгновение повисали в воздухе, окутанные полупрозрачной дымкой.

И поскольку от света факелов ничто не могло укрыться, случайный наблюдатель, если бы он там был, мог бы предположить, что богатая обивка кареты имеет глубокий пурпурный цвет. А еще он мог бы заметить, что экипаж слишком уж тяжело оседает на рессорах, будто перегруженный.

Карета остановилась у дверного проема рядом с тем, где совсем недавно произошел арест. Ваймс бы очень удивился, увидев, как из темноты проема на свет факелов вышли две темные фигуры, – он-то полагал, что знает об искусстве оставаться невидимым почти все.

Дверца кареты распахнулась.

– Удивительные новости, милочка, – сказала одна из теней.

– Просто поразительные, дорогуша, – поддержала вторая.

Они скрылись в карете, и та сразу сорвалась с места.

Когда они подъехали к штаб-квартире, Ваймса ждал сюрприз: как только фургон оказался во дворе, Букли и Зайтс спрыгнули с подножки и мгновенно заперли ворота. Сами, не дожидаясь указаний.

Внутри Колон и Дрынн закрыли ставни на окнах, Дрынн принес из арсенала охапку арбалетов. Все было сделано быстро и очень аккуратно. Просто невероятно аккуратно и быстро, учитывая, о ком шла речь.

Ваймс подтолкнул молодого себя.

– Свари какао, юноша, – велел он. – Не хочу опоздать на представление.

Он сел на свое место и закинул ноги на стол, Колон тем временем провернул ключ в дверном замке, а Дрынн задвинул тяжелый засов.

«Это происходит прямо сейчас, – подумал он. – Хотя ничего такого не было. Вернее, было, но не совсем так. На этот раз заговорщикам с Морфической улицы удалось улизнуть. Их собрание не накрыли. Им не

пришлось драться. Когда за окном собралась толпа стражников, они, должно быть, перепугались до оцепенения. Впрочем, они и до этого не слишком-то шевелились. Это же всего лишь обычные горлопаны и бездельники. Из тех, кто толпится вокруг недотепы-оратора и разбегается по переулкам, едва запахнет жареным. Но когда к ним заявили особисты, некоторые погибли, другие пытались отбиваться, и, как всегда, одно потянуло за собой другое... Однако здесь и сейчас никто их не накрыл, потому что один тупой сержант поднял слишком большой шум...

Два разных настоящих. Одно прошлое, одно будущее...

И я не знаю, что произойдет дальше.

Хотя могу догадаться».

– Молодцы, – сказал он, вставая из-за стола. – Продолжайте запирать нас в ловушке, а я пойду доложу старику, что происходит.

Поднимаясь по лестнице, он услышал озадаченное бормотание стражников за спиной.

Капитан Мякиш сидел за столом, тупо уставившись в стену. Ваймс откашлялся и отдал честь.

– Возникли некоторые... – начал было он, но осекся, увидев пепельно-серое лицо Мякиша.

Капитан выглядел так, словно увидел призрака, причем в зеркале.

– Ты тоже слышал новости?

– Сэр?

– Беспорядки в Сестрах Долли, – сообщил Мякиш. – Всего пару часов назад.

«Да, все уже почти началось, – подумал Ваймс, когда до него дошел смысл слов. – Раньше для меня это были лишь названия и без разницы, что когда случилось, – все происходило как будто одновременно. Сестры Долли, ну конечно. Там собрались горячие головы и...»

– Лейтенант Дневной Стражи вызвал один из полков, – сообщил Мякиш. – На что, разумеется, имел полное право.

– Какой конкретно полк? – спросил Ваймс, чтобы хоть что-то спросить. Это название упоминалось во всех учебниках истории.

– Драгунский средней тяжести полк лорда Вентурии, сержант. Полк, в котором я служил.

«Все правильно, – подумал Ваймс. – Кавалерия обладает всеми нужными навыками для разгона толпы гражданских лиц. И все это знают».

– Было несколько... э... случайных жертв...

Ваймсу стало жаль старика. На самом деле так и не выяснили, был приказ топтать толпу или не было, но разве это имеет значение? Лошади

шли вперед, люди не могли отскочить из-за напиравшей сзади людской массы... а детская ладошка так легко выскользывает из родительской руки...

– Но надо признать, в офицеров летели метательные снаряды, и один солдат был тяжело ранен, – произнес Мякиш, словно читая по бумажке.

«И что, значит, можно давить людей?» – подумал Ваймс.

– Какие именно метательные снаряды, сэр?

– Фрукты, насколько я знаю. Хотя могли быть и камни. – Ваймс увидел, что у Мякиша трясутся руки. – Бунт начался из-за цен на хлеб, как я понимаю.

«Нет. Из-за цен на хлеб началось недовольство, – подсказал Ваймсу внутренний голос. – Бунты начинаются, когда люди попадают в ловушку между идиотами на лошадях и другими идиотами, орущими “Правильно!” и пытающимися пробиться вперед, а городом командует придурок, прислушивающийся к советам маньяка со стальной линейкой».

– Во дворце полагают, – медленно произнес Мякиш, – что революционно настроенные элементы могут предпринять нападения на участки городской Стражи.

– Правда, сэр? Зачем?

– Ну, они ж революционно настроены. Всегда себя так ведут, – ответил Мякиш.

– Собственно говоря, сэр, стражники уже закрывают ставни и...

– Делай все, что считаешь нужным, сержант, – перебил его Мякиш, помахав листочком, который держал в руке. Это было какое-то письмо, написанное кривым почерком. – Но мы должны с удвоенным рвением следить за соблюдением комендантского часа. Это здесь особо подчеркивается.

Ваймс ответил не сразу. Первый, едва не сорвавшийся с языка ответ он проглотил. Заставив себя ограничиться простым «Так точно, сэр», он вышел из кабинета.

Он знал, что капитан вовсе не был подонком. Видимо, он был очень потрясен новостями, раз отдал такой глупый, опасный приказ. «Делай все, что считаешь нужным». Отдай такой приказ человеку, который может впасть в панику при виде толпы потрясающих кулаками людей, и получишь Резню в Сестрах Долли.

Ваймс спустился по лестнице. Стражники переминались с ноги на ногу и явно нервничали.

– Задержанный в камере? – спросил он.

– Так точно, сэр. Сержант, Пятак говорит, что в Сестрах Долли...

– Я знаю. Итак, вот что я считаю нужным. Откройте ставни, отоприте дверь, оставьте ее открытой и зажгите все лампы. Почему синий фонарь над дверью не горит?

– Не знаю, сержант, но что, если...

– Зажги фонарь, капрал. Потом встань на часах у двери вместе с Дрынном, так, чтобы вас было видно. Вы дружелюбные местные парни, всегда рады помочь. Колокольчики возьмите, но никаких мечей! Все поняли?

– Никаких мечей?! – выпалил Колон. – А если из-за угла вывалит огромная разъяренная толпа? Что я буду делать без меча-то?

Ваймс двумя быстрыми шагами пересек разделявшее их расстояние и встал вплотную, глядя Колону прямо в глаза.

– А что ты будешь делать с мечом? Против огромной разъяренной толпы? Что ты им покажешь, а? Лично я хочу показать им вот что: о, да это же толстяк Колон, нормальный парень, хотя умом не блещет, кстати, я знаю его папашу, а тот – старина Дрынн, он в каждой окрестной пивнушке за своего... Потому что если они увидят двух стражников в форме и с мечами – всё, вы влипши; а если вы обнажите мечи, то влипнете по уши; а если, капрал, ты или кто-то из вас сегодня ночью обнажит меч без моего приказа и останется в живых, он пожалеет и о том, и о другом, потому что ему придется иметь дело со мной, понятно? Только попробуй – и узнаешь, что значит влипнуть по-настоящему, потому что все, что тебе довелось пережить до этого, покажется тебе, мать-перемать, пикником на туда-его-конем пляже. Уяснил?

Глаза Фреда Колона полезли на лоб. Почти буквально.

– И пусть мой приторно-ласковый тон не вводит тебя в заблуждение. Это была вовсе не дружеская просьба. Это, всем чертям в очко, приказ! – рявкнул Ваймс и повернулся. – Ваймс?

– Да, сержант? – откликнулся молодой Сэм.

– У нас есть пила?

Пятак шагнул вперед.

– У меня есть ящик с инструментами, сержант.

– А гвозди тоже имеются?

– Так точно, сэр!

– Отлично. Сорви дверцу с моего шкафчика и вбей в нее как можно больше гвоздей. Потом положи ее гвоздями вверх на верхней площадке лестницы. А я возьму пилу и пойду в сортир.

В наступившей тишине капрал Колон неожиданно решил, что у него есть шанс вернуть расположение начальства.

– Сержант, если у тебя с этим проблемы, – начал он, откашлявшись, – у госпожи Колон есть отличное лекарство...

– Я скоро вернусь, – перебил его Ваймс.

И сдержал слово: уже через четыре минуты он снова был в караулке.

– Готово, – сообщил он, перекрикивая стук молотка, доносящийся из раздевалки. – Пошли, младший констебль, пора показать тебе, как следует проводить допрос. Да, и ящик с инструментами захвати.

– Фреду и Дрынну не нравится торчать на улице, – сообщил Сэм, когда они спускались по каменным ступеням. – Они боятся, что с минуты на минуту явится толпа «непоминаемых».

– Зря беспокоятся. Наши приятели с Цепной через главную дверь не ходят.

Он открыл дверь, ведущую в помещение для задержанных. Арестованный мгновенно вскочил на ноги и схватился за прутья решетки.

– Ага, они пришли, и сейчас ты меня выпустишь, – ухмыльнулся он. – Давай пошевеливайся, и, быть может, я замолвлю за тебя словечко.

– Никто за тобой не пришел, господин, – сказал Ваймс.

Прежде чем открыть камеру, он запер за собой дверь.

– Наверное, сильно заняты, – добавил он. – Какие-то беспорядки в Сестрах Долли. Есть жертвы. Сейчас им не до тебя.

Задержанный бросил взгляд на ящик с инструментами в руках младшего констебля. Лишь на мгновение, но Ваймс успел заметить неуверенность.

– Понятно, – кивнул арестованный. – Хороший стражник и плохой стражник, да?

– Если угодно, – ответил Ваймс. – Но людей не хватает, поэтому, может, сам дашь себе по зубам, а я угощу тебя сигареткой?

– Слушай, ты ведь уже понял суть игры, да? – спросил арестант. – Ты знаешь, что я из Особого отдела. Ты недавно в городе, хотел произвести на нас впечатление. Что ж, тебе это удалось. Все смеются, ха-ха. Да я ведь просто следил за тем домом!

– Не, все не совсем так, – заметил Ваймс. – Мы тебя арестовали, и теперь мы будем решать, в чем ты виновен, а в чем нет. Сам знаешь, как это делается. Имбирного пива не желаешь?

Лицо арестанта окаменело.

– Знаешь, – сказал Ваймс, – нас тут предупредили, что после сегодняшних беспорядков революционно настроенные элементы могут напасть на участки городской Стражи. Лично я не думаю, что это произойдет. Лично я думаю, что сюда придут самые обыкновенные люди, и

то только потому, что узнали о происшествии в Сестрах Долли. Но, можешь считать меня капитаном. Подозрительность, мне почему-то кажется, что все может выйти гораздо хуже. Видишь ли, мы обязаны следить за соблюдением комендантского часа. И вот представь, к нам приходят граждане и жалуются, что солдаты бьют безоружных людей. Что это, как не нападение с применением смертельного оружия, по-твоему? А значит, нам придется арестовать нападавших. Я нахожу это несколько...

Сверху послышался шум. Ваймс кивнул молодому Сэму, и тот птицей взлетел вверх по лестнице.

– А теперь, когда мой чересчур впечатлительный помощник ушел, – тихо проговорил Ваймс, – позволь добавить, что, если сегодня кто-нибудь из моих людей пострадает, я позабочусь о том, чтобы всю оставшуюся жизнь при одном только виде самой обычной бутылки ты орал как резаный.

– Но я ничего тебе не сделал! Ты ведь меня совсем не знаешь!

– Да, как я уже говорил, твоя судьба в твоих руках.

Вернулся запыхавшийся Сэм.

– Кто-то свалился в сортир! – доложил он. – Забрался на крышу, но стропила оказались подпиленными и не выдержали!

– Должно быть, один из революционных элементов, – предположил Ваймс, не отрывая взгляда от лица задержанного. – Нас о них предупреждали.

– Он говорит, что работает на Цепной улице, сержант!

– Будь я революционно настроенным элементом, именно так я бы и выкручивался, – сказал Ваймс. – Ну хорошо, пойдем глянем на него.

Входная дверь по-прежнему была открыта. На улице стояли люди, едва видимые в свете фонарей. По караулке ходил встревоженный сержант Тук.

– Кто приказал открыть двери? – бурчал он. – На улицах беспокойно. Очень опасно...

– Я приказал, – ответил Ваймс, поднимаясь по ступеням. – Проблемы, сержант?

– Послушай, сержант, по пути сюда я слышал, что участок на Колиглазной улице забросали камнями, – нервно заявил Тук. – Народ вышел на улицы! Банды! Я даже думать боюсь о том, что творится в центре.

– И что?

– Мы – стражники! И должны готовиться к худшему!

– И что нам делать? Запереть двери и слушать стук камней по крыше? – спросил Ваймс. – Или выскочить на улицу и всех арестовать? Добровольцы есть? Нет? Послушай меня, сержант, если хочешь кого-

нибудь арестовать, займись человеком в сортире. Предъяви ему обвинение в проникновении со взломом...

С верхнего этажа донесся отчаянный вопль.

Ваймс поднял глаза.

– Да, и еще. Полагаю, если ты поднимешься на площадку перед чердаком, то найдешь там человека, который провалился в световой люк и упал прямо на утыканную гвоздями дверь от шкафчика – ее там кто-то случайно оставил, – продолжил он, глядя прямо в глаза озадаченного Тука. – Эти ребята явились сюда с Цепной улицы, сержант. Решили, что смогут подкрасться по крышам и как следует пугануть тупых солдафонов. Посади-ка обоих в камеру.

– Арестовать «непоминаемых»?

– Формы нет. Значков нет. Они вооружены до зубов. Пусть хотя бы здесь все будет по закону, – пожал плечами Ваймс. – Пятак, где какао?

– Мы все будем по уши в беде! – заорал Тук.

Ваймс неспешно раскурил сигару, заставив сержанта дожидаться ответа.

– Мы уже в беде, Уинсборо, – сказал он, помахав спичкой. – Нужно просто решить, в какой именно. Спасибо, Пятак.

Он взял кружку какао из рук тюремщика и кивнул Сэму.

– Выйдем-ка на улицу.

В караулке воцарилась тишина, которую нарушали только жалобные стоны с верхней площадки и отчаянные вопли из сортира.

– Ну, чего же вы ждете, господа? – спросил он. – Не хотите позвонить в свои колокольчики? Все спокойно и так далее? А?

Оставив эти слова висеть в воздухе, подобно розовому слону, Ваймс вышел на свежий вечерний воздух.

Перед штаб-квартирой группками по трое-четверо толпились люди, о чем-то переговариваясь между собой и поглядывая на здание участка.

Ваймс присел на ступени и стал прихлебывать какао из кружки.

С таким же успехом он мог бы снять с себя штаны. Группки моментально слились в единое целое и превратились в публику. Никогда еще человек, пьющий безалкогольный шоколадный напиток, не привлекал к себе столько внимания.

Это был верный расчет. Закрытая дверь провоцирует набраться храбрости и выбить ее. А человек, который прихлебывает из кружки, сидя под фонарем и наслаждаясь ночной прохладой, провоцирует немного притормозить и задуматься.

– Эй, слышь, а мы ведь тут комендантский час нарушаем! – выпалил

какой-то паренек, быстро выскочивший вперед и так же стремительно скакнувший назад.

– Что, правда? – удивился Ваймс.

– И чо теперь, ты нас арестуешь?

– Не, только не я, – весело ответил Ваймс. – У меня перерыв.

– Неужели? – продолжал паренек, показывая на Колона и Дрынна. – А у них тоже?

– Только что начался, – кивнул Ваймс и повернулся к стражникам. – Пойло готово, ребята. Можете идти. Только не спешите, всем хватит. Но не забудьте вернуться...

Когда топот ног стих, Ваймс повернулся к толпе и улыбнулся.

– И когда же твой перерыв закончится? – поинтересовался бузотер.

Ваймс решил рассмотреть его повнимательней. То, как он стоял, выдавало его с головой. Он был готов ринуться в драку, хотя настоящим бойцом вовсе не выглядел. Если бы они находились в каком-нибудь питейном заведении, хозяин бы поспешил убрать с полок самые дорогие бутылки, потому что после таких вот непрофессионалов всегда остаются горы битого стекла. Да... Ваймс вдруг понял, почему ему в голову пришла мысль о питейном заведении. Из кармана задиры торчала бутылка. Дух его неповиновения был жидким и горючим.

– По-моему, в четверг, – ответил Ваймс, не спуская глаз с бутылки.

Из непрерывно растущей толпы донесся смех.

– Почему в четверг? – спросил пьяница.

– В четверг у меня выходной.

Смех стал еще громче. Когда напряжение висит слишком долго, разрядить его нетрудно.

– А я требую, чтобы ты меня арестовал! – заявил пьяница. – Валяй, попробуй!

– Ты недостаточно пьян, – сказал Ваймс. – На твоём месте я бы отправился домой и проспался как следует.

Парень схватил бутылку за горлышко. «Начинается, – подумал Ваймс. – По виду, у него один шанс из пяти...»

К счастью, толпа еще не успела слишком разрастись. Меньше всего в такой истории нужны люди, которые подходят и, вытягивая шеи, начинают спрашивать, что происходит. К тому же качающийся под ветерком фонарь караулки ярко освещал такого же покачивающегося парня.

– Друг, послушай мой совет, забудь обо всем этом, – продолжал Ваймс, отхлебывая еще какао.

Пойло почти остыло, но вместе с сигарой помогало

продемонстрировать, что обе руки у Ваймса заняты. Это очень важно. В руках у него не было никакого оружия. Никто не сможет сказать, что у него было оружие.

– Я тебе не друг, свинья! – воскликнул бузотер и разбил бутылку об стену возле крыльца.

Осколки со звоном посыпались на землю. Ваймс внимательно следил, как меняется выражение лица пьяницы от подогретого спиртным гнева до гримасы боли, как широко открывается рот...

Парень зашатался. Сквозь сжатые зубы вырвался низкий, звериный стон, между пальцами сжатого кулака проступила кровь.

В этот момент Ваймс и бузотер являли собой яркую и запоминающуюся сцену: Ваймс сидел с занятыми руками, в нескольких футах от него стоял истекающий кровью человек, оба ярко освещены фонарем. Никакой драки, никто никого и пальцем не тронул... Ваймс знал, как разносятся слухи по городу, и хотел, чтобы эта картина накрепко запечатлелась у людей в головах. Он даже не стал стряхивать пепел с сигары.

Несколько секунд он не шевелился, потом резко встал, всем видом выражая тревогу.

– Помогите мне, быстрее! – воскликнул он, сбрасывая с себя нагрудник и кольчужную рубашку.

Схватившись за рукав сорочки, он оторвал длинную полосу.

Двое зевак, услышав командный голос, встрепенулись и бросились поддержать истекающего кровью задиру. Один из них потянулся к руке.

– Отставить! – рявкнул Ваймс, затягивая петлю из полоски ткани на вялом запястье пьяницы. – У него в руке целая горсть битого стекла. Осторожно положите его на землю, пока он сам не упал, но *ничего* не трогайте, пока я не наложу жгут. Сэм, сбегай в конюшню, принеси юноше попону Мэрилин. Кто-нибудь знает доктора Газона? Ну!

Кто-то из толпы крикнул, что знает, и Ваймс отправил его за лекарем.

Ваймс знал, что толпа внимательно за ним наблюдает, так же как и стражники, высунувшиеся из дверей.

– Видел я такое, – громко произнес он, добавив про себя: «...лет этак десять вперед». – В пивной завязалась драка. Один парень схватил бутылку, а разбить ее нормально не сумел. Стоит он с полной горстью осколков, а тут второй хватать его за руку – и сжал.

Толпа сочувственно застонала.

– Кто-нибудь знает этого парня? – спросил Ваймс. – Ну же, кто-то ведь должен...

Голос из толпы сообщил, что парня вроде зовут Джосс Щербини и он ходит в учениках сапожника с улицы Новых Сапожников.

– В таком случае будем надеяться, нам удастся спасти его руку, – сказал Ваймс. – Мне как раз нужна пара башмаков.

Шутка была так себе, но в ответ раздался дружный смех – так охотно смеются только напуганные и встревоженные люди. Толпа расступилась, пропуская Газона.

– Ага, – пробормотал он, опускаясь на колени рядом с Щербини. – Знаешь, никак не могу взять в толк, и зачем я купил себе кровать... Ну, что тут у нас? Неумелый боец на бутылках?

– Да.

– Похоже, ты все сделал правильно, но мне нужен свет и стол, – сказал Газон. – Твои люди могут перенести его в караулку?

Ваймс надеялся, что до этого не дойдет. Что ж, надо извлечь из ситуации все возможное...

Он наугад ткнул пальцем в толпу.

– Ты, ты, ты и ты, а еще вы, госпожа, – произнес он. – Поможете Фреду и Дрынну перенести юношу в дом. Останетесь рядом с ним, двери будут открыты, понятно? И вы все будете знать, что там происходит. У нас секретов нет. Всё поняли?

– Да, но ты ведь стражник... – раздался чей-то голос.

Ваймс рванулся вперед и, схватив за грудки, выволок из толпы испуганного юнца.

– Да, стражник, – прорычал он. – А этого парня видишь? Он – тоже стражник. Его зовут Сэм Ваймс. Живет на Заводильной улице со своей матушкой. А это Фред Колон, он только что женился, занимает пару комнат на улице Старых Сапожников. А присутствующий здесь Экспонат Номер Три – это Дрынн, его знает каждый. А Билли Букли даже родился на этой улице. А как *тебя* зовут, я спрашивал?

– Не-е-ет, – проблеял юнец.

– Потому что мне наплевать, кто ты такой. – Ваймс отпустил бедолагу и окинул взглядом толпу. – Слушайте все! Меня зовут Джон Киль! И без моего ведома никто в эту караулку не попадает! А сейчас вы все свидетели! Те, на кого я указал, войдут туда и убедятся в том, что мы играем честно. Остальные хотят остаться и узнать, что будет со Щербини? Отлично. Я велю, чтобы Пятак напоил вас какао. Или можете разойтись по домам. Ночь холодная. Давно пора в теплые постели. Лично я с радостью отправился бы сейчас домой. Да, мы знаем, что произошло в Сестрах Долли, и нам это нравится ничуть не больше, чем вам. И мы знаем, что

произошло на Колиглазной улице, и это нам тоже не нравится. Вот все, что я могу сказать. А теперь... если кто-нибудь из вас по-прежнему хочет подраться со стражником, пусть выйдет вперед. Форму я снял. Сразимся здесь и сейчас, открыто и честно, на глазах у всех. Есть желающие?

Что-то скользнуло по его плечу и с легким стуком упало на крыльцо штаб-квартиры.

С другой стороны улицы раздался грохот осыпающейся черепицы, и через мгновение на залитую светом фонарей мостовую рухнуло тело. Толпа охнула от изумления, пара человек даже вскрикнула.

– Похоже, появился желающий! – крикнул кто-то, и снова раздались нервные смешки.

Толпа расступилась, и Ваймс смог рассмотреть нежданного гостя.

Он был мертв. Если он и был живым, когда падал с крыши, то падение на мостовую определенно его доконало, потому что шея живого человека не может изгибаться под таким углом. Вместе с ним с крыши свалился арбалет.

Ваймс вспомнил, как что-то скользнуло по его плечу, и вернулся к ступеням. На поиски сломавшейся в нескольких местах стрелы не ушло много времени.

– Кто-нибудь знает этого человека? – спросил он.

Собравшиеся, даже те, кто не имел возможности толком рассмотреть арбалетчика, всем своим видом выразили полную неосведомленность.

Ваймс обшарил карманы труп. Все они оказались пустыми, что недвусмысленно указывало на его личность.

– Похоже, ночь будет долгой, – заметил Ваймс, жестом приказав Колону унести труп в караулку. – Итак, дамы и господа, я вынужден вернуться к исполнению своих обязанностей. Если пожелаете остаться, а я, честно говоря, был бы весьма признателен за это, я попрошу кого-нибудь из наших развести костер. Не смею больше испытывать ваше терпение.

Он поднял с земли кольчугу и нагрудник и вошел в здание.

– Что они делают? – не оборачиваясь, спросил он у Сэма.

– Некоторые расходятся, но большая часть решила остаться, сержант, – доложил, выглянув на улицу, Сэм. – Сержант, один из них выстрелил в вас!

– Правда? А кто сказал, что тип, упавший с крыши, был одним из них? Арбалет не из дешевых. В карманах ничего нет. *Совсем ничего.* Даже засморканного носового платка.

– Очень странно, – послушно согласился Сэм.

– Да уж, а я так надеялся найти записку вроде: «Не сомневайтесь, я

закоренелый и злостный революционер», – сказал Ваймс, внимательно рассматривая труп.

– Ага. Тогда бы нам сразу стало понятно, что он революционер, – радостно подтвердил Сэм.

Ваймс вздохнул и уставился на стену.

– Никто не заметил ничего странного в арбалете? – спросил он через некоторое время.

– Новый «Болсовер А7», – пожал плечами Фред Колон. – Неплохая машинка, сержант, хотя наемные убийцы такими не пользуются.

– Вот именно, – кивнул Ваймс и повернул голову трупа так, чтобы все увидели наконечник стальной стрелы, торчащий из черепа за ухом. – А такими – пользуются. Фред, ты знаешь всех в округе. В это время можно у кого-нибудь купить имбирное пиво?

– Имбирное пиво, сержант?

– Да, Фред.

– Зачем вам... – начал было Колон.

– Лучше не спрашивай, Фред. Просто добудь полдюжины бутылок, хорошо?

Ваймс повернулся к столу, на котором, в окружении зачарованных зрителей, Газон оперировал раненого Щербини.

– Ну, как дела? – поинтересовался Ваймс, пробившись к столу.

– Я работал бы гораздо быстрее, если бы никто не загораживал свет, – пробурчал Газон, аккуратно кладя пинцетом очередной окровавленный осколок в кружку возле руки пациента. – По пятницам, ближе к ночи, бывает и хуже. Пальцы будут работать, если это тебя интересует. Правда, некоторое время тачать сапоги он не сможет. Ты все правильно сделал.

Толпа тоже выразила свое одобрение. Ваймс окинул взглядом горожан и стражников. Некоторые о чем-то тихо переговаривались, и он уловил среди общего шума несколько фраз типа «дело дрянь» и «говорят, что...».

Его расчет оказался верным. Почти все его ребята жили на соседних улицах. Одно дело – наброситься на безликих гадов в форме, и совсем другое – швырять камнями в старину Фреда Колона, в старину Дрынна или Билли Букли, в тех, кого ты знаешь с двухлетнего возраста, с кем вместе играл в «каштаны дохлой крысы» в сточной канаве.

Газон отложил пинцет в сторону и задумчиво потер переносицу.

– Все, – устало промолвил он. – Осталось наложить несколько швов, и он в полном порядке.

– Я хотел бы, чтобы ты осмотрел еще кое-кого, – сказал Ваймс.

– Почему меня это не удивляет?.. – вздохнул лекарь.

– У одного множественные колотые раны на ступнях, другой провалился сквозь крышу в сортир и подвернул ногу, а третий помер.

– Вряд ли я чем-то смогу помочь третьему, – сказал Газон. – Кстати, а как ты определил, что он помер? Понимаю, возможно, я еще пожалею о том, что спросил...

– Сломал шею, когда упал с крыши. А с крыши упал потому, что кто-то всадил ему арбалетный болт прямо в мозг.

– Ясно. Да, он действительно должен был помереть, если тебе интересно мое мнение как врача. Твоя работа?

– Нет!

– Понимаю, сержант, ты занятой человек. Повсюду даже тебе не успеть.

Лекарь криво усмехнулся, заметив, как побагровело лицо Ваймса, и подошел к труп.

– Да, определенно покойник, – констатировал он. – И?

– Я хочу, чтобы ты все записал. На бумаге. Официальным языком, со всякими вашими словечками типа «закрытый перелом» и «проникающее ранение». Запиши и укажи время, когда ты констатировал его смерть. Потом, если ты, конечно, не против, ребята проводят тебя к двум живым пациентам. А когда ты о них позаботишься, за что я заранее благодарен, я хочу, чтобы ты подписал еще одну бумагу, где будет сказано, что это я тебя вызвал. В двух экземплярах, пожалуйста.

– Хорошо. Можно узнать, зачем?

– Не хочу, чтобы пошла молва, будто это я его убил.

– С какой стати? Ты сам говоришь, что он свалился с крыши!

– В наше время все такие подозрительные. Ага, вот и Фред. Как успехи?

Капрал Колон принес ящик. Тяжело кряхтя, он водрузил его на стол.

– Старой госпоже Рассуди не нравится, когда среди ночи начинают колотить в дверь, – пожаловался он. – Пришлось заплатить целый доллар!

Ваймс не смел посмотреть доктору Газону в глаза.

– Правда? – спросил он с невинным видом. – Ты принес имбирное пиво?

– Шесть пинт ее самого лучшего пойла, – с гордостью произнес Колон. – Кстати, три пенса можно вернуть, если сдать бутылки. И... э... – Он беспокойно зашаркал ногами. – Сержант, я слышал, участок в Сестрах Долли сожгли. И на Сонном холме все закончилось скверно. В участке на Тряпичной выбили все стекла, а несколько стражников из караулки у Сточных ворот вышли сказать, чтобы пацаны перестали бросать камни,

потом один из наших парней обнажил меч...

– И?

– Говорят, будет жить, сержант.

Доктор Газон окинул взглядом комнату, в которой по-прежнему оставалось несколько горожан-добровольцев, оживленно болтающих, будто на вечеринке. Между ними ходил Пятак с подносом, нагруженным кружками с какао. Некоторые стражники вышли на улицу постоять вокруг костра вместе с зеваками, так и не разошедшимися по домам.

– Должен признаться, я приятно удивлен, – сказал лекарь. – Судя по всему, только твой участок не попал в осаду сегодня ночью. Но я не хочу знать, как тебе это удалось.

– Немного повезло, – ответил Ваймс. – Впрочем, у меня в камерах сидят три неопознанных субъекта, а тут валяется неопознанный труп, в планы которого при жизни входило сделать трупом кое-кого еще.

– Нелегко тебе живется, – согласился Газон. – Хорошо, что в моей работе загадки попроще, типа: «Откуда эта сыпь?»

– Я собираюсь разгадать свои достаточно быстро, – сказал Ваймс.

Убийца неслышно уходил по крышам, пока не оказался достаточно далеко от окруженного шумной толпой здания Стражи.

Можно было бы сказать, что он шел по крышам, как кот, разве что не останавливался по дороге, чтобы побрызгать туда-сюда мочой.

Наконец он добрался до одного из многих потайных убежищ в верхнем мире Анк-Морпорка – благодаря густым зарослям печных труб это место было невидимо не только с земли, но и с большинства соседних крыш. Прежде чем скрыться в убежище, он несколько раз бесшумно обошел вокруг него, внимательно изучив окрестности.

Даже наблюдателя, знакомого с методами Гильдии Наемных Убийц Анк-Морпорка, заинтриговала бы невидимость этого мастера своего дела. Когда он двигался, еще можно было заметить движение, но когда он останавливался, то попросту исчезал. Заподозрив использование волшебства, наблюдатель был бы по-своему прав. Ведь в девяти случаях из десяти волшебство – это всего лишь знание некоего факта, неизвестного остальным.

Убедившись наконец в том, что его никто не видит, убийца нырнул в убежище. Между дымящихся зонтов печных труб был спрятан мешок. Через некоторое время из-за труб донеслись тихий шорох и напряженное дыхание, так что наблюдатель, если бы таковой нашелся, мог бы предположить, что убийца передевается.

Когда минуту спустя убийца выбрался из потайной ниши, он был уже видимым. Почти незаметным, как тень среди других теней, но все же видимым, тогда как прежде различить его во тьме было не легче, чем разглядеть вечерний бриз.

Он легко спрыгнул на односкатную крышу пристройки, с нее – на землю и тут же скрылся в весьма кстати оказавшейся рядом темной нише, где с ним произошли дальнейшие превращения.

Последняя часть преобразования не потребовала от него много времени и сил. Маленький, но смертоносный арбалет был разобран, детали спрятаны в карманы бархатной сумки, где они не смогут зазвенеть друг о друга. Мягкие кожаные туфли сменила пара более тяжелых башмаков, до сей поры спрятанная в темноте; черный капюшон был откинут на спину.

Легкой походкой убийца дошел до угла и подождал несколько минут.

Чадящая факелами карета на перекрестке замедлила ход, дверца открылась и тут же закрылась.

Наемный убийца откинулся на спинку сиденья, возница подстегнул лошадей.

Внутренность кареты была освещена очень тусклым светом единственного фонаря. Женщина, вольготно устроившаяся на сиденье, почти тонула во мраке. Только когда карета проезжала мимо уличных фонарей, можно было догадаться, что ее платье сшито из сиреневого шелка.

– Ты кое-что забыл, – произнесла женщина. Она достала носовой платок, тоже сиреневый, и поднесла его к лицу молодого человека. – Плюнь, – приказала она.

Убийца неохотно подчинился. Рука потерла ему щеку и поднесла платок к лампе.

– Темно-зеленый, – сказала женщина. – Очень странно. Насколько я знаю, Хэвлок, ты с треском завалил экзамен по скрытному перемещению.

– Мадам, могу я поинтересоваться, как вы это узнали?

– Где-то услышала, – небрежно ответила женщина. – Иногда достаточно поднести деньги к уху.

– Это верно, – подтвердил убийца.

– Так почему же ты его завалил?

– Экзаменатор решил, что я пытался его обмануть.

– Он ошибся?

– Нет, конечно. Я думал, в этом весь смысл.

– Он говорит, ты не посещал его занятия.

– О, посетал. Весьма прилежно.

- Он говорит, что ни разу тебя не видел.
 - Хэвлок улыбнулся.
 - И что из этого следует, Мадам?
 - Знатная дама рассмеялась.
 - Хочешь шампанского?
 - Раздался шорох – бутылку вытащили из ведерка со льдом.
 - Благодарю, мадам, но нет.
 - Как хочешь. А я выпью. А теперь... твой доклад.
 - Я не верил собственным глазам. Я-то думал, это обычный дуболом.
- Впрочем, он и *есть* дуболом. Прямо видно, как мышцы принимают решение за него. Но он постоянно берет над ними верх! Мне даже показалось, что я наблюдаю за работой истинного гения, вот только...
- Что?
 - Он всего лишь сержант, мадам.
 - Не следует недооценивать его только по этой причине. Весьма удобное звание для умного человека. Оптимальный баланс власти и ответственности. Кстати, говорят, он умеет читать улицу сквозь подошвы башмаков и потому предпочитает, чтобы подошвы были очень тонкими.
 - Гм. В городе действительно много разных поверхностей, но...
 - Ты мыслишь чересчур формально, Хэвлок. Не то что твой покойный отец. Попробуй мыслить... мифологически. Он умеет читать *улицу*. Способен услышать ее голос, почувствовать ее температуру, считать ее мысли, разговаривать с ней через башмаки. Стражники суеверны. В этом они ничем не отличаются от других людей. Этой ночью на все участки Стражи в городе были совершены нападения. Распалили толпу, конечно, люди Загорло, а людская глупость и злоба сделали остальное. Но только не на улице Паточной Шахты. Киль открыл двери и впустил улицу в дом. Жаль, что я так мало знаю о нем. Мне сообщили, что в Псевдополисе его считали медлительным, задумчивым и чересчур благоразумным. А здесь он словно расцвел...
 - Я прервал земной путь человека, что пытался срезать этот нераспустившийся бутон.
 - Правда? Не похоже на Загорло. Сколько я тебе должна?
 - Тот, кого назвали Хэвлоком, пожал плечами.
 - Допустим, доллар, – сказал он.
 - Очень дешево.
 - Он большего не стоил. Должен вас предупредить, скоро вы захотите, чтобы я занялся Килем.
 - Но ведь такой человек, как он, никогда не встанет на сторону

Ветруна и Загорло, верно?

– Он стоит на своей собственной стороне. И он осложняет ситуацию. Вы можете решить, что осложнения лучше... устранить.

Грохот колес по булыжникам лишь подчеркнул воцарившуюся после этого замечания тишину. Карета въехала в фешенебельную часть города, здесь было светлее и предназначенный для бедняков комендантский час соблюдался не слишком строго. Мадам гладила кота, развалившегося у нее на коленях.

– Нет. Он может нам пригодиться, – сказала она. – Все говорят мне о Киле. В мире, где мы все движемся окольными путями, он шествует прямо. А движение по прямой в мире кривых не может не иметь последствий.

Она почесала кота за ухом. Тот тихо замурлыкал. Это был рыжий котяра с редкостно самодовольной мордой. Время от времени он пытался сорвать с себя ошейник.

– Сменим тему, – сказала Мадам. – Что это за глупая история с книгой? Я не люблю привлекать к себе излишнее внимание.

– О, это был чрезвычайно редкий экземпляр, мне стоило большого труда его найти. Книга по искусству маскировки.

– И тот увалень сжег ее!

– Да. Большая удача. Я боялся, что он попытается ее прочесть. – Хэвлок едва заметно улыбнулся. – Правда, ему пришлось бы просить кого-нибудь растолковать слишком длинные слова.

– Ценная книга?

– Бесценная. Особенно после того, как сгорела.

– Понятно. В ней содержались полезные сведения, например насчет темно-зеленого цвета. Не хочешь поделиться ими?

– Я мог бы. – Хэвлок снова улыбнулся. – Но потом мне пришлось бы найти того, кто заплатит за ваше убийство.

– Тогда лучше молчи. Но мне действительно не нравится кличка «Коновал».

– Мадам, когда твоя фамилия Витинари, остается радоваться, если тебя называют всего лишь Коновалом. Вы не могли бы высадить меня на некотором расстоянии от Гильдии? Я войду через крышу. Мне еще нужно позаботиться о тигре, прежде чем... ну, вы сами знаете.

– О тигре... Как интересно. – Она снова погладила кота. – Ты придумал, как проникнуть во дворец?

Витинари пожал плечами.

– Еще много лет назад, мадам. Но сейчас дворец окружает половина полка. Четыре или пять стражников у каждой двери плюс патрули, которые

не подчиняются никакому графику, и внезапные проверки. Со всеми я не справлюсь. Но если вы поможете мне пробраться внутрь, проблем не будет.

Кот опять принялся сдирать с себя ошейник.

– Может, у него аллергия на бриллианты? – задумчиво произнесла Мадам и поднесла кота к лицу. – У тебя аллергия на бриллианты, да, мусик?

Хэвлок вздохнул, но про себя, потому что уважал свою тетушку. Если бы она еще была более благоразумна, когда дело касается кошек... Что-то в душе молодого человека подсказывало, что если уж гладить кота во время плетения интриг, то кот должен быть длинношерстным и белым. А престарелый помоечный кот, подверженный нерегулярным приступам метеоризма, для этого никак не годится.

– Ну и что будем делать с сержантом? – спросил он, по возможности незаметно отодвигаясь от кота.

Дама в сиреновом осторожно опустила животное на сиденье. Карета наполнилась запахом, невыносимым, как пытка.

– Думаю, мне стоит как можно скорее познакомиться с этим Джоном Килем, – сказала она. – Возможно, мы сумеем его укротить. Прием состоится завтра вечером. И... будь добр, открой окно.

Чуть позже той же ночью Низз нетвердой походкой возвращался в свою спальню с попойки в комнате отдыха для старших учеников. Один из факелов в коридоре вдруг потух.

С быстротой, которая могла бы удивить любого, не видевшего ничего, кроме его раскрасневшегося лица и заплетающихся ног, Низз выхватил кинжал и окинул взглядом коридор. Не забыл осмотреть потолок. Ничего, кроме серых теней. А факелы иногда гаснут сами по себе.

Он сделал еще один шаг.

Очнувшись на следующее утро в своей постели, он объяснил страшную головную боль плохим бренди. А еще какой-то придурок раскрасил его лицо в оранжево-черную полоску.

Снова пошел дождь. Ваймсу всегда нравился дождь. В дождливую погоду на улицах совершается меньше преступлений. Люди предпочитают оставаться дома. Лучшие ночи за все время, что он служил в Страже, были дождливыми, когда он стоял в темноте под защитой какого-нибудь дома, втянув голову в плечи так, что края шлема почти касались поднятого воротника, и слушал серебристый звон дождя.

Как-то раз он стоял так неподвижно, так тихо, настолько был погружен в собственные мысли, будто его совсем не существовало, что грабитель,

которому удалось ускользнуть от преследователей, прислонился к нему, переводя дыхание. А когда Ваймс крепко обнял его и прошептал на ухо: «Попался!» – грабитель сделал в штаны то, от чего его еще сорок лет тому назад с ангельским терпением отучала любимая матушка.

Люди разошлись по домам. Заштопанного Щербини Фред Колон проводил до дома на улице Новых Сапожников, где, всей своей красной круглой рожой излучая искренность, объяснил родителям юноши, что произошло. Газон, скорее всего, добрался наконец до постели.

А дождь весело журчал в водосточных трубах, бурными потоками вырывался из глоток горгулий, кружился водоворотами в сточных канавах и заглушал все звуки.

Полезная штука этот дождь.

Ваймс взял в руку бутылку имбирного пива госпожи Рассуди. Он помнил его. Шипучка была до предела насыщена газом и потому пользовалась бешеной популярностью. Способный юноша, при наличии воодушевления и надлежащей подготовки, мог прорыгать первый куплет национального гимна после всего одного глотка. Когда тебе только восемь, столь ценный навык может серьезно увеличить твой вес в обществе.

Для предстоящей работы он выбрал Колона и Дрынна, чтобы не впутывать Сэма. Не то чтобы Ваймс задумал нечто противозаконное. Но на вкус и запах это почти не отличалось от того, что противозаконно, а пускаться в объяснения Ваймсу сейчас не хотелось.

Подвал, где содержали арестованных, был старый, гораздо старше построенного над ним здания. Железные решетки, отгораживающие камеры, были сделаны гораздо позже. Камеры занимали не весь подвал, за сводчатым проемом находились и другие помещения.

Там не было ничего, кроме крыс и мусора, но важно то, что они не просматривались из камер.

Ваймс приказал своим людям спустить мертвого арбалетчика в подвал. В этом не было ничего предосудительного. Зачем же посреди ненастной ночи будить из-за подобного пустяка служителей морга, если в здании есть такое удобное холодное помещение?

Через дверной глазок он проследил, как тело пронесли мимо камер. Появление трупа вызвало некоторое волнение, особенно у первого задержанного. Двое других держались спокойно – похоже, они повидали на своем веку достаточно дурных дел, совершенных ради денег. И когда их нанимали воровать, убивать или изображать стражников, эти двое знали, во что ввязываются. К смерти, если только это не происходило с ними самими, они относились с философским спокойствием.

Однако первый арестант явно занервничал.

Ваймс дал ему прозвище Хорек. Из них троих он был лучше всех одет, у него был достаточно дорогой кинжал, а еще, как успел заметить Ваймс, он носил перстень в виде черепа. Одежда двоих других была невзрачной, оружие – стандартным, ничем не примечательным, зато со следами частого использования.

Настоящий наемный убийца никогда не наденет украшения, собираясь на дело. Это опасно, да и лишний блеск совершенно ни к чему. Но Хорек явно хотел казаться важной шишкой. Вероятно, прежде чем выйти из дома, он долго рассматривал себя в зеркале, чтобы убедиться в собственной крутости. Такие вот недоноски часто хвастаются своими кинжалами перед шлюхами в трактире.

У Хорька были большие планы на будущее. У него отлично работало воображение.

И это было *хорошо*.

Стражники вернулись, и Ваймс вручил им приготовленные пакеты.

– Помните, действуем очень быстро, – сказал он. – Они волнуются, они устали, никто за ними не пришел, и только что мимо них пронесли очень мертвого коллегу. У первых двоих не должно быть времени на раздумья. Понятно?

Стражники кивнули.

– Коротышку оставим напоследок. Я хочу, чтобы как раз у него было *много* времени...

Хорек прикидывал свои перспективы. К сожалению, прикидывать было особо нечего.

Он уже успел полаяться с двумя другими арестантами. Хороши спасатели. Даже одеться нормально не могли. Впрочем, и легавые вели себя не как положено. Всем известно, что они всегда сразу дают деру. Они не должны сопротивляться и вообще вести себя *разумно*. Они...

Дверь в подвал распахнулась.

– Ну что ж, пора тяпнуть имбирчику! – заорал кто-то.

Мимо пробежал стражник с ящиком бутылок и скрылся где-то в задних помещениях.

Света в подвале почти не было. Хорек забился в угол и оттуда увидел, как двое стражников открыли соседнюю камеру, выволокли арестанта в кандалах и утащили его куда-то за угол.

Голоса тихим эхом разносились по подземелью.

– Держи его крепче. Про ноги не забудь!

– Отлично! Давай сюда бутылку! Потряси хорошенько, иначе ничего

не получится!

– Итак, дружище. Ничего не хочешь сказать? Имя? Нет? Тогда ладно. Нам-то глубоко наплевать, сейчас ты заговоришь или потом...

Раздался громкий хлопок, шипение, и по темнице разнесся душераздирающий вопль.

Когда он наконец стих, кто-то сказал:

– Лады, тащи другого, пока капитан не пришел.

Хорек еще глубже вжался в угол, когда двое стражников ворвались в следующую камеру, вытащили из нее отчаянно сопротивлявшегося узника и скрылись в темноте.

– Вот так. Последний шанс. Будешь говорить? Да? Нет? Поздно!

Снова хлопок, снова шипение и снова крик. На этот раз более громкий и продолжительный, закончившийся каким-то странным бульканьем.

Хорек скорчился в маленький комочек, прикусив пальцы, чтобы не завизжать от ужаса.

За углом, в скудно освещенном единственным фонарем помещении, Колон ткнул локтем Ваймса под ребра и, наморщив нос, многозначительно глянул вниз. Между камерами в качестве жалкой подачи гигиене была проделана неглубокая канавка. Сейчас по ней тек тонкий ручеек. Хорек явно очень нервничал.

«Попался, – подумал Ваймс. – Ну, пусть твоё воображение поработает еще чуть-чуть». Он наклонился вперед, и двое стражников тут же подошли ближе, ожидая дальнейших указаний.

– Ну что, – произнес он громким шепотом, – хорошо повеселились?

Поболтав со стражниками несколько минут, он встал, направился к последней занятой камере, отпер дверь и схватил за плечо забившегося в угол Хорька.

– Нет! Прошу вас! Я все скажу! – завопил арестант.

– Правда? – обрадовался Ваймс. – Какова орбитальная скорость луны?

– Что?

– Хочешь, чтобы я спросил что-нибудь попроще? – осведомился Ваймс, выволакивая узника из камеры. – Фред! Дрынн! Он будет говорить. Тащите блокнот!

Допрос длился около получаса. Фред Колон не умел быстро писать. А когда звуки его мучительных усилий завершились стуком последней поставленной точки, Ваймс сказал:

– Вот так, господин. А теперь напиши внизу: «Я, Джеральд Шерстиклокк, член Языческой Ассоциации Молодежи, даю эти показания по доброй воле и без малейшего принуждения». Поставь подпись. А

иначе... Все понял?

– Да, сэр.

Инициалы «ДШ» были выгравированы на кинжале. Похоже, парень не соврал насчет имени. Ваймс повидал немало Шерстиклокков, которые колотся при одной мысли о том, что их начнут колоть. А когда у них развязывается язык, они выкладывают всю свою подноготную. Всякий, кто хотя бы раз видел, как над кем-нибудь проделывают фокус с имбирным пивом, сознается в чем угодно.

– Отлично, – произнес он довольным тоном и встал. – Благодарю за сотрудничество. Тебя на Цепную подвезти?

– Ы? – сказали глаза Хорька – язык ему пока не подчинялся.

– Нам все равно придется забросить туда твоих друзей, – продолжил Ваймс, немного повысив голос. – Тодзи и Кляпса. Труп завезем в покойницкую. Кстати, вот необходимые документы. – Он кивнул на Колона. – Твои оказавшие нам неоценимую помощь показания, один экземпляр. Свидетельство о смерти на покойного незнакомца – уверяю, мы обязательно постараемся найти его убийцу. Счет за мазь, которую Газон наложил на ступни Кляпса. О... И счет за шесть бутылок имбирного пива.

Положив руку на плечо Хорька, он вежливо провел его в соседнюю комнату. Там глазам Джеральда предстали багровые от ярости Тодзи и Кляпс – рты их были надежно заткнуты, руки и ноги крепко привязаны к стульям. На столе рядом с ними стоял ящик с шестью бутылками имбирного пива. Пробки на всех бутылках были надежно закреплены проволокой.

Хорек непонимающе уставился на Ваймса. Старший сержант сунул палец в рот, надул щеки и быстро вытащил палец, издав громкий хлопок.

Дрынн громко зашипел сквозь зубы.

Фред Колон открыл было рот, но Ваймс успел зажать его ладонью.

– Не надо, – сказал он. – Знаешь, Джеральд, наш Фред слегка странноватый. Иногда как заорет...

– Вы меня *обманули!* – завопил Хорек.

Ваймс похлопал его по плечу.

– Обманули? – прорычал он. – И каким же образом, а, Джеральд?

– Заставили меня подумать, что устраиваете тут фокус с имбирным пивом!

– Фокус с имбирным пивом? – Ваймс озадаченно свел брови. – Что еще за фокус?

– Сам знаешь!

– Мы не пьем на службе, Джеральд, – строгим тоном произнес

Ваймс. – Но не пойму, что плохого в глотке доброго имбирного пива? И фокусы показывать мы не умеем. А ты? Или недавно ты поприсутствовал на паре-другой представлений? Расскажи же нам, Джеральд!

До Хорька наконец дошло, что ему давно пора было заткнуться. Еще где-то с полчаса назад. Судя по выражению лиц Тодзи и Кляпса, им страстно хотелось побеседовать с Хорьком наедине.

– Я требую, чтобы меня взяли под стражу! В целях защиты важного свидетеля! – пробормотал он.

– После того как я тебя отпустил? – удивился Ваймс. – Ты ведь дал честные и искренние показания... Гм, напомни-ка, Фред, что он там говорил? Типа он просто выполнял приказ... И ему совсем не хотелось бродить с толпой по городу, швырять камни в стражников и солдат. Так ведь? Из чего я сделал вывод, что тебе не нравится торчать на Цепной улице, смотреть, как людей избивают и заставляют сознаваться в том, чего они не совершали. Ведь ты совсем не такой. Ты мелкая сошка, я это понимаю. И я предпочел бы закончить на этом, а ты?

– Пожалуйста! Я расскажу все, что знаю!

– Ах, так ты еще не все рассказал?! – взревел Ваймс, резко повернувшись и хватая бутылку.

– Да! Нет! Ну, то есть я наверняка вспомню что-нибудь еще, если посижу тут немного в тишине!

Ваймс некоторое время смотрел ему прямо в глаза, потом опустил бутылку обратно в ящик.

– Хорошо, – кивнул он. – Это будет тебе стоить доллар в день, не считая питания.

– Так точно, сэр!

Хорек юркнул обратно в камеру и закрыл за собой дверь, а Ваймс повернулся к Фреду и Дрынну.

– Разбудите Мэрилин, – приказал он. – Развезем оставшихся троих.

Дождь лил и лил, и Цепная улица заполнялась туманом.

Фургон появился словно из-под земли. Фреду удалось разогнать Мэрилин по улице до аллюра, несколько напоминающего легкий галоп, и теперь кляча мчалась со всех ног, чтобы ее случайно не нагнал набравший скорость тяжелый фургон.

Когда фургон проносился мимо Особого отдела, задняя дверь распахнулась и на мокрые булыжники шлепнулись два тела.

Стражники рванулись вперед. Один или двое выстрелили в быстро удалявшийся фургон, но стрелы отскочили от толстых железных полос,

которыми была окована повозка, не причинив никому ни малейшего вреда.

Другие стражники с легкой опаской приблизились к связанным телам. Над улицей разнеслись перемежающиеся крепкими ругательствами стоны. К груди одного из связанных были приколоты документы.

Стражники прочли их. И вдруг им стало не до смеха.

Ваймс распряг старую клячу, почистил ее, проверил, есть ли корм. Может, это было лишь его воображение, но кормушки выглядели более полными, чем обычно. А возможно, причиной тому была проснувшаяся совесть некоторых стражников.

Потом он вышел на улицу, окунувшись в ночную прохладу. Свет горел только в окнах штаб-квартиры. Она была словно маяк, особенно сейчас, когда уличные фонари уже погасили. А за стенами дворика начиналась настоящая ночь, старая добрая ночь с ее туманными щупальцами и крадущимися тенями. Он расслабился и закутался в нее, словно в плащ.

Тень рядом с воротами была более глубокой, чем положено.

Ваймс пошарил в кармане в поисках портсигара, выругался и достал сигару из рукава рубашки. Прикуривая, прикрыл ладонями огонь и плотно зажмурился, чтобы не нарушить ночное зрение.

Потом поднял голову и пустил кольцо из дыма. «Все думают, что черное незаметно в темноте. Ошибаются».

Он подошел к створке ворот, чтобы закрыть ее, и одним быстрым движением выхватил меч из ножен.

Сади подняла голову, и Ваймс увидел в глубине капора бледный овал лица.

– Доброе утро, уважаемый сэр, – сказала она.

– Доброе утро, Сади, – усталым тоном произнес Ваймс. – Чему обязан таким удовольствием?

– Мадам желает вас видеть, уважаемый сэр.

– Если ты про Розу, то я был немного занят...

Дотси треснула его сумочкой по затылку.

– Мадам не привыкла ждать, дорогуша.

Это были последние слова, которые он услышал, прежде чем ночь полностью поглотила его.

Тетушки были настоящими мастерицами своего дела. Наверное, даже Лишай Газон не мог так точно вырубить человека на нужный срок.

Ваймс постепенно *приплыл* в себя. Он сидел в кресле. Исключительно удобном. И кто-то тряс его за плечи.

Это была Сандра, Настоящая Белошвейка. Она внимательно взгляделась в его лицо.

– Кажется, с ним все в порядке... – Она отошла на шаг, села на стул и наставила на него арбалет.

– Знаешь... – выдавил Ваймс. Кресло действительно было удобным, оно напоминало о мягкости и тепле, которых ему, Ваймсу, так не хватало в последние дни. – Чтобы поговорить со мной, достаточно меня просто позвать.

– Сади сказала, ты будешь без сознания всего минут десять, но потом ты захрапел, и мы решили дать тебе немного поспать, – объяснила Роза Лада, шагнув ближе так, чтобы он мог ее видеть.

На ней было красное вечернее платье с открытыми плечами, внушительных размеров парик и очень много украшений.

– Ты прав, сержант, выглядеть дешевой обходится недешево, – фыркнула она, заметив его удивленный взгляд. – Но я не могу задерживаться, люди ждут. А теперь, если ты...

– Милые дамы, Капканс, должно быть, пообещал, что разрешит вам основать свою Гильдию? – спросил Ваймс. Ход был жульническим, но ему уже порядком надоело просыпаться в совершенно незнакомых местах. – Ага, я так и думал. И вы ему поверили? Напрасно. Став патрицием, он сразу перестанет вас замечать.

«Он всех перестанет замечать, – добавил он про себя. – Лорд Капканс Психопатический. Очередной Ветрун, просто камзолы моднее и подбородков больше. То же самое кумовство, то же самое свинство, то же самое тупое высокомерие, еще один кровосос в череде кровососов, по сравнению с которым Витинари – глоток чистого воздуха. Ха... Витинари. Да, он тоже где-то рядом, это уж точно. Должно быть, как раз сейчас он тренирует свою фирменную гримасу, по которой никогда не скажешь, о чем он думает. Но именно Витинари разрешит вам основать желанную Гильдию. Он где-то здесь. Я знаю».

– Не надейтесь на Капканса, – сказал он вслух. – Вспомните, когда-то кое-кому казалось, что с Ветруном нас всех ждет светлое будущее.

Он получил легкое удовольствие, увидев, как изменилось лицо Розы Лады.

– Сандра, дай ему выпить, – помолчав, произнесла она. – А если пошевелится, стреляй прямо в глаз. Я схожу позову Мадам.

– Думаешь, я поверю, что она способна выстрелить? – спросил Ваймс.

– В характере Сандры есть некоторая воинственность. Иногда это оказывается полезным, – ответила Роза. – К примеру, вчера один

джентльмен стал вести себя... невежливо. Так вот, она прибежала и... Ты не поверишь, какие штуки она умеет вытворять своим «грибком».

Ваймс уставился на арбалет. Девушка держала его весьма уверенно.

– Чем-чем? Я не совсем в курсе вашей термины...

– Это такая деревянная штука, на которой удобно штопать носки, – перебила его Сандра. – Я врезала тому типу «грибком» по уху.

Некоторое время Ваймс молча смотрел на нее.

– Что ж, прекрасно, – промолвил он наконец. – Можешь поверить, я буду сидеть смирно.

– Хорошо, – сказала Роза.

И она величаво выплыла из комнаты, подметая подолом платья пол. Двери были двустворчатými и дорогими. Когда Роза открыла их, шум вечеринки ворвался в комнату. Стали слышны обрывки разговоров, донесся запах сигарного дыма и алкоголя, а чей-то голос произнес: «...изменить доминирующую теорию познания...» – но потом двери плавно закрылись, снова отрезав все звуки.

Ваймс остался сидеть. Он не имел возможности покинуть кресло, и, судя по всему, в ближайшем будущем ему светил еще один удар по голове.

Сандра, не опуская арбалет, принесла ему большой стакан виски.

– Знаешь, – сказал Ваймс, – очень скоро люди все головы себе сломают над одной простой загадкой: откуда в городе в одночасье взялось столько оружия?

– Не понимаю, о чем ты.

– А ведь ребята из Стражи никогда не обыскивали белошвеек, даже в комендантский час, – продолжал Ваймс, пожирая виски взглядом. – Или шикарные кареты, – добавил он. – Стражнику грозят большие неприятности, если он попытается обыскать такую карету.

Он ощущал запах. Запах настоящего горного зелья, а не местной дряни.

– Ты никому не рассказал о корзине, – ответила Сандра. – И не сдал нас «непоминаемым». Ты один из нас?

– Не уверен.

– Но ты ведь не знаешь, кто такие *мы*!

– Ты уверена?

Он услышал, как двери открылись и закрылись, раздался шелест длинного платья.

– Сержант Киль? Весьма наслышана о тебе! Сандра, оставь нас. Думаю, сержант знает, как следует вести себя в обществе дамы.

Мадам была почти такой же высокой, как сам Ваймс.

«Возможно, она из Орлеи, – предположил он. – Или прожила там достаточно долго. Чувствуется по акценту. Карие глаза, каштановые волосы (впрочем, женские волосы могут быть сегодня одного цвета, а завтра – другого) и лиловое платье, весьма и весьма дорогое. А еще выражение лица, которое ясно говорит: его владелица знает, что будет дальше, и лишь приглядывает за развитием событий, чтобы убедиться...»

– Не забудь обратить внимание на причудливо расписанные ногти, – прервала она его размышления. – Но если попытаешься на глаз определить мой вес, тут я тебе не помощница. И можешь называть меня Мадам.

Она села на стул напротив него, сложила руки перед лицом – ладонь к ладони – и посмотрела на него поверх кончиков пальцев.

– На кого ты работаешь?

– Я офицер Городской Стражи, – ответил Ваймс. – Меня доставили сюда силой... мадам.

Женщина небрежно взмахнула рукой.

– Ты волен уйти, когда пожелаешь.

– Кресло уж больно удобное, – заметил Ваймс. Фигушки, просто так его не выставить. – А вы правда из Орлеи?

– А ты правда из Псевдополиса? – Мадам улыбнулась. – Лично я считаю, не стоит происходить из мест, которые расположены слишком близко. Далекая родина значительно упрощает жизнь. Но я провела в Орлее достаточно много времени, у меня там... деловые интересы. – Она снова улыбнулась. – А теперь ты, конечно, подумал обо мне как о «старой белошвейке».

– На самом деле я думал об индивидуальном пошиве, – возразил Ваймс, и она расхохоталась. – А еще о революции.

– Продолжай, сержант. – Мадам встала. – Не возражаешь, если я выпью шампанского? Я бы и тебе предложила, но ты, насколько я знаю, не пьешь.

Ваймс бросил взгляд на полный до краев стакан виски.

– Мы просто решили тебя проверить, – продолжала Мадам, доставая из промышленных масштабов ведерка со льдом огромную бутылку. – Роза была права, ты не сержант. Ты был офицером. Причем не простым офицером. Ты на диво хорошо владеешь собой, сержант Киль. Очнулся в женском будуаре огромного особняка, в обществе дамы нелегкого поведения... – Мадам опорожнила бутылку в сосуд, напоминающий большую синюю кружку с изображением плюшевого мишки. – И даже глазом не моргнул. Откуда ты такой взялся? Кстати, можешь курить.

– Издадека, – коротко ответил Ваймс.

– Из Убервальда?

– Нет.

– В Убервальде у меня тоже... деловые интересы, – сообщила Мадам. – Увы, ситуация там становится крайне нестабильной.

– Я все понимаю, – сказал Ваймс. – И вы решили на время переключить свои деловые интересы на Анк-Морпорк. И посмотреть, можно ли стабилизировать ситуацию здесь.

– В самое яблочко. Скажем так, я считаю, что у этого города прекрасное будущее, и хотела бы стать его частью. Ты чрезвычайно проницателен.

– Наоборот, – возразил Ваймс. – Я чрезвычайно прямолинеен. Просто знаю, как бывает. Смотрю, куда текут деньги. Ветрун – безумец, и это очень плохо для бизнеса. Его закадычные друзья – преступники, и это тоже плохо для бизнеса. Новому патрицию потребуются новые друзья, дальновидные люди, желающие стать частью прекрасного будущего. И это хорошо для бизнеса. Все как всегда. Встречи в залах. Немного дипломатии, незначительные взаимные уступки, взаимопонимание. Так и происходят настоящие революции. А вся эта возня на улицах не более чем пена... – Ваймс кивнул на двери. – Гости заглянули на поздний ужин? Я слышал голос доктора Фоллетта. Его считали... считают мудрым человеком. Он выберет правильную сторону. Если вас поддержат крупные Гильдии, Ветрун может считать себя покойником. Но от Капканса не стоит ждать ничего хорошего.

– Многие возлагают на него большие надежды.

– А вы что думаете?

– А я думаю, что он коварный своекорыстный идиот. Но в данный момент лучше никого нет. А как в происходящее вписываешься ты, сержант?

– Я? Никак. Мое дело – сторона. Вам нечего мне предложить.

– Разве тебе ничего не нужно?

– Мне нужно многое, моя госпожа. Но дать мне это не в ваших силах.

– Хочешь снова стать командором?

Вопрос обрушился на Ваймса, как удар кувалдой по голове. Это же *история!* Она не может знать! Откуда ей известно?!

– А-а, – улыбнулась Мадам, заметив, как изменилось выражение его лица. – Розмари рассказала, что грабители сняли с тебя *очень* дорогие доспехи. Достойные генерала, как я слышала.

Она открыла еще одну бутылку шампанского. Ваймс, еще не вполне опомнившийся от потрясения, все же заметил, что и это Мадам проделала

весьма грамотно. Никаких пробок в потолок или фонтанов пены, присущих дилетантам.

– Ну разве не странно, если это окажется правдой? – задумчиво произнесла Мадам. – Чтобы кто-то дрался, как уличный грабитель, но при этом имел замашки командора и кирасу полководца...

Ваймс смотрел прямо перед собой.

– И кого интересует, откуда он здесь взялся? – продолжала Мадам, ни к кому в частности не обращаясь. – Достаточно того, что наконец-то появился человек, который действительно способен возглавить Городскую Стражу.

«Еще как способен, черт возьми! – Мысль ударила в голову Ваймса, словно шампанское. – Выгнать Загорло пинком под зад, повесить в должности нескольких приличных сержантов...»

Но за ней последовала и другая мысль: «В этом городе? Которым будет править Капканс? Сейчас? Мы станем всего лишь очередной бандой». А потом и третья: «Безумие. Этого не может быть. Никогда не было. Ты хочешь вернуться домой к Сибилле».

Мысли за номером один и два пристыженно убрались прочь, бормоча нечто вроде: «Да, конечно... Сибилла... Ясное дело... Все верно... Извиняйте...» – пока не стихли вдали.

– Я всегда умела находить многообещающих людей, – промолвила Мадам, пока он смотрел в пустоту.

Четвертая мысль вынырнула из темноты, словно какая-то мерзкая тварь из пучины.

«Ты вспомнил о Сибилле только на третьей мысли», – прошептала она. Ваймс заморгал.

– Знаешь, город нуждается в... – начала было Мадам.

– Я хочу вернуться домой, – перебил ее Ваймс. – Сделать, что должен, и вернуться домой. Больше мне ничего не надо.

– Есть те, которые скажут, что если ты не с нами, то против нас, – предупредила Мадам.

– С вами? Чего ради? Ради того, чтобы просто быть на чьей-то стороне? Нет! Но я и не на стороне Ветруна. Я вообще ни за кого. И взятки я не возьму. Даже если Сандра будет угрожать мне своим «мухомором»!

– Это был «грибок», насколько я знаю. Ну и ну... – Мадам улыбнулась. – То есть ты неподкупен?

«Ну вот опять, – подумал Ваймс. – И почему я начал нравиться влиятельным дамам только после того, как женился? Где эти хищницы были в мои шестнадцать? Тогда я, может, и согласился бы».

Он попытался испепелить Мадам взглядом, но это ничуть не исправило ситуацию. Наоборот, все стало только хуже.

– Мне приходилось встречаться с несколькими неподкупными людьми, – обронила мадам Мизероль. – Почему-то все они умерли воистину жуткой смертью. В этом мире все уравновешено. Продажный человек в честном мире или честный в продажном – итог один. Мир плохо относится к тем, кто не принимает сторон.

– Лично я предпочитаю середину, – сказал Ваймс.

– Значит, врагов у тебя становится вдвое больше. Слишком много, чтобы ты мог себе это позволить на сержантское жалованье. Подумай, от чего ты отказываешься.

– Уже подумал. Я не собираюсь помогать людям умирать только ради того, чтобы сменить одного дурака другим.

– Раз так, дверь у тебя за спиной, сержант. Мне очень жаль, что мы не смогли...

– ...сойтись в деловых интересах?

– Я собиралась сказать: «...достичь взаимовыгодного соглашения». До штаб-квартиры Стражи отсюда совсем недалеко. Желаю тебе... удачи.

Она кивнула на дверь.

– Какая жалость... – вздохнула Мадам.

Ваймс вышел в дождливую ночь, потоптался секунду на месте и сделал несколько шагов, прислушиваясь к своим ощущениям.

Угол Легкой и Паточной Шахты. Смесь плоских булыжников и старых кирпичей. Да.

И он пошел домой.

Мадам некоторое время пристально смотрела на дверь. Пламя свечей чуть дрогнуло, и она обернулась.

– А ты действительно очень хорош, – констатировала она. – Как давно ты здесь?

Хэвлок Витинари вышел из темного угла. Вместо официального черного костюма наемных убийц на нем было просторное одеяние неопределенного цвета, словно сотканное из различной густоты серых теней.

– Достаточно давно, – сказал он, устроившись в кресле, где несколько минут назад сидел Ваймс.

– Даже Тетушки тебя не заметили?

– Люди смотрят, но не видят. Фокус в том, чтобы помочь им видеть...

ничто. Но Киль наверняка заметил бы меня, спрячась я в другом месте. Он всматривался в тени. Интересно.

– Он очень сердитый человек, – заметила Мадам.

– И вы рассердили его еще больше.

– Полагаю, твой отвлекающий маневр удастся, – сказала Мадам.

– Да, я тоже.

Мадам наклонилась и похлопала его по колену.

– Вот видишь. Твоя тетушка обо всем позаботилась... – Она выпрямилась. – Думаю, мне следует вернуться к гостям, развлечь их немного. Я так люблю всякие развлечения. К вечеру следующего дня у лорда Ветруна почти не останется друзей. – Она допила шампанское из кружки. – Доктор Фоллетт – просто душка, тебе не кажется? Кстати, как ты думаешь, у него свои волосы?

– Никогда не хотел это выяснить, – ответил Хэвлок. – Он пытается вас напоить?

– Да, – ответила Мадам. – Им можно только восхищаться.

– Говорят, он играет на средней лютне, – сказал Хэвлок.

– Поразительно, – откликнулась Мадам.

Она изобразила на лице улыбку нескрываемого удовольствия и распахнула огромные двустворчатые двери в дальнем конце комнаты.

– О, доктор! – проворковала Мадам, ступая в клубы сигарного дыма. – Еще по капельке шампанского?

Ваймс спал в углу стоя. Этим старым фокусом стражники владеют не хуже лошадей. Это не то чтобы полноценный сон – если спать стоя больше нескольких ночей кряду, недолго и концы отдать, – но усталость отчасти снимает.

Некоторые стражники последовали его примеру. Другие предпочли устроиться на скамейках и столах. Никто не захотел идти домой, даже когда дождевая пелена за окном окрасилась в рассветные тона и появился Пятак с угрожающего вида котлом каши.

Ваймс открыл глаза.

– Кружку чая, сержант? – спросил Пятак. – Томился на плите целый час, с двумя кусочками сахара.

– Пятак, ты мне жизнь спасаешь! – воскликнул Ваймс, схватив кружку с такой жадностью, словно она была наполнена эликсиром жизни.

– Кстати, х-на, какой-то пацан говорит, что пришел сюда специально, чтобы поговорить с вами, – продолжил Пятак. – Дать ему, х-на, по ушам?

– А как от него пахнет? – поинтересовался Ваймс, делая глоток

обжигаяюще горячего едкого чая.

– Как от дница клетки с бабуинами, сержант.

– А, Шнобби Шноббс. Я поговорю с ним. Кстати, вынеси ему большую миску каши, хорошо?

Последнее явно пришлось Пятаку не по нутру.

– Послушайте, х-на, мой совет, сержант, таких пацанов приваживать не стоит...

– Пятак, видишь лычки у меня на погонах? Вот и молодец. Большую миску.

Ваймс вышел с кружкой в унылый внутренний двор. К стене жался Шнобби.

Что-то в воздухе предвещало, что день будет солнечным. После ночного дождя все наверняка расцветет. Сирень, например...

– Как дела, Шнобби?

Прежде чем ответить, мальчик подождал, не блеснет ли монетка.

– Везде дела паршивые, сержант, – доложил он, сдавшись, но не потеряв надежды. – На Кассовой констебля убили. Говорят, камнем зашибли. В драчке на Сонном холме кому-то ухо отрезали. Атака по всем фронтам, сержант. Повсеместно отступления с боями. На все участки напали...

Ваймс с мрачным видом дослушал до конца. Как всегда, кровавая бойня. С обеих сторон – толпы людей, перепуганных, разозленных. И дальше будет только хуже. Сонный холм и Сестры Долли уже превратились в районы ожесточенных боев.

...Как взмывают ангелы дружно в ряд, дружно в ряд, дружно в ряд...

– А на Цепной что-нибудь происходило? – спросил он.

– Там мало народу собралось, – ответил Шнобби. – Покричали немного и разбежались. На том все и кончилось.

– Понятно, – сказал Ваймс.

Даже толпа не настолько глупа. Да, она по-прежнему состоит по большей части из юнцов, горячих голов и пьяниц. И будет только хуже. Но нужно быть полным безумцем, чтобы напасть на особистов.

– Кругом все скверно, – продолжил Шнобби. – Только не здесь, конечно. Мы в полном порядке.

«Нет, – подумал Ваймс. – В итоге все вернется сюда».

Из задней двери появился Пятак с большой миской каши и ложкой. Ваймс кивнул на Шнобби, и стражник с крайней неохотой передал миску мальчишке.

– Сержант? – произнес Пятак, зорко наблюдая, как Шнобби пожирает

варево – ложка мелькала с головокружительной быстротой.

– Да, Пятак?

– У нас есть хоть какие-нибудь приказы?

– Не знаю. Капитан на месте?

– В том-то все и дело, сержант, – сказал Пятак. – Прошлой ночью примчался посыльный с конвертом для капитана. Я поднялся наверх – капитан на месте, и я подумал, как странно, ха-ха, обычно он так рано не... – Он умолк, снова уставившись на мелькающую ложку.

– Пятак, не отвлекайся, – одернул его Ваймс.

– А? Ну вот, а когда я принес ему какао чуть позже, он просто сидел, х-на, и смотрел в пустоту. Правда, сказал: «Спасибо, Пятак», когда я поставил перед ним, х-на, кружку. Он всегда очень вежливый в таких, х-на, делах. А только что я поднялся туда снова, а его нет.

– Пятак, капитан пожилой человек, он не может торчать здесь все...

– Его чернильница пропала, сержант, а раньше он никогда не уносил ее домой.

И тут Ваймс заметил, что глазки Пятака почему-то краснее обычного. Он вздохнул.

– А куда подевался конверт?

– Не знаю, сержант.

Пятак снова уставился на ложку в руке Шнобби. Это была крайне дешевая ложка из какого-то низкосортного металла.

– Раз так, нам остается только поддерживать порядок, – сказал Ваймс.

– Его-то как раз и не хватает, сержант.

– Посмотрим. Может, где-нибудь раздобудем. Ступай за мной.

Пятак не спешил выполнять приказ.

– Сержант, мне не хотелось бы выпускать из виду ложку, у нас всего пять осталось, а такие сорванцы так и норовят спереть...

– Да пусть забирает ее себе! – взревел Ваймс. – Мне сейчас не до ложек!

Шнобби дочиста доел обжигающее варево, спрятал подарок в карман, показал Пятаку испачканный кашей язык, бросил миску на землю и дал стрекача.

Ваймс вернулся в караулку, схватил черпак для каши и погремел им в пустом котле. Все мгновенно очнулись и посмотрели на него.

– Итак, сыны мои! Вот что мы сделаем! Всем женатым разрешаю вернуться по домам на часок и успокоить жен, чтоб не волновались! Остальные остаются на сверхурочное дежурство без дополнительного содержания! Вопросы есть?

Руку поднял Букли.

– У нас у всех есть семьи, сержант.

– И самое лучшее, что вы можете сделать для своих семей, – это показать, что закон и порядок существуют, – продолжил Ваймс. – Мы не знаем в точности, что происходило в других участках, но, судя по донесениям, дела там плохи. Поэтому наш участок остается открытым круглосуточно, понятно? День и ночь! Да, младший констебль?

– У меня мама будет волноваться, сержант, – пробормотал молодой Сэм.

Ваймс задумался, но только на мгновение.

– Пятак передаст, что с тобой все в порядке. Это касается всех. Скоро выходим в патруль. Да, я знаю, что мы Ночная Стража. Ну и что? По мне, так сейчас на улице темнее не бывает! Младший констебль, жду тебя во дворе.

Теоретически двор предназначался в том числе и для тренировок по обращению с оружием. В последнее время тренировки случались крайне редко. Ночная Стража старалась избегать насилия. Если угрозы и численное превосходство не пугали нарушителей, стражники предпочитали сделать ноги.

В сарае рядом с соломенными чучелами для отработки колющих ударов валялись покрытые плесенью мишени. Ваймс как раз вытаскивал их на булыжники двора, когда за его спиной появился младший констебль.

– Сержант, вы же сами говорили, что это бесполезное занятие.

– И могу повторить еще раз, – сказал Ваймс. – Я вытащил их ради тебя. Сэм, ты ходишь по городу с оружием, которым не умеешь пользоваться. А это еще хуже, чем уметь пользоваться оружием, но ходить без него. Если человек разгуливает с оружием, с которым не умеет обращаться, рано или поздно это оружие ему засунут туда, где солнце не светит.

Он снял шлем и нагрудник и отбросил портупею в угол.

– Давай нападай на меня, – велел он.

Краем глаза Ваймс заметил, что некоторые стражники вышли во двор и внимательно наблюдают за ним.

– Но я не могу просто так ударить вас, сержант! – воскликнул Сэм.

– Конечно не можешь, но я хочу, чтобы ты попытался.

Сэм по-прежнему медлил. «А все-таки я был не такой уж и дурак», – подумал Ваймс.

– Сержант, вы усмехаетесь, – заметил Сэм.

– Ну и что?

– Стоите и усмехаетесь, сержант, – заметил Сэм. – У вас нет меча, и вы усмехаетесь. Значит, вы меня вздуете.

– Боишься замарать кровью свой красивый меч, юноша? Хорошо, брось его на землю. Так лучше? Ты ведь был в банде, верно? Конечно был. Все там были. Но ты выжил. Значит, научился драться.

– Да, сержант, научился, только грязно...

– Никто из нас не может похвастаться чистотой. Покажи самое худшее, на что ты способен.

– Я не хочу сделать вам больно, сержант.

– И это твоя первая ошибка...

Сэм крутнулся и попытался нанести удар ногой.

Ваймс отошел на шаг, поймал ступню и помог ей продолжить взлет.

«Да, я был не дурак, и притом довольно ловкий, – подумал Ваймс, когда Сэм шлепнулся на спину. – И хитрый. Но с тех пор я отточил свое мастерство».

– Все было видно по твоим глазам, – пояснил он валявшемуся на земле Сэму. – Однако основную идею ты понял. Правил нет. Никаких.

Он почувствовал, что за его спиной что-то происходит. Кто-то почти беззвучно хихикнул. Ваймс взглянул на Сэма – тот смотрел поверх его плеча.

Удар был очень точным и угодил бы Ваймсу в затылок, если бы он не успел сделать шаг в сторону. Перехватив руку нападавшего, Ваймс увидел перед собой лицо Неда Тренча.

– Хорошо отдохнул, Нед?

– Да, сержант, спасибо. Просто хотел проверить, насколько ты хорош.

Он ударил Ваймса локтем в живот и ловко вывернулся из захвата. Зрители оживленно зашептались, а у Ваймса от боли из глаз брызнули слезы, его согнуло пополам, но он поспешно поднял руку.

– Все честно, все честно... – задыхаясь, пробормотал он. – Нам всем есть чему поучиться.

Он стоял, опираясь руками о колени и дыша несколько более преувеличенно, чем вынуждала боль.

Нед не попался на эту удочку – он медленно обходил Ваймса на уважительном расстоянии, держа дубинку наготове. Менее опытный боец бросился бы проверять, все ли в порядке со стариком сержантом, и неминуемо поплатился за это.

– Верно, сержант, – кивнул Нед. – И мне захотелось узнать, чему ты можешь научить меня. Сэм слишком доверчив.

Ваймс лихорадочно перебирал возможные варианты.

– Итак, сержант, – продолжил Нед, не останавливаясь ни на мгновение, – как бы ты поступил, если бы на тебя, безоружного, напал человек с дубинкой?

«Побыстрее постарался бы вооружиться, – подумал Ваймс, – если бы решил, что он так же опасен, как ты».

Он нырнул вперед и ушел в кувырок. Нед совершил ошибку. Когда Ваймс стал двигаться вправо, он обратил все свое внимание налево, посчитав, что первый ход такого человека, как Ваймс, будет ложным. Прежде чем он все понял и успел повернуться, Ваймс схватил ножны и вскочил на ноги, обнажая свой меч.

– А, ставки повышаются. Хороший урок, сержант, – ухмыльнулся Нед и тоже обнажил клинок. Сверкнуло ухоженное лезвие. А ведь мечами большинства стражников трудно было бы разрубить даже кусок масла. – Мы снова на равных. Что дальше, сержант?

Они принялись кружить по двору.

«Проклятье, – думал Ваймс. – У кого он учился? Да еще ухмыляется, что неудивительно. Это не поединок. Он знает, что я не могу ранить его на глазах у всех. А он меня может, якобы случайно, и это сойдет ему с рук, но сержант-то обязан быть по-настоящему умелым бойцом. И выше ставки поднимать нельзя.

Что ж, а если так...»

Он бросил меч в сторону. По чистой случайности клинок вонзился в стену. Получилось весьма эффектно.

– Хочу дать тебе шанс, Нед, – сказал Ваймс.

«Учиться никогда не поздно», – подумал он. Он вспомнил Гасси Два Ха-Ха. Сэм встретится с ним лет через пять, не раньше. Вот это было настоящее образование. Два Ха-Ха был самым нечестным бойцом из тех, с кем доводилось драться Ваймсу. Он бил кого угодно чем угодно. По этой части Два Ха-Ха был настоящим гением. Он видел оружие буквально во всем – в стене, тряпке, ломтике фрукта...

Он даже не был высоким или крупным. Он был маленьким и жилистым. Но любил драться со здоровяками – говорил, что от них можно больше откусить. Впрочем, после пары порций спиртного уже никто не мог предсказать, с кем подерется Два Ха-Ха. Он готов был ввязаться в драку с любым, кто сидел поблизости, – просто ради возможности еще раз пнуть вселенную по яйцам.

Кличку «Два Ха-Ха» он получил после того, как кто-то ткнул его битой бутылкой в лицо, – Гасси тогда так вошел в раж, что не обратил на этот пустяк внимания. С тех пор у него на лице красовался шрам в виде

маленькой, счастливо ухмыляющейся физиономии. Сэм многому научился у Гасси Два Ха-Ха.

– К чему все это? – пробормотал Ваймс достаточно громко, чтобы его услышали все.

– Мне просто захотелось выяснить, как много ты знаешь, сержант, – сказал Нед, не переставая кружить. – Кажется, слишком много.

Он бросился вперед. Ваймс попятился, отчаянно размахивая ножами и как бы уже смирившись с будущим поражением. Нед засмеялся, легко увернувшись от его якобы неловких ударов. Ваймс, воспользовавшись тем, что его противник отвернулся, перехватил ножны поудобнее.

– На мне шлем, – сказал Нед. – Как положено по уставу. И доспехи. Меня простым тычком не вырубешь, сержант.

Сколько бы Детрит ни орал на новобранцев, лишь один из семи в результате кое-как владел мечом. Нед фехтовал отлично. Он почти не оставлял противнику возможности нанести удар.

Ладно... Пора проявить мастерство.

Ваймс отступил на шаг – и вдруг заметил нечто за спиной Тренча. Он постарался ничем не выдать себя, но на миг его глаза победно сверкнули.

Тренч, в свою очередь, не хотел попадаться на эту уловку и все же против воли на мгновение отвлекся.

Ваймс нанес удар снизу, превратив ножны в продолжение руки. Твердый кожаный кончик угодил констеблю точно в подбородок, отбросив его голову назад. На обратном пути ножны ударили по руке с мечом, а чтобы уж наверняка поставить точку, Ваймс от души пнул Неда по голени, так что тот рухнул на землю. У Ваймса всегда была аллергия на мелькающие перед носом острые клинки.

– Молодец, неплохая попытка, – похвалил он и повернулся к немым зрителям. – Все может стать оружием в умелых руках, – продолжил он, вторя булькающим хрипам за спиной. – Колокольчик ничем не хуже дубинки. Пригодится любой предмет, которым можно треснуть достаточно сильно и тем самым выиграть время. Никогда, слышите, никогда не угрожайте кому-либо мечом, если вы не намерены пустить клинок в дело. Потому что противник может разгадать ваш блеф, и у вас почти не останется вариантов, а те, что останутся, все неправильные. Не бойтесь применять то, чему научились в детстве. Никто не скажет нам: «Молодец, ты играл честно, возьми с полки пирожок». Что касается рукопашного боя, то я, как старший по званию, настоятельно запрещаю вам даже думать о приобретении различных свинчаток, кистеней и бронзовых кастетов в лавке госпожи Пособи, что в доме восемь по Легкой, оружие по любой руке

и на любой кошелек. А если кто-нибудь подойдет ко мне вне службы, я категорически откажусь показать ряд особых приемов обращения с этим удобным, хотя и недостойным оружием. Все, пора размяться. Через две минуты хочу всех видеть здесь с дубинками. Вы считаете их дурацкими, и я постараюсь вас в этом разубедить. Выполнять!

Он повернулся к Неду, который к этому времени уже смог сесть.

– Неплохо дерешься, господин Тренч. Уверен, ты научился этому не в Страже. Может, нам пора поговорить? Не хочешь рассказать, где ты был вчера вечером? Случайно, не на Морфической улице?

– У меня бл выхдной, – промямлил Нед, потирая челюсть.

– Правильно, не мое дело. Судя по всему, мы так и не смогли понравиться друг другу.

– Не смгли.

– Думаешь, я шпик?

– Я знаю, что ты не Джон Киль.

Ваймс встретил это заявление с каменным лицом и запоздало понял, что этим-то и выдал себя с головой.

– И почему же ты так решил? – спросил он.

– Не твое дело. Я не обязан перед тобой отчитываться, ведь ты к тому же никакой не сержант. Сейчас тебе просто повезло, и это все, что я хочу тебе рассказать.

Нед поднялся на ноги. Тем временем стражники как раз начали возвращаться во двор. Ваймс позволил Тренчу уйти и повернулся к своим подчиненным.

Их никогда ничему не обучали. Они просто учились друг у друга – с большим или, как правило, меньшим успехом. И Ваймс прекрасно знал, куда ведет этот путь. Стражники, которые пошли по нему, вскоре начинают отбирать у пьяниц мелочь и убеждать друг друга, что мзда всего лишь законная прибавка к жалованью. И чем дальше, тем хуже.

Сам он был всем сердцем за то, чтобы набирать новобранцев с улицы, но перво-наперво их следует обучить. Необходимо, чтобы хотя бы шесть недель на них непрерывно орал кто-нибудь вроде Детрита, а кто-нибудь еще читал лекции о долге, правах арестованных и «служении обществу». А потом можно переходить к следующему этапу образования, передавать их в руки уличных акул, которые научат совсем другому: например, как избить человека, не оставив следов, или что, прежде чем ввязываться в пьяную драку, стоит засунуть в штаны металлическую суповую миску.

Если повезет и новобранец окажется не совсем тупым, в результате ты получишь нечто среднее между недостижимым идеалом и полным

подонком, то есть настоящего стражника. Конечно, на улицах у них будет довольно-таки дурная слава, в этом деле без нее никуда, но это будут стражники, а не прогнившие изнутри паразиты.

Ваймс разбил своих людей на пары и приказал нападать и обороняться. Зрелище было удручающим, и он выдержал всего пять минут.

– Ладно, хватит! – крикнул он, хлопнув в ладоши. – Очень даже недурно. Обязательно порекомендую вас в клоуны, когда в город приедет цирк.

Стражники расслабились и тупо заулыбались.

– Вы что, совсем никаких ударов не знаете? – спросил Ваймс. – Ни «горловой хлоп», ни «раскаленную кочергу», ни «грудобой»? Скажем, я иду на вас с огромной дубиной... что вы будете делать?

– Убегать, сержант, – ответил под общий хохот Букли.

– Далеко? – поинтересовался Ваймс. – Все равно когда-нибудь придется драться. Младший капрал Тренч?

Нед Тренч не принимал участия в тренировке. Он с отвращением наблюдал за унылыми потугами коллег, высокомерно подпирая стенку.

– Сержант? – откликнулся он, экономным движением отлепившись от стены и встав прямо.

– Покажи Букли, как это делается.

Тренч снял с пояса дубинку. Ваймс заметил, что она изготовлена на заказ и чуть длиннее, чем казенная. Нед занял позицию перед констеблем, многозначительно повернувшись к Ваймсу спиной.

– Что я должен делать, сержант? – спросил он через плечо.

– Покажи ему пару приличных ударов. Таких, которых он не ждет.

– Слушаюсь, сержант.

Ваймс наблюдал за беспорядочными ударами палками. Один, два, три...

...и Нед резко развернулся. Его дубинка засвистела, разрезая воздух.

Уклонившись от удара, Ваймс перехватил руку стражника и заломил ее за спину. Ухо Неда оказалось в непосредственной близости от его рта.

– Этого-то я как раз и ждал, солнышко, – прошептал Ваймс. – Не забывай улыбаться – видишь, как ребята смеются над чудачком Недом, который снова попытался треснуть по башке старика сержанта. Ты ведь не хочешь испортить им веселье? Сейчас я тебя отпущу, но если ты попробуешь еще хоть раз выкинуть нечто подобное, ложку ко рту будешь подносить обеими руками, а тебе понадобится ложка, Нед, потому что до конца жизни тебе придется питаться жидкими супчиками! – Он немного ослабил хватку. – Кстати, кто тебя всему этому научил?

– Сержант Киль, сержант, – ответил Нед.

– *А ты неплохо справляешься, сержант Киль!*

Ваймс обернулся – к ним через двор шел капитан Загорло.

Сейчас при свете дня он казался еще более маленьким и тщедушным. Ни дать ни взять конторский чинуша, причем чинуша, вспоминающий о своей внешности лишь от случая к случаю. Сальные черные волосы он зачесывал поперек лысины на макушке, как человек, которому остро не хватает либо зеркала, либо чувства юмора.

Его пальто оказалось старомодным, но чистым, зато башмаки с пряжками имели вид обшарпанный и неухоженный. Мать Ваймса вряд ли одобрила бы такое. Она всегда говорила, что мужчина обязан следить за своей обувью. Истинного мужчину всегда отличишь по начищенным до блеска башмакам.

В руке Загорло держал палку, вернее, театральную трость. Должно быть, он считал, что с тростью выглядит щеголем, а не идиотом, зачем-то таскающим повсюду бесполезный кусок дерева. В трости определенно было спрятано выкидное лезвие, потому что каждый раз, когда Загорло опускал ее на булыжники, надменно обходя старые мишени и соломенные чучела, раздавался характерный лязг.

– Готовишь подчиненных к боям, как вижу. Похвально. Капитан на месте?

– Кажется, нет, – ответил Ваймс, отпуская Тренча. – Сэр.

– Да? Что ж, передай ему это, сержант Киль. – Загорло едва заметно улыбнулся. – Смотрю, ночь у вас прошлатихо.

– Было несколько гостей, – ответил Ваймс. – Сэр.

– Ах да. Неуместное рвение... Не стоит... недооценивать тебя, сержант. Ты весьма находчивый человек. Увы, другие участники не могут похвастаться такой...

– ...находчивостью?

– Да, конечно. Боюсь, сержант, некоторые из моих наиболее преданных делу людей считают тебя... помехой в нашем важном для города деле. Однако я... полагаю, что ты всего лишь... склонен соблюдать букву закона. И несмотря на то, что ты неполне понимаешь, насколько опасно нынешнее положение... и на трения, возникшие между нами из-за этого, должен сказать... ты пришелся мне по сердцу.

«Я бы охотнее прошелся тебе по почкам или печени», – подумал Ваймс.

– Уверяю вас, сэр, я вовсе не метил так высоко, – ответил он вслух.

– Грандиозно. Предвкушаю наше дальнейшее... сотрудничество,

сержант. Ваш новый капитан непременно... сообщит вам о стальном, если сочтет необходимым. Всего хорошего.

Загорло развернулся и дрыгающейся походкой зашагал к воротам. Его люди последовали за ним, но один, с гипсом на руке, задержался, чтобы сделать непристойный жест.

– И тебе доброе утро, Генри, – сказал Ваймс.

Он осмотрел письмо. Толстый конверт был скреплен огромной печатью. Но Ваймс провел слишком много времени в компании скверных людей и знал, как обращаться с запечатанными конвертами.

Кроме того, он умел слушать. Новый капитан. Значит... началось.

Стражники смотрели на него.

– Они решили вызвать больше, х-на, солдат? – спросил Пятак.

– Полагаю, что да.

– А капитана Мякиша отправили в отставку?

– Да.

– Но он был *хорошим капитаном!* – громко выразил свой протест Пятак.

– Да, – сказал Ваймс.

«Нет. Не был, – мысленно возразил он. – Он был приличным человеком и делал все, что мог, но и только. Теперь он вне игры».

– И как нам теперь себя вести, сержант? – спросил младший констебль Ваймс.

– Продолжать патрулировать, – ответил Ваймс. – Но только ближайшие улицы.

– А много ли с этого будет толку?

– Больше, чем если мы не будем выполнять свои прямые обязанности, юноша. Ты давал присягу, когда вступал в Стражу?

– Какую присягу, сержант?

«Не давал, – вспомнил Ваймс. – Как и многие другие. Тебе выдали мундир и колокольчик – вот и все, можешь считать себя стражником».

Всего несколько лет назад Ваймс не придал бы этому никакого значения. Текст присяги давно устарел, и шиллинг на веревочке стал не более чем шуткой. Но даже в нынешней Ночной Страже человеку нужно нечто большее, чем жалованье. Что-то такое, что заставляет тебя чувствовать, что это не просто работа.

– Пятак, сбегай в кабинет капитана и возьми там шиллинг, – приказал Ваймс. – Пусть вся эта толпа принесет присягу. Кстати, где сержант Тук?

– Отвалил, сержант, – доложил Букли. – Не знаю, важно ли это, но он крикнул: «Пошло оно все на хрен» – и хлопнул дверью.

Ваймс пересчитал подчиненных.

Потом скажут, что присутствовали все стражники до единого. Конечно, это было не так. Некоторые ушли, другие не явились на дежурство, но все, что рассказывают о Киле и проведенной им Черте, – чистая правда.

– Ладно, ребята, – промолвил Ваймс. – Вот что я вам скажу. Мы все понимаем, что происходит. Не знаю, как вам, а мне все это не нравится. Если на улицах появились войска, значит, скоро станет совсем скверно. Какой-нибудь сопляк бросит камень, потом запылают дома и начнут умирать люди. А мы должны обеспечить спокойствие и порядок. Это наш долг. Нам ни к чему геройствовать, просто... будем работать нормально. И еще... – Он переступил с ноги на ногу. – Может, кто-то скажет, что мы поступаем неправильно. Так что приказывать вам я не стану.

Он обнажил меч и провел им по земле черту.

– Тот, кто шагнет вперед и станет по эту сторону черты, остается. К остальным у меня не будет никаких претензий. Вы на это не подписывались, и чем бы ни закончилась заваруха, вряд ли нас потом наградят медалями. Так что вперед и удачи вам.

С чувством, близким к унынию, он смотрел, как младший констебль Ваймс без раздумий первым переступил черту. За ним последовал Фред Колон, потом Дрынн и Билли Букли. А еще Гриль, Хлюпп и Зябни, и Долговязый Гаскин, и Гораций Масхерад, и этот, как его... Карри? И Эванс, и Тыч...

Всего с десяток стражников шагнуло за черту, последние делали это с явной неохотой, разрываясь между страхом, что их потом будут презирать, и здоровым беспокойством за собственную шкуру. Остальные – их все же оказалось больше, чем надеялся Ваймс, – быстро испарились за воротами.

Нед Тренч остался. Он скрестил руки на груди.

– Ты окончательно сбрендил, – сказал он.

– Ты мог бы нам помочь, Нед, – ответил Ваймс.

– Не хочу умирать, – сказал Нед. – И не собираюсь. Это глупо. Вас не больше дюжины. Чего вы добьетесь? Вся эта болтовня о том, что ваш долг – обеспечивать покой и порядок, полная чушь, ребята. Стражники выполняют приказы начальства. Так было всегда. И что вы будете делать, когда появится новый капитан, а? И ради кого? Ради людей? Эти люди разгромили другие участки, а что им сделала Ночная Стража?

– Ничего, – пожал плечами Ваймс.

– Вот именно.

– Я имею в виду, что Стража ничего не делала, поэтому они и

разозлились, – пояснил Ваймс.

– И что ты задумал? Арестовать Ветруна?

Ваймс чувствовал себя так, словно строил из спичек мост над зияющей пропастью и уже ощущал дуновения ледящего ветра снизу.

Когда-то он арестовал, точнее, еще арестует Витинари. Правда, потом патриция отпустят, но только после того, как будет завершено следствие. И все же Городская Стража бы... будет достаточно многочисленной и сильной, и благодаря поддержке влиятельных людей она сможет арестовать *правителя города*. Как они сумели добиться такого положения? Разве он мог даже мечтать о дне, когда горстка стражников захлопнет двери камеры за самым могущественным в городе человеком?

Что ж, возможно, первый шаг к этому был сделан именно здесь. Младший констебль Ваймс не сводил глаз со своего командира.

– Конечно нет, – ответил Ваймс. – Но мы должны иметь на это право. Быть может, настанет день, когда мы такое право получим. Потому что, когда дело обстоит иначе, закон уже не закон, а просто средство, чтобы держать народ в узде.

– Похоже, ты очнулся и почувствовал запах дерьма, – сказал Нед. – Потому что влез в него по самые уши. Простите, ребята, но вы все умрете. Против настоящих солдат не попрешь. Слышали, что было вчера в Сестрах Долли? Три трупа, а солдаты даже особо не напрягались.

– Перестань, Нед, если мы будем просто патрулировать улицы, никто нас не тронет, – промямлил Колон.

– А чего их патрулировать? – спросил Тренч. – Чтобы поддерживать порядок? А когда будет нечего поддерживать? Я не собираюсь торчать здесь и смотреть, как вас убивают. Я в этом не участвую.

Он повернулся и зашагал по двору в сторону караулки. «Дурак дураком, а прав, – подумал Ваймс. – Просто жаль, что настолько».

– Еще не передумали? – спросил он у стоящих за чертой стражников.

– Никак нет, сержант! – ответил младший констебль Ваймс.

Остальные добровольцы явно не разделяли его уверенности.

– Мы правда погибнем? – уточнил Букли.

– А кто вообще сказал, что до сражения дойдет дело? – спросил Ваймс, глядя в спину уходящего Тренча. – Подождите, я должен поговорить с Недом...

– Я принес шиллинг, – доложил появившийся во дворе Пятак. – И капитан хочет с вами поговорить.

– Передай, что я поднимусь буквально через несколько...

– Это новый капитан, – быстро произнес Пятак. – Уже прибыл, х-на.

Въедливый такой, главное. *Военный*. Такие ждать не привыкли, сержант.

«Для этого у меня были Моркоу и Детрит, Ангва и Шелли, – с горечью подумал Ваймс. – Я приказывал сделать то или это, а самому оставалось только переживать за них и заниматься постылой политикой...»

– Пусть Фред приведет людей к присяге, – велел он. – А капитану передай, что я скоро буду.

Он вошел в караулку, бегом пересек ее и выскочил через главный вход. На улице оказалось много людей, больше, чем обычно. Это была еще не толпа, но знаменитая анк-морпоркская прототолпа, та особая запруженность улиц, из которой образуется настоящее столпотворение. Она накрывала улицы подобно паутине, и стоило только чему-то случиться, новость распространялась по этой паутине, как пожар, и люди мгновенно стягивались к месту событий. Слухи о бойне в Сестрах Долли уже циркулировали по городу, и с каждым пересказом число жертв росло. Ваймс чувствовал напряжение паутины. Она ждет. Осталось только, чтобы какой-нибудь идиот сделал глупость. Ну, за этим дело не станет. Природа на идиотов всегда щедра.

– Тренч! – крикнул Ваймс.

К его немалому удивлению, Нед остановился и обернулся.

– Да?

– Я знаю, что ты связан с революционерами.

– Это лишь твои догадки.

– У тебя в блокноте был записан пароль, – возразил Ваймс. – Такой же пароль Достабль передавал другим в своих пирожках. Ты же знал, что замки на шкафчиках для меня не помеха. Послушай, неужели ты думаешь, что ты и Достабль сейчас разгуливали бы на свободе, если бы я шпионил для Загорло?

– Конечно. Мы тебя не интересуем, с нами можно разделаться и позже. Загорло нужны те, кто все организовал.

Ваймс отошел на шаг.

– Так-так... А почему ребятам не сказал?

– Потому что все уже началось, – пожал плечами Нед. – Кто ты такой, больше не имеет значения. Но ты пошлешь парней на верную смерть. А они должны были перейти на *нашу* сторону, если бы не ты. Я работал над этим. Ты знаешь, что Гриль постоянно роняет свой меч себе на ноги, Масхерад мочится в штаны, когда ему угрожают, а Ваймси просто недотепа? И таких людей ты собираешься бросить в самое пекло, на верную *смерть*. Причем ни за ломаный грош!

– Почему ты ничего им не сказал? – повторил вопрос Ваймс.

– А вдруг у тебя есть друзья наверху? – огрызнулся Нед.

Ваймс бросил взгляд на крышу.

– Мы закончили? – спросил Нед.

– Отдай свой значок, – велел Ваймс.

– Что?

– Ты решил уйти. Твое право. Отдай значок.

Тренч отшатнулся, словно увидел змею.

– Да пошел ты!

– Тогда уезжай из города, – посоветовал Ваймс. – Ради своего же блага.

– Ты что, угрожаешь?

– Не я. Но выслушай совет, мой мальчик. Никогда не доверяй революциям. Революция всего лишь замыкает круг. Поэтому их и называют революциями. Люди умирают, и никаких перемен. Еще увидимся.

Он развернулся и быстро ушел, чтобы Тренч не видел его лица.

Ладно. Пора. Ваймс чувствовал, что если не сделает это сейчас, то взорвется, как господин Каустик. Мысль возникла у него давно, но он гнал ее, ведь эти монахи могут такое сотворить с тем, кто попытается их обхитрить... Но сейчас все зашло слишком далеко.

Чувство долга напомнило, что его ждет вышестоящий офицер. Усилием воли Ваймс преодолел должностные позывы. Просто его чувство долга не знало всех фактов.

Ваймс остановился у порога штаб-квартиры. Закрыв глаза. Если кто-нибудь посмотрел бы на него, то решил бы, что он пытается погасить два окурка одновременно. Спасибо тебе, Роза, за картонные подметки. Ваймс улыбнулся.

Он отключил мозг, позволив ногам думать самим. Как заметил молодой Сэм, ноги сами помнят, куда шли...

Круглые «кошачьи головы», каких много. В этой части города улицы были вымощены скверно, и бульжники под ногами ходили ходуном... Дважды на обратном пути в штаб-квартиру Ваймс ощущал ступнями более крупные бульжники, уложенные узкими полосами там, где мостовую обновляли после прокладки дренажных труб. А перед этим попадались глубокие колеи, оставленные в мягком битом кирпиче колесами многочисленных повозок.

За несколько дюжин шагов до колеи его крутнули несколько раз, но перед этим он чувствовал под ногами... землю.

Ваймс наткнулся на тележку – он шел по улице с закрытыми глазами.

«Земля, – подумал он, поднимаясь на ноги под взглядами прохожих. – Значит, переулочек. Посмотрим... Ага, вон там».

На все про все у него ушло минут двадцать.

Он шагал по улицам, то и дело, к удивлению прохожих, закрывая глаза, чтобы прислушаться к своим ногам. Когда же он открывал глаза, чтобы оглядеться, его охватывало тревожное чувство, как перед грозой. Напряжение росло с каждой минутой, и достаточно было легчайшего толчка, чтобы все завертелось. Стадо беспокоилось – люди нервничали, сами не понимая почему. Все, с кем Ваймс встречался взглядом, делали непроницаемые лица.

Он упрямо шел вперед. Грубые плиты между двумя рядами древних булыжников, прозванных «троллиними головами»... Такое есть только здесь, на пересечении Оловянной и Вязовой, а перед этим он чувствовал... да, большие камни, одни из самых древних в городе, в которых за сотни лет окованные железом колеса оставили глубокие колеи – когда-то эта улица была доро́гой, начинавшейся сразу за городской стеной... Так, значит, дальше по улице Вязов, пересечь Ямы... Тут Ваймс сбился со следа, но металлическая решетка под ногами помогла на него вернуться. Решетка подвала. Вернее, погреба. С почти истертым гербом. Масляный рынок. Ведите дальше, ноги!

Здесь монахи крутанули его еще раз, но... длинные кирпичи, сильно обожженные в печи, и участок современных плит, хорошо отшлифованных и аккуратно уложенных. Они могут сбить с толку, если не знать, что такие плиты есть на... да, на улице Каменщиков... Там живут каменщики, которые, понятное дело, заботятся о своей мостовой. А теперь немощеный переулок с большим количеством гравия, – переулок, куда каменщики сбрасывают щебень после работ. И еще в этом переулке чувствуются бугры после прокладки труб. Так, вот они. Осталось найти четырехгранные булыжники...

Он открыл глаза.

Да.

Слева, на Глиняной аллее, он увидел квартал из трех зданий. Храм, зажатый между дешевыми лавчонками. Это был... просто храм. Да, он выглядел довольно-таки чужеземным, но ведь все храмы такие. Судя по архитектуре, его основали жители Пупземельных гор. Заводчики иаков, или как там ихний скот зовут?

Двери храма были заперты. Ваймс в бессильной ярости подергал за ручку, потом принялся колотить в дверь мечом. Бесполезно. На крепких досках даже вмятин не осталось.

Но дверь сомнительной лавки в соседнем доме оказалась открыта. Ваймс помнил эту лавчонку. Когда-то она заменяла ему мастерские

портного и сапожника. Эта лавка, как и лавка ростовщика, была открыта всегда. Ваймс вошел, и его мгновенно окутала пыльная темнота.

Бывают пещеры с сокровищами, а это была пещера с одеждой. С потолка свисали сталагмиты вешалок со старыми костюмами. Древние полки прогибались под грузом сорочек, жилетов и носков, сложенных аккуратными стопками. Старые коробки выпирали из полумрака в самых неожиданных местах, так и норовя подвернуться под ноги, чтобы неосторожный посетитель ушиб колено. Груды выброшенных за негодностью башмаков шевелились под ногами как живые. А еще запах. Если бы у бедности был запах, он был бы именно таким. Если бы у униженной гордости был запах, он был бы именно таким. Ну, плюс легкий аромат средства от моли.

Сделав всего несколько шагов в глубь зала, Ваймс понял, что безнадежно заблудился. В легкой панике он повернулся и стал пробиваться назад к свету сквозь лес удушающей одежды. Интересно, подумал он, случилось ли кому-нибудь вот так потеряться здесь и умереть? Да и нашли ли когда-нибудь тело этого бедолаги? Ваймс протянул руку, чтобы отвести в сторону заношенный до дыр лоснящийся костюм, и...

– Твоя хотеть?

Ваймс обернулся.

И никого не увидел, пока не догадался опустить взгляд. Перед ним стоял совершенно лысый, очень маленький и тщедушный человечек в костюме неопределенного вида, который, должно быть, не удалось всучить даже клиентам этой сомнительной лавки. Кто это? Как же его?.. Имя возникло в памяти быстро, словно он уже слышал его совсем недавно.

– А, э... да... Господин Мой...

– Пей Мой Чай, – подтвердил господин Пей и подхватил костюм, который Ваймс не успел выпустить из рук. – Холосая вкуса. Ткань класивый. Жлец носил, очень холосая костюма, только для вас – пейсят пенс, жалько отдавать, но влемя тяжелая.

Ваймс поспешно повесил костюм на вешалку и достал свой значок. Пей сердито уставился на бляху.

– Узе платить стлазник, – сказал он. – Один долла, один месяц, полядок. Узе платить стлазник.

– Платить? – переспросил Ваймс.

– Стлазник две-полоски, узе платить. Один долла, один месяц, полядок!

– Капрал Квирк... – пробормотал Ваймс. – Ты не должен платить стражникам, господин Пей. Защищать тебя – наша работа.

Господину Пею, возможно, не хватило бы знания языка, чтобы выразить свою мысль, но эта мысль была отчетливо написана у него на лице: по мнению господина Пея, стоящий перед ним стражник тли-полоска-одна-колона явно упал с какой-то планеты Дураков.

– Послушай, у меня нет времени, – сказал Ваймс. – Где запасной выход? Я из Городской Стражи!

– Я платить. Платить защита! Один месяц, полядок!

Скрипнув зубами, Ваймс решительно зашагал по узкому тряпичному тоннелю.

Заметив в стороне блеск стекла, он протиснулся в боковой проход и обнаружил там прилавок. По ту сторону прилавка, за грудями очередных никому не нужных товаров, оказался дверной проем с бисерным занавесом. Преодолев почти вплавь гору тряпья на прилавке, Ваймс ввалился в проем и оказался в крохотном чулане.

Господин Пей подошел к старому манекену – такому обшарпанному и покореженному, словно его выкопали из засыпанного вулканическим пеплом древнего города.

Монах дернул истукана за руку, глаза манекена вспыхнули.

– Докладывает Номер Третий, – прошептал господин Пей на ухо манекену. – Он только что вошел. И он очень-очень зол...

Дверь, ведущая из каморки дальше, была заперта, но не выдержала напора Ваймса, и он оказался во внутреннем дворике. Мерзопакостную лавку от храмового сада отделяла не слишком высокая стена. Ваймс подпрыгнул, подтянулся и, царапая башмаками кирпичную кладку, почти залез на стену... Пара кирпичей предательски вывернулась у него из-под рук.

Тяжело рухнув на спину по другую сторону стены, он сердито уставился на тощую фигуру в рясе, сидящую на каменной скамейке.

– Чайку, командор? – предложил Метельщик.

– Не хочу я никакого чая! – огрызнулся Ваймс, с трудом поднимаясь на ноги.

Метельщик бросил в свою чашку кусочек прогорклого ячьего масла.

– А чего же ты хочешь, господин Ваймс Чудесные Ноги?

– Мне не под силу с этим справиться! И ты прекрасно это знаешь!

– Я знаю, что чашка чая несомненно поможет тебе успокоиться, – улыбнулся Метельщик.

– Не надо меня успокаивать! Когда ты вернешь меня домой?

Из храма вышел еще один человек. Это был седой монах выше ростом и более крепкого телосложения, чем Метельщик. Было в нем что-то от

добродушного банковского управляющего. Монах протянул Ваймсу кружку.

Ваймс, помедлив, взял ее и вылил чай на землю.

– Я вам не верю, – сказал он. – Кто знает, что вы туда положили.

– Даже представить себе не могу, что можно положить в чай, чтобы он стал хуже того чая, который вы обычно пьете, – невозмутимо ответил Метельщик. – Присаживайся, ваша светлость. Пожалуйста?

Ваймс устало опустился на скамью. Ярость, двигавшая им до этой минуты, немного ослабла, но по-прежнему клочкотала внутри. Он машинально достал из кармана окурки сигары и сунул его в рот.

– Метельщик говорил, что, так или иначе, ты все равно нас найдешь, – промолвил второй монах. – Секретность называется.

– И что с того? – спросил Ваймс, закуривая. – Вы же всегда можете подкрутить время так, чтобы этого не случилось, верно?

– Это не входит в наши планы, – ответил монах.

– Да и чем я могу вам навредить? Не стану же я бегать по улицам и рассказывать всем подряд, что эти придурочные монахи, которых все привыкли видеть каждый день, на самом деле повелители времени. Меня тут же упекут куда следует. Кстати, кто ты такой?

– Это Ку, – представил Метельщик. – Он вернет тебя обратно в твое время, когда наступит подходящий момент. Но не сейчас.

Ваймс вздохнул. Гнев прошел, оставив безнадежную пустоту внутри. Ваймс бездумно смотрел на необычные каменные горки, занимавшие большую часть сада. Они выглядели странно знакомыми. Он прищурился.

– Сегодня я разговаривал с людьми, которые скоро умрут, – сказал он. – Вы хоть понимаете, каково мне было? Вы вообще можете это понять?

Монахи озадаченно посмотрели на него.

– Э... да, – ответил Ку.

– Конечно можем, – подтвердил Метельщик. – Все, с кем мы разговариваем, когда-нибудь умрут. Как и все, с кем разговаривал ты. Все умирают.

– Я вмешивался в ход истории, – сказал Ваймс. – Как я мог не вмешаться! – попытался оправдаться он. – Карцер же вмешивается! И что теперь будет? Даже если раздавить какого-то муравьишку, история и то изменится!

– Определенно изменится, – согласился Ку. – Для муравьишки.

Метельщик махнул рукой.

– Я уже говорил, господин Ваймс. История сама разберется. Это как кораблекрушение. Ты плывешь к берегу. А волны бросают тебя из стороны

в сторону, что бы ты ни делал. Ибо сказано: «Большому морю все равно, куда плывет маленькая рыбка». Все люди умирают, когда приходит их срок...

– Срок Киля еще не подошел! Его убил Карцер!

– В этом настоящем его срок подошел, командор, – ответил Ку. – Но свою роль в другом настоящем он еще сыграет. В конце концов сыграет. Ты доплывешь до берега. Должен доплыть. Иначе...

– Берега не будет, – закончил Метельщик.

– Нет, – покачал головой Ваймс. – Дело не только в этом. Я не плыву. Я тону. Знаете, сначала было даже весело... Прямо как будто на дружескую попойку сбежал... Снова почувствовал улицы под своими ногами... Но теперь... Как же Сибилла? Мои воспоминания реальны? Я знаю только, что сейчас она еще девушка и живет с отцом. А время, в котором она моя жена, мать моего ребенка, оно существует? В действительности – существует? Или только в моей голове? Вы можете это доказать? Все это где-то происходит? Будет происходить? Что сейчас *реально*?

Монахи молчали. Метельщик посмотрел на Ку. Тот пожал плечами. Лю-Цзе посмотрел более многозначительно, и на сей раз Ку махнул рукой, словно говоря: «Ну ладно, ладно, хоть это и сущее безумие, можешь попробовать...»

– Да-а-а, – нараспев произнес Метельщик. – Думаю, мы можем тебе помочь, командор. Ты хочешь убедиться, что тебя ждет будущее... Хочешь подержать его в руке. Почувствовать его вес. Хочешь получить точку, по которой можно сверять курс, к которой нужно стремиться. Да, думаю, в этом мы можем тебе помочь, но...

– Да?

– Но ты перелезешь через эту стену обратно, и Джон Киль доиграет свою роль. До самого конца. Отдаст приказы, которые считает правильными, и это будут правильные приказы. Будет держать оборону. Делать свою работу.

– Не он один, – заметил Ваймс.

– Верно, командору Ваймсу тоже предстоит потрудиться.

– Не волнуйтесь. Карцера я здесь не оставлю, – прорычал Ваймс.

– Отлично. Мы с тобой свяжемся.

Ваймс отбросил окурок сигары и посмотрел на стену.

– Хорошо. Я доведу дело до конца. Но когда настанет время...

– Мы будем готовы, – пообещал Метельщик. – Но только при условии, что ты...

Он замолчал. Раздался едва уловимый звук, словно терлись друг о

друга чешуйки кремния.

– Силы небесные, – пробормотал Ку.

Ваймс опустил взгляд.

Окурок сигары еще дымился. Но Сад Безмятежности Внутреннего Города пришел в движение; весь, вплоть до самого крохотного камешка, он закружился вокруг окурка. Вращаясь, проплыл мимо огромный, обточенный водой валун, и вот уже весь сад вертится на тончайшей струйке дыма, будто на оси. Обугленная спичка проскакала с камня на камень, словно невидимые муравьи перебрасывали ее по цепочке.

– Это все мой окурок? Такое вообще возможно? – спросил Ваймс.

– Теоретически, да, – ответил Метельщик. – Я вынужден тебя оставить, господин Ваймс.

Ваймс бросил последний взгляд на пришедший в движение сад, пожал плечами и стал карабкаться на стену.

Монахи наблюдали за происходящим. Волна крошечных камешков подхватила окурок и стала медленно подталкивать его к центру.

– Поразительно, – покачал головой Ку. – Он стал частью миропорядка. Не понимаю, как тебе это удалось.

– Я здесь ни при чем, – сказал Метельщик. – Ку, а мы можем...

– Никаких больше временных сдвигов, – отрезал Ку. – У нас и так достаточно неприятностей.

– Согласен, – кивнул Метельщик. – Что ж, придется выслать поисковые отряды. Скупщики краденого, жуликоватые ювелиры, лавки ростовщиков... мы найдем его. Я понимаю нашего друга. Одной работы недостаточно. Ему нужно нечто вещественное. И я знаю, что именно.

Они смотрели на вращающийся, беспрестанно меняющийся сад, чувствуя, как пальцы истории проникают в мир.

Весь обратный путь в штаб-квартиру Ваймс проделал шагом. Ему очень хотелось перейти на бег, однако люди на улицах уже стали сбиваться в нервные группы. А он был в форме, так что бежать означало искушать судьбу.

Кроме того, сержанты не бегают, а шествуют размеренной походкой, пусть даже их ждет вышестоящий офицер.

К своему легкому удивлению, он обнаружил, что стражники все еще во дворе. Кто-то даже развесил несколько мишеней для фехтования – несомненно, очень полезных приспособлений, если придется сражаться с безоружным и привязанным к столбу врагом.

Ваймс поднялся по лестнице. Дверь в кабинет капитана оказалась

открытой, а стол новый командир переставил так, чтобы видеть лестничную площадку и пролет лестницы. Не очень хороший знак, вернее, совсем плохой. Офицер не должен видеть, что происходит, он должен полагаться на доклады сержантов. Только тогда машина работает как надо.

Въедливый, значит. Ну и дела...

Новый капитан поднял голову. «Черт возьми, – подумал Ваймс. – Опять этот мерзавец Ржав!» И действительно, это был сиятельный Рональд Ржав собственной персоной – дар божий для врага, причем врага любого, и ходячее средство воодушевления всех дезертиров.

Семейство Ржавов породило много великих воинов, вполне соответствующих нетребовательным стандартам прикладного военного искусства: «Вычти свои потери из потерь врага и, если результат будет положительным, можешь говорить, что одержал славную победу». Но Рональд Ржав стоял особняком в этом ряду. Полное отсутствие у него каких-либо способностей к военному делу уступало только его полководческому самомнению. Впрочем, его высочайшая оценка собственного таланта была бы вполне справедлива, если бы он не забывал добавить перед ней минус.

В прошлый раз был не Ржав. Ваймс смутно помнил какого-то другого бестолкового капитана. Все эти изменения кажутся незначительными... но к чему они приведут в итоге?

«Готов поспорить, его только что произвели в капитаны, – мысленно хмыкнул Ваймс. – Подумать только, сколько жизней я смогу спасти, чисто случайно отрубив ему голову прямо сейчас. Только посмотрите в эти голубые глаза, на эти дурацкие подкрученные усы... И это только начало».

– Ты – Киль? – рявкнул капитан.

– Так точно, сэр.

– Я передал приказ прибыть сюда еще час назад.

– Так точно, сэр. Но я дежурил всю ночь и утро, и было слишком много неотложных дел...

– Я хочу, чтобы мои приказы выполнялись без промедления, сержант.

– Так точно, сэр. Я тоже. Именно поэтому...

– Дисциплина начинается сверху, сержант. Стражники подчиняются тебе, ты подчиняешься мне, я подчиняюсь своему начальству.

– Очень рад слышать это, сэр.

В повседневном общении Ржав был столь же гениален, как на поле боя.

– Что происходит у нас во дворе?

Ваймс резко крутнул штурвал, подстраиваясь под изменившийся

ветер...

– Пытаюсь укрепить моральный дух людей, сэр. Слегка сплотить их, – сказал он... и наткнулся на риф.

Ржав удивленно поднял брови.

– Зачем? – спросил он. – Люди должны делать то, что им приказывают. Как и ты, кстати. Групповые объятия в их служебные обязанности не входят.

– Дух товарищества иногда помогает нести службу, сэр. По опыту знаю.

– Киль, ты что, смотришь на меня как на сумасшедшего?

– Никак нет, сэр. Всем своим видом выражаю искреннее сомнение, сэр. «Смотрение как на сумасшедшего» находится на четыре ступени выше, сразу за «награждением странным взглядом», сэр. В соответствии со стандартными воинскими нормами и правилами, сэр, сержантам разрешается доходить лишь до выражения резкого...

– Кстати, что за ерунда у тебя на погонах помимо лычек?

– Она означает, что я сержант при оружии, сэр. Есть такое особое звание.

Капитан недовольно заворчал и посмотрел на лежащие перед ним бумаги.

– Лорд Ветрун получил необычную просьбу о том, чтобы тебя произвели в лейтенанты, сержант. Она поступила от капитана Загорло из Особого отдела, а его светлость всегда прислушивается к мнению капитана Загорло. Кстати, он настаивает на твоём переводе в Особый отдел. Лично я считаю, что он просто сбрендил.

– Совершенно с вами согласен, сэр.

– Не хочешь стать лейтенантом?

– Никак нет, сэр. Слишком длинно для Дика и слишком коротко для Ричарда, сэр, – сказал Ваймс, уставившись на точку в нескольких дюймах над головой Ржава.

– Что?

– Ни то ни се, сэр.

– Ага, значит, хочешь сразу стать капитаном, да? – спросил, злобно усмехнувшись, Ржав.

– Никак нет, сэр. Вообще не хочу быть офицером, сэр. Начинаю путаться, когда на столе больше одной вилки и ножа, сэр.

– Лично мне кажется, ты и не способен стать офицером, сержант.

– Так точно, сэр. Спасибо, сэр.

Старый добрый Ржав. Молодой Ржав. Та же тупая грубость,

выдаваемая за откровенность, то же высокомерие, та же мелочная вредность. Только совсем никчемный сержант не сумел бы этим воспользоваться.

– Однако я не стал бы возражать по поводу перевода в Особый отдел, сэр, – высказал свое мнение Ваймс.

Он рисковал, но совсем немного. На здравый смысл Ржава можно было положиться.

– Не сомневаюсь, – фыркнул Ржав. – Ты ведь вил кольца из старика Мякиша, поэтому новый капитан, который держит руку на пульсе, тебе совсем не по нутру. Хрен тебе, останешься здесь, понятно?

«Чудесно, – подумал Ваймс. – Это как смотреть на то, как оса садится на жгучую крапиву – кого-то скоро ужалят, а тебе совершенно наплевать».

– Так точно, сэр, – произнес он, по-прежнему глядя прямо перед собой.

– Ты хотя бы брился сегодня?

– Освобожден от бритья, сэр, – соврал Ваймс. – По медицинским показаниям, сэр. Вся рожа заштопана, сэр. Могу брить только одну половину, сэр.

Он все так же стоял по стойке смирно, пока Ржав неприязненно его рассматривал. Ссадина еще не побледнела, а под повязку Ваймс вообще боялся заглядывать.

– Что, треснул себя по морде колокольчиком? – буркнул капитан.

У Ваймса дернулись пальцы.

– Очень смешно, сэр.

– Ступай построй людей, Киль. Да поживее. Смотр произведу незамедлительно. Да, скажи этому идиоту с носом как свиное рыло, чтобы освободил конюшню.

– Сэр?

– Скоро прибудет моя лошадь, так что уберите эту омерзительную клячу с глаз моих.

– Что, выгнать Мэрилин, сэр? – Ваймс не поверил своим ушам и не смог скрыть потрясения.

– Это приказ. И передай, что он должен быть выполнен сейчас же.

– И куда же нам ее девать, сэр?

– Не моя забота! Ты сержант, ты получил приказ. Наверное, в городе есть живодеры. Должны же люди чем-то питаться!

Мгновение подумав, Ваймс снова отдал честь.

– Вы абсолютно правы, сэр.

– Знаешь, что я видел по пути сюда, сержант?

– Не могу знать, сэр, – ответил Ваймс, по-прежнему глядя только

перед собой.

– Люди строили *баррикады*, сержант.

– Сэр?

– Ты отлично меня расслышал!

– Другого и не следовало ожидать, сэр. Такое случалось и раньше. Люди взбудоражены. До них доходят слухи о бандах и озверевших солдатах. Граждане пытаются защитить свои улицы...

– Это возмутительный вызов власти! Люди не имеют право брать закон в свои руки!

– Конечно, но это естественный ход событий, и...

– О боги, как тебя вообще произвели в сержанты?!

Ваймс знал, что зря начал этот разговор. Разумеется, Ржав – дурак, но на сегодняшний день он еще молодой дурак, что простительно. И пока еще есть шанс, что, если ему своевременно прочистить мозги, он когда-нибудь заслужит право называться всего лишь полудурком.

– Иногда имеет смысл... – начал было Ваймс.

– Прошлой ночью все участки в городе подверглись нападению, – перебил его Ржав. – За исключением этого. Как ты это объяснишь?

У него оцетинились усы. То, что участок не подвергся нападению, было явным доказательством моральной неустойчивости Ваймса.

– Просто...

– Какой-то человек пытался тебя убить. Где он сейчас?

– Не знаю, сэр. Мы перебинтовали его и отвезли домой.

– Ты его *отпустил*?

– Так точно, сэр. Он был...

Но Ржав имел привычку прерывать ответ требованием того самого ответа, который он прерывал.

– Почему?

– Сэр, в тот момент мне показалось благоразумным...

– Ты знаешь, что прошлой ночью погибли три стражника? По улицам шатаются преступные толпы! В городе введено военное положение! Сегодня мы всем покажем, что значит твердая рука! Собирай людей! Немедленно!

Ваймс отдал честь, сделал поворот кругом и медленно спустился по лестнице. Спешить он не собирался.

Твердая рука. Преступные толпы. Когда по улицам шатались обычные преступные банды, мы палец о палец ленились ударить. А когда и с той и с другой стороны сплошь безумцы и идиоты и все держится только на том, что эти стороны друг друга уравновешивают... Чем больше людей ищут

себе на задницы неприятностей, тем больше вероятность, что они их все-таки найдут.

Один из самых жестоких уроков в жизни молодой Сэм получил, когда понял, что люди, которые якобы отвечают за все, на самом деле ни за что не отвечают. Что те, кто стоит у власти, этой самой власти совсем не заслуживают. И что люди куда чаще планируют, чем думают.

Почти все стражники толпились у лестницы. Пятак умел доводить до сведения личного состава тревожные новости.

– Приведите себя в порядок, ребята, – сказал Ваймс. – Через несколько минут к нам спустится капитан. Очевидно, пришло время продемонстрировать силу.

– Какую силу? – тут же поинтересовался Билли Букли.

– Ну, Билли, план такой: как только злобные революционеры нас увидят, сразу попрячутся по щелям, и дело в шляпе, – сказал Ваймс, но сразу пожалел об этом. Билли еще не научился понимать иронию. – Я имею в виду, приводим в порядок форму и идем на улицы, – перевел он.

– Нас побьют, – заявил Фред Колон.

– Нет, если будем держаться вместе, – возразил Сэм.

– Вот именно, – согласился Ваймс. – В конце концов, мы вооруженные до зубов стражники, патрулирующие улицы, заполненные гражданскими лицами, которые, согласно закону, вооружены быть не должны. Если будем осторожны, может, пострадаем не слишком сильно.

Еще один неверный ход. «Мрачному сарказму нужно учить в школе, – подумал он. – Кроме того, вооруженные стражники запросто могут попасть в беду, если невооруженные гражданские лица достаточно разозлятся и вспомнят, что улицы вымощены булыжниками».

Издали до него донеслись три удара часов. Сегодня вечером улицы взорвутся.

В учебниках истории напишут, что все началось из-за выстрела на закате. Солдаты одного из пехотных полков стояли на Несушьем поле в ожидании дальнейших приказов. Тут же вокруг собрались зеваки. Войска всегда привлекали зрителей: впечатлительных юношей, вездесущую блуждающую уличную толпу Анк-Морпорка и, конечно, дамочек, чье внимание выражается в денежном эквиваленте.

Потом кто-то высказал мнение: толпе, дескать, вообще не положено было там собираться. А где положено? Люди любили там гулять. В той части города Несушье поле – единственный островок чахлой зелени. Многие приходили туда поиграть на свежем воздухе, посмотреть, как поживает очередной труп на виселице. А солдаты, которые стояли там,

были обычные пехотинцы, чьи-то сыновья и мужья; они хотели немного отдохнуть и, конечно, выпить.

Да, все верно, потом многие говорили, что солдаты были пьяны. Что они вообще не должны были находиться на поле. Точно, вот в чем главная причина, вспомнил Ваймс. На этом поле вообще никто не должен был находиться.

Так или иначе, люди там собрались, а потом капитан получил стрелу в живот и со стоном рухнул на землю, и кто-то из арбалетчиков ответил на выстрел. Так написано в книгах по истории. Они стреляли по окнам, откуда на них глазели зеваки. Может, в капитана и правда выстрелили из окна.

Некоторые стрелы не долетели, другие достигли цели. И кто-то из толпы начал стрелять в ответ.

И вот после этого кошмар следовал за кошмаром, потому что остановить их уже было невозможно. Напряжение стало раскручиваться, как гигантская пружина, выкашивая весь город.

Заговорщики существовали в действительности, это несомненно. Среди них были простые горожане, решившие, что с них довольно. И безденежные юнцы, возражавшие против того, что миром правят старые денежные мешки. Некоторые присоединились к заварушке только ради того, чтобы познакомиться с девушками. И конечно, хватало идиотов, безумцев вроде Загорло, имеющих свое собственное, нереальное, но непоколебимое представление о мире и выступающих на стороне тех, кого они называли Народом. Ваймс провел на улице почти всю свою жизнь; ему довелось встречаться и с приличными людьми, и с дураками, и с мерзавцами, готовыми украсть пенни у слепого нищего, и с теми, кто тихонько совершал чудеса или творил немыслимые преступления за закопченными окошками маленьких домов... Всяких людей он встречал, но с Народом ему так и не удалось познакомиться.

Народ, радеющий о благе Народа, всегда ждет разочарование. Очень скоро выяснится, что Народу вовсе не свойственно испытывать признательность к своим благодетелям, равно как не свойственны ему дальновидность и послушание. Зато Народу присущи глупость и нежелание что-либо менять, а любые проявления разума его пугают. Таким образом, дети революции всегда сталкиваются со старой, как мир, проблемой: сменив правительство, они обнаруживают, что менять надо было не только правительство (это-то само собой), но и народ.

Стоит лишь подойти к народу с теми или иными мерками, как выясняется, что мерить-то и некого. Только что по улицам победно шествовала революция – и вот уже никто не шествует, а просто мечутся

напуганные люди. Так всегда происходит, когда механизм города дает сбой, колеса перестают вращаться и нарушаются мелкие повседневные правила. Тогда люди становятся хуже баранов. Бараны просто бегут, они не пытаются укунить других баранов, мчащихся с ними бок о бок.

К закату любой человек в мундире станет мишенью. И уже будет не важно, кому сочувствует стражник: восставшим или власти. Он станет просто человеком в доспехах...

– Что? – спросил Ваймс, рывком возвращаясь к действительности.

– Ты в порядке, сержант? – спросил капрал Колон.

– Гмм? – пробормотал Ваймс.

Реальный мир вокруг постепенно обретал очертания.

– Ты был какой-то странный, – пояснил Фред. – Смотрел в пустоту. Зря ты не поспал нормально, сержант.

– В гробу отосплюсь, – огрызнулся Ваймс, осматривая строй стражников.

– Да, я слышал, сержант. Вот только там тебя никто не разбудит и не принесет чашечку чая. Я построил людей, сержант.

Фред сделал все. Как и сами стражники. Впервые в жизни Ваймс видел таких... форменных стражников. Обычно стражник надевал шлем или нагрудник. Остальное обмундирование представляло собой повседневную одежду, подобранную в соответствии с личными вкусами. Но сегодня стражники, по крайней мере, оделись опрятно.

Жаль только, стражники так сильно отличались ростом. Никому не под силу было бы одним взглядом охватить строй, на одном фланге которого стоял Букли, а на другом – Масхерад. Коротышка Букли однажды даже получил выговор за то, что, стоя навытяжку, смотрел сержанту в пупок, а не в глаза, смотреть в которые ему было не под силу. Масхерад, напротив, всегда первым из патрульных узнавал, что начался дождь. Чтобы видеть эту парочку одновременно, не рискуя заработать сложную форму косолазия, нужно было стоять очень далеко от строя.

– Молодцы, ребята, – скупно похвалил Ваймс стражников, но больше ничего сказать не успел: на лестнице уже послышались шаги Ржава.

Очевидно, капитан впервые увидел подчиненных в полном составе. Надо признать, он оказался крепким орешком, потому что всего лишь вздохнул.

– Мне нужно на что-нибудь встать, – сообщил он, повернувшись к Ваймсу.

Ваймс сделал вид, что не понял.

– Сэр?

– Я хочу обратиться к подчиненным, чтобы воодушевить их и подбодрить. Необходимо, чтобы они осознали политические предпосылки возникновения кризиса.

– О, мы все и так знаем, что лорд Ветрун полный псих, – радостно сообщил Букли.

Лоб Ржава едва не покрылся изморозью.

Ваймс вытянулся во весь рост.

– Ра-а-азойдись! – рявкнул он и наклонился к Ржаву, когда стражники бросились врассыпную. – Мы можем поговорить наедине, сэр?

– Этот человек действительно сказал, что... – промямлил Ржав.

– Так точно, сэр. Это ведь простые люди, сэр, – произнес Ваймс, лихорадочно ища выход из положения. – Лучше понапрасну не смущать их умы, сэр, если понимаете, о чем я.

Ржав добавил предложенную версию к тем, что у него ранее имелись. Ваймс почти воочию мог наблюдать за ходом его мысли. Точка зрения, подброшенная Ваймсом, вполне соответствовала общему мнению Ржава о Страже. Констебль вовсе не собирался дерзить, он был всего лишь обычным простофилей.

– Они знают, в чем состоит их долг, сэр, – добавил Ваймс, чтобы закрепить успех.

– Их долг, сержант, состоит в выполнении приказов.

– Так точно, сэр.

Ржав подкрутил усы.

– В твоих словах что-то есть, сержант. Ты этим людям доверяешь?

– Честно говоря, да, сэр.

– Гмм. Через десять минут начинаем обход ближайших улиц. Пора действовать. Донесения поступают тревожные. Мы должны держать фронт, сержант.

«И он в это верит, – подумал Ваймс. – Действительно верит».

Стражники строем вышли на залитые полуденным солнцем улицы, и выглядело это кошмарно. Они не привыкли маршировать, обычно они передвигались по улицам одним из двух способов: прогулочным шагом, вряд ли входившим в общепринятый перечень военных маневров, или бегом, что значилось в этом перечне как поспешное отступление.

Кроме того, шеренги неуклонно сжимались под давлением разумных опасений стражников за собственные шкуры. В движении колонны присутствовала боковая составляющая – каждый стремился оказаться в центре строя. У них были щиты, но легкие, сплетенные из прутьев,

предназначенные для отражения несильных ударов и летящих камней; если в такой щит вонзится что-то острое, толку от него не будет. Таким образом, по мере продвижения строй превращался в удлиняющуюся толпу.

Ржав этого не замечал. У него был особый дар не видеть то, чего он не хотел видеть, и не слышать то, чего не хотел слышать. Но не заметить баррикаду было не под силу даже ему.

Анк-Морпорк ведь, по существу, не был единым городом, и особенно это становилось заметно, когда начинало пахнуть жареным. Такие известные всем места, как Сестры Долли, Сонный холм и Семь Лежней, когда-то были деревнями, которые просто оказались на пути беспорядочно растущего города. Они по-прежнему держались обособленно. Да и не только они... Стоило свернуть с одной из главных улиц, и ты попадал в скопление отдельных мирков. Люди почти не покидали их. Если что-то случится, ты мог рассчитывать только на свою семью и соседей. Что бы ни происходило, ты делал все, лишь бы это не происходило на твоей улице. Это не значило, что люди поднимались на революционную борьбу. Как раз наоборот. Они садились на порогах своих домов, чтобы защищать их от любых революций.

В Корсетном переулке возводили баррикаду. Не слишком прочную, потому что в дело шли в основном перевернутые рыночные палатки, небольшая повозка и очень много обычной мебели, но это был Символ.

Усы Ржава встопорщились.

– Прямо на наших глазах! – рявкнул он. – Абсолютное пренебрежение к законной власти, сержант. Выполняй свой долг!

– В чем именно он заключается в данный момент, сэр? – поинтересовался Ваймс.

– Арестуй зачинщиков! И пусть твои люди разберут баррикаду!

Ваймс вздохнул.

– Хорошо, сэр. Сейчас я их поищу, если отойдете в сторону и пропустите меня.

Чувствуя взгляды, направленные на него с обеих сторон, он двинулся к груде скарба. Когда до баррикады оставалось всего несколько шагов, Ваймс поднес ко рту ладони.

– Так-так, что здесь происходит? – прокричал он.

Он знал, что за баррикадой началось перешептывание. И был готов к тому, что должно было случиться. Когда из-за нагромождения табуреток вылетел камень, Ваймс ловко поймал его.

– Я задал вполне невинный вопрос! – крикнул он. – Отвечайте.

Снова шепот. Ваймсу удалось расслышать: «Это тот самый сержант,

который прошлой ночью...» – что встретило горячие возражения среди шепчущихся. Потом кто-то проорал:

– Смерть тиранам!

Спор разгорелся с новой силой. Наконец кто-то сказал: «Ну ладно» – и крикнул:

– Смерть тиранам, за исключением тут присутствующих! Вот так, теперь все довольны?

Ваймс узнал голос.

– Господин Реджинальд Башмак? – спросил Ваймс.

– Да, и я жалею, что у меня только одна жизнь, которую я могу положить за Корсетный переулок! – донесся голос откуда-то из-за платяного шкафа.

«Если бы ты только знал...» – подумал Ваймс.

– Вряд ли до этого дойдет, – крикнул в ответ он. – Дамы и господа, разве можно так себя вести? Вы не можете... брать закон... в свои... руки. – Он смешался и умолк.

Иногда мозгу требуется некоторое время на то, чтобы поспеть за языком.

Ваймс повернулся и посмотрел на стражников. Им не нужна была подсказка, чтобы держаться от происходящего как можно дальше. Потом он снова посмотрел на баррикаду.

А где, собственно, закон? Где он в эту минуту?

Что он, Сэм Ваймс, сейчас делает?

Свою Работу, конечно. Которая прямо перед ним. И которую он делал всегда. И закон всегда был... *где-то рядом*. Ваймс никогда в этом не сомневался. Очень может быть, к этому имел отношение значок стражника.

Значок крайне важен. Да. Недаром он сделан в форме щита. Он защищает. Ваймс часто размышлял об этом длинными темными ночами. Значок защищал от зверя, притаившегося в темноте его разума.

Он убивал вервольфов голыми руками. Сам он тогда едва мог пошевелиться от ужаса, но зверь внутри придавал ему сил...

Кто знает, какое зло таится в сердцах людей? Стражник, вот кто. Прослужив десять лет, ты думаешь, что все повидал, но мрак продолжает извергать из себя новые сюрпризы. Ты видишь, как близко к зверю живут люди. И начинаешь понимать, что люди вроде Карцера далеко не безумцы. Напротив, они нормальны, как никто другой. Просто у них нет значка. Они смотрят на мир и понимают, что им не обязательно подчиняться его правилам, поскольку им этого не хочется. Их не собьешь с толку душевспасительными историями. Они уже побратались со зверем.

Но у него, Сэма Ваймса, был талисман, защищающий от этого соблазна, – значок. Если не считать тех времен, когда силы этого талисмана оказалось недостаточно и пришлось положиться на магию бутылки...

Сейчас ему казалось, будто он снова попал под действие этой магии. Мир бешено вращался. Где закон? Поперек улицы возведена баррикада. Кого она призвана защитить и от чего? Городом правит безумец и его держащиеся в тени дружки, так где же закон?

Стражники любят повторять, что люди не должны брать закон в свои руки. Стражникам кажется, будто они понимают смысл этих слов. Но при этом они подразумевают мирное время и людей вроде тех, кто идет с дубиной на соседа, потому что соседская собака слишком часто гадит у них на пороге. А когда наступают такие времена, как сейчас, в чьих руках оказывается закон? Если люди не должны брать его в свои руки, то кто должен? Те, кто лучше знает, что происходит? Выходит, надо вручить закон в руки Ветруну и компании, а что в этом будет хорошего?

Так... ну и что теперь? Ах да, у Сэма Ваймса есть значок... только на самом деле это не его значок. Сэм Ваймс получил приказ... неправильный приказ. У Сэма Ваймса есть враги... но эти люди не должны быть его врагами. И ко всему прочему у него, возможно, нет будущего. Будущего больше не существует. Не осталось ничего реального, никакой надежной опоры, только Сэм Ваймс, у которого нет права быть здесь...

Похоже, в попытке разрешить неразрешимые вопросы его мозг высосал из тела все силы. В глазах темнело. Ноги подкашивались.

Не осталось ничего. Только ошеломленное отчаяние.

И грохот взрывов.

Хэвлок Витинари вежливо постучал в окошко крошечной конторы возле главных ворот Гильдии Наемных Убийц.

Дежурный привратник поднял заслонку.

– Хотелось бы отметить в книге ухода, господин Бордо, – сказал убийца.

– Конечно, сэр, – откликнулся Бордо, передавая ему пухлый журнал. – Куда направляетесь сегодня, сэр?

– На общую рекогносцировку, господин Бордо. Просто хочу посмотреть, что происходит в городе.

– Ага, как раз вчера вечером я сказал госпоже Бордо, что смотреть вы умеете лучше всех, сэр.

– Мы смотрим и учимся, господин Бордо, смотрим и учимся, – кивнул Витинари, вписал свое имя в журнал и аккуратно вставил ручку в

подставку. – Как ваш сынишка?

– Спасибо, что спросили, сэр, ему значительно лучше, – просиял привратник.

– Рад это слышать. О, как я вижу, достопочтенный Джон Кровопуск выполняет особое поручение. Во дворце?

– Перестаньте, сэр. – Бордо добродушно погрозил ему пальцем. – Вы же знаете, я ничего не сказал бы, даже если б знал.

– Конечно.

Витинари бросил взгляд на дальнюю стенку конторы, где на полках древнего бронзового стеллажа лежало множество конвертов. На верхней части стеллажа была выгравирована надпись «На задании».

– Доброго вам дня, господин Бордо.

– И вам того же, сэр. Приятно, э... осмотреться.

Он проводил юношу взглядом. Затем вошел в тесную комнатку рядом с конторой и поставил на плиту чайник.

Господину Бордо, пожалуй, нравился молодой Витинари – спокойный, прилежный юноша и, что немаловажно, не упускающий случая проявить щедрость. И все же этот Витинари был со странностями. Однажды Бордо видел его в фойе Гильдии – юноша стоял неподвижно. Больше ничего не делал, просто стоял. Даже не пытался спрятаться. Примерно через полчаса Бордо подошел к нему и спросил: «Чем могу помочь, сэр?» А Витинари ответил: «Благодарю вас, господин Бордо. Просто пытаюсь научиться стоять неподвижно».

Привратник не нашелся что на это сказать. А через некоторое время юноша, должно быть, ушел, потому что в тот день господин Бордо больше его не видел.

В конторе раздался тихий скрип. Привратник заглянул в нее через дверь, но никого не увидел.

Когда он заваривал чай, за стенкой вроде бы раздался негромкий шорох. Господин Бордо пошел проверить и убедился, что контора абсолютна пуста. Потом задним числом он понял, что она была поразительно пуста, гораздо более пуста, чем если бы в ней никого не было.

Он вернулся в комнатку и развалился в удобном кресле.

На древнем бронзовом стеллаже конверт с надписью «Кровопуск Дж.» едва заметно скользнул на свое место.

Взрывы грохотали почти непрерывно. Фейерверки разлетались по улице. Гремели тамбурины, трубы выдували неизвестные в природе

аккорды, пронзительные, рвущие барабанные перепонки голоса распевали священные песнопения. Из-за угла появилась колонна извивающихся в диком танце монахов.

Ваймс стоял на коленях, вокруг него топали по булыжникам десятки обутых в сандалии ног. Как будто сквозь туман он видел развевающиеся грязные рясы. Ржав что-то кричал танцорам, но те лишь улыбались и махали руками в ответ.

Что-то прямоугольное и серебристое упало на землю.

Монахи, не переставая вопить, кружиться и потрясать бубнами, завернули за угол и скрылись в переулке.

– Презренные язычники! – воскликнул подошедший решительным шагом Ржав. – Сержант, ты не ранен?

Ваймс протянул руку и поднял серебристый прямоугольник.

Камень со звоном отскочил от нагрудника Ржава. Кочан капусты угодил ему в колено, когда капитан поднес к губам рупор.

Ваймс уставился на предмет у себя на ладони. Это был портсигар, тонкий и немного погнутый.

Дрожащими пальцами он открыл его и прочел гравировку:

Сэму от твоей Сибиллы с любовью

Мир содрогнулся. Но Ваймс больше не был беспомощно дрейфующим кораблем посреди бурного моря. Он чувствовал натяжение якорной цепи, которая разворачивала его носом к набегающим волнам.

Из-за баррикады на них сыпался град метательных снарядов. Метание камней и прочих предметов было анк-морпоркским национальным видом спорта, и что-то в облике Ржава делало его главной мишенью. Собрав все свое достоинство, капитан снова вскинул рупор и едва успел произнести: «Предупреждаю вас...», как метко брошенный камень выбил рупор из его рук.

– Ну хорошо, – прошипел Ржав, развернулся и с надменным видом зашагал к стражникам. – Сержант Киль, прикажи своим людям стрелять. Дать залп поверх баррикады.

– Нет, – ответил, поднимаясь на ноги, Ваймс.

– Тебя, вероятно, контузило, сержант, – нахмурился Ржав. – Стражники, приготовьтесь выполнить приказ.

– Первого, кто выстрелит, зарублю лично, – пообещал Ваймс.

Он не кричал. Просто доводил до сведения людей перспективы на ближайшее будущее.

Выражение лица Ржава не изменилось. Он оглядел Ваймса с головы до ног.

– Вооруженный мятеж, сержант?

– Никак нет, сэр. Я не солдат. К мятежу никак не способен.

– В городе военное положение, сержант! – рявкнул Ржав. – Официально!

– Да неужели? – спросил Ваймс. На них обрушился очередной шквал камней и гнилых овощей. – Эй, парни, поднять щиты!

Ржав повернулся к Фреду Колону.

– Капрал, взять под арест этого человека!

Колон проглотил комок в горле.

– Это вы мне, сэр?

– Да, капрал. Выполнять!

Розовое лицо Колона покрылось белыми пятнами из-за стремительно отхлынувшей крови.

– Но он...

– Ты тоже отказываешься подчиниться? Что ж, придется все сделать самому! – рявкнул капитан, обнажая меч.

В этот же момент раздался щелчок снимаемого с предохранителя арбалета. Ваймс мысленно застонал. Такого не должно было произойти, он этого не помнил.

– Сэр, прошу, уберите меч в ножны, – раздался голос младшего констебля Ваймса.

– Идиот, ты не выстрелишь в меня. Это будет убийством, – невозмутимо заявил капитан.

– Не будет. Я хорошо стреляю.

«Черт тебя дерь, – подумал Ваймс. – Да ты, парень, и правда лопухий балбес. Потому что Ржав кто угодно, только не трус. Просто путает храбрость и идиотское упрямство. Он ни за что не отступит на глазах у дюжины вооруженных стражников».

– Кажется, я понял, в чем загвоздка, капитан, – бодрым тоном произнес Ваймс. – Отставить, младший констебль. Возникло легкое недопонимание, сэр, но мне кажется, сейчас все уладится...

Этот удар юный Ваймс запомнит надолго. Классный удар. Как по учебнику. Ржав рухнул на мостовую, словно бревно.

В свете догорающих мостов, которые только что сжег, Ваймс сунул руку в задний карман. Спасибо госпоже Пособи и ее широкому ассортименту уравнивателей.

Он повернулся к замершим в немом ужасе стражникам.

– Для протокола: это сделал сержант при оружии Джон Киль, – сообщил он. – Ваймс, я говорил о том, что не стоит размахивать оружием, если не собираешься пустить его в ход?

– Вы его вырубili, сержант! – пискнул Сэм, не спуская глаз с распластанного на мостовой капитана.

Ваймс потряс онемевшей рукой.

– Для протокола: капитан внезапно лишился рассудка, и мне пришлось взять командование на себя, – сказал он. – Дрынн, Букли... оттащите его в участок и запирайте.

– Но что мы будем делать дальше, сержант?! – взвыл Фред Колон.

Гм...

Стоять на страже мира и порядка. И только. Люди часто недопонимают, что это значит. Тебе докладывают, что в твоём районе вот-вот случится смертоубийство: пара соседей сцепилась на улице по поводу того, кому именно принадлежит забор между землевладениями. Ты несешься туда и видишь: исполненные праведного негодования спорщики вдохновенно орут друг на друга, а их жены тем временем либо затеяли отдельную склоку чуть в стороне, либо удалились на кухню попить чайку и поболтать. И все ждут, что ты возьмешь и не сходя с места во всем *разберешься*.

И не могут понять, что это вовсе не твоё дело. Разобраться тут может только хороший землемер или адвокат. А тебе прежде всего нужно подавить в себе желание столкнуть их тупыми жирными башками, затем пропустить все их страстные доказательства собственной правоты мимо ушей, после чего заставить их заткнуться и побыстрее убраться с улицы. Если это удалось, дело сделано. Ты не живой бог, шагающий по земле и раздающий природную справедливость, подогнанную под текущие обстоятельства. Твоя работа – просто восстановить мир и порядок.

Конечно, если твои слова не возымели действия и господин Смит, перебравшись через предмет спора, закалывает господина Джона на смерть садовыми ножницами, у тебя появляется другая работа: расследование Убийства Из-За Спорного Забора. Впрочем, ты этой работе обучен.

Люди ожидают от стражников всякого, но так или иначе все их желания сводятся к одному: пожалуйста, сделайте так, чтобы этого не случилось.

Сделайте так, чтобы этого не случилось...

– А? – Ваймс только сейчас понял, что кто-то все это время о чем-то ему говорил.

– Я спросил: он что, правда обезумел, сержант?

*Когда падаешь в пропасть, поздно думать о том,
был ли более безопасный способ подняться на гору...*

– Он приказал вам стрелять в людей, которые в вас не стреляли, – прорычал Ваймс, решительно шагая к баррикаде. – А так поступить мог только безумец!

– Но они бросали в нас камни, сержант, – напомнил Колон.

– И что? Держись подальше, делов-то. Очень быстро они устанут.

Впрочем, град метательных снарядов из-за баррикады и так почти прекратился – даже в самые тяжелые времена жители Анк-Морпорка ни за что не откажут себе в удовольствии понаблюдать за хорошим уличным представлением. Ваймс остановился лишь для того, чтобы подобрать помятый рупор Ржава.

Подходя, он украдкой рассматривал лица, видневшиеся между ножек стульев и прочего хлама. Особисты почти наверняка где-то рядом, управляют событиями. Если повезет, они не обратят внимания на Корсетный переулок.

Защитники о чем-то переговаривались между собой. Выражение некоторых лиц было хорошо знакомо Ваймсу. Ему сейчас приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы самому не выглядеть так же. Такое выражение бывает на лице человека, который вынужден отплясывать чечетку на зыбучем песке, потому что мир вдруг взял да и ушел у него из-под ног.

Ваймс отбросил в сторону дурацкий и совершенно ненужный рупор и поднес ко рту сложенные ладони.

– Кое-кто из вас меня знает! – крикнул он. – Я сержант Киль, в настоящее время главный в участке Стражи, что на улице Паточной Шахты! Я приказываю разобрать эту баррикаду...

Его прервали хор насмешек и пара неточно брошенных камней. Ваймс не двинулся с места, подождал, пока крики не стихнут, и снова поднес ладони ко рту.

– Повторяю, приказываю разобрать эту баррикаду. – Он набрал полную грудь воздуха. – И построить ее на другом углу, рядом с Цепной! А еще одну в начале Чистоводной! Только построить нормально. Черт возьми, кто вам сказал, что можно просто свалить посреди улицы груды хлама! Баррикады возводятся! Кто здесь главный?

Некоторое время из-за мебельных ножек не доносилось ничего – похоже, вопрос лишил защитников дара речи. Потом кто-то крикнул:

– Ты?

Послышались нервные смешки.

– Очень остроумно! А теперь посмейтесь вот над этим! Пока мы никого не интересуем! Сейчас в этой части города все спокойно! Но когда начнется заваруха, будете иметь дело с кавалерией! И ее саблями! Долго вы продержитесь? А вот если вы запрете улицу Паточной Шахты с одного конца, у Цепной, и с другого конца, у Чистоводной, останутся только узкие переулки, где кавалерии не разгуляться! Вам решать! Мы хотели бы вас защитить, но я со своими людьми буду вот на *этой* баррикаде...

Он развернулся на каблуках и зашагал к замершим в ожидании стражникам.

– Итак, ребята, – сказал он. – Вы слышали. Тыч и Гаскин, берите тюремный фургон и переверните его на мосту. Дрынн и Масхерад, и ты тоже, Фред... угоните несколько повозок. Вы здесь выросли, и не надо мне заливать, что никогда этого не делали. Парой повозок перекройте улицы вон там, а остальные загоните в переулки и разверните так, чтобы их заклинило. Вы знаете эту часть города лучше меня. Перекройте все подходы.

Колон задумчиво потер нос.

– Со стороны реки все получится, сержант, но со стороны Теней – сплошные переулки. Все дыры не заткнешь.

– Не страшно, – отмахнулся Ваймс. – Кавалерия туда не сунется. Знаете, как называют в Тенях лошадь?

Колон усмехнулся.

– Конечно, сержант. Закуска.

– Вот именно. Остальным вынести все столы и скамейки из участка...

До него вдруг дошло, что ни один из стражников так и не пошевелился. В воздухе витало... сомнение.

– В чем дело?

Билли Букли снял шлем и вытер пот со лба.

– Э... И как далеко это пойдет, сержант?

– До самого конца, Билли.

– Но мы давали присягу, сержант, а теперь мы не подчиняемся приказам и помогаем мятежникам. Мне кажется, это неправильно, сержант, – пробормотал Букли с несчастным видом.

– Вы давали присягу поддерживать закон и защищать граждан не за страх, а за совесть, – напомнил Ваймс. – А еще защищать невинных. Больше там ничего не написано. Должно быть, когда ее писали, только это и считалось важным. Там нет ни слова о приказах, даже моих. Вы представители закона, а не солдаты правительства.

Один или два стражника с тоской посмотрели в дальний конец улицы, пустой и такой притягательный.

– Но я не собираюсь останавливать тех, кто решит уйти, – добавил Ваймс.

Стражники тут же опустили глаза.

– Приветтики, господин Киль, – раздался нерешительный голос за его спиной.

– Да, Шнобби, – произнес он, не оборачиваясь.

– А как ты узнал, что это я, сержант?

– Я догадливый, – ответил Ваймс и, вопреки советам здравого смысла, обернулся, чтобы посмотреть на сорванца. – Что происходит?

– Серьезный бунт на Саторской площади, сержант. А еще говорят, люди ворвались в участок, что в Сестрах Долли, и выбросили из окна тамошнего лейтенанта. И на улицах полно мародеров, а Дневная Стража гоняется за людьми, да только все уже попрятались...

– Да, кажется, я уловил общую картину, – вздохнул Ваймс.

Карцер был прав. Стражники всегда в меньшинстве, поэтому могут быть стражниками, только когда люди этого сами захотят. А когда расклад меняется, ты становишься для них просто одним из безликих болванов в железных шапках и легко можешь закончить жизнь мокрым пятном на мостовой.

Уже слышались крики, хотя пока еще довольно далеко.

Он окинул взглядом замерших в нерешительности стражников.

– С другой стороны, господа, – сказал он, – если вы решите вдруг уйти, то куда вы пойдете?

Та же самая мысль посетила Колону и остальных стражников.

– Мы найдем повозки! – крикнул он уже на бегу.

– А я хочу свой пенни, – заявил Шнобби, протягивая грязную ладошку.

К его немалому удивлению, Ваймс дал ему целый доллар, прибавив:

– Только держи меня в курсе всего происходящего, хорошо?

Столбы и скамейки уже выволокли из участка, а буквально минуты через две Дрынн пригнал повозку, нагруженную пустыми бочками. Возводить баррикады на этих улицах было легко; куда труднее тут было поддерживать чистоту.

Стражники взялись за работу. Это было простое и хорошо знакомое им дело. Когда-то в детстве им уже приходилось строить баррикады. Возможно, они думали: «Хей, но на этот раз у нас есть значки. Не может быть, чтобы мы были не правы».

Ваймс как раз пытался водрузить скамью на гребень быстро растущего

заграждения, когда почувствовал чье-то присутствие за спиной. Он продолжал работать, пока не услышал вежливое покашливание. Только тогда Ваймс оглянулся.

– Да? Чем могу помочь?

Люди стояли, сбившись плотной группой. С первого взгляда было понятно, что сплотиться их заставил только страх. При обычных обстоятельствах они вряд ли стали бы иметь друг с другом что-то общее.

Тот, кто собирался говорить от имени собравшихся, – ну или, по крайней мере, тот, кто стоял чуть впереди остальных, – выглядел в точности как типичный участник Убийства Из-За Спорного Забора.

– Э-э, офицер...

– Да, сэр?

– Что вы тут делаете?

– Пытаемся поддержать мир. Тот мир, что вокруг, если быть точным.

– Но вы говорили, что в городе бунт и скоро должны подойти солдаты...

– Весьма вероятно, сэр.

– Резерфорд, прекрати заискивать, защищать нас – его долг, – вмешалась женщина, стоявшая рядом.

Всем видом она излучала уверенность в своем праве собственности, и Ваймс тут же перенес мужчину в другую категорию потенциальных клиентов. У этого типа был характерный бегающий взгляд домашнего отравителя, то есть мужа, который приходит в ужас от одной мысли о разводе, но вынашивает коварные планы женоубийства. И его можно понять.

Ваймс тепло улыбнулся даме. В руках она держала синюю вазу.

– Чем могу помочь, мэм?

– Что вы собираетесь делать для того, чтобы нас не зарезали в собственных же постелях? – резко спросила она.

– Еще нет и четырех часов, мэм, но если вы сообразовали сообщить, когда соберетесь ложиться спать...

Женщина выпрямилась с такой величавой надменностью, что Ваймс слегка опешил. Сибилла с ее двадцатью поколениями высокомерных предков за спиной и то не смогла бы с ней сравниться, даже включив свое герцогиньство на полную мощность.

– Резерфорд, сделай же уже что-нибудь с этим типом!

Резерфорд посмотрел на Ваймса. Ваймс представил себя со стороны: злодейски небритый, растрепанный, грязный и, возможно, слегка пованивающий. Он решил снять часть бремени с согбенной спины

бедолаги.

– Может, вы с вашей дамой желаете присоединиться к нам и помочь с возведением баррикады? – поинтересовался он.

– О да, конечно, благодарю... – начал было Резерфорд, но его снова заткнули.

– Эта мебель выглядит грязной, – заявила госпожа Резерфорд. – А эти бочки, случаем, не из-под пива?

– Вы правы, мэм, но они пусты, – ответил Ваймс.

– Ты уверен? Я категорически отказываюсь прятаться за алкоголем! Никогда не одобряла алкоголь и Резерфорду не позволяла!

– Мэм, уверяю, рядом с моими людьми ни одна пивная бочка не останется полной, – сказал Ваймс. – По этому поводу точно не беспокойтесь.

– А твои люди трезвы и опрятны? – с подозрением спросила женщина.

– Когда без вариантов, то да, мэм, – уверил Ваймс.

Ответ, очевидно, удовлетворил женщину. В этом смысле госпожа Резерфорд очень походила на Ржава. Ей было важно, как говорят, а не что.

– Дорогая, думаю, будет лучше, если мы поспешим... – неуверенно начал Резерфорд.

– Без папы я никуда не пойду! – отрезала его супружница.

– Очень хорошо, мэм, – сказал Ваймс. – И где же он?

– На нашей баррикаде, конечно! Которая, позвольте заметить, гораздо лучше вашей.

– Весьма рад за вас и за нее, мэм, – сказал Ваймс. – Если ваш батюшка соблаговолит подойти к нам, мы будем...

– Э-э... Вы не совсем правильно поняли нас, сэр, – промямлил Резерфорд. – Он, э-э... именно что *на* баррикаде.

Ваймс покосился на стихийную баррикаду, потом присмотрелся внимательнее. На самой вершине горы перевернутой мебели виднелось мягкое кресло. Более пристальный взгляд мог разглядеть в нем спящую фигуру.

– Он очень привязан к своему креслу, – вздохнул Резерфорд.

– Когда-нибудь оно станет фамильной ценностью, – заявила его супружница. – Будь так добр, пошли людей за нашей мебелью. Только пусть обращаются осторожно и сложат там, где она не попадет под обстрел.

Ваймс кивнул Сэму и паре стражников, а госпожа Резерфорд, осторожно переступая через мусор, направилась к участку.

– Будет драка, да? – с беспокойством спросил господин Резерфорд.

- Возможно, сэр.
- Боюсь, в этом деле от меня мало проку.
- Не стоит об этом беспокоиться, сэр.

Ваймс подтолкнул мужчину за баррикаду и повернулся к остальным собравшимся. Он давно чувствовал на себе чей-то жгучий взгляд и теперь наконец определил источник жара. Это был молодой длинноволосый брюнет в черных брюках и сорочке с оборками.

– Это ведь ловушка, да? – спросил юноша. – Мы попадаем в твои лапы и нас никто никогда больше не увидит?

– Тебя никто ни к чему не принуждает, Редж, – сказал Ваймс. Он поднес сложенные рупором ладони ко рту и крикнул в сторону баррикады на Корсетном переулке: – Если кто-нибудь хочет к нам присоединиться, советую поторопиться!

– Но откуда ты знаешь, как меня зовут?! – воскликнул Редж Башмак.

Ваймс посмотрел в огромные выпученные глаза. Единственным отличием Реджа нынешнего от Реджа, оставшегося в будущем, было то, что констебль Башмак был несколько более сер и вдобавок сметан на живую нитку. Редж перешел в состояние зомби легко и естественно. Он был *прирожденный* мертвец. В некоторые вещи он верил так свято, что вечно был на взводе, словно пружина. Из него получился хороший стражник. А вот революционер вышел неважнецкий. Такие дотошно пламенные люди, как Редж, внушают настоящим революционерам беспокойство. Особенно его глаза.

– Ты Редж Башмак, – сказал Ваймс. – С Корсетного переулка.

– Ага, значит, на меня заведено секретное дело, да? – вскричал Редж с поистине жутким восторгом.

– Нет, не совсем так, А пока, будь добр...

– Готов поспорить, на меня заведено огромное дело с целый дом толщиной! – не унимался Редж.

– Ну, не то чтобы с дом, – ответил Ваймс. – Послушай, Редж, мы...

– Я хочу его видеть! Я настаиваю!

Ваймс вздохнул.

– Господин Башмак, мы не заводили на тебя дело. Мы вообще ни на кого не заводим дел, понятно? Добрая половина из нас умеет читать, лишь вода пальцем по строчкам. Редж, ты нам нисколечко *не интересен*.

Бегающие глазки Реджа на мгновение задержались на лице Ваймса, но, видимо, потом мозг юного революционера отверг полученную информацию как полностью не соответствующую его фантастическому представлению о действительности.

– Попробовать меня все равно без толку, я ничего не скажу о моих товарищах по революционной ячейке! – заявил Редж.

– Хорошо, значит, пытаться тебя не будем. Но может, ты...

– Мы так работаем, понимаешь? Никто из кадровых революционеров не знает ничего о других!

– Правда? А о тебе они знают? – спросил Ваймс.

Лицо Реджа на мгновение омрачилось.

– Прошу прощения?

– Ну, ты сказал, что ничего о них не знаешь, – напомнил Ваймс. – А они о тебе знают?

Он хотел добавить: «В твоей ячейке никого нет, Редж. Настоящие революционеры, молчаливые типы со взглядом профессиональных игроков в покер, знать не знают о твоём существовании, либо им на тебя совершенно наплевать. У тебя есть рубашка, пояс и подобающая причёска, ты знаешь все песни, но городским партизаном ты так и не стал. Ты – городской мечтатель. Опрокидываешь мусорные баки, пишешь всякую чушь на стенах от имени Народа, который с удовольствием дал бы тебе по ушам, если бы застал за этим занятием. Но ты *веришь*».

– Или ты тайный агент? – предположил Ваймс, бросая бедняге спасительную соломинку.

Редж тут же ухватился за нее и повеселел.

– Вот именно! – воскликнул он. – Народ – это море, в котором плавают революционеры!

– Типа как рыба-меч? – подсказал Ваймс.

– Прошу прощения?

«Камбала ты, вот кто, – подумал Ваймс. – А вот Нед – революционер. Знает, как драться, умеет думать, пусть и заблуждается. А ты, Редж, лучше сидел бы дома...»

– Да, теперь я понимаю, что ты опасный человек, – произнес он вслух. – Лучше держать тебя под присмотром. О да. Ты способен подточить врага изнутри.

Просияв от облегчения, Редж торжествующе вскинул кулак и с революционным рвением потащил стол на новую баррикаду. За старой баррикадой, уже лишившейся мебели госпожи Резерфорд, разгорался какой-то оживленный спор, но топот копыт с дальнего конца улицы Паточной Шахты мигом положил конец сомнениям оставшихся защитников Корсетного переулка.

Они хлынули в сторону новой, *официальной* баррикады. Последним, сгибаясь под тяжестью массивного стула, спешил младший констебль

Ваймс.

– Поосторожнее с ним! – раздался пронзительный крик. – Он из столового гарнитура!

Ваймс положил руку молодому стражнику на плечо.

– Отдай мне свой арбалет, хорошо?

Всадники приближались.

Ваймс всегда недолго любил кавалерию. Как-то унижительно иметь дело с человеком, который обращается к тебе с высоты добрых восьми футов. Неприятно разговаривать, глядя в лошадиные ноздри. Ваймс вообще не любил, когда на него смотрели сверху вниз.

Пока всадники подъезжали, он успел спуститься по внешней стороне баррикады и выйти на середину улицы.

Лошади замедлили шаг. Возможно, это объяснялось тем, что Ваймс стоял неподвижно и держал арбалет с небрежностью человека, который умеет им пользоваться, но решил не пускать в ход. По крайней мере, пока.

– Эй, ты! – крикнул один из кавалеристов.

– Да? – ответил Ваймс.

– Ты здесь главный?

– Да, чем могу помочь?

– Где твои люди?

Ваймс показал большим пальцем себе за спину, где продолжала расти баррикада. На вершине горы хлама мирно посапывал отец госпожи Резерфорд.

– Но это же баррикада! – воскликнул кавалерист.

– Отличная догадка.

– И на ней какой-то человек размахивает *флагом*!

Ваймс обернулся. Как ни поразительно, но это был Редж. Кто-то принес старый флаг из кабинета Мякиша и воткнул его в баррикаду, а Реджу было все равно каким флагом размахивать.

– Должно быть, это от переизбытка чувств, сэр, – пояснил Ваймс. – Не беспокойся. У нас все отлично.

– Но это же баррикада. Баррикада мятежников! – воскликнул второй всадник.

«Ой-ей», – подумал Ваймс. У кавалеристов были очень, очень блестящие нагрудники. И невероятно свежие розовые лица.

– Не совсем, на самом деле это...

– Ты сбрендил, приятель? Не знаешь, что патриций приказал снести все баррикады?

Третий всадник, все это время не сводивший глаз с Ваймса, тронул поводья и подъехал ближе.

– Офицер, а что за пятнышко у тебя на плече? – поинтересовался он.

– Оно означает, что я сержант при оружии. Особое звание. А ты кто такой?

– Он не обязан отвечать тебе! – отрезал первый всадник.

– Да неужели? – спросил Ваймс. Этот кавалерист начинал действовать ему на нервы. – Так вот, ты простой солдат, а я, черт подери, сержант, и если ты еще раз посмеешь заговорить со мной таким тоном, я сдерну тебя с твоей клячи и накидаю по ушам, понятно?

Даже лошадь попятилась от него. Кавалерист открыл было рот, но третий всадник вскинул руку в белой перчатке.

«Проклятье, – подумал Ваймс, приглядевшись к рукаву красного мундира. – Капитан. И не просто капитан, а умный капитан, сразу видно. Не произнес ни слова, пока не оценил положение. Иногда такие попадают. Опасно сообразительные».

– Я не мог не заметить, сержант при оружии, – промолвил капитан, полностью и без видимого сарказма назвав его по званию, – что над баррикадой развивается флаг Анк-Морпорка.

– Принесли из нашего участка, – подтвердил Ваймс и добавил: – Сэр.

– А тебе известно, что патриций объявил возведение баррикад актом открытого неповиновения и мятежа?

– Так точно, сэр.

– И? – Капитан терпеливо ждал объяснений.

– Ну, патриций иначе и не мог поступить... Сэр.

Едва заметный намек на улыбку скользнул по лицу капитана.

– Нельзя допускать беззакония, сержант при оружии. Где мы все окажемся, если вдруг начнем нарушать закон?

– Сэр, за этой баррикадой больше стражников на душу населения, чем где-либо еще, – сказал Ваймс. – Смеею заметить, это самое законопослушное место в городе.

И в этот самый момент из-за баррикады донесся нестройный хор голосов:

– ...Все ваши шлемы – наши, и ваши башмаки, и ваши генералы, и ваши котелки! Кто сунется сюда – исчезнет навсегда... в Морпоркии, Морпоркии, Мор-по-о-р-о-о-р-о-о-о-р-о-о-о-р-р-р...

– Мятежные песни, сэр! – воскликнул всадник номер один.

Капитан тяжело вздохнул.

– Геплвайт, если ты прислушаешься, то поймешь, что это

национальный гимн, пусть и в очень скверном исполнении.

– Но мятежники не имеют права его петь, сэр!

Ваймс заметил, как изменилось выражение лица капитана. Теперь на нем было написано все, что капитан думает об идиотах.

– Поднятие флага и исполнение национального гимна, Геплвайт, даже если они и кажутся подозрительными, нельзя приравнять к измене, – ответил капитан. – Наше присутствие остро необходимо в другом месте. – Он отдал честь Ваймсу, и тот машинально ответил тем же. – Мы вынуждены оставить тебя, сержант при оружии. Надеюсь, тебя ждет весьма насыщенный день. На самом деле даже не сомневаюсь в этом.

– Но это баррикада, сэр, – уперся первый всадник, не оставляя попыток испепелить Ваймса взглядом.

– Это просто куча старой мебели. Полагаю, люди затеяли весеннюю генеральную уборку. Ты никогда не станешь офицером, если не научишься замечать очевидное. Так, все за мной.

Кивнув Ваймсу, капитан увел своих людей рысью.

Ваймс прислонился к баррикаде, опустил арбалет на землю и вытащил портсигар. Пошарив в кармане, он достал помятую пачку тонких сигар и, обращаясь с ними крайне деликатно, набил портсигар.

Та-ак. Цепная улица – налево. Впереди до самой Легкой улицы продолжается улица Паточной Шахты.

Итак, если понастроить баррикад до самой Легкой улицы, можно отрезать солидный ломоть Нижнего Краесайда, который будет сравнительно легко оборонять...

У нас получится. В конце концов, у нас ведь уже получилось...

С другой стороны, на нашей территории окажется штаб-квартира «непоминаемых». А это все равно что разбить палатку прямо над гнездом гадюк.

Мы справимся. Мы справились.

К баррикаде приблизилась престарелая пара с тележкой, нагруженной всяким хламом. Они подошли к Ваймсу с немой мольбой во взоре. Он кивком разрешил им ковылять дальше.

А теперь нам остается только...

– Сержант?

Фред Колон перегнулся через гребень баррикады. Он выглядел запыхавшимся, причем сильнее, чем обычно.

– Да, Фред?

– С Понского моста к нам направляется целая толпа. Говорят, по всему городу начались беспорядки. Пустим этих людей?

– Солдаты среди них есть?
– Не думаю, сержант. В основном старики и дети. Плюс моя бабка.
– Доверять можно?
– Если выпьет лишнюю пинту – нет, не стоит.
– Тогда пропускаяй.
– Э... – сказал Колон.
– Да, Фред?
– Стражники тоже идут. Несколько человек с Колиглазной, а с Королевского проезда так просто толпа. Я знаю почти всех, а тех, кого не знаю, знают те, кого знаю я.
– Много их?
– Около двадцати. Один из них – Дей Дикинс, сержант с Колиглазной улицы. Говорит, почти все тамошние стражники решили дезертировать, когда им приказали стрелять в людей.
– Ты это, Фред, кончай, – строго сказал Ваймс. – Мы не дезертируем. Мы же не военные. Так, я хочу, чтобы молодой Сэм, ты, Дрынн и еще с полдюжины стражников были здесь в полном обмундировании через две минуты, ясно? И передай Букли, пусть наберет людей и готовится двинуть баррикады вперед по моему сигналу.
– Двинуть, сержант? Я думал, баррикада – это, так сказать, недвижимое имущество!
– А еще передай Пятаку, что у него есть две минуты на то, чтобы найти мне бутылку бренди, – продолжал Ваймс, не обращая внимания на его слова. – Большую.
– Значит, снова берем закон в свои руки, да, сержант? – ухмыльнулся Колон.
Ваймс пристально смотрел в начало Цепной улицы и чувствовал приятную тяжесть портсигара в кармане.
– Да, Фред, – кивнул он. – И на этот раз мы будем держать его мертвой хваткой.

Двое охранников штаб-квартиры особистов с интересом наблюдали, как небольшой отряд стражников строевым шагом промаршировал по улице и остановился прямо перед ними.

– Не, ты только глянь, – восхитился один из охранников. – Целая армия. Че надо?
– Ничего, сэр, – ответил капрал Колон.
– Тогда шагай дальше!
– Не могу, сэр. У меня приказ.

Охранники чуток приблизились. Фред Колон обильно потел, и это было зрелище как раз в их вкусе. Они скучали на дежурстве, завидуя другим «непоминаемым», которым сегодня досталась работенка куда интереснее. Мягких шагов за спиной они не слышали.

– Какой такой приказ? – спросил второй охранник, угрожающе нависнув над Колоном.

За спиной охранника раздался глухой удар и вздох.

– Работать приманкой?.. – пролепетал Колон.

Уцелевший охранник оглянулся и тут же встретился с «Переговорщиком № 5» из лавки госпожи Пособи.

Он рухнул на землю, а Ваймс, морщась, потер ушибленные костяшки пальцев.

– Важный урок, ребята, – сказал он. – Это всегда очень больно, что бы ты ни делал. Вы двое, оттащите этих в какое-нибудь темное местечко, пускай отдохнут. Ваймс и Масхерад, за мной.

Как всегда, ключ к победе – это умение сделать вид, будто ты имеешь полное право, нет, просто обязан быть там, где ты есть. Дополнительный плюс, если каждый твой жест говорит, что больше никто не имеет этого самого права – ни на что, нигде, никогда. Для опытного стражника это не так уж и трудно.

Ваймс первым вошел в здание. За каменным барьером, расположенным так, чтобы непрошеные гости сразу попадали в засаду, стояли двое вооруженных до зубов охранников. Увидев Ваймса, они положили руки на эфесы мечей.

– Что там происходит? – спросил один.

– Люди начинают волноваться, – ответил Ваймс. – Говорят, за рекой дела совсем плохи. Поэтому мы пришли за арестантами в камерах.

– Да? И кто вам дал такой приказ?

Ваймс резко поднял арбалет.

– Господа Коренной и Рукисила, – ухмыльнулся он.

Охранники переглянулись.

– А это еще кто такие? – спросил один из них.

Воцарилось молчание. Наконец Ваймс тихо спросил:

– Младший констебль Ваймс?

– Да, сэр?

– Что это за арбалеты?

– Э... «Братья Хайнс», третья модель.

– Не «Коренной-и-Рукисила»?

– Никогда о таких не слышал, сэр.

«Проклятье. Поторопился лет на пять, – подумал Ваймс. – А могло ведь получиться так остроумно...»

– Ладно, объясню иначе, – обратился Ваймс к охранникам. – Попытайтесь мне помешать – прострелю башку каждому.

Это прозвучало не столь остроумно, зато убедительно, а главное – достаточно доходчиво даже для «непоминаемых».

– Но у тебя только одна стрела, – заметил один из охранников.

Раздался щелчок, и стоявший рядом с Ваймсом Сэм поднял арбалет.

– Теперь две, а учитывая, что мой приятель только учится, его стрела может угодить вам куда угодно, – сказал Ваймс. – Мечи на пол! Выходите через эту дверь и бегите! И никогда не возвращайтесь! Вы-пол-нять!

После быстрых, прямо-таки стремительных раздумий охранники бросились бежать.

– Фред прикроет нас с тыла, – сказал Ваймс. – Пошли...

Все штаб-квартиры и участки Стражи похожи друг на друга. Каменные ступени вели в подвал. Ваймс бегом спустился по ним, распахнул дверь...

И замер.

Даже в старые добрые времена в подвалах Стражи так не воняло. Даже в старые добрые времена на каждую камеру полагалось ведро, которое выносилось с частотой, зависящей от настроения Пятака. И даже в самые худшие времена подвалы Стражи никогда не пахли кровью.

Зверь зашевелился.

Здесь стоял большой деревянный стул. Здесь рядом со стулом стоял стеллаж. Стул привинчен к полу. К нему прибиты широкие кожаные ремни. На стеллаже разложены дубинки и молотки. Вот и вся обстановка.

Пол был темным и липким. По всей его длине проходила канавка, ведущая в канализацию.

Маленькое оконце под потолком было заколочено досками. Свет в таком месте считался неуместным. Все стены, как и потолок, были обиты мешками с соломой. И дверь тоже. Очень тщательно оборудованная камера. Отсюда даже звуку было некуда бежать.

Пара факелов не столько разгоняла темноту, сколько пятнала ее мазками света.

Ваймс услышал, за спиной у него вырвало Масхерада.

На полу в свете факелов что-то блестело. Как во сне Ваймс пересек камеру и поднял это. Зуб.

Ваймс выпрямился.

Из комнаты дальше вела деревянная дверь, сейчас закрытая, и более

широкий коридор, за которым наверняка были камеры. Ваймс снял факел со стены, передал его Сэму и указал на коридор...

За закрытой дверью слышались шаги, звон ключей, снизу стал пробиваться свет.

Зверь насторожился...

Ваймс схватил со стеллажа самую большую дубину и быстро прижался спиной к стене рядом с дверью. Кто-то приближался, кто-то, знающий о существовании этой комнаты и называющий себя стражником...

Крепко сжав дубину обеими руками, Ваймс размахнулся...

И взгляд его упал на молодого Сэма, стоявшего у дальней стены с блестящим значком на груди и выражением... со странным выражением в глазах.

Ваймс опустил дубину, аккуратно прислонил ее к стене и достал из кармана кистень.

Закованного в кандалы, ничего не понимающего зверя утащили в темноту...

Какой-то человек, тихонько насвистывая, вошел в камеру, сделал несколько шагов, увидел молодого Сэма и открыл было рот, чтобы закричать, но вдруг уснул. Мужчина он был крупный, поэтому рухнул на каменный пол, словно набитый куль. Из одежды на нем были только штаны, фартук и наброшенный на голову кожаный капюшон. На поясе висела связка ключей.

Ваймс метнулся за дверь. За поворотом коридора оказалась небольшая, ярко освещенная комната. Ваймс ворвался туда и схватил за грудки сидевшего за столом человечка.

Человечек с трудом удержался, чтобы не вскрикнуть.

– *И что наш папочка делает весь день на работе?* – взревел Ваймс.

Коротышка вдруг обрел дар предвидения. Одного взгляда в глаза Ваймса было достаточно для того, чтобы понять, насколько коротким может оказаться его будущее.

– Я простой писарь! Писарь! Только записываю! – заверещал он и показал ручку в подтверждение своих слов.

Ваймс посмотрел на стол. Там были разложены циркули, измерительные приборы геометра – символы безумного здравомыслия Загорло. Также были книги и пухлые от бумаг папки. А еще металлическая линейка длиной в ярд. Ваймс схватил ее свободной рукой и с размаху шлепнул по столу. Звук, изданный тяжелой полосой стали, вполне удовлетворил его.

– И? – Он наклонился так, чтобы его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от глаз отчаянно извивающегося писаря.

– И измеряю людей! По инструкциям капитана! Просто измеряю людей! Я не делал ничего плохого! Я не злой человек!

Еще один удар линейкой по столу. Но на этот раз Ваймс повернул ее так, чтобы кромка вонзилась в дерево.

– Подравнять тебя, а, господин?

У коротышки закатились глаза.

– Не надо!

– Отсюда есть другой выход? – Ваймс снова ударил линейкой по столу.

Писарь промолчал, но его быстрый взгляд сообщил Ваймсу достаточно. В обитой деревянными панелями стене, только тщательно присмотревшись, можно было разглядеть хорошо замаскированную дверь.

– Так. Куда эта дверь ведет?

– Э...

Ваймс чуть не ткнулся носом в нос коротышки, который, выражаясь на стражническом жаргоне, пытался оказать помощь следствию.

– Ты здесь совсем один, – сказал Ваймс. – У тебя нет друзей. Ты сидишь тут и делаешь записи для палача, кровавого палача! Но что я вижу? Стол. А в нем выдвигающийся и задвигающийся ящик. Так вот, если ты не хочешь навсегда разучиться держать перо, то немедленно скажешь все, что мне нужно...

– В пакгауз! – прошептал писарь. – В пакгауз по соседству!

– Правильно, сэр. Спасибо, сэр. Вы мне очень помогли, – произнес Ваймс, опуская обмякшее тело на пол. – А теперь, сэр, я пристегну вас к письменному столу. Ради вашей же безопасности.

– От кого?

– От меня. Я убью тебя, если попытаешься сбежать.

Ваймс поспешил вернуться в камеру пыток. Палач еще не пришел в себя. Чтобы поднять его и усадить на стул, пришлось попотеть. Ваймс сдернул капюшон. Лицо оказалось знакомым. Лицо, но не человек. Подобных лиц в Анк-Морпорке хватало – круглых, обрюзгших рыл, чьи обладатели никак не могли взять в толк, почему нельзя бить лежащего на земле человека. И не обязательно, что этому палачу нравилось забивать людей до смерти. Такие типы зачастую вообще ни о чем не задумываются. Для них это просто работа.

Ладно, не спрашивать же его об этом. Ваймс привязал палача к стулу, тщательно обездвигив его конечности и голову, и как раз затягивал последний кожаный ремень, когда пыточных дел мастер начал приходить в

себя. Он открыл было рот, и Ваймс тут же заткнул его капюшоном.

Взяв связку ключей, запер входную дверь. Это на некоторое время продлит их уединение.

Направившись по тоннелю в сторону камер, он встретил молодого Сэма. Бледность на лице юноши была заметна даже в полумраке.

– Кого-нибудь нашел? – спросил Ваймс.

– Ох, сержант...

– Да?

– Ох, сержант... сержант... – Слезы текли по лицу младшего констебля.

Ваймс протянул руку и поддержал самого себя за плечо. Сэм весь обмяк, словно в нем не осталось ни единой косточки. Его трясло.

– Там, в последней камере, женщина, сержант... Ох, сержант...

– Попробуй сделать несколько глубоких вдохов, – посоветовал Ваймс. – Правда, воздух здесь не слишком пригоден для дыхания.

– А в конце есть еще одна комната, сержант... Ох, сержант...

Масхерад снова потерял сознание, сержант...

– А ты – нет, – сказал Ваймс, похлопав его по спине.

– Но там...

– Давай спасем тех, кого еще можно спасти.

– Мы ездили на тюремном фургоне, сержант!

– Что? – И тут до него дошло. Ну да, конечно. – Но мы ведь им никого не передавали, или забыл?

– Да, только я ездил на нем и раньше, сержант! Все ребята ездили! Сдавали сюда людей и возвращались в участок выпить какао!

– Ну, вы просто выполняли приказы... – сказал Ваймс, чтобы сказать хоть что-нибудь.

– Мы не знали!

«Не совсем так, – подумал Ваймс. – Мы не спрашивали. Запрещали себе думать об этом. Люди попадали сюда через эту дверь, а потом некоторые бедолаги покидали здание через ту потайную дверь, и не всегда в одном ящике...

Те, кто не оправдал ожиданий.

Как и мы».

Сэм вдруг издал низкий утробный звук – заметил палача, привязанного к стулу. Вырвавшись из рук Ваймса, юноша подбежал к полкам и схватил дубину.

Ваймс ждал этого. Он поймал Сэма, развернул лицом к себе и вырвал оружие из его рук, прежде чем совершилось убийство.

– Нет! Только не так! Сейчас не время! Сдерживай себя! Держись! Не трать силы! Отзови своего зверя! Он вернется, когда будет нужно!

– Это ведь все он! – закричал Сэм, лягая Ваймса в лодыжки. – Ты говорил, мы должны взять закон в свои руки!

«Да, – подумал Ваймс. – Но сейчас не самое подходящее время читать длинную лекцию по теории и практике правосудия. Придется прибегнуть к сокращенному варианту».

– Нельзя просто так взять и вышибить мозги человеку, привязанному к стулу!

– Правда? А чем он тут занимался?!

– Ты – не он!

– Но они...

– Младший констебль, смир-на! – рявкнул Ваймс.

Обитый соломой потолок впитал и приглушил его крик. Сэм заморгал покрасневшими глазами.

– Ладно, сержант, но...

– Весь день будешь сопли распускать? Забудь и соберись. Надо спасать живых!

– Живых? Будет нелегко определить, кто из них... – проямлил Сэм, вытирая нос.

– За дело! Следуй за мной!

Ваймс знал, что увидит в темных тоннелях темницы, но легче от этого не становилось. Некоторые еще могли ходить, ну, или прыгать. Другие были сильно избиты, но не настолько, чтобы не воспринимать доносящиеся извне звуки. Они сжимались от страха, когда открывалась дверь, и хныкали при прикосновении. Неудивительно, что Загорло всегда получал те свидетельства, которые ему требовались.

И были мертвые. И были... остальные. Пусть не мертвые, но спрятавшиеся где-то в собственных головах, потому что возвращаться им было некуда. Пыточное кресло ломало их снова и снова. Им уже никто и ничто не поможет.

Не ощущая ни малейшей вины, Ваймс достал нож и... сделал то единственное, что мог сделать. Никто даже не дернулся, не вздохнул.

Он поднялся на ноги. В голове клубились черно-красные тучи.

Он еще мог в чем-то понять грабителя или убийцу, простого, как кулак, уличного разбойника, который делает то, что считает нормальным, потому что это приносит деньги. Но Загорло не был ни глупым, ни ограниченным...

Кто на самом деле знает, какое зло таится в сердцах людей?

– Я.

Кто вообще знает, на что способен человек в здравом уме и твердой памяти?

– БОЮСЬ, ТОЖЕ Я.

Ваймс посмотрел на дверь последней камеры. Нет, он не войдет туда еще раз. Неудивительно, что там жутко воняло.

– ТЫ НЕ СЛЫШИШЬ МЕНЯ, ДА? ГМ, ЗНАЧИТ, ПРОСТО ПОКАЗАЛОСЬ, – сказал Смерть и стал ждать.

Ваймс помог молодому Сэму привести Масхерада в чувство. Потом они занялись оставшимися в живых арестантами – кого вывели, кого вынесли по коридору в пакгауз. Аккуратно разложив их на полу, они вернулись и выволокли из подвала писаря, фамилия которого, как выяснилось, была Требилкок. Ваймс популярно объяснил ему, какую выгоду он сможет получить, изблотив своих сообщников. Выгода была, прямо скажем, никакая, но по сравнению с тем, что ждало писаря в случае отказа, выглядела весьма соблазнительно.

Затем Ваймс вышел на улицу. Вечер только начинался. Колон и остальные стражники замерли в ожидании. На все про все ушло не больше двадцати минут.

Капрал отдал честь и тут же поморщился.

– Да, от нас воняет, – согласился Ваймс, расстегнул пояс с мечом, сбросил нагрудник и снял кольчужную рубашку.

Грязь, казалось, пропитала его насквозь.

– Так, – сказал он, когда ощущение, будто он стоит в сточной канаве, чуть рассеялось. – Двое охраняют вход в пакгауз, двое с дубинками заходят сзади, остальные остаются здесь в полной боевой готовности. Как учили, понятно? Сначала дубиной по башке, потом уже арестовываешь.

– Понятно, сэр, – кивнул Колон.

Стражники разошлись в стороны.

– А теперь дай мне бренди, – попросил Ваймс. Сняв шейный платок, он пропитал его алкоголем и обернул вокруг горлышка бутылки. Рядом мрачно ворчали стражники, глядя, как Сэм и Масхерад выводят арестантов.

– Остальные еще хуже, поверьте, – сказал Ваймс. – Фред, верхнее окно посередине.

– *Есть*, сержант, – отозвался Фред Колон, с трудом отрываясь от жуткого зрелища.

Вскинув арбалет, он аккуратно выбил два стекла и горбылек оконного переплета.

Ваймс нащупал свой портсигар, извлек сигару и прикурил. Поднеся

спичку к пропитанному бренди платку, он подождал, пока огонь разгорится, и швырнул бутылку в окно.

Раздался звон, с глухим хлопком вспыхнул спирт, в окне появились и стали быстро расти языки пламени.

– Точный бросок, сержант, – похвалил Фред. – Не знаю, может, я лезу не в свое дело, сержант, но мы захватили еще одну бутылку...

– Правда, Фред? И как ты предлагаешь с ней поступить?

Фред Колон бросил взгляд на арестантов.

– Использовать по назначению, – сказал он.

Эта бутылка отправилась в одно из окон первого этажа. Из-под свеса крыши уже валил клубами дым.

– Никто не входил и не выходил. Те первые охранники были единственными, кого мы видели, – доложил Фред, глядя на пламя. – Вряд ли в здании сейчас много людей.

– Ну хоть гнездо уничтожим... – откликнулся Ваймс.

Входная дверь приоткрылась, пламя на сквозняке заплясало веселее. Кто-то проверял, что происходит на улице.

– Дождутся последней минуты, а потом станут прорываться с боем, – предупредил Ваймс.

– Отлично, сержант, – мрачно откликнулся Колон. – Как раз темнеет.

Он снял с ремня дубинку.

Ваймс обошел дом сзади, кивнул стоявшим там стражникам и воспользовался ключами палача, чтобы запереть дверь. Да и все равно она была очень узкой. Те, кто оставался внутри, наверняка предпочтут воспользоваться более широкой парадной дверью, чтобы быстрее рассредоточиться и начать отбиваться.

Он проверил пакгауз. Этим выходом они вряд ли воспользуются по тем же причинам. Кроме того, он ведь запер дверь в подвал, верно?

Молодой Сэм широко ухмыльнулся ему.

– Вы поэтому оставили палача связанным, да, сержант?

Проклятье! О палаче он и не подумал. Так разозлился на писаря, что совсем забыл о том мерзавце, привязанном к стулу.

Ваймс решил не сразу. Но смерть в огне слишком страшна и мучительна. Он потянулся было к ножу, но потом вспомнил, что тот, как и меч, остался на перевязи. Дым уже валил по коридору в пакгауз.

– Сэм, дай-ка мне свой кинжал, – велел Ваймс. – Пойду... проверю, как там он.

Младший констебль неохотно протянул ему нож.

– Что вы задумали, сержант?

– Просто делай свою работу, младший констебль, а я буду делать свою...

Ваймс проскользнул в коридор. «Перережу один ремень, – подумал он. – Расстегивать пряжки слишком канителью. У него будет шанс, даже несмотря на дым. У тех, в подвале, и такого шанса не было».

Через контору писаря он пробрался в камеру пыток.

Один факел все еще горел, но его пламя было не более чем ореолом в желтоватой полумгле. Палач пытался раскатать стул, однако тот был слишком крепко привинчен к полу.

Стул был сделан весьма хитроумно, чтобы было почти невозможно дотянуться до пряжек на ремнях. Даже если бы жертва высвободила одну руку, причем еще не испытывающую на себе профессионализм палача, быстро покинуть стул все равно не удалось бы.

Ваймс наклонился перерезать ремень, но тут в замке лязгнул ключ, и ему пришлось спешно отступить в темный угол.

Дверь открылась, впустив в пыточную камеру далекие крики и треск горящего дерева. Судя по шуму, «непоминаемые» предприняли попытку вырваться на свежий воздух.

Цоп Загорло осторожно вошел в камеру и закрыл за собой дверь. Увидев привязанного к стулу палача, он остановился и внимательно оглядел его. Потом прошел по коридору и заглянул в контору писаря. Прищурившись, бросил взгляд в сторону камер, но Ваймс уже успел бесшумно спрятаться за углом.

Он услышал, как капитан вздохнул. Потом раздался знакомый звук клинка, выскользывающего из ножен, за которым последовал шум явно органического происхождения и кашель.

Ваймс машинально потянулся за своим мечом. Ах да, меч ведь тоже остался на улице...

В его голове снова зазвучала песня, еще громче прежнего... Аккомпанементом ей, как всегда, служил ритмичный лязг металла. *Как взмывают ангелы дружно в ряд, дружно в ряд, дружно в ряд...*

Он тряхнул головой, прогоняя воспоминания. Нужно *сосредоточиться*. Ваймс ворвался в комнату и прыгнул.

Такое впечатление, что летел он целую вечность. Он успел увидеть палача с окровавленной грудью. Загорло, убирающего клинок в трость. Себя со стороны, зависшего в воздухе и вооруженного одним ножом.

«Я должен остаться в живых, – подумал он. – Потому что помню. Помню, как Киль вышел и объявил, что все закончилось.

Но это был настоящий Киль. Не я. *Со мной все может быть иначе».*

Продемонстрировав поразительную прыть, Загорло отскочил в сторону и вновь обнажил лезвие. Ваймс по инерции влетел в обитую мешками стену, но тут же предусмотрительно откатился в сторону. Там, где он только что был, лезвие вспороло мешковину, на пол посыпалась солома.

Он считал Загорло плохим фехтовальщиком. На эту мысль наводила дурацкая трость. Но, как оказалось, Загорло в совершенстве владел навыками уличного фехтования: никаких изящных движений, никаких хитроумных финтов, просто умение быстро и точно вонзить клинок туда, где ему меньше всего обрадуются.

Потолок в углу затрещал и вспыхнул. Горящий спирт или просто жар наконец проникли сквозь толстые доски. Пара мешков тут же расцвела клубами густого белого дыма, над головами Ваймса и Загорло поплыли волнистые облака.

Ваймс стал обходить стул, не сводя глаз с противника.

– Мнекажется, ты совершаешь непростительную ошибку, – сказал Загорло.

Ваймс сосредоточился на том, чтобы не попасть под удар клинка.

– Тяжелые времена требуют неменеетяжелых мер. Каждый вождь знает это... – продолжал Загорло.

Ваймс уклонился от удара, продолжая двигаться в обход пыточного стула.

– История нуждается не только в пастырях, но и в мясниках, сержант.

Загорло сделал выпад, но Ваймс смотрел ему в глаза и успел увернуться. Этот человек не пытался оправдать свои поступки. Он даже не понимал, в чем нужно оправдываться. Но он видел лицо Ваймса. Лицо, на котором не отразилось ни гнева, ни ненависти – ровным счетом ничего.

– Тыведьпонимаешь, когда положение становится угрожающим, нет времени соблюдать такназываемыеправа.

Ваймс метнулся в сторону и кинулся по коридору, где уже всюду клубился дым, в контору писаря. Загорло побежал за ним, двигаясь все в той же своей дерганой манере. Лезвие полоснуло Ваймса по ноге; он споткнулся, повалился спиной на стол и выронил нож.

Загорло стал обходить его, чтобы нанести последний удар. Он взмахнул тростью, лезвие метнулось вниз...

И встретилось с железной линейкой, взлетевшей ему навстречу. Прочная стальная полоса плашмя ударила по трости, выбив ее из рук Загорло.

Словно во сне, Ваймс приподнялся на столе, продолжая замах.

Отошли его назад, в темноту, до тех пор, пока в нем не появится

нужда...

Он рубанул линейкой под углом и вниз, повернув ее узкой кромкой. Сталь со свистом рассекла воздух, оставляя за собой крошечные дымные вихри, угол линейки полоснул Загорло точно по шее.

За спиной Ваймса из коридора вырвались густые клубы белого дыма – в пыточной камере обвалился потолок.

Ваймс не двинулся с места, внимательно глядя на Загорло и не позволяя ни одному чувству отразиться у себя на лице. Капитан вскинул руки вверх, кровь хлынула между пальцами. Он пошатнулся, попытался сделать вдох, но безуспешно и упал навзничь.

Ваймс швырнул линейку на труп и захромал прочь.

С улицы доносился грохотдвигающихся баррикад.

Загорло открыл глаза. Мир вокруг был сплошь серым, если не считать стоявшей перед ним фигуры в черном плаще.

По привычке он попытался применить свой любимый метод.

– Гм... твои глаза... э... нос... подбородок... – Загорло наконец понял, что задача ему не по плечу.

– ДА, – сказал Смерть. – Я НАСТОЯЩАЯ ЗАГАДКА. ПРОШУ СЮДА, ГОСПОДИН ЗАГОРЛО.

«Лорд Ветрун, – думал Витинари, – впечатляющий параноик. Он выставил охранника даже на крыше винокурни, возвышающейся над дворцовым парком. Точнее, двух охранников».

Один из них сразу бросался в глаза любому, кто, прежде чем залезть на крышу, дал бы себе труд осмотреть ее, выглянув из-за парапета. А вот второй притаился в тени, между печных труб.

Покойный Кровопуск заметил только первого.

Витинари равнодушно наблюдал за тем, как уносят тело юноши. Для того, кто выбрал ремесло наемного убийцы, смерть становится неотъемлемой, а точнее, самой последней частью работы. Так что никаких сожалений быть не может. Зато благодаря Кровопуску остался всего один охранник, потому что второй спускал вниз тело незадачливого убийцы, с которым обошлись в полном соответствии с его фамилией.

Кровопуск был весь в черном. Все наемные убийцы так одевались. Черный цвет считался модным; кроме того, это уже стало традицией. Но черная одежда уместна только в темном подвале в полночь. В других случаях Витинари предпочитал темно-зеленый цвет или различные оттенки темно-серого. Если одеться правильно и замереть в верной позе, можно стать по-настоящему невидимым. И людские глаза тебе в этом только

помогут. Смотрящий сам вычеркнет тебя из списка видимых объектов, причислив к фону.

Если бы в Гильдии узнали, как Витинари одевается, ему грозило бы неминуемое исключение. Но он предпочитал рисковать быть исключенным из Гильдии, чем из мира дышащих и прямоходящих. Лучше прикрыть глаза на традиции, чем зажмуриться навсегда.

Охранник, стоящий всего в трех футах от него, беспечно закурил сигаретку.

Этот лорд Уинстэнли Гревиль-Дуду был настоящий гений. Какая наблюдательность! Хэвлок с удовольствием познакомился бы с ним лично или хотя бы посетил место его последнего упокоения, однако, к несчастью, Гревиль-Дуду упокоился, по всей видимости, в желудке тигра, которого, невзирая на свою знаменитую наблюдательность, заметил слишком поздно.

Впрочем, Витинари все же нашел способ воздать лорду должное: он отыскал и расплавил печатные формы «Заметок об искусстве маскировки».

Кроме того, он разыскал все четыре сохранившихся экземпляра самой книги, однако сжечь их у него рука не поднялась. Вместо этого Витинари переплел четыре тонких тома вместе и вытиснил на обложке название «Анекдоты великих счетоводов, том 3». Он полагал, что лорд Уинстэнли Гревиль-Дуду одобрил бы такой выбор.

Витинари лежал на плоской крыше, терпеливо, как кошка, наблюдая за дворцовым парком внизу.

А Ваймс лежал лицом вниз на столе в караулке, вздрагивая от боли.

– Прощу тебя, не дергайся, – сказал доктор Газон. – Я почти закончил. Я бы посоветовал тебе расслабиться, но, думаю, ты на это только рассмеешься.

– Ха. Ха. Ой!

– Всего лишь поверхностная царапина, но пару дней тебе стоит провести вне работы.

– Ха. Ха.

– Да, понимаю, тебе предстоит трудная ночь. Впрочем, как и мне, вероятно.

– Все будет в порядке, если мы перенесли баррикады на перекресток с Легкой улицей, – пробормотал Ваймс.

В ответ раздалась весьма выразительная тишина.

Он сел на столе, который Газон использовал в качестве операционного.

– Их ведь перенесли? – уточнил он.

– Если верить последнему, что я слышал, да, – ответил лекарь.

– Последнему?

– Ну, строго говоря, не совсем последнему, – признался Газон. – Все, так сказать, зашло немного дальше, Джон. На самом деле последнее, что я слышал, это: «А зачем останавливаться на Легкой?»

– Черт возьми...

– Да, я тоже так подумал.

Ваймс натянул штаны, застегнул ремень и, прихрамывая, вышел на улицу, где как раз кипели дебаты.

Участвовали Роза Лада, Сандра, Редж Башмак и еще с полдюжины горожан, рассеявшихся вокруг стола, который кто-то поставил прямо посреди улицы. Когда Ваймс перешагнул порог участка и вдохнул свежий вечерний воздух, чей-то жалобный голос как раз произнес:

– «Любовь по разумным расценкам»? Почему нельзя написать просто «Любовь»?

– Потому что если первые три пункта будут распределяться даром, того же самого потребуют и от четвертого! – ответила Роза. – Записывай так, как сказала, если хочешь, чтобы я и остальные девушки к вам присоединились.

– Ну хорошо, – согласился Редж, сделав пометку на клочке бумаги. – Против Свободы, Равенства, Братства никто ничего не имеет?

– Добавь Нормальную Канализацию. – Это был голос госпожи Резерфорд. – И чтоб крыс протравили.

– Мне кажется, мы должны думать о более возвышенных материях, товарищ госпожа Резерфорд, – сказал Редж.

– Я тебе не товарищ, господин Башмак, и господин Резерфорд – тоже, – отрезала госпожа Резерфорд. – Мы с кем попало не приятельствуем. Верно, Сидни?

– У меня есть вопрос, – сказал кто-то из толпы. – Меня зовут Гарри Робки. У меня сапожная мастерская на улице Новых Сапожников...

Редж воспользовался удобной возможностью, чтобы свернуть дискуссию с госпожой Резерфорд. Молодой революции очень вредно встречаться с такими людьми, как госпожа Резерфорд.

– Да, товарищ Робки?

– И никакая мы не бомжуазия, – гнула свое госпожа Резерфорд.

– Э... буржуазия, – поправил ее Редж. – Наш манифест относится к буржуазии. Говорю по слогам. Бур... э... жуа... э... зия.

– Буржуазия, буржуазия, – повертела на языке новое слово госпожа Резерфорд. – Звучит неплохо. А чем она занимается?

– Здесь, в статье семь на этой вашей бумажке... – попытался снова привлечь к себе внимание господин Робки.

– То есть в Народной Декларации Победоносного Двадцать Четвертого Мая, – подсказал Редж.

– Да-да, верно... Так вот, здесь говорится, что мы завладеем средствами производства, типа того... Я хотел бы знать, а как будет с моей сапожной мастерской? Ну, то есть она же и так моя, верно? Да и не влезут туда все. Там места только мне, моему сынку Гарбуту и, ну, может, еще клиенту...

Ваймс улыбнулся в темноте. Редж еще не понял, какую кашу заварил.

– Да, однако после революции все имущество будет принадлежать народу... То есть не только тебе, но и всем остальным тоже, понимаешь?

Товарищ Робки выглядел озадаченным.

– А башмаки кто делать будет? Я?

– Конечно, но все будет принадлежать народу.

– А кто будет платить? – не унимался господин Робки.

– Все будут платить разумную цену. А тебя перестанут мучить угрызения совести из-за того, что ты наживаешься за счет пота и крови пролетариата, – коротко объяснил Редж. – Ну а теперь...

– Это ты про коров, что ли? – уточнил Робки.

– А?

– У нас только коровы да парни в сыромятне... Честно говоря, они просто торчат на лугу весь день, не парни из сыромятни, конечно, но...

– Послушай, – перебил его Редж. – Все будет принадлежать народу, и все сразу заживут куда лучше. Ты понял?

Морщины на лбу башмачника стали еще глубже. Ему явно недоставало уверенности, что он является частью народа.

– Я думал, мы просто не хотим, чтобы на нашу улицу заявили солдаты, всякие погромщики и прочие смутьяны, – пробормотал он.

На лице Реджа проступило затравленное выражение. Он решил поскорее вернуться на проверенную почву.

– Ладно, по крайней мере, со Свободой, Равенством и Братством все согласны.

Присутствующие дружно закивали. Эти три вещи всегда пригодятся. Тем более они ничегошеньки не стоят.

В темноте вспыхнула спичка. Все обернулись и увидели раскуривающего сигару Ваймса.

– Вот скажи, товарищ сержант, тебе бы хотелось Свободы, Равенства, Братства? – воодушевленно спросил Редж.

– Мне бы сейчас куда больше хотелось яйца вкрутую, – ответил Ваймс, погасив спичку.

Некоторые натянуто засмеялись, а Редж оскорбился.

– В сложившихся обстоятельствах, сержант, мы, как мне кажется, могли бы выше поднять планку требований...

– Конечно могли бы, – согласился Ваймс, спускаясь по ступеням. Он бросил взгляд на лежащие перед Реджем листы бумаги. А этому парню не все равно. Действительно не все равно. И настроен он серьезно. Действительно серьезно. – Послушай, Редж, завтра обязательно взойдет солнце, и, что бы ни случилось, Свободу мы вряд ли обретем. В этом я практически уверен. Никакое Равенство нам тоже не светит, да и брататься друг с другом никто не станет. Но вполне возможно, я получу яйцо вкрутую. Редж, что здесь вообще происходит?

– Народная Республика Улицы Паточной Шахты! – с гордостью объявил Редж. – Мы формируем правительство!

– Здорово, – похвалил Ваймс. – Еще одно правительство. Только его нам и не хватало. А теперь скажите, кто-нибудь знает, куда подевались треклятые баррикады?

– Приветики, господин Киль, – раздался вкрадчивый голосок.

Он опустил взгляд и увидел необъятную куртку и не менее огромный шлем. Где-то там, в недрах, угадывался Шнобби Шноббс.

– Шнобби, ты как здесь оказался?

– Мама говорит, я тот еще пролаза, – ухмыльнулся Шнобби.

Гофрированный рукав ткнулся в шлем и опустился, и Ваймс догадался, что Шнобби таким образом отдал ему честь.

– Твоя мама абсолютно права, – сказал Ваймс. – Итак, куда...

– Теперь я исполняю обязанности констебля, сержант, – доложил Шнобби. – Господин Колон меня назначил. Дал мне запасной шлем. А еще я вырезаю себе значок из... как называется эта восковая штука, похожая на свечи? Ни фига не съедобная?

– Мыло, Шнобби. Постарайся запомнить это слово.

– Так точно, сержант. Так вот, я вырежу...

– Куда подевались баррикады, Шнобби?

– Это будет стоить...

– Я твой сержант, Шнобби. Все расчеты в прошлом. Просто скажи, куда подевались эти треклятые баррикады!

– Гм... Сейчас они, скорее всего, приближаются к Короткой улице, сержант. Тут такая ментафизика, сержант, творится...

Майор Клайв Маунтджой-Дубс тупо смотрел на карту, пытаясь высмотреть в ней хоть что-то утешительное. Сегодня ему выпала честь остаться за старшего офицера. Командование в полном составе

отправилось во дворец на какой-то бал, и вся ответственность свалилась на него.

Ваймс допускал возможность того, что некоторые офицеры анк-морпоркской армии не совсем дураки. Причем чем выше звание, тем меньше вероятность, что офицер не дурак. Так или иначе, в любой армии есть важные, хотя и не слишком престижные должности, и по какой-то странной случайности или же в силу устройства вселенной на этих постах нужны люди, способные думать, составлять списки, договариваться о поставке провианта и поклажи – словом, люди, способные удержаться в голове несколько больше, чем может удержаться в голове, допустим, утки. Именно такие люди на самом деле и командуют войсками, оставляя более возвышенные материи на долю высших чинов.

Данный майор был не совсем дураком, хотя и производил противоположное впечатление. Да, он был идеалистом и считал своих подчиненных «славными малыми», несмотря на частые свидетельства обратного, но он хотя бы на полную катушку использовал все свои посредственные умственные способности. В детстве он читал книги о великих военных кампаниях, посещал музеи и с чувством патриотической гордости разглядывал живописные полотна, изображавшие знаменитые кавалерийские атаки, героические обороны или славные победы. Впоследствии, поучаствовав в некоторых из них, он с удивлением обнаружил, что художники почему-то забывают изображать внутренности. Может, просто не умеют их рисовать.

Майор ненавидел лежащую перед ним карту. Ради всех богов, это ведь карта *города!* В городе кавалерии не место. Ничего удивительного, что были понесены потери. Куча раненых и трое убитых. Каска – плохая защита от баллистического булыжника. А одного кавалериста в Сестрах Долли толпа сдернула с лошади и забила до смерти. Все это было трагическими, ужасными и, к сожалению, неминуемыми последствиями дурацкого решения использовать кавалерию в Анк-Морпорке, который не город даже, а лабиринт узких переулков.

Майор никогда не считал вышестоящих офицеров дураками, иначе получалось бы, что тот, кто выполняет их приказы, тоже дурак. Он предпочитал уклончивое словечко «неблагодарность», да и то испытывал угрызения совести всякий раз, когда пользовался им.

Были в войсках и другие, не столь трагические потери. Трое кавалеристов потеряли сознание, ударившись головой о лавочные вывески во время преследования... ну, каких-то людей. Кого ж еще? Как в этом дыму и темноте разберешь, противник перед тобой или кто? А эти трое

идиотов, очевидно, решили: кто бежит, тот и есть противник. И это были еще не самые невезучие идиоты. Были и те, кто углубился в темные извилистые переулки, которые становились все уже и уже, пока незадачливый всадник не понимал, что вокруг как-то подозрительно темно и тихо, а лошади в обратную сторону не развернуться... В общем, этим людям пришлось на собственном опыте выяснить, насколько быстро можно бегать в кавалерийских сапогах.

Майор изучил все рапорты и подвел итоги. Сломанные кости, синяки, один человек пострадал от «дружественного колющего удара» сабли сослуживца...

Он посмотрел поверх походного стола на капитана Тома Препиракля из легкого пехотного полка лорда Силахии. Тот оторвал взгляд от своих бумаг и едва заметно улыбнулся. Они вместе учились в военном училище, и майор знал, что Препиракль намного превосходит его умом.

– А у тебя как дела, Том? – спросил майор.

– Потеряли почти восемьдесят человек, – ответил капитан.

– Что? Какой ужас!

– Ну, по моим подсчетам, порядка шестидесяти из них – дезертиры. В подобной обстановке обычное дело. Некоторые решили воспользоваться случаем и заскочить повидаться со своей девушкой или матушкой.

– А, *дезертиры*. У нас тоже несколько человек сбежали. В кавалерии! Как можно назвать человека, который бросил своего боевого коня?

– Пехотинцем? Что же касается остальных, я считаю, только шестерых или семерых из них можно назвать жертвами действий противника. А так... Трех, например, зарезали в темных переулках.

– По-моему, вполне так действия противника.

– Конечно, Клайв. Но ты родился в Щеботане.

– Только потому, что моя мать ездила туда навещать тетушку и дилижанс опоздал! – воскликнул, побагровев, майор. – Разруби мою грудь, и ты увидишь там сердце настоящего анкморпоркца!

– Правда? Спасибо, проверять не буду, – усмехнулся Том. – Как бы то ни было, быть убитым в темном переулке – это часть жизни большого города.

– Но они были вооружены! У них были мечи, шлемы...

– Весьма ценные штуковины, Клайв.

– Но я думал, с грабителями должна разбираться Городская Стража...

Том посмотрел на своего друга поверх бумаг.

– Предлагаешь пожаловаться в Стражу? Кстати, от нее мало что осталось. Некоторые стражники примкнули к нам, уж не знаю, на что они

надеялись; других разогнали бунтовщики, а прочие сами разбежались.

– Снова дезертирство?

– Клайв, честно говоря, все разбегаются так быстро, что завтра мы можем остаться в горьком одиночестве.

Капрал принес очередную пачку рапортов, и офицеры начали мрачно их просматривать.

– Кажется, стало спокойней, – заметил майор.

– Перерыв на ужин, – предположил капитан.

Майор вскинул руки.

– Это не война! Человек швыряет камень, заходит за угол и превращается в законопослушного гражданина. Тут нет никаких *правил!*

Капитан кивнул. Этому их действительно не учили. Они изучали карты кампаний на широких простреливаемых равнинах с редкими высотами, которые необходимо было захватывать. Города полагалось либо брать в осаду, либо оборонять. Но не сражаться внутри, где ничего не видно, невозможно перегруппировать войска и нельзя маневрировать, зато твой противник ориентируется на местности, как на собственной кухне. И что вообще хуже всего, он не носит мундиры.

– А чем сейчас занимается твоя светлость?

– Танцует на балу, так же как и твоя.

– И какие приказы ты получил, если не секрет?

– Делать то, что считаю необходимым для достижения исходных целей.

– В письменном виде?

– Нет.

– Жалко. Вот и со мной обошлись точно так же.

Они посмотрели друг на друга.

– Ну... В данный момент никаких волнений нет, – с надеждой сказал Препиракль. – То есть как таковых – нет. Отец рассказывал, в его время тоже случались волнения. Главное, по его словам, не терять самообладания. А еще он говорил, что булыжники тоже когда-нибудь кончаются.

– Уже почти десять, – откликнулся майор. – Людям пора ложиться спать, правда?

Лица обоих выражали страстную надежду на то, что все успокоилось. Ни одному человеку в здравом уме не хочется оказаться в положении, когда от него потребуется сделать «все, что он считает необходимым».

– Итак, Клайв, учитывая, что... – начал было капитан.

Снаружи послышался какой-то шум, и в палатку вошел человек. Он был основательно перемазан в крови и копоты, лишь струи пота, стекавшие

со лба, оставили на его лице несколько относительно чистых полосок. За спиной болтался арбалет, грудь пересекала полная перевязь ножей.

И он был безумен. Майор сразу же это понял. Глаза незнакомца блестели слишком ярко, ухмылка была слишком неподвижной.

– А, вот и вы, – сказал вошедший, снимая с правой руки бронзовый кастет. – Извиняюсь за часового, господа, но он не хотел меня пропускать, хотя я назвал пароль. Вы здесь главные?

– А ты кто такой? – спросил майор, грозно поднимаясь из-за стола.

Незваного гостя это ничуть не смутило.

– Карцер. *Сержант* Карцер, – представился он.

– Сержант? В таком случае тебе лучше...

– С Цепной улицы, – добавил Карцер.

Майор задумался. Оба армейских офицера знали, кто такие «непоминаемые», хотя, если бы их спросили, они вряд ли смогли бы внятно объяснить, что именно им известно. «Непоминаемые» работают тайно, так сказать, за сценой. Они больше чем стражники. Отчитываются только перед самим патрицием, обладают большим влиянием. С ними лучше не связываться. И противоречить им не стоит. Не важно, что этот человек всего лишь сержант. Он – «непоминаемый».

И что самое гадкое, это существо знало, о чем сейчас думает майор. Знало и наслаждалось произведенным впечатлением.

– Да, – кивнул Карцер. – Все правильно. И тебе повезло, что я здесь оказался, мой маленький солдат.

«Мой маленький солдат... – повторил про себя майор. – Подчиненные обязательно услышат это и запомнят. Маленький солдат».

– В чем же мое везение? – спросил он.

– Пока ты и твои надраенные до блеска парни гарцевали и гонялись за прачками, – сказал Карцер, придвигая к себе единственный свободный стул в палатке и опускаясь на него, – на улице Паточной Шахты случилась *настоящая* беда. Тебе об этом известно?

– О чем ты говоришь? У нас нет ни одного рапорта о беспорядках на этой улице!

– Правильно, нет. А тебе это не показалось странным?

Майор медлил с ответом. Улица Паточной Шахты... Он что-то слышал о ней недавно, но вспомнить никак не удавалось. Капитан хмыкнул и передал ему через стол лист бумаги. Маунтджой-Дубс взглянул на документ и сразу все вспомнил.

– Один из моих капитанов был там сегодня и доложил, что все под контролем.

– Правда? Под чьим же? – спросил Карцер.

Он откинулся на спинку стула и забросил ноги на стол.

Майор гневно уставился на его грязные башмаки, но те ничуть не смутились.

– Убери ноги с моего стола, – велел Маунтджой-Дубс.

Глаза Карцера сузились.

– Это кто говорит? – спросил он.

– Мое оружие, если угодно...

Майор посмотрел Карцеру в глаза и пожалел об этом. Ему приходилось видеть такие глаза на поле боя.

Очень медленно и с подчеркнутой осторожностью Карцер убрал ноги со стола. Потом достал заскорузлый от неведомых телесных жидкостей платок, театрально плюнул на стол и принялся усердно его вытирать.

– Прошу извинить меня, препокорнейше прошу, – сказал он. – Но пока вы, господа, печетесь тут о чистоте своего стола, язва, как говорится, разъедает самое сердце города. Кто-нибудь говорил вам, что участок на Цепной улице сожжен дотла? При пожаре, как мы предполагаем, погиб бедный капитан Загорло и по меньшей мере один из наших... технических специалистов.

– Загорло?! Не может быть... – покачал головой капитан Препиракль.

– Вот прямо так я тогда и сказал. На улице Паточной Шахты собрались все подонки, которых вы, парни, вышвырнули из Сестер Долли и прочих змеиных гнезд.

Майор посмотрел на рапорт.

– Но наш патруль сообщает, что никаких беспорядков нет, присутствие Стражи заметно на улицах, люди размахивают флагами и распевают национальный гимн.

– И до вас по-прежнему не доходит? – ухмыльнулся Карцер. – Майор, ты когда-нибудь распевал на улице национальный гимн?

– Ну, нет...

– Кого туда назначил его сиятельство? – спросил Препиракль.

Майор Клайв Маунтджой-Дубс перебрал лежащие на столе бумаги. Обнаружив нужную запись, он даже побледнел.

– Ржава, – ответил он.

– Ну и ну, какой удар.

– Думаю, он уже мертв, – сказал Карцер, и майор с трудом сдержался, чтобы ничем не выдать свою радость. – Человек, взявший на себя командование, называет себя Джоном Килем. Но он самозванец. Настоящий Киль лежит в покойнице.

- Откуда ты все это знаешь? – спросил майор.
- Мы в Особом отделе умеем добывать сведения, – хмыкнул Карцер.
- Да уж, я слышал, – пробормотал капитан.

– В городе военное положение, господа, а значит, военные должны оказывать содействие гражданской власти, – продолжал Карцер. – То есть мне. И вы окажете его мне немедленно. Конечно, вы можете послать на бал пару гонцов, но вряд ли это будет мудро с точки зрения карьеры. Поэтому я прошу, чтобы ваши люди помогли нам осуществить... небольшое хирургическое вмешательство.

Майор молча смотрел на него. Карцер вызывал у него беспредельное отвращение. Но Маунтджой-Дубс совсем недавно стал майором и, как все только что произведенные в чин офицеры, надеялся оставаться в своем нынешнем положении достаточно долго для того, чтобы нашивки потускнели.

Он заставил себя улыбнуться.

– У тебя и твоих людей был трудный день, сержант, – промолвил он. – Почему бы тебе не пройти в палатку офицерской столовой, пока я переговорю с другими офицерами?

Карцер встал так резко, что майор даже вздрогнул. Потом наклонился, опершись костяшками пальцев на стол.

– Да, сынок, ты уж с ними переговори... – сказал он.

И, одарив майора ухмылкой столь же малоприятной, как зубья ржавой пилы, развернулся и вышел из палатки.

Тишину нарушил Препиракль.

– Он есть в списке офицеров, который Загорло прислал нам вчера, и, боюсь, формально он прав.

– Хочешь сказать, мы должны выполнять его приказы?

– Нет. Но он имеет права попросить у тебя помощи.

– А я имею право ему отказать?

– Да, конечно, но...

– ...мне придется объяснить его светлости, почему я это сделал?

– Вот именно.

– Но этот человек – злобная тварь! Ты не раз видел таких, как он. Мародеров, подонков, убийц. Таких, как он, мы вешаем, чтоб другим неповадно было.

– Гм...

– Что еще?

– Он прав в одном. Я просмотрел рапорты, и это действительно странно. Слишком спокойно на этой улице Паточной Шахты.

– А разве это плохо?

– Это невозможно, Клайв. Учитывая все факты. Сам посмотри, вот тут написано, что на тамошний участок Стражи никто даже не нападал. Э... Кстати, твой капитан Бернс, который видел этого Киля или того, кто называется себя Килем, говорит, что если этот человек – сержант Стражи, то он, Бернс, – дядя обезьяны. По его словам, этот человек привык командовать *всерьез*. И сказать по чести, мне даже показалось, что тот тип глянулся твоему Бернсу.

– О боги, Том, помоги мне выкрутиться! – взмолился майор.

– Немедленно пошли туда несколько человек. Как бы в неофициальный патруль. Попытайся добыть достоверную информацию. Полчаса мы можем себе позволить.

– Правильно! Правильно! Отличная идея! – воскликнул майор, сияя от облегчения. – Займешься этим?

Торопливо отдав необходимые приказы, он откинулся на спинку стула и снова уставился на карту. По крайней мере, в общей картине наблюдалась некая закономерность. Все баррикады строились от центра. Люди как будто отгораживались от дворца и центра города. Нападения извне никто не опасался. Если бы возникла необходимость захватить окраины города, это можно было бы сделать, просто войдя через городские ворота. Скорее всего, они не охранялись совсем.

– Том?

– Да, Клайв?

– Ты когда-нибудь пел национальный гимн?

– О, много раз.

– Я имею в виду, неофициально.

– Из патриотизма? Хвала богам, нет. Все бы решили, что я сбрендил, – усмехнулся капитан.

– А как насчет флага?

– Я каждый день отдаю ему честь.

– Но ты им не размахиваешь, верно? – не сдавался майор.

– В детстве размахивал бумажным, причем частенько. В дни рождения патриция, кажется. Стояли на улицах, он проезжал мимо, и мы кричали «Ура!».

– А с тех пор?

– Ни разу, Клайв, – несколько смущенно признался капитан. – И вообще я бы заподозрил неладное, увидев человека, размахивающего флагом и распевającego национальный гимн. Так обычно поступают только какие-нибудь иноземцы.

– Правда? Почему?
– Ну, нам ведь нет нужды доказывать свой патриотизм. Это же Анк-Морпорк. Зачем нам кричать о том, что мы лучшие? Это и ежу понятно.

Эта соблазнительная теория легко могла возникнуть в голове Букли или Дрынна и даже в не особо тренированном мозгу Фреда Колона. И насколько понимал Ваймс, заключалась теория примерно в следующем:

1. Предположим, за баррикадами оказалась бóльшая область, чем *перед* баррикадами. Так?

2. Типа за ними куда больше людей и самого города, чем перед ними. Понимаешь, о чем я?

3. Тогда поправь меня, сержант, если я ошибаюсь, но выходит, что мы как бы стоим перед баррикадами, ну типа напротив них, верно?

4. Тогда нас уже нельзя назвать бунтовщиками, правильно? Потому что нас *больше*, а большинство не может бунтовать, это же логично.

5. Таким образом получается, что мы – хорошие парни. Конечно, хорошими мы были всегда, а сейчас стали официально. Типа математически, да?

6. Поэтому мы тут подумали: можно продвинуться до Короткой улицы, потом, тихонько так, по Колиглазной, перебраться на тот берег и...

7. Сержант, у нас что, из-за этого будут неприятности?

8. Ты как-то странно на меня смотришь, сержант.

9. Извини, сержант.

Вот над этим Ваймс и размышлял. Перед ним стоял все больше беспокоящийся Фред Колон, а вокруг застыли остальные защитники баррикад, имевшие такой вид, словно их застали за незаконной игрой «Постучи в дверь и дай деру». И все смотрели на Ваймса с опаской, словно боялись, что он вот-вот взорвется.

Во всей идее просматривалась некая странная логика, правда исключая такие факторы, как «реальная жизнь» и «здравый смысл».

Они потрудились на славу. Перегородить городскую улицу нетрудно. Достаточно сколотить две повозки и набросать на них побольше мебели и прочего хлама. Именно так они обходились с главными улицами. А если навалиться всем скопом, такие баррикады можно перемещать с места на место.

Остальное еще проще. По городу было настроено великое множество мелких баррикад, и их защитники начали потихоньку присоединяться. Так, почти незаметно для всех, Народная Республика Улицы Паточной Шахты заняла почти четверть города.

Ваймс сделал несколько глубоких вдохов.

– Фред? – позвал он.

– Да, сержант?

– Я приказывал это делать?

– Никак нет, сержант.

– Слишком много переулков, Фред. Слишком много людей.

Колон повеселел.

– Но и стражников тоже больше, сержант. Многим ребятам удалось добраться до нас. Хорошим парням. А сержант Дикинс, он еще помнит, как все было в прошлый раз, и знает, что делать. И он уже попросил собраться всех крепких мужчин, способных держать в руках оружие. Их оказалось до черта, сержант. У нас есть *армия!*

«Вот так и рушится мир, – подумал Ваймс. – Я был молодым и глупым и не понимал, что происходит. Я думал, Киль был вождем революции. А что думал об этом он сам?»

Я всего-то хотел убересть несколько улиц от беспорядков. Защитить горстку глупых добропорядочных обывателей от озверевших толп и фанатичных мятежников, от тупой солдатни. И я ведь правда надеялся, что все обойдется.

Может, правы монахи. Пытаться изменить историю – все равно что строить запруду на реке. Вода всегда найдет выход».

Среди людей он заметил Сэма – тот так и сиял от восторга. Блеск геройской славы, подумал Ваймс. Стоит им залюбоваться, и ничего больше уже не замечаешь.

– Проблемы есть? – спросил он у Колона.

– Вряд ли вообще кто-то понимает, что сейчас творится в городе, сержант. В Сестрах Долли дела совсем плохи, да и в других местах тоже. Людей штурмует кавалерия, а еще... Стоп, кажется, есть новости.

Стражник, дежуривший на гребне баррикады, махал рукой, стараясь привлечь их внимание. По ту сторону заграждения что-то происходило.

– Похоже, еще народ из Сестер Долли подтянулся, – сообщил Колон. – Что с ними делать, сержант?

«Не пускать, – подумал Ваймс. – Мы не знаем, что это за люди. Нельзя пропускать всех подряд, иначе сюда обязательно просочатся какие-нибудь подонки.

Но я-то как раз знаю, что там творится. Город превратился в маленький филиал ада, и безопасных мест не осталось.

И я знаю, какое решение сейчас приму, потому что я принимал его на своих собственных глазах.

Свихнуться можно. Вот он я, стою рядом – пацан с чистым, розовым лицом, еще не растерявший веру в идеалы. Стою и смотрю на себя как на героя. И у меня не хватит духу не стать этим героем. Я сделаю глупость, потому что не хочу, чтобы я во мне разочаровался. Поди попробуй объяснить это кому-нибудь без стакана-другого».

– Ладно, пропусти их, – велел он. – Но никакого оружия. Это приказ.

– Мы должны отбирать у людей оружие? – изумился Колон.

– Подумай сам, Фред. Нам не нужны здесь «непоминаемые» или переодетые солдаты, верно? Прежде чем человек получит право носить оружие, надо, чтобы кто-нибудь из наших за него поручился. Не хватало еще, чтобы нас били и спереди, и в спину. Да, Фред... Не знаю, имею ли я на это право и надолго ли это, но отныне считай себя произведенным в сержанты. Если у кого-то появятся вопросы по поводу твоей лишней нашивки, пусть идет ко мне.

Фред Колон сразу выпятил грудь. Это было бы более впечатляюще, если бы она уже не начала заплывать жирком.

– Слушаюсь, сержант... Э... Но подчиняюсь я по-прежнему тебе? Понял. Ну да. Понял. Я по-прежнему выполняю твои приказы. Все понял.

– Не двигайте больше баррикады. Перегородите переулки. Будем держаться здесь. Ваймс, пойдешь со мной, мне нужен посыльный.

– Я хороший посыльный, сержант, – вызвался Шнобби откуда-то из-за спины Ваймса.

– Раз так, тогда вот что, Шнобби: тайком проберись на ту сторону и выясни, что там сейчас творится.

Сержант Дикинс выглядел моложе, чем помнилось Ваймсу. Хотя все равно было заметно, что до пенсии ему осталось недолго. Однако он по-прежнему щеголял пышными сержантскими усами, нафабранными на концах и явно подкрашенными, а также соответствующей званию осанкой, из-за которой казалось, будто он носит невидимый корсет. Ваймс вспомнил, что Дикинс долгое время служил в анк-морпоркской армии, хотя и был уроженцем Лламедоса. Слухи об этом разошлись среди стражников, потому что он был приверженцем какой-то друидской религии, настолько строгой и серьезной, что они даже свои друидские камни в полях не ставили. И еще эта вера категорически запрещала Дикинсу ругаться, что могло бы стать серьезной помехой в его сержантском деле. Но сержанты на то и сержанты, чтобы выкручиваться в любых обстоятельствах.

В настоящее время сержант Дикинс находился на Желанно-Мыльной улице, представлявшей собой продолжение Цепной. Там же была и его

армия.

Так себе армия, кстати. Все были вооружены чем попало, причем не все из того, что попало, было оружием. При виде этих людей перед внутренним взором Ваймса пронеслись все бытовые драки, которые ему довелось (или еще доведется) видеть за годы службы. Когда на тебя наступают с как бы оружием, ты знаешь, чего ждать. Но страшнее всего «как бы не оружие». Именно оно способно испугать неопытного стражника до нервного поноса. Например, мясницкие топоры, привязанные к шестам. Или длинные заостренные колья. Или крюки для туш.

В этой части города жили в основном мелкие лавочники, грузчики, мясники и докеры. И сейчас в неровном строю перед Ваймсом стояли люди, привыкшие каждый день мирно и законно орудовать тесаками и колями, по сравнению с которыми настоящий меч кажется шляпной булавкой.

Конечно, было тут и оружие в традиционном понимании. Уволившись из армии, люди частенько привозили домой трофейные мечи и алебарды. Оружие? О боги, сэра, конечно нет! Это же *сувенир*! Меч потом использовали вместо кочерги, чтобы мешать уголь в очаге, а алебарда торчала, воткнутая в землю посреди двора, и хозяйка привязывала к ней бельевые веревки. Постепенно изначальное предназначение этих вещей забывалось...

Но только до поры до времени.

Повсюду, куда ни глянь, блестел металл. Чтобы победить, этому войску достаточно было стоять на месте. Если враг бросится в лобовую атаку, то вылетит с другой стороны строя в виде фарша.

– Некоторые из них стражники в отставке, шеф, – прошептал Дикинс. – Многие в свое время в армии служили. Есть, конечно, и молодые, которым не терпится в бой, сам знаешь, как это бывает. Ну, что думаешь?

– Честно говоря, это страшное зрелище, – как на духу признался Ваймс. По крайней мере у каждого четвертого были седые волосы, и для многих из собравшихся тут воинов зловещее оружие служило элементарным средством опоры. – Не хотел бы я вести их в бой. Если скомандовать этой толпе «Кругом!», на землю градом посыплется конечности.

– Они полны решимости, шеф.

– Понимаю, но война мне не нужна.

– О, до этого не дойдет, шеф, – заверил его Дикинс. – Мне уже доводилось стоять на баррикадах. Обычно все заканчивается мирно. К

власти приходит новый человек, людям становится скучно, и все расходятся по домам, понимаешь?

– Но Ветрун – псих, – напомнил Ваймс.

– Назови хотя бы одного, который им не был, шеф, – ухмыльнулся Дикинс.

«Если не “сэр”, то хотя бы “шеф”, – отметил Ваймс. – А ведь он старше меня. Что же, придется соответствовать».

– Сержант, – сказал он, – я хочу, чтобы ты отобрал лучших из тех, кто участвовал в боях. Двадцать человек. Кому доверяешь как себе. Пусть идут к Расхлябанным воротам и будут наготове.

Дикинс непонимающе уставился на него.

– Но те ворота заперты, шеф. И они ж прямо за нами. Я думал, может...

– К воротам, сержант, – повторил Ваймс. – И пусть следят за тем, чтобы никто не подкрался и не отпер их. И надо усилить охрану мостов. Установить противоконные ежи, натянуть проволоку... Я хочу, чтобы любой, кто попытается атаковать нас со стороны моста, получил хорошую трепку, понятно?

– Ты что-то знаешь, шеф? – спросил Дикинс, склонив голову набок.

– Скажем так: я пытаюсь рассуждать как противник. Ясно? – Ваймс подошел ближе и понизил голос: – Ты знаешь историю, Дей. Никто, у кого есть хотя бы капля здравого смысла, не пойдет в лоб на баррикады. Значит, они будут искать наше слабое место.

– Но есть и другие ворота, шеф, – с сомнением в голосе промолвил Дикинс.

– Верно, но если они захватят Расхлябанные, то попадут на улицу Вязов и по ней галопом примчатся прямо туда, где мы их меньше всего ждем, – сказал Ваймс.

– Но ведь ты... как раз там их и ждешь, шеф.

Ваймс наградил его пустым взглядом, смысл которого понятен любому сержанту.

– Считаю, уже сделано, шеф! – с энтузиазмом рявкнул Дикинс.

– Но на всех баррикадах должно остаться достаточно защитников, – добавил Ваймс. – И нужна пара патрулей, чтобы могли быстро добраться туда, где станет жарко. Сержант, ты *знаешь*, как это делается.

– Так точно, шеф. – Дикинс лихо отдал честь и усмехнулся.

Он повернулся к строю.

– А ну, слушайте меня, вы, сборище! – закричал он. – Я знаю, что многие из вас служили в армии! Кто помнит «Как взмывают ангелы»?

Несколько наиболее внушительных сувениров приподнялись над строем.

– Отлично! Так, хор у нас есть! Это солдатская песня, понятно? На солдат вы мало похожи, но клянусь богами, я заставлю вас петь по-солдатски! Подхватывайте за мной. Правое плечо вперед! Шагом марш! Как взмывают ангелы дружно в ряд! Дружно в ряд! Дружно в ряд! Пойте, мамыны дети!

Марширующие подхватили за теми, кто знал слова.

– Как взмывают ангелы дружно в ряд! Дружно в ряд! Дружно в ряд!

– Поднимают головы – и летят! И летят! И летят! – пел Дикинс, когда колонна завернула за угол.

Ваймс стоял и слушал, пока голоса не стихли в отдалении.

– Хорошая песенка, – похвалил молодой Сэм, и Ваймс вспомнил, что он сейчас слышит ее впервые в жизни.

– Это старая солдатская песня, – сказал он.

– Правда, сержант? А почему в ней поется об ангелах?

«Да, – подумал Ваймс, – просто поразительно, какие чувства взмывают на поверхность вслед за этими ангелами. Настоящая солдатская песня, сентиментальная и немного похабная».

– Я помню, обычно ее пели после боя, – ответил он. – Старики плакали, когда ее пели.

– Почему? Вроде такая веселая песенка...

«Они вспоминали тех, с кем ее уже никогда больше не споют, – подумал он. – Но ты сам все поймешь. Уж я-то знаю».

Через некоторое время патрули вернулись. У майора Маунтджой-Дубса хватило ума не требовать письменных рапортов. У солдат уходила на них целая прорва времени, и все равно читать эту безграмотную писанину было невозможно. Подчиненные докладывали по очереди и устно. Капитан Препиракль, намечавший на карте план операции, иногда тихонько присвистывал.

– Ух ты, вот это размерчики. Чес-слово. Почти четверть города оказалась за баррикадами!

Майор потер лоб и повернулся к рядовому Габитассу, который прибыл последним и, судя по всему, собирал сведения с большим рвением, чем все остальные.

– У них там что-то вроде границы, сэр. Я подъехал к посту на улице Героев, снял шлем, чтоб показать, что я, типа, не на службе, и спросил, что происходит. Человек сверху крикнул, что все в порядке, большое спасибо,

все баррикады уже готовы. Я спросил, а как насчет закона и порядка, а он ответил, что у них этого добра навалом.

– Никто в тебя не стрелял?

– Никак нет, сэр. Но вот на других улицах, с нашей стороны... Люди кидали в меня камни, а какая-то старуха опрокинула из окна на меня горшок с мо... ночную вазу. Э... И есть еще кое-что, сэр. Э...

– Говори.

– Мне, э... показалось, что я узнал некоторых, сэр. Там, на баррикадах. Гм... Это наши люди, сэр...

Ваймс закрыл глаза в надежде, что, когда они откроются, мир станет лучше. Но когда он их открыл, то снова увидел розовое лицо новоиспеченного сержанта Колона.

– Фред, – вздохнул он, – по-моему, ты не до конца уловил саму идею. Есть мы, есть они, так? Солдаты, то есть *они*, Фред, должны быть *по ту сторону* баррикад. Если они находятся по нашу сторону, значит, баррикад у нас, считай, нет. Понимаешь?

– Так точно, сэр, но...

– Вот ты собираешься записаться в армию, Фред. Думаю, очутившись там, ты сразу поймешь, что армейские очень серьезно относятся к тому, кто на какой стороне.

– Но, сэр, они...

– Фред, как долго мы знаем друг друга?

– Два или три дня, сэр.

– Э... Правильно. Да, конечно. А кажется, что дольше. Ладно, неважно. Но почему, скажи мне, я прихожу сюда и узнаю, что ты опять напропускал людей с целый взвод? Или ты опять думал метафизически?

– Все началось с брата Билли Букли, сэр, – начал оправдываться Колон. – Он привел с собой дружков. Все местные ребята. А потом пришли друг детства Масхерада и еще один тип, сказался сыном соседа Дрыннов, они с Дрынном часто выпивали вместе...

– Сколько, Фред? – устало спросил Ваймс.

– Шестьдесят, сэр. Может, сейчас уже больше.

– А тебе не приходило в голову, что все это может быть частью хитроумного замысла противника?

– Никак нет, сержант, не приходило. Не могу представить, как Уолли Букли может быть частью умного плана – его ни хитрым, ни умным ну никак не назовешь. Его и в полк-то зачислили только после того, как кто-то написал краской буквы «П» и «Л» на его башмаках. Мы их *знаем*, сержант.

Большинство из этих людей вовсе не собирались задерживаться в армии, просто хотели мир посмотреть ну и, может, показать этим, ненашенским, кто тут главный. Они и подумать не могли, что старушки в родном городе будут плевать им вслед, сержант. Такое любого может подкосить. А уж булыжник в голову тем более! В них ведь и булыжниками кидались.

Ваймс сдался. Ну да, все верно...

– Хорошо, – сказал он. – Но если это будет продолжаться, очень скоро с нашей стороны баррикад окажется весь город.

«Хотя все может закончиться намного, намного хуже», – подумал он.

Люди развели на улице костры, кто-то принес котелки. Но большинство предпочли традиционный анкморпоркский способ убивать время – то есть околачивались поблизости, ожидая, а что будет дальше.

– Кстати, сержант, а дальше-то что? – спросил Сэм.

– Они нападут с двух сторон, – ответил Ваймс. – Кавалерия обойдет город снаружи и попытается ворваться через Расхлябанные ворота. Это как бы самый легкий путь. А солдаты и стражники... ну, те, кто еще не перешел на нашу сторону, подкрадутся к нам со стороны моста Призрения.

– Вы уверены, сэр?

– Конечно, – сказал Ваймс.

В конце концов, именно так все и было. Ну или почти так.

Он сжал пальцами переносицу. Когда он в последний раз спал? Спал, а не дремал или валялся без сознания.

От усталости мысли начинали путаться. Но он знал, как будет прорвана баррикада на улице Паточной Шахты. Всего одна фраза в учебнике истории, но он помнил ее. Крепости берут двумя способами: либо с помощью предателей, либо через какую-нибудь заднюю дверцу. Исторический факт.

– Но это случится через час или два, – сказал он. – Мы не такие уж важные птицы. Здесь все тихо и спокойно. А вот когда они задумаются над этим, тут-то и полетит навоз в ветряную мельницу.

– К нам все время подтягиваются люди, сержант. Некоторые говорят, что отовсюду доносятся вопли и крики. Везде сплошные грабежи и много чего дурного...

– Младший констебль?

– Да, сержант?

– Помнишь, ты хотел треснуть дубиной по башке того подонка-палача, а я остановил тебя?

– Да, сержант?

– Теперь понимаешь почему? Ломаешься ты, ломается все.

– Да, сержант, но я видел, как вы бьете людей по головам, и ничего.

– Интересное замечание, младший констебль. Логичное, к месту и произнесенное громко и четко, не без хамовитости, но в рамках субординации. Однако существует огромная разница.

– Какая, сержант?

– Сам поймешь, – огрызнулся Ваймс.

Но про себя добавил: «А такая, что Я – Это Совсем Другое Дело. Согласен, не слишком хороший ответ, потому что примерно так же рассуждают люди типа Карцера, однако точнее не скажешь. А еще я бью людей по головам, чтобы не пришлось их накалывать на меч или чтобы они не накололи на меч меня. Это тоже очень важно».

Они подошли к большому костру посреди улицы. На нем весело булькал огромный котел, и люди с мисками в руках уже выстраивались в очередь.

– Пахнет неплохо, – сказал Ваймс кому-то ворочавшему в котле поварешкой. – А, это ты, господин Достабль...

– Блюдо называется «Похлебка Победы», – возвестил Достабль. – Два пенса за миску, и это я себя без ножа режу!

– Хорошо сказано, – заметил Ваймс, глядя на странные (и что еще хуже, иногда навязчиво знакомые) куски, медленно переворачивающиеся в кипящем вареве. – А что ты туда положил?

– Это похлебка, – объяснил Достабль. – Такая наваристая, что от нее вмиг волосы на груди вырастут.

– Да, вижу, некоторые куски мяса уже покрылись щетиной, – признал Ваймс.

– Во-во! Похлебка работает!

– Выглядит... аппетитно, – слабым голосом произнес Сэм.

– Господин Достабль, тебе придется извинить младшего констебля, – сказал Ваймс. – Бедняге еще не доводилось есть похлебку, которая в ответ подмигивает.

Он взял миску, сел у стены и посмотрел на баррикаду. Люди неплохо потрудились. Честно говоря, лучшего и желать было нельзя. Баррикада, перегородившая улицу Героев, была четырнадцать футов высотой, и наверху по ней даже проложили грубые мостки. Выглядело весьма солидно.

Он прислонился к стене и закрыл глаза.

Рядом раздалось осторожное чавканье – молодой Сэм все-таки решил попробовать похлебку.

– Сержант, нам придется драться?

– Да, – не открывая глаза, ответил Ваймс.
– По-настоящему?
– Да.
– А как же переговоры? Сначала ведь всегда садятся за круглый стол, ведут всякие разговоры.
– Их не будет, – ответил Ваймс, устраиваясь поудобнее. – Может быть, потом разговоры и будут, но не сейчас.
– Но ведь должно быть наоборот!
– Да, парень, но так устроена жизнь.
Ответа не последовало. И Ваймс, убаюканный ровным шумом улицы, провалился в сон.

Майор Маунтджой-Дубс знал, что будет, если он пошлет донесение во дворец. Его светлость несколько не обрадуется вопросу: «Что мне делать дальше, сэр?» Майору не полагалось обращаться к начальству с такими вопросами, ведь ему были даны ясные и четкие указания. Разрушить баррикады и разбить силы мятежников. Вырвать сорняк предательства твердой рукой и все такое прочее. В детстве он как-то попытался вырвать один подлый сорняк твердой рукой, и эта рука еще долго была размером с поросенка.

И за баррикадами прятались дезертиры. Дезертиры! Как такое могло случиться?

Баррикада была большой, ее защищали вооруженные люди, за ней прятались дезертиры, и у него был приказ. Все как по полочкам.

Но бунтари *не бунтовали...* Майор еще раз заслал туда рядового Габитасса, и тот доложил, что там все тихо и спокойно. За баррикадами продолжалась мирная городская жизнь, чего нельзя было сказать об остальной части города, где царил хаос. Вот если бы мятежники принялись стрелять в Габитасса или швырять в него камни, все было бы гораздо проще. Но они вели себя... *прилично*. Враги государства не имеют права вести себя прилично!

Один из врагов государства сейчас стоял перед майором. Габитасс вернулся не с пустыми руками.

– Пытался за мной следить, – доложил он и повернулся к пленнику. – Ты ведь был за баррикадами, верно, паренек?

– Оно что, умеет говорить? – спросил майор, с сомнением глядя на представшее перед ним существо.

– Эй, эй, повежливее! – обиделся Шнобби Шноббс.

– Типичная уличная шпана, – пояснил кавалерист.

Майор попытался получше разглядеть пленника. Из-под огромного шлема торчал только нос, да и то лишь потому, что, как и шлем, нос был на несколько размеров больше, чем нужно.

– Капитан, на что бы его поставить? – спросил Маунтджой-Дубс.

Он дождался, пока принесут табуретку. На табуретке пленника стало лучше видно, однако недоумение майора лишь усилилось.

– Рядовой, на нем значок Городской Стражи. Это какой-то талисман?

– Сам вырезал из мыла, – похвастался Шнобби. – Чтоб стражником стать.

– Зачем? – удивился майор.

У него было очень мало времени, однако данное явление природы вызывало одновременно ужас и жгучее любопытство.

– Хочу в солдаты пойти, когда вырасту, – продолжал Шнобби, счастливо улыбаясь майору. – Солдат всегда найдет чем разжиться.

– Боюсь, для службы ты ростом не вышел, – заметил майор.

– Враг начинается с земли, – возразил Шнобби. – И кстати, башмаки-то снимаешь, когда люди уже валяются. Папаша Сконнер говорит, главные деньжата – это зубы и серьги, а я говорю: зубы, серьги... Башмаки! Вот что есть у всех! В наше время гнилые зубы у каждого второго, а тем зубодерам, что вставные зубы делают, только качественный товар подавай...

– Хочешь сказать, что решил поступить на военную службу для того, чтобы мародерствовать? – потрясенно спросил майор. – Такой маленький... мальчик?

– Папаша Сконнер как-то раз не пил два дня кряду и сделал мне солдатиков, – сообщил Шнобби. – На всех были маленькие башмачки, которые можно было...

– Замолчи, – велел майор.

– ...снять, и крошечные деревянные зубки, которые можно было...

– Заткнись! – взревел майор. – Тебя что, совсем не волнует честь? Слава? Любовь к родному городу?

– Не знаю. А сколько за них можно выручить? – оживился Шнобби.

– Они бесценны!

– Ну, тогда по мне лучше башмаки, – пожал плечами Шнобби. – За них дадут по десять пенсов, хотя, конечно, не везде, места знать надо...

– Посмотри на кавалериста Габитасса! – воскликнул майор, окончательно теряя самообладание. – Двадцать лет безупречной службы, отличный солдат! Он ни за что не унился бы до того, чтобы снимать с поверженного врага башмаки! Верно, рядовой?

– Так точно, сэр. Только полные дураки этим занимаются, сэр! –

гаркнул рядовой Габитасс^[8].

– Э... Да, верно, – пробормотал майор. – У таких бравых солдат, как рядовой Габитасс, многому можно научиться. Похоже, эти мятежники успели сбить тебя с пути истинного...

– Я не мятежник! – взвизгнул Шнобби. – Не смей называть меня мятежником! Я тебе не какой-нибудь мятежник, я настоящий анк-морпоркский пацан и горжусь этим! Ха, да как ты можешь говорить такое! Будто я мятежник! Ты, наверное, обидеть меня хотел? Я честный парень, вот так!

Крупные слезы бурным потоком хлынули по его щекам, смывая копоть и гарь и обнажая нижние грязевые слои.

Майор запаниковал. Он понятия не имел, как себя вести в подобных обстоятельствах. Казалось, слезы хлещут буквально из каждого отверстия на лице мальчишки. Тогда майор решил обратиться за помощью к Габитассу.

– Рядовой, ты, кажется, человек семейный. Что тут можно сделать?

– Я могу треснуть его по уху, сэр, – предложил рядовой Габитасс.

– Как жестоко, рядовой! Послушай, у меня где-то был носовой платок...

– Ха, у самих имеется, большое спасибо, не нужно мне ваших подачек!

Шнобби шмыгнул носом и вытянул из кармана платок. Скорее, даже несколько дюжин платков, причем один с инициалами «К. М.-Д». Платки были связаны вместе, как в шляпе у фокусника, и в эту гирлянду затесалось несколько кошельков и полдюжины ложек.

Шнобби вытер лицо первым платком и убрал всю коллекцию обратно в карман. Потом он понял, что все почему-то смотрят на него.

– Чего? В чем дело-то? – задиристо спросил он.

– Расскажи-ка нам о человеке по имени Киль, – велел майор.

– Ничегошеньки о таком не знаю, – протараторил Шнобби по давней привычке.

– Ага, раз *ничего* ты не знаешь, значит, *что-то* да знаешь! – воскликнул майор. Он был из тех людей, кто получал истинное наслаждение, ловя других на слове.

Шнобби и глазом не моргнул. Капитан наклонился к уху майора.

– Это только по правилам математики, Клайв, – сказал он. – А в грамматике это означает категорическое...

– Рассказывай нам о Киле! – заорал майор.

– Послушай, майор, – раздался голос, – почему бы тебе не поручить

это настоящим специалистам?

Майор поднял голову. В палатку вошел Карцер со своими людьми. На лице сержанта играла прежняя безумная ухмылка.

– Пленного захватили, да? – спросил он, подходя ближе и разглядывая Шнобби. – О, похоже, это главарь. Много он вам рассказал? Вряд ли. Нужно обладать особыми навыками, чтобы вытрясти что-нибудь полезное из таких шельмецов, ха-ха.

Он сунул руку в карман. Когда же он ее достал, на его пальцах блеснул бронзовый кастет.

– Ну, приятель, – продолжал Карцер, не обращая внимания на отпрянувших в ужасе военных, – ты ведь знаешь, кто я такой, верно? Я из Особого отдела. И я вижу перед собой двух сорванцов. Один из них – сообразительный малый, который собирается помочь властям в их нелегком деле, а второй – наглый шельмец, пытающийся умничать. У одного из них есть будущее и все зубы. Но что мы все о тебе? Давай немножко обо мне. Так вот, у меня есть странная особенность, вернее, привычка: я никогда не задаю вопрос дважды. Итак... ты ведь никакой не преступник, правда?

Шнобби, не спуская вытаращенных глаз с кастета, яростно закивал.

– Просто крутишься, как можешь, чтобы не сдохнуть?

Шнобби опять кивнул.

– На самом деле ты, наверное, был приличным малым, ну, до того как связался с мятежниками. Пел гимны и все такое прочее.

Шнобби еще раз кивнул.

– Этот человек, который называет себя сержантом Килем, – главарь бунтарей, верно?

Чуть помедлив, Шнобби поднял руку.

– Гм... Все делают то, что он скажет. Это одно и то же?

– Да. А как у него с харизмой?

Шнобби по-прежнему не спускал глаз с бронзового кастета.

– Э-э... Понятия не имею. Вроде особо не харкает.

– А о чем говорят за баррикадами, мой юный друг?

– Гм... ну, о свободе, равенстве и братстве, всяком таком, – ответил Шнобби.

– Ага! Мятежные разговоры! – воскликнул Карцер и выпрямился.

– Правда? – нахмурился майор.

– Уж поверь мне, майор, – сказал Карцер, – если люди собираются вместе, чтобы поговорить о свободе, равенстве и братстве, ничем хорошим это не кончится. – Он опустил взгляд на Шнобби. – Так, интересно, что у

меня есть в кармане для хорошего мальчика? Ага... Чье-то ухо. Еще тепленькое. Получай, приятель.

– Ух ты! Спасибо, господин!

– А теперь беги и больше не попадайся мне на глаза. Не то выпотрошу.

Шнобби моментально сделал ноги. Карцер бросил взгляд на разложенную на столе карту.

– О, планируете тайную вылазку? Как это *мило*. Не хотите кровопролития, да? Майор, почему, черт возьми, вы не идете в *атаку*?

– Ну, они...

– Вы теряете своих солдат! Мятежники уже захватили четверть города! А вы собрались подкрадываться к ним с тыла? По мосту и улице Вязов, как я вижу! Тихонечко-тихонечко... Как настоящие трусы! – Карцер хлопнул ладонью по столу так, что майор подпрыгнул.

– Неправда! Я никого не боюсь! – соврал Маунтджой-Дубс.

– Сейчас город – это ты! – рывкнул Карцер. В углах его рта запузырилась белая пена. – Это они подкрадываются и таятся, но тебе это не пристало! Ты идешь в лобовую атаку, отправляешь всех в преисподнюю, вот что ты делаешь! Они воруют у тебя улицы – ты их отвоевываешь назад! Они ставят себя вне закона – ты возвращаешь им закон!

Карцер отошел на шаг, и его маниакальная ярость унялась так же быстро, как и вскипела.

– Таков мой совет, – сказал он. – Конечно, ты свое дело знаешь лучше. Но лично я беру своих парней, тех, кто остался в живых, и иду сражаться. Уверен, его светлость по достоинству оценит твои усилия. Ведь ты делал все, что в твоих силах.

Он с гордым видом вышел из палатки, и горстка особистов последовала за ним.

– Э... Клайв, ты в порядке? – спросил капитан, заметив, что у майора закатились глаза.

– Какой *ужасный* человек, – пробормотал майор.

– Э... Да, конечно. С другой стороны...

– Да-да, я понимаю. У нас нет *выбора*. Нам отдали приказ. Этот... хорек прав. Если утром треклятая баррикада все еще будет на месте, мне можно будет забыть о карьере, да и тебе тоже. Демонстрация силы, без страха в бой, пленных не брать – вот наши приказы. Глупые, глупые приказы... – Он вздохнул.

– Ну, мы можем им не подчиниться... – осторожно заметил капитан.

– С ума сошел? А потом что будем делать? Не будь дураком, Том. Строй людей, вели возничим запрягать волов, устроим представление на

славу. И покончим наконец со всем этим!

Ваймс открыл глаза и увидел собственное лицо. Лицо было молодое, почти без морщин. Но сейчас на этом лице был написан ужас.

– Чё?.. Чё случилось?

– Сержант, они притащили осадные орудия! Наступают на нас по улице!

– Что? Какая глупость! Здесь самая высокая баррикада! Пары человек достаточно, чтобы оборонять ее!

Ваймс вскочил на ноги. Скорее всего, отвлекающий маневр. К тому же глупый.

Именно здесь Дрынн с приятелями перегородили дорогу двумя огромными повозками, на которых потом выросла сплошная стена из дерева и хлама. В стене был предусмотрительно оставлен проход – достаточно низкий, так чтобы тот, кто желал попасть на территорию Республики, входил туда согнувшись. Если вошедший оказывался солдатом, было очень удобно сразу слегонца стукнуть его по голове. Сейчас люди появлялись из лаза один за другим, как крысы.

Ваймс вскарабкался на баррикаду и оглядел улицу. С дальнего конца на них надвигалась металлическая стена, окруженная пылающими факелами. В неосвещенном городе было видно только ее. Но сразу он понял, что это такое.

Эта стена была установлена на тяжелой повозке, и называлась она Большая Мэри. Ваймсу приходилось видеть такие раньше. Повозку тащила пара волов. Стена на самом деле была деревянной, металл ее покрывал только снаружи, чтобы противник не поджег доски. И вся конструкция предназначалась для защиты притаившихся за надежной стеной людей с большими крюками на длинных цепях...

Они забрасывали крючья на баррикаду, потом быков разворачивали, возможно, впрягали еще четырех животных, и не существовало в мире деревянной конструкции, которая устояла бы против такого.

Прямо перед повозкой к баррикаде катилась испуганная толпа. Люди спешили изо всех сил, чтобы не оказаться раздавленными.

– Какие будут приказы, сержант? – спросил подоспевший Фред Колон. Он посмотрел на улицу. – Ох ты...

– Да, в такие минуты начинаешь жалеть, что в Страже не служат тролли, – сказал Ваймс. – Думаю, Детр...

– Тролли? Вот еще не хватало, служить вместе с троллями... – фыркнул Колон. – Слишком долго думают, прежде чем выполнить приказ.

«Ну-ну, пройдет какое-то время, и ты запоешь совсем по-другому...» – подумал Ваймс, но вслух сказал:

– Так. Все, кто не может или не должен держать оружие, отойдите как можно дальше, понятно? И передайте Дикинсу, что нам потребуются все свободные люди, хотя... Проклятье!

Разве так было в прошлый раз? Тогда баррикады тоже атаковали, но это был лишь отвлекающий маневр, чтобы дать кавалерии подобраться с другой стороны. А *такого* Ваймс не помнил.

Он бросил взгляд на осадную машину. В верхней части раскачивающейся стены, за металлической броней, был предусмотрен узкий карниз, на котором стояли лучники, стрелявшие во всех, кто пытался помешать продвижению Большой Мэри.

Ваймс был почти уверен, что в предательском свете факелов разглядел лицо Карцера. Даже на таком расстоянии это его жуткое выражение лица сразу узнавалось.

Загорло мертв. А когда все бегают взад и вперед в полном смятении, целеустремленный человек, если не потеряет голову, легко может добиться своего. «В конце концов, – подумал Ваймс, – я же добился».

Он спустился с баррикады и окинул взглядом подчиненных.

– Мне нужен доброволец, *нет, только не ты, Сэм*. Букли, ты подойдешь. Твой отец – плотник, правильно? Тут за углом есть мастерская. *Сбегай* туда и принеси пару киянок и деревянные клинья или гвозди подлиннее... В общем, что-нибудь острое. Бегом, бегом, бегом!

Букли кивнул и умчался прочь.

– И... Сейчас подумаю... Да, мне нужен свежий имбирь. Примерно на два пенса. Масхерад, сгоняй в аптеку за углом, хорошо?

– Для чего все это нужно, сержант? – спросил Сэм.

– Пора добавить заварухе немного остроты.

Ваймс снял шлем и доспехи и кивнул на лаз в баррикаде, из которого продолжали лезть люди.

– Фред, мы с тобой попробуем выйти здесь. Сможешь проложить нам путь?

– Попытаюсь, сержант. – Фред расправил плечи.

– Мы остановим эту повозку. Быстро передвигаться она не может, а вокруг такой шум и гам, никто ничего не успеет заметить... Ух ты, это было быстро. Спасибо, Билли.

– Похватал все, что попало под руку, сержант, – задыхаясь, сообщил подбежавший с небольшим мешком Букли. – Я догадался, что ты задумал, сержант, сам проделывал в детстве подобные штуки... Это мы так

развлекались.

– Вот и мы тоже, – сказал Ваймс. – Ага, имбирь, чудесно. Аж глаза слезятся. Пойдешь с нами, Билли? Приготовься, Фред.

Чтобы пробиться сквозь толпу перепуганных людей на другую сторону баррикады, потребовалась вся масса Колона и все силы толкавшего его Ваймса. Затем в темноте Ваймс локтями проложил себе дорогу к осадной машине. Она была похожа на огромный таран, неуклонно продвигающийся вперед по улице, но на ней сидело столько людей, что повозка двигалась рывками и ползла медленнее пешехода. Карцер, подумал Ваймс, наверняка получает огромное удовольствие от этой поездки.

Благодаря толпе он незаметно подобрался к повозке и, нырнув под нее, вытащил киянку и клин из мешка Букли.

– Билли, займись левым задним колесом, а потом убегай, – велел Ваймс.

– Но, сержант...

– Это приказ! Убирайся отсюда, возвращайся за баррикаду и уводи с улицы людей, чем быстрее, тем лучше. Выполняй!

Ваймс подполз к одному из передних колес и приложил клин к зазору между колесом и осью. Повозка остановилась на мгновение, он тут же вставил клин и ударил по нему молотком. Он успел сделать еще один удар, прежде чем повозка заскрипела от усилий волов, чтобы рывком сдвинуться еще немного вперед. Ваймс быстро вернулся назад и отобрал у Билли мешок. Коротышка Букли, одарив его на прощанье упрекающим взглядом, скрылся в лесу людских ног.

Ваймс вбил третий клин, когда громкие крики где-то сзади сообщили ему о том, что отсутствие движения не осталось незамеченным. Колеса раскачивались, и клинья застревали еще прочнее. Теперь освободить колеса можно было, только сняв их с осей.

Однако волам силы не занимать. Будь их побольше, они столкнули бы с места и повозку, и баррикаду. Но самое замечательное состояло в том, что все стремились в сторону баррикады. И никому не пришло в голову, что кто-то может явиться как раз с противоположной стороны...

Ваймс опять растворился в шумной неразберихе ночи. Вокруг сновали солдаты, стражники, беженцы, все куда-то спешили, и все громко ругались. В неверном полумраке Ваймс был всего лишь еще одной тенью. Он решительно обогнул повозку и приблизился к вознице, который охаживал палкой волов, хотя те и без того напрягали все силы. Возница явно принадлежал к типу людей, которые в викторине «Как тебя зовут?» выбивали шесть очков из десяти. Это обнадеживало.

Ваймс даже не стал замедлять шаг. Главное – не дать сказать ни слова. Никаких «Но...» и тем более «А ты кто такой?». Оттолкнув возницу в сторону, он окинул потных животных свирепым взглядом.

– Так, понятно, в чем загвоздка, – произнес он голосом человека, который знает о волах вообще все на свете. – Ого, да у них же пролипы! Ну, это дело поправимое. Подними-ка хвост этому волу. Живо!

Возничий подчинился властному голосу. Ваймс сжал в ладони кусочек имбиря. «Ну что ж, – подумал Ваймс. – Добавим этой холодной ночи чуточку тепла...»

– Так. Переходим к следующему... Отлично. А теперь я пойду огляжусь и... В общем, огляжусь, – закончил Ваймс и поспешил снова скрыться в темноте.

Пробившись сквозь толпу, он нырнул в узкий проход.

– Все в порядке, сержант, я заметил, как ты пробираешься сквозь стулья из гарнитура госпожи Резерфорд, – обрадованно затараторил Фред Колон, помогая ему подняться на ноги. – Ты остановил ее, сержант, будь уверен. Ты действительно... Ургх...

– Да, не стоит жать мне руку, пока я ее как следует не вымою, – сказал Ваймс, направляясь к колонке.

Он напряженно прислушивался к звукам с той стороны баррикады. Сначала все было тихо. Зато потом...

Некоторое время после его визита к волам особо ничего не происходило. Ну, если не считать того, что глаза животных сначала медленно-медленно сошлись к переносицам, после чего принялись наливать кровью. Требуется немало времени, чтобы в голове вола начался какой-то процесс. Зато когда процесс пошел, его уже не остановить.

Мычание взяло старт с самой низкой ноты. Это был тот самый утробный, постепенно повышающийся звук, который разносился по древней тундре, сообщая первобытному человеку, что приближается обед или, быть может, смерть. Неважно, что именно, главное – оно охренеть какое злое. Это был крик души крупного зверя, который вдруг понял, что, невзирая на свои размеры, он слишком мал, чтобы вместить все переполняющие его чувства. И сейчас этот крик звучал дуэтом.

Поднявшись на баррикаду, Ваймс увидел, как люди со всех ног мчатся во все стороны. Потом вся Большая Мэри резко дернулась. Это выглядело не особенно впечатляюще – если не знать, что прямо сейчас туда-сюда прыгают целых две тонны дерева и железа. Затем раздался хруст, два заклиненных колеса Большой Мэри треснули, и в туче огня, щепок, дыма и

пыли огромная махина повалилась набок.

Ваймс начал считать про себя и успел досчитать до двух, когда из клубов дыма выкатилось тележное колесо и покатило прочь по дороге. Типичнейшая концовка любой аварии.

Впрочем, главное представление только начиналось. Волы, безнадежно запутавшиеся в обломках повозки и обрывках сбруи, превратились в одно разъяренное существо, лишь шесть из восьми ног которого могли нащупать под собой опору. Так вот, используя все доступные конечности, существо сумело развить поразительную скорость, стремительно удаляясь в противоположном от баррикады направлении.

А дальше по улице стояли другие волы, которых собирались использовать для решающего рывка. Теперь же эти животные с тревогой наблюдали за приближением двоих своих собратьев. Грохот рухнувшей Большой Мэри и без того перепугал их, а когда они к тому же ощутили надвигающийся на них запах страха и ярости, терпению волов пришел конец и они дружно затопали назад по улице – как раз туда, где выстроились лучники. Те, в свою очередь, обратились в бегство, налетев на подпиравшую их сзади кавалерию. Лошади никогда не испытывали особого расположения к вооруженным людям, а в последние минуты к тому же нервничали. И теперь они решили сбросить напряжение, вышибая дух из всех, кто подворачивался им под копыта.

Дальнейшее с баррикады было не видно, но всякие интересные звуки доносились еще достаточно долго.

Сержант Колон наконец захлопнул рот.

– Ну ни хрена себе... – пробормотал он с восхищением.

Где-то далеко разбилось стекло.

– Они вернутся, – сказал Ваймс.

– Да, но не все, – заметил Букли. – Отличная работа, сержант.

Ваймс обернулся и увидел, что Сэм смотрит на него широко открытыми, обожающими глазами. В этих глазах сержант Киль выглядел настоящим героем.

– Да ладно тебе, парень. Мне просто повезло, – отмахнулся Ваймс. – Но всякие маленькие хитрости действительно могут оказаться полезными. И никогда не бойся замарать руки.

– Но, сержант, мы ведь теперь можем победить! – воскликнул Сэм.

– Нет, не можем. Но можем оттянуть поражение до тех пор, когда будет уже не слишком больно. – Ваймс повернулся к остальным стражникам. – Все, ребята, за дело. Повеселились немного, но до рассвета еще далеко.

Новости разнеслись прежде, чем он успел спуститься с баррикады. Толпа встретила его ликующими криками и презрительными шуточками в адрес солдат. Мы им показали, да? Не понравился вкус холодной стали этим... другим анк-морпоркцам! И мы еще им покажем, верно?

И все это благодаря нескольким деревянным клиньям, свежему имбирю и огромной удаче. Второй раз такое уже не пройдет.

Хотя, может, этого и не понадобится. Ваймс попытался припомнить все, что знал о том заказном убийстве. Оно так и осталось неразгаданным. Ветруна убили в зале, полном людей, и никто ничего не заметил. Кто-то предположил, что без магии дело явно не обошлось, но волшебники горячо отрицали свое участие. Некоторые историки потом стали утверждать: мол, убийца смог подобраться к патрицию лишь потому, что окружавшие дворец войска были посланы против баррикад, но это все равно не давало ответа на вопрос. Того, кто сумел зарезать человека в ярко освещенной, полной народа комнате, вряд ли остановила бы охрана, болтавшаяся где-то на темных улицах.

Конечно, когда новым патрицием стал Капканс, никто уже не пытался докопаться до истины. Люди стали говорить нечто вроде: «Вероятно, правду мы так никогда и не узнаем», что в переводе Ваймса звучало как: «Я знаю или думаю, что знаю, правду, и надеюсь, что она никогда не станет известной, потому что все успокоилось, и хвала богам».

А что, если мы не проиграем?

Киль не убивал Большую Мэри. В том, другом настоящем ее не использовали. У армейских тогда хватило ума обойтись без нее. От этой машины мог бы быть прок в мелкой стычке с мирными жителями, но только полный дурак мог применить Большую Мэри против укреплений, обороняемых профессионально. Теперь машина превратилась в обломки, и атакующим придется придумывать новый план, причем быстро, потому что время не стоит на месте...

А что, если мы не проиграем?

Достаточно было просто держаться. У людей наверху очень короткая память. Ветрун таинственно погиб, да здравствует лорд Капканс! И все мятежники вдруг преображаются в борцов за свободу. А на кладбище появляются семь пустых могил...

Но тогда... сможет ли он, Сэмюель Ваймс, вернуться домой? А если Мадам права и ему предложат должность командора не в качестве взятки, а потому что он ее заслужил? Это ведь изменит всю историю!

Он достал портсигар и внимательно оглядел надпись.

«Так, давай прикинем, – думал он. – Если бы я не познакомился с

Сибиллой, то мы бы не поженились и она не купила бы мне этот портсигар. Но ведь вот он, я вижу его...»

Он долго вглядывался в причудливую гравировку, ему уже почти хотелось, чтобы она исчезла. Но она и не думала исчезать.

С другой стороны, тот старый монах говорил, что случившееся остается случившимся. Перед мысленным взором Ваймса возникли Сибилла, Моркоу, Детрит и остальные, застывшие в некоем мгновении, у которого никогда не будет продолжения.

Он хотел вернуться домой. Хотел до дрожи. Но если ради этого придется отдать хороших людей на съедение тьме и заполнить те могилы, если для этого придется сражаться не в полную силу... Нет, такую цену он не готов заплатить.

Ваймс понимал, что на самом деле сам он ничего не решает. Решение родилось значительно глубже тех областей разума, где принимаются решения. Оно было его неотъемлемой частью, его сутью. Нет такой вселенной, где Сэм Ваймс в подобных обстоятельствах отказался бы сражаться. Потому что это был бы уже не Сэм Ваймс.

Надпись на серебре не исчезла, но расплылась – ему на глаза навернулись слезы. Ваймс плакал от злости, а злился по большей части на себя самого. Он ничего не мог поделать. Он не покупал билет, он вообще не хотел никуда ехать, но сейчас он отправился в путь, и до конечной остановки ему не сойти.

Что там еще говорил тот старый монах? Что история всегда найдет выход? Ну, раз так, ей придется здорово поломать голову, потому что теперь на ее пути встал Сэм Ваймс.

Он поднял голову и заметил, что молодой Сэм наблюдает за ним.

– Сержант, с вами все в порядке?

– В порядке, в порядке.

– Вы добрых двадцать минут сидели и рассматривали свои сигары.

Ваймс закашлялся, убрал портсигар и попытался сосредоточиться.

– Предвкушение – это часть удовольствия, – сказал он.

Ночь тянулась мучительно медленно. С баррикад у ворот и мостов поступали донесения о мелких стычках. Похоже, военные испытывали оборону на прочность, но всерьез атаковать не пытались. И все больше солдат дезертировали и присоединялись к защитникам.

Дезертиры продолжали прибывать еще и потому, что люди с практическим складом ума интуитивно сразу просчитывают складывающуюся экономическую ситуацию. На территорию Народной Республики Улицы Паточной Шахты не попало ни одно из важных

строений города. Здесь не было ничего из того, что в первую очередь стараются захватить традиционные революционеры: ни чиновничьих контор, ни банков... Разве что несколько храмов. Республика была почти начисто лишена управленческих зданий.

На территории Республики сосредоточились исключительно маловажные и незначительные объекты. Например, весь район скотобоен, а также масляный и сырный рынки. Здесь находились табачные лавки, свечные заводи, большая часть фруктовых и овощных складов, хранилища зерна и муки. Таким образом, республиканцы, лишенные столь важных вещей, как правительство, банковские услуги и средства спасения души, были прекрасно обеспечены всякой не стоящей упоминания ерундой типа еды и питья.

Люди, как правило, готовы сколько угодно ждать спасения своей души, но обед, будьте любезны, подайте в течение часа.

– Подарок от одних ребят, которые хотели проехать через Расхлябанные ворота, сержант, – доложил сержант Дикинс, пригнав груженую повозку. – Сказали, забирайте, мол, а то все равно придется выкинуть, испортится ведь. Я передам все на полевые кухни?

– А что у тебя там? – спросил Ваймс.

– В основном бифштексы, – с усмешкой ответил старый сержант. – Но мне удалось именем революции вернуть свободу мешку лука! – Он заметил, как изменилось лицо Ваймса. – Нет, сержант, тот человек сам отдал мне его. Сказал, мол, всем есть хочется.

– А что я вам говорил?! В Народной Республике каждый день будет пир горой! – заявил подошедший Редж Башмак. При нем был планшет с бумагами; такие люди, как Редж, никогда не выпускают планшета из рук. – Ты должен сдать все продукты на официальный склад, сержант.

– На какой такой склад?

Редж вздохнул.

– Все продукты должны поступать на общий склад, где мои подчиненные будут распределять их в соответствии с...

– Господин Башмак, – перебил его Дикинс, – за мной следует повозка с пятьюстами куриными тушками и еще одна, полная яиц. Их некуда распределять, понятно? Мясники уже забили все ледники и коптильни, и все эти харчи мы можем распределить только по собственным желудкам. Лично я не стал бы привлекать к этому никаких клерков.

– Именем революции, приказываю... – начал было Редж, но Ваймс положил руку ему на плечо.

– Проезжай, сержант, – сказал он, кивнув Дикинсу. – Надо кой о чем

пошептаться, Редж.

– Вы предлагаете ввести военную кооперацию? – неуверенно спросил Редж, вцепившись в свою папку.

– Нет, Редж, ни в коем случае. Видишь ли, мы тут в настоящей осаде. Сейчас не время. Пусть сержант Дикинс сам во всем разберется. Он справедливый человек, только вот планшетов с бумажками не любит.

– А если кого-нибудь обделят?

– Еды столько, что все смогут нажраться до отвала, Редж.

Редж Башмак выглядел весьма разочарованным. Похоже, его такая перспектива привлекала куда меньше, чем тщательно нормированный, скудный паек, выдаваемый строго по списку.

– И вот еще что, – сказал Ваймс. – Если все затянется, город позаботится о том, чтобы еду начали доставлять через другие ворота. Вот тогда мы начнем недоедать. И тогда нам очень понадобятся твои организационные способности.

– То есть будет голод? – спросил Редж, и в глазах его вспыхнул огонек надежды.

– Если его и не будет, не сомневаюсь, Редж, ты нам его без труда организуешь, – хмыкнул Ваймс и тут же понял, что перегнул палку.

Редж вовсе не был идиотом. Просто его глупость имела строго ограниченное применение, и при последних словах Ваймса он чуть не расплакался.

– Я просто думал, что очень важно быть справедливым... – пробормотал он.

– Да, Редж, понимаю. Но всему свое время и место, понимаешь? Может, не нужно с нуля строить чудесный новый мир, а стоит немного подчистить старый? Ну все, ступай. А ты, младший констебль Ваймс, проводи его и помоги, если что...

Ваймс забрался на баррикаду. Город по ту сторону снова окутала тьма, лишь редкие лучики фонарей отражались в разбитых стеклах. По сравнению с этой картиной улицы Республики буквально купались в свете.

Через несколько часов лавки откроются, чтобы принять товар, который так и не доставят. Тут уж властям отмолчаться не удастся. Даже в самые лучшие времена такие города, как Анк-Морпорк, от хаоса отделяют всего-навсего две кормежки.

Каждый день около сотни коров умирают ради Анк-Морпорка. А также отара овец, стадо свиней и одни только боги знают сколько уток, кур и гусей. Мука? Ваймс слышал, что город потребляет в день восемьдесят тонн муки, примерно столько же картофеля и порядка двадцати тонн

селетки. Не то чтобы он специально интересовался этим, но с тех пор, как Стража взялась разрешить извечную проблему дорожного движения, ему пришлось выучить множество всяких цифр.

Каждый день курицы несут для города сорок тысяч яиц. Каждый день сотни, тысячи повозок, лодок и барж со всех сторон привозят рыбу, мед, устриц, маслины, угрей и лобстеров. И не надо забывать о лошадях, которые все это везут, о мельницах, которые мелют... А еще в город доставляют шерсть, ткани, табак, пряности, руду, лес, сыр, уголь, жир, сало, сено. *И ТАК КАЖДЫЙ ДЕНЬ...*

И это сейчас. В будущем, которое Ваймс привык считать своим домом, город стал в два раза больше.

Ваймс смотрел вдаль, и ему представилась картина Анк-Морпорка целиком – она словно проступила на черной ночной доске. Анк-Морпорк – не город, а процесс, тяжелым бременем лежащий на ткани мира, заставляя ее прогибаться на сотни миль вокруг. Множество людей, которые ни разу не были в Анк-Морпорке, тем не менее всю жизнь работали на него. Тысячи и тысячи акров полей и лесов были всего лишь его придатками. Он всасывал их в себя и поглощал...

...и возвращал в виде навоза из загонов для скота, в виде сажи из труб, в виде стали, в виде кастрюль и прочих инструментов, необходимых, чтобы готовить ему пищу. А еще в виде одежды, моды, идей, странных пороков, песен, знаний и того, что при нормальном освещении принято называть цивилизацией. Это и есть цивилизация. Цивилизация значит большой город.

Интересно, кто-нибудь там, в ночном городе, думает сейчас об этом?

Огромная часть товара поступает в Анк-Морпорк через Луковые и Расхлябанные ворота, которые в данный момент надежно заблокированы республиканцами. Несомненно, власти попытаются перехватить грузы, выставив армейские караулы с внешней стороны стен. И те повозки, что сейчас к ним направляются, не смогут проехать через эти ворота. Однако из яиц выводятся цыплята, и молоко скисает независимо от политической воли, а скот необходимо где-то размещать, кормить и поить. Смогут ли военные разобраться, кого и куда направить? Да и будут ли разбираться? С кучей сгрудившихся телег, подпираемых сзади другими телегами, тогда как свиньи и коровы разбегаются в разные стороны?..

Кто-нибудь об этом подумал? Кто-нибудь из шишек? Машина дала сбой и встала, но Ветруна и его закадычных друзей мало интересуется машина, их интересуют только деньги. Мясо и выпивка? Их приносят слуги. Еда просто *случается*.

Вот Витинари, тот никогда не упускал таких вещей из виду. Тот Анк-Морпорк, который Ваймс звал своим домом, был в два раза больше и в четыре раза уязвимее нынешнего. Витинари никогда не допустил бы такого сбоя. «Маленькие колесики должны вращаться, – сказал бы он, – чтобы вся машина продолжала работать».

Но сейчас, в темноте, все это бремя легло на плечи Ваймса. Ты ломаешься, все ломается, подумал он. Вся машина ломается. Одна поломка будет вызывать другую. И ломать людей.

За спиной у него маршировала по улице Героев смена караула.

– ...Как взмывают ангелы дружно в ряд! Дружно в ряд! Дружно в ряд! Поднимают локти и летят! И летят! И летят!..

Ваймс стоял, глядя на улицу по ту сторону баррикады сквозь зазор в гряде старой мебели. А может, Фред был в чем-то прав, подумалось ему. Может, и правда стоило продолжать двигать баррикады все дальше и дальше, просеивая улицы, как сквозь сито? Пропускать приличных людей, оставляя снаружи негодяев, разбогатевших сутенеров, умельцев крутить и вертеть человеческими судьбами, вымогателей, дармоедов, подлиз и льстецов, сладкоречивых жирных подонков в богатых одеждах – всех тех, кому наплевать на машину, кто просто ворует ее смазку... Неуклонно продвигаться по улицам, отсеивая всю эту шушеру, пока она не окажется заперта в маленьком кружке посередине, да там ее и оставить. Раз в два дня можно бросать им туда пищу, или пусть они выживают так, как привыкли, то есть за счет тех, кто рядом...

На темных улицах было тихо. Интересно, что там сейчас происходит? Хоть кто-нибудь там делом занимается?

Майор Маунтджой-Дубс тупо тарашился на треклятую карту.

– Сколько? – спросил он.

– Тридцать два раненых, еще двадцать человек, вероятно, дезертировали, – доложил капитан Препиракль. – Ну и Большая Мэри превратилась в головешки, конечно.

– О боги...

– Хочешь услышать остальное?

– Еще не все?

– Боюсь, что нет. Прежде чем покинуть улицу Героев, Большая Мэри разбила витрины в двадцати лавках и в щепки разнесла несколько повозок. Ущерб составляет приблизительно...

– Превратности войны, капитан. Мы здесь бессильны!

– Конечно. – Капитан откашлялся. – А рассказать, что случилось

потом?

– Потом? Было еще и потом? – Майор начал впадать в панику.

– Гм... ну да. Честно говоря, потом было много чего. Гм. Все ворота, через которые обычно в город ввозятся продукты, по твоему приказу были перекрыты. Извозчики и погонщики скота пытались доставлять свой товар по Короткой улице. К счастью, ночью животных было не слишком много, но на улице в тот момент присутствовали шесть повозок с мукой и одна повозка с сухофруктами и пряностями, а также четыре повозки с молочными продуктами и три повозки шаробейников. Ну, волы там и устроили. Очень темпераментные звери попались.

– Шаробейники? А это еще кто такие? – спросил совершенно сбитый с толку майор.

– Торговцы яйцами. Они ездят по фермам, скупают яйца...

– Все, понял! И что нам с этим делать?

– Можно испечь огромный торт.

– Том!

– Извини. Но город никогда не останавливается, понимаешь? Он не похож на поле боя. А для городских сражений лучше всего подходят поля сразу за стенами, где ничего не мешает.

– Это слишком большая баррикада, Том. И слишком защищенная. Мы даже не можем поджечь ее, потому что вслед за ней запылает весь город!

– Конечно. А еще наши трудности состоят в том, что мятежники ничего не делают. Просто сидят за ней, и все.

– Что ты имеешь в виду?

– Они поднимают на баррикады старушек, чтобы те кричали на наших ребят. Бедный сержант Франклин... Бабушка увидела его с баррикады и сказала, что, если он немедленно не прекратит, она всем расскажет, что с ним произошло, когда ему было всего одиннадцать.

– Но ведь наши люди вооружены, разве нет? – осведомился майор, вытирая пот со лба.

– Да, конечно. Однако мы настойчиво рекомендовали им не стрелять в невооруженных старушек. Мы же не хотим повторения Сестер Долли, верно?

Майор снова уставился на карту. Должен же быть какой-то выход...

– Кстати, а что случилось с сержантом Франклином, когда ему было всего одиннадцать? – спросил он машинально.

– Она так и не сказала.

Чувство величайшего облегчения вдруг нахлынуло на майора.

– Капитан, ты вообще понимаешь, с чем мы столкнулись?

- Уверен, ты сейчас со мной этим поделитесь.
- Конечно же, Том, конечно! Это *политика*, Том. А мы – солдаты. А политика – дело тех, кто стоит над нами.
- Правильно. Отличная догадка!
- Найди какого-нибудь нерадивого лейтенанта и пошли его с донесением к их светлостям, – велел майор.
- Не слишком ли это жестоко, сэр?
- Конечно жестоко. Это ведь *политика*.

Лорд Альберт Силачия недолюбливал балы. Слишком много политики. А уж этот бал раздражал его даже больше прочих, потому что приходилось пребывать в одном помещении с лордом Ветруном, которого он в глубине души считал Дурным Типом. В личном словаре лорда Силачии не было более сурового порицания. К тому же, избегая встречи с Ветруном, он пытался одновременно избегать лорда Вентурии. Их семьи уже много лет сердечно ненавидели друг друга. Что за историческое событие положило начало вражде, лорд Альберт точно не знал. Но это определенно было нечто значительное, потому что только идиоты могут веками ненавидеть друг друга из-за какого-то пустяка. Если бы Силачии и Вентурии были горными кланами, они враждовали бы не на жизнь, а на смерть: кровная месть, похищение скота, все дела. Однако отпрыски двух наиболее влиятельных аристократических семейств в городе не могут себе такого позволить, им приходится всего лишь проявлять подчеркнуто ледяную, полную злобы вежливость в тех случаях, когда бурление сливок общества сталкивает их друг с другом.

И вот сейчас, двигаясь по тщательно просчитанной орбите, которая позволяла ему миновать наиболее опасные политические зоны этого гнусного бала, лорд Альберт Силачия вдруг столкнулся нос к носу с лордом Чарльзом Вентурией. Лорду Альберту была неприятна сама мысль о том, что где-то тут ходит лорд Вентурия, не говоря уже о том, чтобы вести с ним светскую беседу за бокалом довольно посредственного вина. Однако скрытые балльные течения не оставили ему никакой возможности избежать разговора без того, чтобы не показаться невежливым. Согласно этикету, принятому в высшем обществе Анк-Морпорка, позволительно унижать друзей, как и когда вздумается, но проявить невежливость по отношению к своему злейшему врагу есть верх неприличия.

– Вентурия... – произнес лорд Альберт, поднимая бокал на точно отмеренную долю дюйма.

– Силачия... – ответил лорд Вентурия, делая то же самое.

– Мы на балу, – сказал Альберт.

– Несомненно. Вижу, ты стоишь.

– Несомненно. Ты, как я вижу, тоже.

– Несомненно. Несомненно. К слову, я заметил, тут это весьма распространенная позиция.

– Несомненно. Однако нельзя не признать, что горизонтальное положение не лишено определенных преимуществ, когда речь идет, скажем, о сне, – отозвался Альберт.

– Именно так. Тем не менее здесь это невозможно.

– О, несомненно. Несомненно^[9].

С другого конца бального зала к ним быстрым шагом направилась дама в платье глубочайшего лилового оттенка, улыбкой прокладывая себе дорогу.

– Лорд Силачия? – спросила незнакомка, протягивая ручку. – Я слышала, вы блистательно выполняете свой славный долг, защищая нас от толпы!

Его светлость, будучи поставленным на светский автопилот, напряженно поклонился. Он не привык общаться с напористыми женщинами, а перед напором этой дамочки отступил бы кто угодно. Однако все безопасные темы разговора с Вентурией были исчерпаны.

– Боюсь, вы слишком любезны со мной, сударыня, и я вряд ли смогу ответить вам тем же... – пробормотал он.

– О, конечно же сможете! – воскликнула Мадам, одарив лорда Силачию такой лучезарной улыбкой, что он забыл вникнуть в смысл ее ответных слов. – А кто этот импозантный военный? Ваш товарищ по оружию?

Лорд Силачия оказался в крайне затруднительном положении. Его воспитание требовало сначала представить мужчину даме, а эта улыбчивая особа не сообщила своего...

– Леди Роберта Мизероль, – представилась она. – Все называют меня Мадам, но моим близким друзьям позволено звать меня Бобби.

Лорд Вентурия щелкнул каблуками. Он соображал несколько быстрее, чем его «товарищ по оружию»; кроме того, жена держала его в курсе последних сплетен.

– Должно быть, вы и есть та загадочная гостья из Орлеи, – промолвил он, принимая протянутую для поцелуя ручку. – Я столько о вас наслышан.

– Надеюсь, только хорошего? – спросила Мадам.

Его светлость окинул взглядом зал и убедился, что его жена с кем-то оживленно болтает. По собственному горькому опыту он знал, что ее

супружеский радар способен зажарить яйцо на расстоянии в полумиллю. Но шампанское было такое вкусное.

– По большей части дорогого, – сказал он.

Вышло не так остроумно, как хотелось бы, однако Мадам засмеялась. «Может, острога все же удалась, – подумал лорд Вентурия. – Да, шампанское действительно превосходное...»

– Женщине приходится добиваться своего любыми средствами, – улыбнулась она.

– Осмелюсь спросить, а лорд Мизероль в природе существует? – поинтересовался он.

– О, так скоро? Вечер ведь только начинается, – сказала Мадам и снова засмеялась.

Лорд Вентурия почему-то засмеялся вместе с ней. «Ну и ну, – подумал он. – Быть остроумным гораздо легче, чем я думал».

– Нет, я имел в виду... – начал было он.

– Не сомневаюсь, – перебила Мадам, легонько стукнув его веером. – Не хотелось бы злоупотреблять вашим вниманием, но я обязательно должна познакомить вас обоих с моими друзьями...

Она взяла совершенно размякшего лорда Вентурию под руку и повела куда-то через весь зал. Лорд Силачия с мрачным видом поплелся следом, размышляя о судьбе мира, который, судя по всему, катится в пропасть (и поделом!), раз приличные дамы позволяют называть себя Бобби.

– У господина Возчика обширные деловые интересы в медной промышленности, а господина Джонса весьма интересуется резина, – шепнула Мадам, когда они приблизились к небольшому, человек на шесть, кружку гостей.

Их светлости, присоединившись к беседующим, услышали конец чьей-то фразы:

– ...в такие времена человек просто обязан задаться вопросом, кому на самом деле принадлежит его верность... О, добрый вечер, мадам...

Мадам направилась было к буфетной стойке, но по пути совершенно случайно успела завязать знакомство еще с несколькими гостями, которых, как хорошая хозяйка, тут же препроводила к другим группкам. Возможно, наблюдатель, занявший позицию на одной из толстых потолочных балок, и мог бы заметить в ее действиях некую систему, да и то только в том случае, если бы знал соответствующий код. Если бы он мог пометить красными точками головы людей, которые совсем не симпатизировали патрицию, белыми точками – его закадычных друзей, а розовыми точками – тех, кто так и не определился, его глазам предстал бы весьма сложный танец.

Белых точек было немного.

Зато было несколько групп красных точек. Когда такая группа становилась достаточно многочисленной, в нее внедряли одну-две белые точки. Если после этого белый покидал группу, его или ее без особых проблем подбирали и включали в другую группу, в составе которой была парочка розовых, но преобладал красный цвет.

Любой разговор между белыми немедленно, но вежливо прерывался улыбкой и восклицанием: «О, вы обязательно должны познакомиться с...» – либо же к этой белой группе присоединялись несколько красных точек. Розовые тем временем передавались из одной красной группы в другую, пока не становились темно-розовыми, после чего им разрешалось смешиваться с другими розовыми такого же насыщенного оттенка, а кто-то из красных продолжал за ними присматривать.

Словом, розовые так часто встречались с красными и так редко – с белыми, что скоро, вероятно, вообще забывали о существовании белых; белые же пребывали либо в одиночестве, либо в группе, где преобладали красные и темно-розовые, и скоро тоже начинали краснеть от смущения или нежелания выделяться.

Лорд Ветрун оказался со всех сторон окружен красными, а немногочисленные оставшиеся белые были предоставлены самим себе. Он выглядел так, как выглядел любой патриций после достаточно долгого пребывания на этом посту: неприятно пухлым и краснолицым, с дряблыми брылями и подбородками, какие свойственны людям нормального телосложения, злоупотребляющим жирной пищей. Он потел, хотя в зале было прохладно; глазки его бегали из стороны в сторону, словно в поисках интриг, улик или подвохов.

Мадам наконец добралась до буфетной стойки, где доктор Фоллетт угощался яйцами со специями, а Розмари Лада пыталась решить для себя вопрос, должно ли ее ближайшее будущее содержать в себе странные пирожные с зеленой начинкой, которая почему-то пахла креветками.

– И как, по нашему мнению, обстоят дела? – спросил доктор Фоллетт, обращаясь, как могло показаться, к ледяной фигуре лебедя на столе.

– Неплохо, – ответила Мадам корзине с фруктами. – Однако четверо еще упорствуют.

– Уверен, что знаю, кто именно, – хмыкнул доктор. – Поверь, в конце концов они поймут, что к чему. А что еще им остается? Такие игры для нас дело привычное. Все знают, что проигравшего, который слишком громко выражает свое недовольство, могут и вовсе выгнать из игры. Но мне придется приставить к ним надежных друзей, на тот случай если

необходимо будет... подкрепить их решимость.

– Он, кажется, начинает что-то подозревать, – заметила Роза Лада.

– А разве когда-то бывало иначе? – усмехнулся доктор Фоллетт. – Ступай поговори с ним.

– А где наш новый лучший друг, доктор? – спросила мадам.

– Господин Капканс ужинает в обществе безупречно надежных людей на некотором удалении отсюда. Не на слуху, но на виду, так сказать.

Двери, ведущие в зал, распахнулись, и беседующие, как и многие гости, обернулись в ту сторону. Впрочем, разговоры тут же возобновились, поскольку это оказался всего лишь слуга. Он торопливо подошел к Мадам и что-то прошептал ей на ухо. Она указала на двоих командующих, слуга направился к ним и выжидающе замер рядом. Последовал короткий разговор, и их светлости, даже не поклонившись на прощанье лорду Ветруну, быстрым шагом вышли из зала вместе со слугой.

– Я вынуждена оставить вас. Нужно проверить, все ли в порядке, – сказала Мадам и, всем своим видом демонстрируя, что ее совершенно не интересует, куда пошли военные, направилась к дверям.

Когда она вышла в прихожую, двое слуг, стоявших у торта, тут же вытянулись по стойке «смирно», а охранявший холл стражник бросил на нее быстрый вопросительный взгляд.

– Пора, мадам? – спросил один из слуг.

– Что? О нет! Ждите. – Она летящей походкой приблизилась к командующим, о чем-то оживленно разговаривающим с двумя младшими офицерами, и взяла лорда Вентурию за руку.

– Милый Чарльз, вы так быстро нас покидаете?

Лорд Вентурия даже не удивился, откуда она знает его имя. После всего шампанского, поглощенного им за вечер, он не видел ровно никаких причин, по которым привлекательная женщина определенного возраста может не знать, как его зовут.

– О, осталась пара-другая очагов сопротивления, – бросил он небрежно. – Вам не о чем беспокоиться, мадам.

– А точнее один, но чертовски большой, – пробормотал в усы лорд Силация.

– Они разрушили Большую Мэри, сэр, – доложил несчастный посыльный. – А еще они...

– Неужели майор Маунтджой-Дубс не может справиться с горсткой гражданских, несколькими бестолковыми стражниками и парочкой ветеранов, вооруженных садовыми вилами?! – возмутился лорд Вентурия, который понятия не имел, сколь грозным оружием становятся садовые

вилы, если их метнуть откуда-нибудь сверху.

– В этом все и дело, сэр, они ветераны и знают...

– А гражданские? Безоружные горожане? – спросил Вентурия.

Посыльный, вусмерть перепуганный младший лейтенант, никак не мог подыскать нужных слов, чтобы объяснить, что «безоружный горожанин» – это все-таки не самое точное описание здорового мясника с длинным крюком в одной руке и разделочным ножом в другой. Многие молодые люди записывались в армию только потому, что там давали мундир и отдельную койку. Такого обращения они никак не ожидали.

– Разрешите быть откровенным, сэр, – рискнул лейтенант.

– Разрешаю.

– Солдаты пали духом, сэр. Они готовы убить клатчца, не моргнув и глазом, сэр, но... некоторые ветераны служили в нашем полку, и они кричат такие слова, сэр... В полку много местных ребят, можете представить, что они чувствуют. А что кричат некоторые старушки, сэр!.. Некоторых слов я раньше и не слышал. В Сестрах Долли все было очень скверно, но здесь еще хуже. Простите, сэр.

Их светлости посмотрели в окно. Половина полка охраняла дворцовый парк. Все последние нескольких дней эти солдаты несли только караульную службу.

– Немного твердости и быстрый натиск! – сказал Силачия. – Вот что нам нужно, клянусь Ио! Вскрыть нарыв! Для такой операции кавалерия не нужна, Вентурия. Я забираю этих людей. Свежая кровь.

– Но, Силачия, у нас есть приказ...

– Каких только приказов у нас нет, – перебил его Силачия. – Однако мы точно знаем, кто наш враг и где он находится. Не слишком ли здесь много охранников? Сколько людей требуется для защиты одного идиота?

– Мы не можем просто взять и... – начал было лорд Вентурия, но тут вмешалась Мадам:

– Я уверена, пока Чарльз здесь, его светлости ничто не грозит. – Она взяла его под руку. – В конце концов, у него тоже есть меч...

Выглянув в окно через несколько минут, Мадам убедилась, что солдаты тихо уходят из парка.

А еще через некоторое время она заметила, что стражник, охранявший холл, словно бы растворился в воздухе.

Есть определенные правила. Раз есть Гильдия Наемных Убийц, значит, должны быть и правила, которые известны всем и которые никогда, ни при каких условиях не нарушаются^[10].

Наемный убийца – настоящий наемный убийца – должен одеваться надлежащим образом: черный плащ, капюшон, закрывающий лицо, мягкие башмаки и так далее. Если бы убийцы одевались во что попало и маскировались под кого попало, что оставалось бы людям? Сидеть в маленьких комнатах, нацелив на двери заряженный арбалет?

Также наемный убийца не имеет права убивать человека, не способного себя защитить (хотя человек, зарабатывающий больше 10 000 анк-морпоркских долларов в год, автоматически признавался способным себя защитить или, по крайней мере, нанять людей, которые могут его защитить).

А еще настоящий наемный убийца должен предоставить своей жертве шанс.

Правда, некоторых ничто не спасет. Вы даже не представляете, сколько могущественных людей сошли в могилу только потому, что не воспользовались предоставленным им шансом, не почувствовали, что зашли слишком далеко и приобрели слишком много врагов. А ведь могли бы прислушаться к намекам и благополучно оставить свой пост, присвоив скромную, но вполне достаточную сумму. Могли бы понять, что машина уже остановилась, мир созрел для перемен и пора начать больше времени проводить с женой и детьми, чтобы не пришлось проводить его с более старшими родственниками, которые уже лежат в могилах.

Гильдия, разумеется, никогда не действовала от своего имени. На этот счет тоже было правило. Но когда в ее услугах возникала надобность, она всегда готова была помочь.

В далеком прошлом существовала традиция. В определенный день всем членам клана подносили особое блюдо. В нем содержался один сухой боб, и тот, кому он доставался, провозглашался Бобовым королем (возможно, сразу после посещения зубного лекаря).

Система не требовала особых затрат и работала безотказно – должно быть, потому, что маленькие лысые умники, которые на самом деле всем заправляли, тщательно отбирали возможных кандидатов и в совершенстве владели трюком подкладывания боба в нужную миску.

Итак, урожай созревали, племя процветало, земля родила, и процветал сам Король. Но когда случался неурожай, вдруг приходили ледники или скот необъяснимым образом терял в весе, маленькие лысые умники начинали точить свои длинные ножи, которыми обычно срезали омелу.

И в надлежащий день один из них уединялся в своей пещере, чтобы тщательно высушить боб.

Конечно, все это происходило задолго до того, как люди стали цивилизованными. В наше время бобы никого есть не заставишь.

Люди продолжали улучшать баррикаду. Это стало своего рода повальным увлечением, кружком по обустройству общего дома. Появились пожарные ведра, одни с песком, другие с водой. В некоторых местах баррикада стала неприступнее городской стены, учитывая то, как часто последнюю растаскивали на камни.

Со стороны центра города иногда доносился барабанный бой – кто-то перемещал войска.

– Сержант?

Ваймс опустил взгляд. Над верхней ступенькой лестницы, ведущей на баррикаду, появилось лицо.

– А, Сандра! Не знал, что ты к нам присоединилась.

– Я вовсе и не собиралась, но потом вдруг появилась эта огромная стена...

Девушка поднялась на баррикаду. В руке она держала маленькое ведерко.

– Доктор Газон посылает вам привет. А еще он очень просил поинтересоваться: как так получилось, что вы до сих пор никого не избили? – сообщила она, поставив ведро. – Он надраил три стола, вскипятил два ведра дегтя, нанял шесть женщин, чтобы те скатывали бинты... А единственный пациент, которого ему пока пришлось врачевать, страдал кровотечением из носа. Доктор говорит, вы его очень сильно подвели.

– Передай ему в ответ сердечное «ха-ха-ха», – ответил Ваймс.

– Я принесла вам завтрак, – сказала Сандра, и Ваймс заметил, что снизу, не особенно скрываясь и гнусно хихикая, за ним наблюдают подчиненные.

– Грибы? – спросил он.

– Нет, – ответила девушка. – Меня просили передать, что, поскольку завтрашний день уже наступил, вы можете получить все, чего так желали...

Ваймс на мгновение напрягся, не до конца понимая, что еще приготовила ему жизнь.

– Яйцо вкрутую, – объяснила Сандра. – Но Сэм Ваймс сказал, что, должно быть, вы любите, чтобы желток был жидким, а тосты нарезаны палочками-«солдатиками», чтобы макать в желток.

– В точности как он, – едва слышно произнес Ваймс. – Да, Сэм правильно догадался.

Ваймс подбросил яйцо высоко в воздух, надеясь его тут же поймать. Но вдруг услышал звук, словно кто-то щелкнул ножницами, и через мгновение на него упал действительно жидкий желток и осколки скорлупы. А потом градом посыпались стрелы.

Шум разговоров становился все громче. Мадам подошла к группе людей, окружавших Ветруна. Но через несколько секунд они как по волшебству остались вдвоем; все недавние собеседники патриция вдруг увидели кого-то, с кем им срочно требовалось поговорить.

– Ты кто такая? – осведомился Ветрун, награждая ее ощупывающим взглядом. Ничего предосудительного – именно так мужчины смотрят на женщину, которая подозревается в ношении скрытого оружия.

– Мадам Роберта Мизероль, милорд.

– А, которая из Орлеи? – ответил Ветрун и фыркнул, что на его языке означало улыбку. – Я много интересного слышал об Орлее.

– Думаю, я могу вам рассказать о ней еще больше, милорд, – сказала Мадам. – Но сейчас нам пора приступить к торту.

– Да, конечно, – согласился Ветрун. – Знаешь, сегодня меня снова пытались убить. Постоянно пытаются убить, представляешь? Одиннадцать лет прошло, а они все пытаются и пытаются. Но каждый раз я их ловлю, какими бы хитрыми они ни были.

– Bravo, милорд, – откликнулась Мадам.

К счастью, он был неприятным человеком, безобразным до крайности. В некотором смысле это упрощало задачу. Она повернулась и хлопнула в ладоши. Поразительно, но этот достаточно тихий звук заставил смолкнуть все разговоры.

Огромные двустворчатые двери в конце зала распахнулись, появились два герольда. Они встали по обе стороны от дверей...

– Взять их! – завопил Ветрун и пригнулся.

Его телохранители пронеслись через зал и, вырвав музыкальные инструменты из рук испуганных герольдов, принялись опасливо изучать трубы, так, словно те могли взорваться или начать испускать неведомый газ.

– Отравленные дротики, – пояснил Ветрун, очень довольный собой. – Осторожность никогда не бывает лишней, мадам. Находясь на этом посту, приходится опасаться каждой тени. Хорошо, пусть играют, но без труб. Ненавижу, когда на меня направлены трубы.

Лишенные инструментов, изумленные герольды посовещались, отступили на шаг и изо всех сил свистнули.

В зал вкатили торт, и лорд Ветрун засмеялся. Огромный, в рост

человека, многоярусный торт был покрыт толстым слоем глазури.

– Красиво, – признал патриций под аплодисменты гостей. – Люблю, когда на балу есть чем развлечься. Я должен буду его разрезать, да?

Он отошел на несколько шагов и кивнул своим телохранителям.

– Приступайте, ребята.

Мечи пронзили верхний ярус торта в нескольких местах. Охранники посмотрели на Ветруна и покачали головами.

– Бывают еще такие мелкие, гномы, – сказал тот.

Охранники принялись наносить колющие удары по второму ярусу и снова не встретили сопротивления, отличного от того, что оказывали сухофрукты, нутряное сало и марципановая корка с сахарной глазурью.

– Он может стоять на коленях, – заметил Ветрун. Гости наблюдали за происходящим с застывшими улыбками на лицах. Когда стало ясно, что торт состоит лишь из торта и никем не обитаем, послали за дегустатором. Многие гости хорошо знали его. Звали этого человека Суйнос. Про него поговаривали, будто бы он проглотил столько отравы, что стал невосприимчивым ко всем существующим ядам и что каждый день для поддержания формы он съедает жабу. А еще ходили слухи, что от его дыхания чернеет серебро.

Выбрав кусочек торта, Суйнос с задумчивым видом принялся жевать его, устремив сосредоточенный взгляд вверх.

– Гмм, – произнес он через некоторое время.

– Ну? – спросил Ветрун.

– Прошу прощения, милорд, – развел руками Суйнос. – Ничего. Мне показалось, что я почувствовал привкус цианида, но увы, это всего лишь миндаль.

– Что, совсем нет никакого яда? – спросил патриций. – Хочешь сказать, это можно есть?

– Да, конечно. Не помешало бы добавить немного жабьего мяса, но это дело вкуса.

– Милорд, может, разрешим слугам подавать? – встряла Мадам.

– Никогда не доверяй подавальщикам, – отрезал Ветрун. – Такие пройдохи. Могут подсыпать что-нибудь.

– Тогда не возражаете, если я сама этим займусь, милорд?

– Не возражаю, – сказал Ветрун, не спуская глаз с торта. – Я возьму девятый кусок.

Но цапнул пятый, причем с таким торжествующим видом, словно спас нечто ценное от неминуемой гибели.

Торт быстро разобрали. Лорд Ветрун, ухватив свой кусок торта,

больше не возражал против того, чтобы еду подавали слуги. Гости разошлись по углам решать древнейшую загадку: как удержать тарелку и бокал и при этом есть без использования таких маленьких колец для бокалов, которые крепятся к краю тарелки и заставляют взрослого, серьезного человека выглядеть четырехлетним ребенком. Загадка эта требовала высшей степени сосредоточения, и, возможно, поэтому все совершенно перестали обращать внимание на происходящее в зале.

Открылась дверь. В зал скользнула фигура. Ветрун посмотрел на нее поверх тарелки.

Фигура была стройной, в капюшоне и маске, вся в черном.

Ветрун оторопело уставился на вошедшего. По какой-то случайности именно в этот момент разговоры вокруг вдруг оживились, и наблюдатель, расположившийся сверху, мог бы заметить, что волны в море гостей разошлись таким образом, что от двери до Ветруна, у которого ноги словно приросли к полу, протянулся широкий проход.

Фигура неторопливым шагом направилась напрямик к патрицию, на ходу доставая из-за спины два арбалета с пистолетными рукоятками. Раздались два щелчка, и оба телохранителя мягко осели на пол. Фигура, не останавливаясь, отшвырнула арбалеты за спину. Ее шаги были совершенно бесшумны.

– Брв? – спросил Ветрун, не спуская с нее глаз. Рот его был открыт и забит тортом.

Люди продолжали непринужденно беседовать. Кто-то где-то пошутил. Раздался смех, может, немного чересчур громкий. Шум снова усилился.

Ветрун недоверчиво прищурился. Наемные убийцы так не поступают. Они подкрадываются. Прячутся в темноте. То, что происходило сейчас, не могло происходить в реальности. Только во сне.

Но незнакомец стоял прямо перед ним. Ветрун выронил ложку, она со звоном упала на пол, и в зале воцарилась гробовая тишина.

Существовало еще одно правило. Убийца должен по возможности сообщить жертве свое имя и имя своего нанимателя. Гильдия считала это справедливым, но не считала нужным кричать об этом правиле на всех углах, так что Ветрун о нем даже не подозревал. Однако, пусть и парализованный ужасом, он умудрился задать правильный вопрос:

– Кто тебя послал?

– Я действую от имени города, – ответила фигура, доставая тонкий серебристый клинок.

– Кто ты?

– Считаю меня своим... будущим.

Фигура занесла руку с клинком, но слишком поздно. Ее опередил другой убийца, гораздо более изощренный, – страх. Лицо Ветруна побагровело, невидящие глаза полезли из орбит, из горла сквозь крошки торта вырвался хрип, больше похожий на скрип.

Убийца опустил клинок, немного выждал в звенящей тишине, а потом...

– У! – тихонько произнес он.

И, вытянув руку в перчатке, толкнул патриция. Ветрун упал на спину; тарелка, вылетев из руки, разбилась о каменные плиты.

Человек в черном разжал пальцы, и клинок покатился по полу рядом с трупом. После чего убийца развернулся и медленно зашагал прочь по мраморному полу. Закрыл за собой двойные двери, как будто ставя точку в эхе своих шагов.

Мадам не торопясь досчитала до десяти и пронзительно закричала. Главное – выдержать правильную паузу.

Лорд Ветрун поднялся на ноги и взглянул на фигуру в черном.

– Еще один? А ты откуда подкрался?

– Я НЕ ПОДКРАДЫВАЮСЬ.

Последние несколько лет Ветрун не мог похвастаться ясностью рассудка, а сейчас его мозг кипел еще сильнее, но торт он помнил четко. Он ел торт, а теперь торта не было. Точнее, торт был, и совсем близко, Ветрун видел его сквозь какую-то странную пелену, но никак не мог до него дотянуться.

И вдруг он все понял.

– О, – сказал он.

– ДА, – сказал Смерть.

– И я не могу даже доесть торт?

– НЕТ. ВРЕМЕНИ НЕТ, ДАЖЕ НА ТО, ЧТОБЫ ДОЕСТЬ ТОРТ. ТВОЙ ТОРТ ОКОНЧЕН. КОНЕЦ ТОРТА.

Рядом с Ваймсом в стену с глухим стуком воткнулся крюк. Раздались отчаянные крики по всей баррикаде. Высоко взмывая вверх, в дерево тут и там вонзались острые крючья.

Новый град стрел застучал по крышам домов. Вражеские лучники боялись задеть своих, поэтому стреляли через баррикаду. Ваймс услышал крики и звон наконечников, отскакивающих от доспехов.

Какой-то шум заставил его обернуться. Над гребнем баррикады высунулась голова в шлеме. Солдат увидел Ваймса и побледнел.

– Это было мое яйцо, сволочь! – зарычал Ваймс и врезал ему по носу. – С «солдатами»!

Солдат упал, судя по звуку, на других верхолазов. Со всех сторон доносились вопли.

Ваймс снял с ремня дубинку.

– Бей их, ребята! – закричал он. – Дубинками! Без затей! Лупите по пальцам, а сила тяжести закончит! Пусть падают!

Он пригнулся, прижался лицом к дереву и попытался найти щель, чтобы выглянуть наружу...

– Они приволокли катапульты! – крикнула Сандра, которая отыскивала бойницу в нескольких футах от него. – А еще...

Ваймс оттащил ее назад.

– Почему ты еще здесь? – взревел он.

– Потому что здесь безопаснее, чем на улице! – закричала она ему в лицо.

– Нет, если тебя зацепит крюком! – Он выхватил нож. – Возьми! Увидишь веревку – режь!

Он пробежал, пригнувшись, вдоль раскачивающегося гребня, но быстро убедился в том, что защитники вполне успешно отражают атаку. Впрочем, ничего сложного в этом не было. Те люди, что обороняли баррикаду на уровне земли, просто выбирали первую попавшуюся щель и стреляли сквозь нее. Точность, конечно, была никакая, но ее и не требовалось. Ничто так не нервирует противника, как свист и звон стрел вокруг.

А нападающие лезли вверх беспорядочной толпой. Впрочем, другого выхода у них не было. Если бы они рассредоточились, то каждого солдата встречали бы наверху три защитника. Поэтому атакующие мешали друг другу, и каждый валившийся вниз увлекал за собой еще нескольких. Кроме того, в баррикаде было достаточно дыр и щелей, через которые защитник с пикой мог серьезно поранить тех, кто пытался влезть наверх.

«Полный идиотизм, – подумал Ваймс. – Чтобы взять баррикаду, потребуется не меньше тысячи солдат, и девятьсот пятьдесят уйдут на то, чтобы сложить гору трупов, по которой заберутся оставшиеся. Кто-то там явно использует старую добрую тактику “нанесем удар в самом защищенном месте, чтобы показать, что мы не шутим”. О боги, неужели так мы выигрывали все войны?»

А как бы поступил на их месте я? Да просто приказал бы: “Детрит, ну-ка, убери эту баррикаду”, причем так, чтобы все ее защитники меня услышали. И нет проблем».

На другом краю баррикады раздался пронзительный вопль, и Ваймс кинулся туда. Одного из стражников прижало к деревянной стене метко брошенной «кошкой». Когда Ваймс подбежал, крюк, проткнув нагрудник и кольчугу, уже вонзился в тело бедняги. И как раз в этот момент солдат, который карабкался по привязанной к «кошке» веревке, перелез через гребень...

Рукой отбив меч, Ваймс врезал солдату так, что тот перевалился обратно на ту сторону и рухнул в толпу у подножия.

Раненым оказался Масхерад. Его лицо стало иссиня-белым, рот открылся в беззвучном крике. Кровь собиралась в лужу у его ног и стекала вниз сквозь щели в досках.

– Давай-ка вытащим эту штуку... – предложил Букли, схватившись за крюк, но Ваймс, пригибаясь под свистящими над головой стрелами, оттолкнул его.

– Там мы сделаем только хуже. Позови ребят, пусть осторожно спустят его вниз и отнесут к Газону.

Ваймс подобрал дубинку Масхерада и тяжело опустил ее на шлем очередного атакующего.

– Он еще дышит, сержант! – воскликнул Букли.

– Это отлично, отлично... – пробормотал Ваймс. Люди радуются малейшим признакам жизни в телах своих друзей. – Займись делом, доставь его к лекарю.

Но на своем веку он повидал немало раненых, поэтому про себя добавил: «Если Газон его вылечит, то получит полное право основать религию имени себя».

Некий удачливый солдат, забравшийся на вершину баррикады и вдруг обнаруживший себя в страшном одиночестве, замахнулся на Ваймса мечом, и тот снова принялся за работу.

Анк-Морпорк это здорово умеет, всегда умел, и ничьих советов ему не требовалось. События здесь не столько происходят, сколько проистекают одно из другого. То есть порой почти невозможно поймать момент, когда «еще ничего не произошло» превращается в «обо всем уже позаботились, старина». Так было и на этот раз. Обо всем позаботились.

Это случилось за двадцать минут до прибытия во дворец господина Капканса и за двадцать пять минут до того, как он был приведен к присяге в качестве патриция и, словно по волшебству став лордом Капкансом, занял Продолговатый кабинет. Причем минута молчания в честь покойного лорда Ветруна, о теле которого тоже успели позаботиться, входила в отпущенное время.

Некоторым слугам, не поднимая шума, указали на дверь; Суйносу даже разрешили вывезти свою жабью ферму. Тем же, кто закладывал дрова в камин, вытирал пыль с мебели и мыл полы, разрешили остаться; впрочем, так бывало всегда. Все равно эти слуги крайне редко обращали внимание на то, кто у них сейчас хозяин, а частенько этого и вовсе не знали. Кроме того, без них было не обойтись, ведь только им было известно, где хранятся швабры. Лорды приходят и уходят, а пыль остается.

Настал рассвет нового дня, который – особенно снизу – ничем не отличался от рассветов старых дней.

Но потом кто-то вспомнил, что в городе идет бой. Об этом тоже следовало позаботиться.

Стычки уже завязывались по всей длине баррикады, но пока все они заканчивались одинаково. Атакующие принесли осадные лестницы; в некоторых местах им удавалось перебраться через гребень, однако собраться в одном месте, чтобы нанести удар, у них так и не получилось. Защитников было гораздо больше, пусть даже у них не хватало оружия. Одним из первых полезных уроков, усвоенных Ваймсом в этом бою, было: никогда не стоит недооценивать природную мстительность бабулек. Когда дело доходит до драки с солдатами, любая бабулька плевать хотела на всякие там правила. Дай такой бабушке пику и покажи дыру, через которую можно колоть, – и молодых людей по другую сторону баррикады ждут серьезные неприятности.

А еще оказалась очень полезной идея Реджа Башмака использовать в бою горячие мясные обеды. Многие из тех, кто сражался против Республики, о стейке только слышали, но никогда не видели. В их семьях мясо считалось скорее приправой, чем блюдом. И вот преодолевает один из таких солдат последние ступени лестницы – вокруг темнота, снизу доносятся стоны и вопли его менее удачливых товарищей, а наверху его встречают отъевшиеся бывшие соратники. Вежливо забирают из рук оружие и предлагают спуститься вниз на другую сторону, чтобы отведать бифштексов, яиц и жареной курятинки. Причем такое изобилие обещается каждый день – да здравствует революция!

Ваймс даже боялся, как бы эта новость не распространилась слишком быстро, иначе с таким притоком людей им будет не справиться.

Но бабульки... Ох уж эти бабульки... Так уж получилось, что Республика расположилась на улицах, которые издавна служили источником пополнения для армии. Кроме того, люди здесь жили большими семьями, в которых слово матриарха было законом. Выставляя

на гребень баррикады бабулек с рупорами (в периоды затишья, конечно), Ваймс чувствовал себя почти мошенником.

– Я знаю, что ты здесь, Рончик! Говорит твоя нянюшка! Если еще хоть разочек сюда взберешься, я сама тебе уши надеру! Рита передает привет и ждет дома. Дедуле очень помогла новая мазь, ему уже полегчало! И кончай валять дурака!

Это было очень грязно, но Ваймс этой своей придумкой весьма гордился. Речи бабулек подрывали боевой дух противника не хуже свиста стрел.

А потом вдруг Ваймс понял, что на лестницах и веревках больше нет людей. Снизу по-прежнему раздавались крики и стоны, но те солдаты, кто еще держался на ногах, спешили убраться подальше от баррикады.

«Как поступил бы я? – подумал Ваймс. – Я бы спустился в подвалы домов поблизости. Анк-Морпорк – это же сплошные подвалы. Пробился бы сквозь полусгнившие стены, и к нынешнему моменту все подвалы по эту сторону баррикады уже кишмя кишели бы моими людьми.

Правда, прошлой ночью я послал специальную команду, чтобы заколотить все подвальные лазы, какие только удастся найти, но против себя самого я бы вообще не стал сражаться».

Он выглянул в щель между досками и с удивлением узрел, что по улице, осторожно переступая через поверженных солдат, идет человек. Он нес белый флаг, иногда останавливался, чтобы помахать им, но «Ура!» не кричал.

Подойдя к баррикаде как можно ближе, он запрокинул голову:

– Эй! Послушайте!

Спрятавшись за бруствером, Ваймс закрыл глаза. О боги...

– Да? Чем могу помочь? – крикнул он вниз.

– Кто вы такой?

– Сержант Киль, Ночная Стража. А вы?

– Младший лейтенант Харрап. Э... Мы просим небольшого перемирия.

– Зачем?

– Э... Чтобы вынести раненых.

«Правила войны, – подумал Ваймс. – Поле чести. Ну и ну...»

– А потом?

– Прошу прощения?

– Что будет потом? Снова будем драться?

– Гм... Разве вам никто не сказал? – спросил младший лейтенант.

– Не сказал чего?

– Мы только что узнали. Лорд Ветрун умер. Гм. Патрицием стал лорд Капканс.

Те защитники баррикады, что стояли ближе всего, возликовали, и очень скоро их ликование распространилось на улицу внизу. А Ваймса охватило облегчение. Но он не был бы Ваймсом, если бы отступил просто так.

– А может, махнемся? – крикнул он.

– Э... Прощу прощения?

– Ну, может, твои ребята встанут на баррикаду, а мы попробуем ее захватить?

Защитники баррикады засмеялись.

– Гм... – сказал молодой офицер после паузы. – А зачем?

– А затем – поправь меня, если я ошибаюсь, – что мы теперь являемся верными сторонниками официального правительства, а вы стали мятежными останками войск, поддерживающих предыдущего диктатора. Я прав?

– Гм... Я думаю, мы выполняли вполне законные приказы...

– Слышал о таком капитане Загорло?

– Гм... Да...

– Он тоже думал, что выполняет законные приказы, – крикнул Ваймс.

– Гм... Да?

– Знаешь, он так удивился... Ну хорошо, хорошо. Перемирие. Мы согласны. Может, мои ребята помогут вам? У нас есть лекарь. Очень хороший. У него еще не так вопят.

– Гм... Спасибо, сэра. – Молодой офицер отдал честь.

Ваймс отдал честь в ответ.

Он немного расслабился и повернулся к защитникам баррикады.

– Так, ребята. Отбой. Не мытьем, так катаньем мы своего добились.

Он спустился по лестнице. Значит, все. Все кончилось. Пора бить в колокола, плясать на улицах...

– Сержант, вы серьезно говорили, когда предлагали помочь им с ранеными? – спросил Сэм, поджидавший его у подножия лестницы.

– В этом не меньше смысла, чем во всем остальном, что до сей поры происходило, – ответил Ваймс. – Они такие же городские парни, как мы, и не их вина в том, что им отдавали неправильные приказы.

«И головы у них теперь идут кругом, так что, быть может, они все-таки задумаются о том, почему все это произошло...»

– Но... Масхерад умер, сержант.

Ваймс тяжело вздохнул. Еще там, на шатком гребне баррикады, он

знал, что парень не выживет. И все же услышать об этом было больно.

– Что ж, среди них наверняка тоже не все доживут до утра, – сказал он.

– Да, но они были врагами, сержант.

– Никогда не лишне еще раз хорошенько подумать, кто же твой враг на самом деле, – хмыкнул Ваймс, дергая один из столов, составляющих баррикаду.

– Человек, который пытается проткнуть тебя мечом. Как насчет такого ответа? – спросил Сэм.

– Правильно мыслишь, – похвалил его Ваймс. – Но иногда стоит посмотреть на вещи немного шире.

В Продолговатом кабинете Капканс сложил руки домиком и принялся постукивать указательными пальцами по зубам. Перед ним на столе лежала груда документов.

– Что делать, что делать?.. – произнес он задумчиво.

– Обычно объявляется всеобщая амнистия, милорд, – подсказал господин Кривс.

Господин Кривс как глава Гильдии Законников был советником многих правителей города. Кроме того, он был зомби, что лишь способствовало развитию его карьеры. Он был ходячим прецедентом. Всегда знал, как именно следует поступать.

– Да-да, конечно, – откликнулся Капканс. – Начать все с чистого листа. Разумеется. Для этого, наверное, даже предусмотрена соответствующая формулировка?

– Честно говоря, милорд, я случайно захватил с собой экземпляр...

– Да-да. Но лучше расскажите мне о баррикаде. О той, что так и не сдалась... – Он окинул взглядом многочисленных людей, собравшихся в кабинете.

– Вы знаете о ней, сир? – спросил Фоллетт.

– У меня есть собственные источники, – ответил Капканс. – Эта баррикада наделала шума, верно? Один человек создал весьма продуманную систему обороны, отрезал нас от жизненно важных точек города, разрушил организацию капитана Загорло и отразил все атаки, несмотря на старания солдат. И он всего лишь сержант, как я слышал.

– Возможно, его следует повесить? – предложила Мадам.

– Да-да, я тоже об этом подумал, – кивнул Капканс, и его маленькие глазки заблестели. – Но вот вопрос: как поступить с его людьми. Они нам лояльны?

– Очевидно, сэр, – сказала Мадам и обменялась озадаченными

взглядами с доктором Фоллеттом.

Капканс вздохнул.

– С другой стороны, солдата вряд ли следует наказывать за верность старшему офицеру, особенно в такое тяжелое время. Не вижу причин преследовать их официально.

Взгляды снова встретились. Все вдруг почувствовали, как мир уходит из-под ног.

– Однако Киль – это совсем другое дело, – продолжал Капканс, вставая из-за стола и доставая из кармана жилета табакерку. – Умоляю, *задумайтесь*. Какой правитель может допустить существование такого человека? Всего за несколько дней он столько всего успел натворить! Страшно подумать, что взбредет ему в голову завтра. Положение весьма щекотливое. Стать заложниками прихоти какого-то сержанта? Мы не можем допустить, чтобы такой человек, как Киль, поступал как ему заблагорассудится. Кроме того, надеюсь, все присутствующие понимают, что особисты могли бы нам пригодиться. После соответствующего переобучения, конечно.

– Но, сир, мне сначала показалось, что вы собирались повесить его... – посмел встрять доктор Фоллетт.

Лорд Капканс взял понюшку табаку и пару раз моргнул.

– Повесить? – удивился он. – Ну что вы! Мне показалось, вы сказали «повесить»!

Собравшиеся промолчали. Один или двое пришли в ужас. Другие были приятно удивлены. В Анк-Морпорке нельзя удержаться на самом верху, не выработав определенный прагматичный подход к жизни, и Капканс, похоже, выучил этот урок с похвальной быстротой.

– Баррикаду разбирают? – спросил патриций, защелкнув крышку табакерки.

– Да, милорд, – заверил его доктор Фоллетт. – Благодаря всеобщей амнистии, – добавил он, лишний раз подчеркивая это важное слово.

У наемных убийц были не только правила, но и свой кодекс чести. Весьма своеобразный, тщательно подогнанный под их нужды, но все же кодекс. Нельзя убивать беззащитных. Нельзя убивать слуг. Нельзя убивать на расстоянии. Нельзя нарушать слово. Замысел патриция привел доктора в ужас.

– Грандиозно, – сказал Капканс. – Сейчас самый удачный момент. Сплошная неразбериха. Непримирившиеся элементы, не доставленные вовремя важные сообщения, левая рука не знает, что делает правая, прискорбные трудности начала новой эры. Конечно, я его не повешу. Есть

другие методы. И нет, мой милый доктор, к твоей Гильдии я тоже обращаться не буду. К счастью, есть люди, чья верность городу более... безусловна. Да. А теперь прошу меня извинить, у меня впереди много работы. С радостью предвкушаю нашу следующую встречу.

Гостей вежливо, но твердо выпроводили из кабинета и закрыли двери.

– Мы как будто снова вернулись в школу, – пробормотал, шагая по коридору, доктор Фоллетт.

– Ave! Duci novo, similis duci seneci, – пробормотал господин Кривс так сухо, как может произносить слова только зомби. – Или, как мы говорили в школе: «Ave! Bossa nova, similis bossa seneca!» – Он коротко хохотнул на манер всех школьных директоров. С мертвыми языками он был на ты. – Конечно, с точки зрения грамматики это абсолютно...

– И это значит?.. – перебила его Мадам.

– Сё! Наш новый босс, точь-в-точь как старый, – пробормотал доктор Фоллетт.

– Советую запастись терпением, – ответил Кривс. – Он пока новичок на этой должности. Пусть освоится. Город сам со всем разберется. Нужно дать Капкансу время.

– Но нам необходим человек, умеющий принимать решения, – сказал кто-то из толпы.

– Нам необходим человек, умеющий принимать нужные решения, – возразила Мадам.

Локтями проложив себе дорогу, она протолкалась вперед, поспешно сбежала по главной лестнице и ворвалась в приемную.

Рози Лада, увидев ее, порывисто встала.

– Они... – начала было она.

– Где Хэвлок? – перебила ее Мадам.

– Здесь, – сказал Витинари, проступая из теней на портьере.

– Возьми мою карету. Найди Киля. Предупреди его. Капканс хочет его убить!

– Но где...

Мадам наставила на него угрожающе подрагивающий палец.

– Живо, иначе тетушка проклянет тебя!

Когда двери закрылись, лорд Капканс некоторое время смотрел на них, потом нажал кнопку звонка, чтобы вызвать главного секретаря. Тот проник в кабинет через потайную дверь.

– Все устроились? – спросил Капканс.

– Да, милорд. И есть ряд дел, которые требуют вашего личного

внимания.

– О да, для того я здесь и нахожусь, – улыбнулся Капканс, откидываясь на спинку кресла. Он поерзал из стороны в сторону. – Эта штука поворачивается?

– Кажется, нет, сэр, но я вызову сюда самого умелого мастера по шарнирам, и не более, чем через час, все будет сделано.

– Хорошо. Что еще я хотел сказать... Ах да. Скажи, в Гильдии Убийц есть люди с прогрессивными взглядами?

– Уверен, что есть, милорд. Может, подготовить для вас досье, к примеру, на троих таких?

– Займись этим.

– Слушаюсь, милорд. И еще, милорд, многие сейчас добиваются аудиенции с...

– Пусть подождут. Мы желаем насладиться обретенным патрицианством. – Капканс постучал пальцами по краю стола, не спуская глаз с дверей. – Моя речь для инаугурации готова? Скорбим о безвременной кончине Ветруна, прямо на рабочем месте, новое направление развития, сохранить лучшее из старого, принимая лучшее из нового, остерегаться опасных элементов, придется затянуть пояса, совместные усилия, благо города?

– Именно так, сир.

– Добавь, что также я очень сожалею о трагической гибели сержанта Киля, надеюсь, что достойный памятник послужит делу объединения, во имя и на благо... И так далее, и тому подобное.

Секретарь сделал несколько пометок.

– Безусловно, сир.

Капканс улыбнулся.

– Наверное, ты удивлен, что я нанял тебя, хотя ты работал на моего предшественника?

– Нет, сир, – ответил секретарь, не поднимая глаз.

Он не был удивлен, во-первых, потому что догадывался о причинах такого решения, а во-вторых, потому что понимал: некоторым вещам удивляться не стоит, так будет полезнее для здоровья.

– Я поступил так потому, что умею распознавать талант, в чем бы он ни выражался, – пояснил Капканс.

– Благодарю вас, сир, – без запинки произнес секретарь.

– Из грубых камней иногда получают настоящие бриллианты.

– Именно так, милорд, – сказал секретарь.

Что интересно, он действительно так подумал, потому что думать

некоторые вещи, к примеру: «Да ты жалкий позер», тоже не вполне безопасно для здоровья.

– Кстати, где мой новый капитан Дворцовой Стражи?

– Кажется, капитан Карцер сейчас находится на заднем дворе, милорд, наставляет своих подчиненных на путь истинный.

– Передай, что я хочу его видеть здесь и *сейчас*, – сказал Капканс.

– Непременно, сир.

На разборку баррикады ушло немало времени. Ножки стульев, доски, рамы кроватей, двери и бревна осели и сплелись воедино. Поскольку каждый обломок кому-то принадлежал, а жители Анк-Морпорка весьма серьезно относятся к вопросам собственности, работа сопровождалась групповыми перепалками. Что совсем не удивительно, ведь сплошь и рядом какое-нибудь семейство, пожертвовавшее на общее благо трехногий табурет, делало попытку унести столовый гарнитур.

Добавляло головной боли и уличное движение. Телеги, задержавшиеся у стен города, пытались пробиться к пункту назначения, прежде чем цыплята вылупятся из яиц, а молоко прокиснет настолько, что обретет полную самостоятельность и отправится дальше своим ходом. Повсеместный затор можно было бы назвать пробкой, но с пробкой куда легче справиться, достаточно взять штопор. Поэтому все называли происходящее по-разному; сержант Колон, к примеру, выражался по-простому: «Никто не может сдвинуться с места, потому что все стоят». Не так звучно, зато правдиво.

Кое-кто из стражников участвовал в разборке баррикады, помогая разнимать постоянно цапающихся домовладельцев. Другие собрались в конце улицы Героев, где Пятак развернул полевую кухню и поставил бак с какао. Делать было толком нечего. Всего несколько часов назад они сражались. А теперь на улицы вывалило разом столько народу, что даже патрулировать их стало невозможно. Всякий хороший стражник знает, что иногда лучше постоять в сторонке. Так что разговоры, совершенно естественно, свелись к тому, что всегда обсуждают после победы: 1) интересно, доплатят ли нам за эти дни? А также: 2) может, даже медали дадут? Впрочем, был и другой вариант: 3) а если нам надерут задницы за все, что мы тут натворили?

– Амнистия – это когда никто никому ничего не дерет, – заявил Дикинс. – Амнистия – это когда все делают вид, будто ничего не произошло.

– Вот и ладно, – отозвался Букли. – А медалями-то наградят? Я хочу

сказать, мы ведь так... – он сосредоточился, – са-мо-от-вер-жи-мо защищали свободу. Лично я бы дал нам медаль.

– А я вот думаю, надо было весь город обаррикадить, – встрял Колон.

– Угу, Фред, – хмыкнул Пятак. – Но тогда, хна, мы б и всяких плохих людей обаррикадили.

– Да. Но командовали бы все равно мы! – возразил Фред.

– Парни, чего зря молоть языками, – вмешался, попыхивая трубкой, сержант Дикинс. – Мы сражались, остались с руками и ногами и сейчас нежимся на посланном богами солнышке. Мы победили, вот и все. Вы победили, понятно? Все остальное – чепуха.

Некоторое время все молчали.

– А вот Масхерад не победил, – наконец сказал молодой Сэм.

– Мы потеряли пять человек, – отозвался Дикинс. – Масхерад сами знаете как погиб, еще двоих застрелили из арбалетов, один свалился с баррикады, один случайно перерезал себе горло. Бывает.

Все уставились на него.

– Думаете, нет? – фыркнул Дикинс. – Куча взвинченного до предела народу, всякие острые штуковины, суета. Хотите – верьте, хотите – нет, но кровь начинает литься, еще когда до врага остается добрых миль пятьдесят. Люди мрут как мухи.

– А у Масхерада была мать? – спросил Сэм.

– Его вырастила бабушка, но она давно умерла, – сказал Букли.

– И что, больше никого у него не было?

– Не знаю. Он никогда не рассказывал. Он вообще был неразговорчивым, – ответил Букли.

– Надо скинуться, – решительно произнес Дикинс. – На катафалк, гроб, все остальное. Кроме нас, об этом некому позаботиться. И вот еще что...

Ваймс сидел чуть в сторонке, глядя на улицу. Ветераны, стражники, просто люди, еще недавно защищавшие баррикаду, тут и там сбивались в группки, чтобы поговорить. Вот какой-то человек купил у Достабля пирог. Ваймс покачал головой и усмехнулся. Дармовые бифштексы рано или поздно кончатся, а пироги Достабля останутся. Мелкая торговля и окончательно атрофировавшиеся вкусовые сосочки всегда торжествуют.

Стражники вдруг грянули песню – то ли за здоровье, то ли за упокой. Первым запел Дикинс, другие подхватили, причем каждый пел как будто сам по себе, не обращая внимания на остальных.

– *Как взмывают ангелы дружно в ряд...*

Редж Башмак сидел в одиночестве на фрагменте баррикады, на

который в данный момент никто не претендовал. Юноша по-прежнему сжимал в руках древко флага и выглядел таким несчастным, что Ваймс почувствовал, что должен подойти и поговорить с ним.

– *Дружно в ряд, дружно в ряд...*

– Все могло закончиться иначе, сержант, – подняв голову, промолвил Редж. – Правда. Мог бы родиться новый город, город, в котором люди дышали бы свободно.

– *Поднимают задницы и летят! И летят! И летят!..*

– Сипели бы свободно, Редж, – поправил Ваймс, присаживаясь рядом. – Мы – в Анк-Морпорке.

«Надо же, и эту строку все пропели хором, – подумала та часть Ваймса, которая слушала другим ухом. – Странно, откуда некоторые из них знают слова? Хотя, может, ничего странного в этом и нет...»

– Да, конечно, сведите все к шутке. Все надо мной смеются, – буркнул Редж, разглядывая носки своих башмаков.

– Не знаю, Редж, станет ли тебе от этого легче, но свое яйцо вкрутую я так и не получил, – сказал Ваймс.

– И что теперь будет? – спросил Редж.

Он был слишком занят своими горестными мыслями, чтобы сочувствовать Ваймсу. Он его даже не слышал.

– *Как взмывают ангелы дружно в ряд...*

– Честно говоря, не знаю. Думаю, какое-то время будет лучше. Но что будет лично со мной, я...

Ваймс осекся. В самом конце улицы, не обращая ни малейшего внимания на повозки и толпу, маленький худенький старичок подметал тротуар.

Ваймс встал, не спуская с него глаз. Старичок заметил его и помахал рукой, но тут очередная телега, нагруженная останками баррикады, заслонила его.

Ваймс мгновенно упал на живот, взглядываясь в мешанину колес и ног. Кривоватые ноги и стоптанные сандалии монаха никуда не делись. Они были на месте даже после того, как телега проехала. И после того, как Ваймс бросился через улицу; и, скорее всего, стояли там даже тогда, когда еще одна телега чуть не переехала Ваймса... Но когда Ваймс пришел в себя после столкновения с нею, их уже не было.

Ваймс стоял там, где только что стоял старик, на многолюдной, залитой утренним солнцем улице, и чувствовал, как вокруг сгущается ночь. Волосы на его загривке встали дыбом. Разговоры вокруг зазвучали громче, отдаваясь в ушах оглушительным лязгом. И свет сделался слишком ярким.

Ни одной тени вокруг не осталось, а Ваймс пытался высмотреть именно что тени...

Он нырнул вперед и, лавируя среди прохожих, кинулся назад, туда, где сидели и пели стражники. Подбежав, Ваймс резко махнул рукой. Все сразу замолчали.

– Готовьтесь, – прорычал он. – Сейчас что-то произойдет...

– Но что именно, сержант? – спросил Сэм.

– Думаю, что-то не слишком хорошее. Возможно, на нас нападут.

Ваймс окинул взглядом улицу в поисках... чего? Маленьких старичков с метлами? Если на то пошло, все выглядело даже более мирно, чем до волнений, потому что лед наконец тронулся. Люди не стояли, не ждали неизвестно чего; город снова торжествующе бурлил.

– Не хочу тебя обидеть, сержант, – сказал Дикинс, – но, по-моему, все спокойно. Амнистия ведь, сержант. Никто ни с кем не сражается.

– Сержант! Сержант!

Все обернулись. По улице, поскользываясь и спотыкаясь, бежал Шнобби Шноббс. Губы его шевелились, но что именно он прокричал, никто не услышал – все заглушил визг свиней из проезжавшей повозки.

Младший констебль Ваймс вдруг взгляделся в лицо своего сержанта.

– Что-то не так, – сказал он. – Посмотрите-ка на сержанта!

– А что не так-то? – спросил Фред Колон. – Гигантская птица вот-вот свалится на нас с неба или что-нибудь в том же роде?

Послышался глухой удар, и Букли вдруг захрипел, как от удушья. Стрела угодила ему прямо в грудь и прошла насквозь.

Следующая ударила в стену над головой Ваймса, осыпав его штакатуркой.

– Все сюда! – заорал он.

Дверь в лавку за его спиной оказалась открытой, и он ввалился внутрь. Остальные толпой бросились за ним. Снаружи продолжали свистеть стрелы, кто-то закричал от боли.

– Амнистия, говоришь? – пробормотал он.

Грохот телег стих – повозки встали, очень удачно заслониw круглые окна лавки и по крайней мере на время обеспечив стражникам защиту.

– Это какие-нибудь идиоты, – сказал Дикинс. – Может, мятежники.

– Да неужели? Мы отлично знаем, что мятежников было не так уж и много! И кстати, они победили!

С улицы донеслись возмущенные вопли участников движения. Ничто так хорошо не перекрывает улицу, как вставшая поперек телега...

– Может, контрреволюционеры? – предположил Дикинс.

– Что? Думаешь, кто-то хочет вернуть на должность Ветруна? – спросил Ваймс. – Не знаю, как ты, а я бы присоединился. – Он огляделся и понял, что в лавке яблоку негде упасть. – Кто все эти люди?

– Вы крикнули «все сюда», сержант, – пояснил один солдат.

– Хотя мы и так поняли, что надо убираться, стрелы-то сыпались градом, – ответил другой.

– Я и не собирался прятаться здесь, меня просто внесло течением, – отозвался Достабль.

– А я поспешил за всеми из солидарности, – сказал Редж.

– Сержант, сержант, это я! Сержант! – отчаянно размахивая руками, закричал Шнобби.

«Командный тон и громкий голос, – подумал Ваймс. – Поразительно, как они, оказываются, могут осложнить жизнь». В лавку набилось добрых три десятка человек, а он не знал и половины из них.

– Господа, чем могу помочь? – раздался недовольный дребезжащий голосок за спиной Ваймса.

Обернувшись, он увидел крошечную, почти кукольных размеров старушку. Похоже, раньше она пряталась за прилавком и только сейчас решила выглянуть.

Ваймс с надеждой окинул взглядом полки за ее спиной, но увидел на них только мотки шерсти.

– Э... Думаю, ничем, – сказал он.

– Тогда, надеюсь, вы не будете возражать, если я закончу обслуживать госпожу Супсон? Четыре унции серой двухниточной пряжи, верно, госпожа Супсон?

– Совершенно верно, Этель! – донесся дрожащий от страха голосок откуда-то из толпы вооруженных мужчин.

– Кажется, пора выметаться отсюда, – пробормотал Ваймс. Он повернулся к своим людям и отчаянно замахал руками, призывая по возможности не огорчать пожилых дам. – Прости, госпожа, тут есть запасной выход?

Лавочница уставилась на него старческими невинными глазами.

– Не помешало бы что-нибудь купить, сержант, – многозначительно произнесла она.

– Э... Мы, гм... – Ваймс в отчаянии огляделся, и тут его осенило. – Ах да, разумеется, мне нужен «грибок», – сказал он. – Ну, такая деревянная штукавина...

– Да, сержант, конечно знаю. Это будет стоить шесть пенсов. Спасибо, сержант. Должна заметить, мне всегда нравились мужчины, которые сами

этим занимаются. А могу я предложить тебе...

– Пожалуйста, я очень спешу, – перебил ее Ваймс. – Нужно успеть заштопать все носки.

Он кивнул подчиненным, и те героически поддержали его:

– Мне тоже...

– Сплошные дыры, аж ходить неудобно!

– Умру, если прямо сейчас не заштопаю!

– Это я, сержант. Шнобби, сержант!

– А моими можно ловить рыбу, как сачком!

Старушка сняла с крюка огромную связку ключей.

– Кажется, этот, ой, нет, обманула. Думаю... Нет, подождите... Ах да, вот этот...

– Послушай, сержант, – доложил стоявший у окна Фред Колон. – На улице толпа людей с арбалетами. Человек пятьдесят!

– ...Нет, вот этот... Ох, этот от замка, который стоял раньше... А этот не подойдет? Да, давайте его попробуем...

Очень осторожно, очень медленно она отперла замок и отодвинула засов.

Ваймс выглянул. За дверью оказался переулок, плотно забитый мусором, старыми ящиками и ужасной вонью, которая свойственна таким вот переулкам. Зато людей в нем не было.

– Так, все выходим, – велел Ваймс. – Там хотя бы немного просторнее. У кого есть арбалеты?

– Только у меня, сержант, – отозвался Дикинс. – Понимаешь, мы ж не думали, что возникнут неприятности.

– Один арбалет против пятидесяти. Шансы невелики, – прикинул Ваймс. – Всё, выматываемся!

– Они за нами пришли, сержант?

– Думаете, иначе они стали бы убивать Букли? Шевелитесь! Шевелитесь!

Они бросились наутек по переулку.

Пересекая другой, более широкий проулок, они услышали позади треск выбитой двери лавки и ликующий крик:

– Ага, Герцог, попался!

Карцер...

Стрела отскочила от стены и, закрутившись, полетела дальше по переулку.

Ваймсу было не впервой убежать. Каждый стражник знает толк в беге. Это называлось Отступным Гандикапом. Ваймс неоднократно участвовал в

этом беге с препятствиями, ныряя в темные переулки, перепрыгивая на крыльях ужаса через стены между дворами, спасаясь от собачьих свор, проваливаясь в курятники, съезжая на заднице по крышам сортиров в поисках безопасного местечка, товарищей, которые могли прийти на помощь, или хотя бы уголка, в который можно было забиться. Иногда тебе приходится бежать.

Но когда случается бежать не в одиночку, животный инстинкт заставляет людей держаться вместе. В толпе в тебя труднее попасть.

К счастью, Дикинс вырвался вперед. Старый сержант хорошо бегал. Чем старше стражник, тем лучше он бегаёт, успеваёт научиться за годы службы. А в Страже, как на поле боя, выживают самые быстрые и хитрые.

Поэтому, когда в конце переулка показалась повозка, Дикинс даже не сбавил ход. Это была телега шаробейника – должно быть, возница свернул с улицы в надежде объехать всеобщее «никто не может сдвинуться с места, потому что все стоят». Борта телеги задевали стены домов, гора ящиков возвышалась футов на десять над бортами. Человек на козлах в ужасе уставился на несущуюся прямо на него толпу. Тормозов ни у кого не было, и давать задний ход никто не собирался.

Ваймс бежал одним из последних. Стражники и солдаты впереди подныривали под повозку или перебирались через нее, трескали ящики, смачно чпокали по земле яйца. Лошадь плясала между оглоблями, напуганная тем, что абсолютно незнакомые люди проскакивают у нее под брюхом или перепрыгивают через спину.

В тот самый миг, когда Ваймс, подбежав к телеге, вскочил на козлы, в доски рядом с ним вонзилась стрела.

С дикой ухмылкой он повернулся к вознице.

– Прыгай! – предложил Ваймс и плашмя ударил по крупу лошади мечом.

Лошадь взвилась на дыбы, Ваймса и возницу отбросило назад, оставшиеся ящики свалились на мостовую и разбились.

Едва обломки перестали падать, Ваймс вздернул возницу на ноги. Тот был весь в яйце.

– Извините, что так вышло, сэр. Обратитесь в Стражу. Спросите сержанта Киля. А мне надо спешить!

Он бросился дальше по переулку, а телега, высекая колесами искры из стен, тем временем помчалась в строго противоположном направлении. Конечно, можно нырнуть в нишу или боковой переулок, чтобы уклониться от столкновения с ней, но все же на какое-то время Карцера и его людей она задержит.

Люди Ваймса, заслышав шум, тоже замешкались, но он быстро поравнялся с ними и погнал дальше, пока они наконец не выскочили на широкую улицу, запруженную людьми и повозками.

– Ну вот, сержант, ты все-таки обмакнул своих солдатиков в яйцо, – нервно ухмыльнулся Сэм. – Что это было, а?

– Остатки «непоминаемых», – ответил Ваймс. – Должно быть, хотят свести счеты.

Ну, он сказал почти правду.

– Но я видел с ними солдат и стражников! – воскликнул Фред Колон.

– Сержант! Это я, сержант! *Пожалуйста*, сержант! – К нему, растолкав локтями стражников, пробился Шнобби.

– Шнобби, сейчас не время, – отрезал Ваймс.

– Но, сержант, за тобой охотятся!

– Спасибо, Шнобби! Ты молодец!

– Карцер, сержант! Капканс взял его на службу! Капитаном Дворцовой Стражи! Они тебя достанут, сержант! Капканс им приказал! Мой приятель Ковыршмыг работает помощником коридорного во дворце, он был во дворе и все слышал, сержант!

«Я должен был догадаться, – подумал Ваймс. – Капканс хитер. А Карцер спелся с очередной сволочью. Капитан Дворцовой Стражи...»

– В последнее время люди не больно-то стремятся дружить со мной, – сказал Ваймс. – Ладно, господа, я побегу дальше. А вы смешайтесь с толпой. Думаю, вам ничего не грозит.

– Вот уж нет, сержант, – возразил Сэм, и остальные нестройным хором поддержали его.

– У нас ведь амнистия, – пробормотал Дикинс. – Они не имеют права!

– И вообще, они же палят во всех подряд, – возмутился один из солдат. – Сволочи! Их надо хорошенько проучить!

– У них арбалеты, – напомнил Ваймс.

– Значит, устроим засаду, – ответил Дикинс. – Надо выбрать местечко получше и вступить в ближний бой. Тогда от их арбалетов будет не больше проку, чем от простой деревяшки.

– Вы что, не слышали меня? – рявкнул Ваймс. – Им нужен я. А не вы. Не стоит связываться с Карцером. Особенно тебе, Пятак, в твоём-то возрасте.

Старый тюремщик свирепо посмотрел на него слезящимися глазами.

– Следи, х-на, за языком, сержант.

– Кроме того, а вдруг он потом и на нас начнет охотиться? – спросил Дикинс. – Амнистия, она для всех амнистия. Не дело это!

– Во-во, прально грит! – раздалось со всех сторон.

«Ну пошло-поехало, – подумал Ваймс. – Сейчас они сами себя уговаривают влипнуть в это. И что я могу поделаться? Мы должны дать бой этим типам. Я должен дать им бой. Прежде всего Карцеру. Нечего и думать оставить его здесь, учитывая, сколько он знает...»

– А что, если рвануть к Цепной улице? – предложил Дикинс. – Там много узких переулков. Они решат, что мы бежим в участок, и бросятся за нами. Тут-то мы их и отделаем! Им это просто так с рук не сойдет, сержант!

Ваймс вздохнул.

– Ладно, – сказал он. – Спасибо. Вы точно решили?

В ответ послышались дружные крики.

– Ну, раз так, обойдемся без речей, – пожал плечами Ваймс. – Нет времени. Скажу только вот что. Если мы не победим, если не вышвырнем их из города... В общем, мы должны их вышвырнуть. Иначе... будет очень плохо. Очень-очень.

– Правильно! – встрял Дикинс. – Амнистия ведь, она для всех!

– Но послушайте, – вдруг сказал один из солдат. – Я вот, например, и половины из вас не знаю. А как я отличу, кто на нашей стороне, если мы собираемся сойтись с ними в рукопашной?

– А и верно, х-на, – подтвердил Пятак. – Среди тех, кто за нами гонится, тоже есть *стражники*!

Ваймс поднял глаза. Прямо перед ними начинался широкий бульвар, который значился на картах как Кассовая улица и выводил как раз к Цепной. Проезжая часть была с двух сторон обсажена цветущими кустами.

Утренний воздух благоухал сиренью.

– Помню один бой, – сказал Дикинс, тоже задумчиво глядя на кусты. – Дело прошлое, конечно. Так вот, собрали роту из остатков разных подразделений, все были грязные, как черти, а прятаться пришлось на морковном поле. Вот и решили прикрепить на шлемы морковки, ну, чтобы знать, кто друг, а кто враг. Между прочим, очень питательная закуска, а такими полезными штуками на войне не разбрасываются.

– Да? Ну и что? – спросил Достабль.

– А чем сирень хуже? – отозвался Дикинс, потянувшись к склонившейся под тяжестью цветов ветке. – Отличные получатся плюмажи, жаль, несъедобные...

«Все идет к развязке», – подумал Ваймс.

– Это очень, очень скверные люди, вот что я думаю! – раздался вдруг из толпы солдат и стражников пронзительный, по-старчески дребезжащий,

но полный решимости голосок.

Солнце блеснуло на вязальной спице в сухонькой ручке, гневно воздетой к небу.

– А еще мне нужен доброволец проводить госпожу Супсон домой, – вздохнул Ваймс.

Карцер внимательно осмотрел Кассовую улицу до самого конца.

– Идем по яичному следу, – сказал он. – Тоже желтый, тоже липкий – ничего не напоминает? Ха-ха.

В ответ раздалось несколько неуверенных смешков, и только. Большинство из тех, кого ему удалось собрать, обладали еще более *физическим* чувством юмора. Но Карцер умел вести людей за собой не хуже Ваймса, вот только вел их в прямо противоположном направлении. Всегда найдутся люди определенного сорта, готовые восхищаться человеком, у которого хватает духу быть по-настоящему плохим.

– Капитан, а у нас не будет неприятностей?

Но и без случайных прилипал никогда не обходится. Он повернулся к сержанту Туку, из-за спины которого выглядывал капрал Квирк. Карцер составил о них точно такое же мнение, что и Ваймс, только со своей стороны. На этих людей нельзя было положиться. Но они ненавидели Киля той грызущей, всепожирающей ненавистью, на какую способны только абсолютные бездари, и это было как раз то, что нужно.

– Какие *неприятности* ты имеешь в виду, сержант? – осведомился Карцер. – Мы работаем на *правительство*.

– Он коварный дьявол, сэр! – гневно воскликнул Тук, как будто для стражника это было недостатком.

– А теперь послушайте меня, хорошо? – прорычал Карцер. – Ничего не перепутайте! Киль нужен мне живым, понятно? И этот парнишка Ваймс тоже. С остальными можете делать, что хотите.

– А чего он тебе живым-то сдался? – раздался спокойный голос за спиной Карцера. – Кажется, Капканс приказал его убить. И парнишка в чем провинился?

Карцер обернулся. К его легкому удивлению, стражник, задавший вопрос, выдержал его взгляд, даже не моргнув.

– Как тебя зовут, господин хороший?

– Тренч.

– Это о нем я вам говорил, сэр, – затараторил Тук, склонившись к уху Карцера. – Киль вышвырнул его, сэр, после того...

– Заткнись, – перебил его Карцер, не спуская глаз с Тренча.

Ни намека на страх, ни проблеска напускной бравады. Тренч просто стоял и молча смотрел на него.

– Тренч, ты решил присоединиться к нам просто забавы ради? – спросил он.

– Никак нет, капитан. Мне не нравится Киль. Но Ваймси – несмышленный мальчишка, который влип во все это случайно. Зачем он тебе?

Карцер навис над ним, но Тренч и не подумал отшатнуться.

– Ты ведь участвовал в мятеже, верно? – спросил Карцер. – Не любишь подчиняться приказам?

– Эти мятежники заслуживают по большой бутылке имбирного пива каждый! – вскричал кто-то, пьяный от кровожадного предвкушения.

Карцер повернулся к говорившему. Тощий Хорек был по-прежнему одет во все черное, но изрядно помят – частично оттого, что отчаянно сопротивлялся, когда стражники выволакивали его из камеры, но по большей части из-за Тодзи и Кляпса, которые поджидали его на улице. Жив он остался только потому, что эти двое побрезговали забить его до смерти. Они слишком уважали свои кулаки, чтобы пачкать их об этого червяка.

В отличие от Тренча Хорек, встретив взгляд Карцера, вздрогнул. Точнее, весь затрясся мелкой дрожью.

– Я разрешал тебе открывать рот, ты, песий хрен? – спросил Карцер.

– Никак нет, сэр!

– Вот именно. Помни об этом. Возможно, когда-нибудь это спасет тебе жизнь. – Карцер снова повернулся к Неду. – Итак, золотце, ты хотел, чтобы наступил новый светлый день. Просили? Получите. Осталось только очистить город от пережитков прошлого. Так приказал лорд Капканс, твой дружок и соратник. И не тебе обсуждать его приказы. А молодой Ваймси? Что ж, он храбрый паренек, город еще будет им гордиться. Главное – избавить его от дурного влияния. Тук говорит, у тебя неплохо варят мозги. Скажи, что, по-твоему, затевает сейчас Киль?

Нед посмотрел ему в глаза и достаточно долго не отводил взгляда. Карцеру это не понравилось.

– Он будет защищаться, – проговорил наконец Тренч. – Вернется в участок. Расставит несколько ловушек, вооружит стражников и будет ждать тебя.

– Да ну?

– Ему очень не нравится, когда гибнут его люди, – сказал Нед.

– Что ж, значит, его ждет разочарование, – ухмыльнулся Карцер.

Баррикада делила Цепную улицу на две примерно равные части. Впрочем, назвать это сооружение баррикадой можно было лишь с большой натяжкой. Несколько дверей, пара столов... По сравнению с громадиной, которая до сих пор никак не могла вернуться к мирному существованию в виде домашней мебели, ее, можно сказать, и не было вовсе.

Карцер и его неофициальные сподвижники медленно шли по улице, зорко присматриваясь к крышам домов и заглядывая в боковые переулки. Прохожие спешили убраться восвояси. Это особое умение – идти так, чтобы весть о тебе бежала впереди.

Ваймс следил за приближением врага сквозь щель в баррикаде. По пути сюда им удалось разжиться несколькими арбалетами, отобрав их у слонявшихся без дела солдат. Но у людей Карцера арбалетов было не меньше пятнадцати. И численно они превосходили «сиреневых» солдат два к одному.

Ваймс мог убить Карцера прямо сейчас, но это было бы неправильно. Он хотел, чтобы люди увидели его на виселице, хотел, чтобы *город* привел приговор в исполнение. Вернуться с пустыми руками означало бы оставить за спиной неоконченное дело.

На другом конце баррикады кто-то тихо всхлипнул. Нет, это был не Сэм и не Шнобби Шноббс – тот давно выжал весь слезный запас своего щуплого тела. Плакал Редж. Он сидел, прислонившись спиной к ненадежному укреплению, положив потрепанный флаг на колени, и слезы капали с его подбородка.

– Редж, тебе лучше уйти, – прошептал Ваймс. – У тебя даже нет оружия.

– Чего мы добились, а? – спросил Редж. – Вы были правы, сержант! Все возвращается на круги своя! Едва вы успели избавиться от этих проклятых «непоминаемых», как они появились снова! Тогда зачем все это, а? Этот город мог стать таким чудесным местом, но нет, к власти всегда приходят мерзавцы! Ничего никогда не меняется! Деньги расходятся по карманам, а мы получаем пинок под зад!

Карцер остановился шагах в тридцати от баррикады и стал внимательно изучать укрепление.

– Так устроен мир, Редж, – пробормотал Ваймс, считая про себя врагов.

Из-за угла, тяжело переваливаясь на булыжниках, выскочила огромная крытая повозка и резко затормозила позади людей Карцера – отчасти из-за препятствия впереди, но в основном из-за того, что вознице в лоб нацелили

арбалет.

– А теперь эти гады победили... – простонал Редж.

– Они побеждают семь дней в неделю, Редж, – рассеянно ответил Ваймс, пытаясь никого не потерять из виду, хотя людей было слишком много.

Их преследователи рассыпались в стороны. В конце концов, у них было превосходство в огневой мощи.

Но тот, кто взял на прицел господина Достабля, управлявшего повозкой, не обращал внимания ни на что вокруг. Ваймс пожалел, что сам не залез в фургон. Если бы только кто-нибудь отвлек их...

– Что? Пострелять захотелось? Сволочи!

Все посмотрели на смельчака, даже Карцер. На баррикаду, размахивая флагом, поднимался Редж...

Флаг он держал с таким вызовом, будто это было его личное знамя непокорности.

– Вы можете отнять у нас жизнь, но не свободу! – закричал он.

Люди Карцера озадаченно переглянулись, услышав этот, возможно, наихудший боевой клич за всю историю вселенной. Ваймс видел, как те беззвучно шевелят губами, потея от умственных усилий.

Карцер ткнул арбалетом в Реджа:

– Неверный ответ!

Сразу пять стрел вонзились в Реджа, и он задергался от ударов, как тряпичная кукла, и упал на колени. Все заняло не больше пары секунд.

Ваймс открыл было рот, чтобы крикнуть своим: «Вперед!» – но тут Редж поднял голову. В полной тишине юноша оперся на древко флага, как на костыль, и поднялся на ноги.

Еще три стрелы пронзили его тело. Он посмотрел на свою тощую, оцетинившуюся оперением грудь и сделал шаг вперед. Потом еще один.

Один из арбалетчиков обнажил клинок и кинулся добивать раненого, но Редж швырнул его в воздух таким мощным ударом, словно его рука превратилась в кувалду. Тем временем среди людей Карцера разгорелся бой. Какой-то стражник вдруг достал меч и уложил двоих арбалетчиков. Особист, державший на прицеле возницу, уже разворачивался, готовый спустить курок...

– Бей их! – заорал Ваймс и перепрыгнул через баррикаду.

Что делать дальше, они заранее не продумывали. Дикинс со своими людьми выскочил из повозки. Арбалеты некоторых противников еще были заряжены, но арбалет не совсем та вещь, которую хочется иметь под рукой, когда на тебя с двух сторон несутся разъяренные клинки.

Зверь придет, когда позовешь...

Планы, будущее, политика... все это осталось где-то там, далеко. Подобрал оброненный кем-то меч, Ваймс открыл рот в вопле беззвучной ярости и кинулся на ближайшего врага, размахивая двумя клинками сразу. Обезглавленный труп особиста повалился на мостовую.

Ваймс увидел, как упал Пятак, перепрыгнул через него, обрушил на его убийцу оба клинка, вращая ими, как мельница – своими крыльями, и тут же повернулся к следующему врагу. Это оказался Тук – он задрожал, выронил меч и бросился наутек. А Ваймс побежал дальше. Он не фехтовал, а рубил и кромсал, не глядя уклонялся от ударов, отражал атаки, не поворачивая головы, – он позволил древним инстинктам делать за него всю работу. Кто-то попытался ударить молодого Сэма, и Ваймс в порядке *самообороны* отсек нападавшему руку. Враги вокруг него падали или спешили убраться подальше, за границы воображаемого круга, центром которого был Ваймс, и круг этот постоянно ширился. Ваймс был уже не просто бойцом, он был воплощением возмездия.

И вдруг зверь ушел, так же быстро, как и появился, остался только разъяренный человек с мечами в обеих руках.

Карцер со своими людьми, которых стало значительно меньше, отступил на другую сторону улицы.

Колон стоял на коленях, его рвало. Дикинс лежал, и Ваймс знал, что он мертв. Шнобби тоже валялся на земле, но только потому, что кто-то сильно пнул его и мальчишка решил, что самым лучшим будет отлежаться. Больше половины людей Карцера были убиты. Некоторые бежали прочь от маньяка с двумя мечами. А кое-кто удрал и от Реджа Башмака, который сидел сейчас на баррикаде, изумленно таращась на свое наштигованное стрелами тело. Но тут его разум, видимо, все же признал неоспоримые доказательства смерти, и Редж повалился на спину. Правда, еще через несколько часов его мозг ждал большой сюрприз.

Никто не знает, почему некоторые люди становятся зомби, причем без всякой посторонней помощи. Должно быть, им каким-то образом удается заменить жизненную силу силой воли, а для этого, несомненно, нужно, чтобы человек эту силу воли имел. Для Реджа Башмака жизнь только начиналась...

Молодой Сэм стоял на ногах. Похоже, его тоже недавно стошнило, но все же из первого в своей жизни серьезного боя он вышел с честью. Юноша слабо улыбнулся Ваймсу.

– Что дальше, сержант? – спросил он, снимая шлем и вытирая пот со лба.

Ваймс вложил меч в ножны и незаметно достал из кармана одного из маленьких помощников госпожи Пособи.

– Все зависит от того, что произойдет вон там, – сказал он, кивнув на противоположный конец улицы.

Сэм послушно повернулся, чтобы посмотреть в указанном направлении, и тут же уснул крепким сном.

Ваймс убрал кистень в карман и заметил, что за ним внимательно наблюдает Тренч.

– Ты на чьей стороне, Нед?

– Зачем ты ударил мальчишку? – вместо ответа спросил тот.

– Чтобы он не участвовал в том, что будет дальше. Хочешь что-нибудь сказать?

– Почти ничего, сержант. – Нед усмехнулся. – Сегодня мы все многое поняли, верно?

– Да уж, – покачал головой Ваймс.

– Я вот, например, узнал, что есть сволочи похуже тебя.

На этот раз усмехнулся Ваймс.

– Я старался, Нед.

– Ты знаешь Карцера?

– Он убийца. И подонок из подонков. И все остальное тоже. Хладнокровный гад. С мозгами, – сказал Ваймс.

– И надо довести дело до конца?

– Боюсь, иначе нельзя. Мы должны положить этому конец, Нед. Это наш единственный шанс. Все должно закончиться здесь и сейчас, иначе это не закончится никогда. Можешь представить, что он натворит, если подружится с Капкансом?

– Честно говоря, могу, – кивнул Нед. – И кстати, сегодня вечером я совершенно свободен. Но ответь мне на один вопрос, сержант. Откуда ты все это знаешь?

Ваймс помедлил с ответом. А впрочем, решил он, хуже уже не будет...

– Я жил в этом городе, – сказал он. – Потом случилась дыра во времени или что-то такое. Ты правда хочешь знать? Я попал сюда из другого времени, Нед, и это чистая правда.

Нед Тренч осмотрел его с головы до ног. Кровь покрывала доспехи Ваймса, текла по его пальцам, залила половину лица. И в руках он держал окровавленный меч.

– И сколько веков назад ты жил? – спросил Нед.

Время остановилось. Тренч замер, потускнел и стал частью мира, состоящего сплошь из оттенков серого.

– Осталось совсем немного, ваша светлость, – раздался за спиной Ваймса голос Метельщика.

– О боги! – закричал Ваймс, с досады отшвырнув меч. – Знаешь, за такое вообще морду бьют!

Меч не упал на мостовую. Клинок повис в нескольких дюймах от его руки и тоже слился с общей серостью.

– Мы должны сообщить тебе кое-что, – продолжал Метельщик, не обратив на зависший в воздухе меч ровно никакого внимания, словно видел такое каждый день.

– Что это с ним, черт подери? – спросил Ваймс, который отнюдь не каждый день сталкивался с подобным.

– Время остановилось для всех, кроме тебя, – терпеливо объяснил Метельщик. – На самом деле это, конечно, ложь от первого до последнего слова, но весьма полезная ложь. Она позволит нам выгадать несколько драгоценных мгновений...

Ваймс огляделся по сторонам – теперь у него появилось на это время, ну или что-то вроде. На улице потемнело, будто схватка происходила в предрассветных сумерках. Цветными были только рясы и лица Метельщика и Ку, выкатывавших из переулка небольшую тачку. На ней стояли два каменных цилиндра и лежало закутанное в саван тело Джона Киля.

– У нас для тебя хорошие новости, – сообщил Метельщик.

– Правда? – только и смог выдать Ваймс.

Он подошел к телу.

– Ага, – откликнулся Ку, снимая с тележки каменные цилиндры. – Мы думали, нам придется уговаривать тебя снять доспехи, но оказалось, в этом нет нужды.

– Потому что они все равно останутся здесь, – сказал Лю-Цзе. – Они ведь отсюда, понимаешь?

– Нет, – ответил Ваймс. – Ни слова не понял из всей вашей болтовни. – Он прикоснулся к телу. – Холодный. Это я хорошо помню. Он был ужасно холодным...

– Да уж, в морге не тепло, – как ни в чем не бывало заметил Метельщик.

– Командор, сосредоточься, прошу тебя, – вмешался Ку. – Когда мы приведем в действие...

Ваймс с ненавистью уставился на монахов. Метельщик положил ладонь на плечо Ку.

– Нам с тобой надо отойти по одному важному делу. На пару минут, – сказал он.

– Да, но я должен объяснить ему, что...

– Нам с тобой надо отойти по одному очень *важному делу*. На *пару минут*, – повторил Метельщик, скорчив страшную рожу.

– О? Что? Да. Э... дело... Да. Важно *нужное дело* сделать. Нужно... *важное...*

Они отошли. Краем глаза Ваймс следил за тем, как они ходят взад-вперед по улице, как будто замеряют ее.

Тело Джона Киля лежало перед ним. Что тут можно сказать? Мне очень жаль, что ты умер? В той, прежней истории Киля не зарезали в темном переулке, он погиб на баррикаде. Впрочем, какая разница, как он умер? Так или иначе, он был мертв.

Ваймс был не особо силен в религиях. Он ходил на похороны стражников и присутствовал на всяких религиозных церемониях, когда того требовали обязанности командора Стражи, но что до остального... За свою жизнь он повидал немало такого, после чего пропадает всякое желание верить не только в богов, но и в людей. Даже собственным глазам перестаешь верить. Насколько он помнил, Киль рассуждал примерно так же. Ты просто живешь и решаешь задачи по мере их поступления. Если боги и существуют, наверное, они тоже... просто трудятся себе, и все. И не стоит отвлекать их по всяким пустякам.

Что сказать мертвому стражнику? Что бы *ему* сейчас хотелось услышать?

А, точно!

Ваймс склонился над телом.

– Будь уверен, за это Карцер будет болтаться на виселице, – сказал он и отошел.

Метельщик за его спиной вежливо кашлянул.

– Готов, ваша светлость?

– Вполне, – ответил Ваймс.

– Мы говорили о твоих доспехах, – напомнил Метельщик. – Они...

– Дело в том, командор, – перебил его Ку, – что ты и этот парень Карцер, равно как вся одежда и прочие вещи, с которыми вы прибыли сюда, привели к образованию протяженной трансвременной аномалии. И эта аномалия сейчас находится под значительным напряжением.

Ваймс посмотрел на Метельщика.

– Крайне, крайне сложно извлечь нечто из времени, которому оно принадлежит, зато вернуть его обратно гораздо проще, – перевел Лю-Цзе.

Ваймс по-прежнему молча смотрел на него.

– Вещи очень не любят сниматься с насиженных мест, – сделал еще

одну попытку Метельщик.

– В чем-то ты прав, – согласился Ваймс.

– Все, что мы тут сделаем, – это... так сказать, смажем путь. И тогда достаточно будет легкого толчка, чтобы все вернулось на свои места. И ты отправишься домой. Ты сегодня завтракал?

– Нет!

– Это хорошо, так будет куда чище, – обрадовался Метельщик и добавил, заметив озадаченный взгляд Ваймса: – Непереваренная пища. Она останется здесь, понимаешь?

– То есть она как бы вырвется из моего...

– Нет-нет-нет, – быстро произнес Ку. – Ты даже ничего не заметишь. Но после возвращения я посоветовал бы тебе плотно поесть. Полезно для здоровья.

– И доспехи здесь останутся?

Ку просиял.

– Конечно, ваша светлость. Все останется. Повязка с глаза, носки, все-все.

– И башмаки?

– Да. Все.

– А как насчет подштанников?

– Они тоже. Все.

– Значит, я появлюсь там *голышом*?

– В костюме, который никогда не выходит из моды, – ухмыльнулся Метельщик.

– Тогда почему все доспехи остались на мне, когда я перенесся сюда? – спросил Ваймс. – И все ножи этого мерзавца Карцера были при нем!

Ку открыл было рот, но Метельщик опередил его.

– Нужно сделать тысячу шагов, дабы взойти на вершину горы, но достаточно одного прыжка, чтобы оказаться у ее подножия, – важно сказал он. – Понял?

– Ну, какой-то смысл в этом...

– Но, Лю-Цзе, все же совсем не так! – возопил Ку.

– Конечно не так, – согласился Метельщик. – Это очередная полезная ложь. Послушай, командор, нам очень не хватает хорошей грозы, да и времени удалось запасти не так уж много. Приходится работать в полевых условиях, так что мы просто сделаем все, что можно сделать. Вернем тебя и Карцера в ваше время, но из-за квантов вы почти наверняка окажетесь в разных местах. Поверь, устроить все так, чтобы ты не появился в двухстах футах над землей, достаточно сложно. А уж для того, чтобы ты смог

прихватить с собой одежду и оружие из этого времени, понадобилась бы целая прорва энергии. Ну, ты готов? Тебе придется вернуться туда, где ты стоял. И как только сможешь, сразу хватай Карцера. Ты *должен* схватить его, иначе он останется здесь.

– Но я многое изменил в этом времени! – воскликнул Ваймс.

– Предоставь это нам, мы обо всем позаботимся, – успокоил его Метельщик.

– А что будет с Килем? – спросил Ваймс, неохотно отходя от них.

– Не волнуйся. Мы уже говорили об этом там, в храме. Мы наденем на него твои доспехи. Он погибнет в бою.

– И проследите, чтобы с молодым Сэмом ничего не случилось! – крикнул Ваймс, когда Ку осторожно подтолкнул его к нужному месту.

Маленькие каменные цилиндры начали вращаться.

– Непременно!

– И чтобы Реджа Башмака похоронили как надо!

– Обязательно!

– Главное – не слишком глубоко, ведь через несколько часов ему захочется вылезти оттуда!

Ку подтолкнул его в последний раз.

– Всего хорошего, командор!

И время вернулось.

На него пристально смотрел Нед.

– Что это было, сержант? Ты *двоился*.

– Ты обещал только один вопрос, Нед, – буркнул Ваймс, сражаясь с приступом тошноты. – Ладно, давай покажем Капкансу, что есть черта, переступать которую не стоит. Пора покончить со всем этим.

И они бросились в атаку вдвоем, прежде чем остальные поняли, что происходит.

Ваймсу вдруг показалось, что время опять замедлилось. Кто-то из людей Карцера кинулся наутек, едва увидев их; кто-то успел подобрать с земли оружие, а Карцер... Карцер просто стоял и ухмылялся. Уклоняясь от ударов и отвечая такими же ударами, Ваймс направился к нему.

По мере того как он набирал скорость, расшвыривая врагов направо и налево, самодовольная усмешка сползала с лица Карцера. Тот успел вскинуть меч и принять стойку, но было уже поздно: расстояние между ними сократилось настолько, что места для фехтования не осталось. Ваймс налетел на него, как бык, мощным ударом подбросив его клинок вверх, и вцепился Карцеру в глотку.

– Ты *арестован*, приятель, – сказал он, и в следующее мгновение мир вокруг поглотила тьма.

Ничего особо впечатляющего не последовало. Где стремительный полет через голубой тоннель, например, или солнце, нарезающее бешеные круги по небу? На худой конец, стремительно уносящиеся прочь листки отрывного календаря! Было даже обидно отчасти, как позднее вспоминал он.

Но ему досталась лишь чернота глубочайшего сна. А потом он со всей дури грянулся об пол.

Кто-то подхватил Ваймса и поставил на ноги. Восстановив равновесие, он тут же отпихнул от себя чужие руки. Сквозь густой туман, висевший перед глазами, медленно проступало лицо капитана Моркоу.

– Рад вас видеть, сэр. О...

– Я в порядке, – прохрипел Ваймс. В горло будто песка насыпали. – Где Карцер?

– У вас опасный порез на...

– Правда? Ну надо же, – прорычал Ваймс. – Где Карцер, черт возьми?

– Мы не знаем, сэр. Вы просто возникли в воздухе и упали на пол. Весь в синем сиянии, сэр!

– Ага, – пробормотал Ваймс. – Он где-то здесь. Возможно, где-то рядом.

– Хорошо, сэр, я пошлю людей, чтобы...

– Нет, отставить, – приказал Ваймс. – Он подождет. В конце концов, куда он денется?

Ноги не очень-то держали его. Как будто ему по ошибке достались чужие конечности, причем их прежний владелец не больно-то умел с ними обращаться.

– Как долго я... отсутствовал? – спросил Ваймс.

Думминг Тупс шагнул вперед.

– Примерно полчаса, ваша светлость. Э... Мы выдвинули, э... гипотезу, что возникло некоторое временное нарушение, которое, совместно с ударом молнии и резонансом в стационарной волне Библиотеки, вызвало пространственно-временной разрыв...

– Да-да, примерно так я это и понял, – торопливо перебил его Ваймс. – Полчаса, говоришь?

– А по-вашему, дольше? – спросил Думминг.

– Немного, – ответил Ваймс. – Кстати, ни у кого нет лишней пары подштанников?

Отсюда виден твой дом...

В этом весь Карцер. Любит, чтобы ты помучился, чтобы заработало твое воображение...

Куда он денется? Ну в самом деле, куда...

– Капитан, я хочу, чтобы ты и все свободные стражники, все до единого, немедленно направились ко мне домой, понятно? – велел он. – Выполняй. Выполняй немедленно. – Он повернулся к Чудакулли. – Аркканцлер, можно доставить меня туда как можно быстрее?

– Стража просит помощи *волшебников*? – спросил аркканцлер, потрясенный до глубины души.

– Пожалуйста, – добавил Ваймс.

– Конечно можно, но, видишь ли, на тебе совсем нет одежды...

Ваймс сдался. Вечно им подавай объяснения... Он сорвался с места и побежал, хотя ноги по-прежнему были как из желе. Промчался по университетским лужайкам к мосту Возможностей. Шнобби и Колон, дежурившие у моста, так ничего и не поняли, когда их подхватило и понесло следом за Ваймсом толпой набежавших стражников.

Перебежав через мост, Ваймс очутился в садике под названием Улада Волшебника. Ветви кустарника хлестали его по голым ногам, но он, не сбавляя скорости, пересек сад, выскочил на старую дорожку вдоль реки и побежал дальше. После грозы дорожку развезло, и к корке запекшейся крови на теле Ваймса быстро добавилась корка грязи. Так, теперь направо, здесь налево, мимо остолбеневших прохожих, и вот наконец под ногами «кошачьи головы» Лепешечной улицы.

От ощущения уже почти родных булыжников под голыми ступнями у Ваймса открылось второе дыхание, и он еще прибавил ходу. Так, на всем скаку, он пронесся по посыпанной гравием дорожке и едва не рухнул на пороге дома, едва успев схватиться за шнурок колокольчика.

Послышались торопливые шаги, и дверь распахнулась.

– Если ты не Вилликинс, – прорычал Ваймс, пытаясь восстановить дыхание после бешеной гонки, – ты об этом сильно пожалеешь!

– Ваша светлость! Что с вами произошло? – воскликнул дворецкий, втаскивая его в прихожую.

– Ничего! – рявкнул Ваймс. – Просто принеси чистую форму, тихо и спокойно, и ничего не говори Сибилле...

При этих словах дворецкий так изменился в лице, что Ваймс все понял без слов.

– *Что с Сибиллой?*

Вилликинс попятился. От Ваймса сейчас попятился бы даже медведь.

– Не стоит подниматься туда, сэр! Госпожа Контент говорит... все достаточно сложно, сэр. Не совсем должным образом...

– Ребенок родился?

– Нет, сэр, очевидно, нет, сэр. Все очень... Госпожа Контент говорит, что испробовала все возможное, но, быть может... стоит послать за лекарями, сэр?

– За лекарями? Чтобы принимать роды?

Вилликинс вконец стушевался. Двадцать лет он был безупречно невозмутимым дворецким, но сейчас его трясло. Никто не заслуживал встречи с Сэмом Ваймсом в его нынешнем состоянии.

– Простите, сэр...

– Нет! – рявкнул Ваймс. – Не посылай за лекарем. Я сам! Есть один лекарь, он все знает про... про такие вещи. Пусть только попробует не знать!

Когда он вылетел за дверь, на лужайке перед домом как раз опустилась метла под управлением самого аркканцлера.

– Я подумал, поеду-ка на всякий случай следом... – сказал Чудакулли. – Вдруг чем-нибудь смогу...

Ваймс оседлал метлу, прежде чем волшебник успел слезть.

– Отвези меня на Мерцающую улицу! – гаркнул он. – Это очень важно!

– Держись крепче, ваша светлость, – сказал Чудакулли, и метла свечкой взмыла в небо.

Желудок Ваймса попытался уйти в пятки. Надо будет обязательно повысить жалованье Сварли Свирсу и купить ему наконец канюка, о котором он так давно просил, решил Ваймс. Любому, кто каждый день на благо города выделывает такие трюки, платят слишком мало.

– Пошарь у меня в левом кармане, – сказал Чудакулли, когда они перешли в горизонтальный полет. – Кажется, это твое.

С величайшей осторожностью, поскольку прекрасно знал, что иногда может обнаружиться в кармане у волшебника, Ваймс выудил оттуда букет бумажных цветов, гирлянду с флагами всех наций и... серебряный портсигар.

– Упал казначею на голову, – объяснил аркканцлер, взяв чуть в сторону, чтобы не врезаться в чайку. – Надеюсь, цел?

– Все в порядке, – сказал Ваймс. – Э... спасибо. Я пока положу его назад? Так уж вышло, что я сегодня без карманов.

«Он тоже нашел способ вернуться, – подумал Ваймс. – Мы снова дома».

– А твои парадные доспехи упали на здание факультета высокоэнергетической магии, – продолжил Чудакулли. – И я должен сообщить, что они...

– Сильно покорежены? – закончил Ваймс.

Чудакулли немного помедлил с ответом. Он понимал, как Ваймс чувствует себя сейчас.

– Чрезвычайно сильно, ваша светлость. Просто непоправимо. Думаю, это все из-за той квантовой свистопляски.

Ваймс поежился – он ведь был по-прежнему нагишом. Сейчас он согласился бы даже на ненавистную парадную форму. А впрочем, плевать. Позолота и перья, значки, чувство холода... Есть вещи куда важнее. И всегда будут.

Он спрыгнул с метлы еще до полной остановки, покачнулся, закружился на месте, повалился на дверь Газона и забарабанил в нее кулаками.

Через некоторое время дверь приоткрылась, и знакомый голос, лишь немного изменившийся с возрастом, осторожно спросил:

– Да?

Ваймс распахнул дверь.

– Посмотри на меня, доктор Газон, – сказал он.

Газон посмотрел.

– Киль? – удивился он. В руке он держал самый большой шприц в мире.

– Вряд ли. Джона Киль похоронили. И тебе это прекрасно известно, – ответил Ваймс, глядя на огромный инструмент в руке лекаря. – А зачем тебе эта штуковина? Что ты с ней собрался делать?

– Честно говоря, поливать жиром индейку. Но тогда кто вы такой, вы ведь так похожи на...

– Хватай все свои повитушные орудия и ступай за мной, – скомандовал Ваймс. – Все эти занятные штуковины, которые, по твоим же словам, отлично работают. Все бери. Прямо сейчас. И я сделаю тебя самым богатым лекарем всех времен и народов, – пообещал Ваймс, человек, чью наготу прикрывала исключительно корка грязи и крови.

Газон неуверенно кивнул в сторону кухни.

– Да, конечно, я только вытащу индейку из...

– Забудь про индейку!

– Но я уже...

– Пошли!

С тремя пассажирами метла летела не слишком уверенно, но так было

все равно быстрее, чем пешком. Кроме того, Ваймс понимал, что сам он никуда не дойдет. Еще там, на крыльце своего дома, он почувствовал, что исчерпал запас сил до самого доньшка. Сейчас даже простое пребывание в вертикальном положении было для него настоящим испытанием на выносливость. Либо на метле, либо ползком.

Заложив неуклюжий вираж, метла тяжело опустилась на лужайку перед особняком.

– Она наверху. Большая спальня слева, – сказал Ваймс, подталкивая лекаря ослабевшей рукой. – Там повитуха, ни черта не понимает. Заплачу, сколько захочешь. Ступай.

Газон метнулся прочь. Ваймс оперся на плечо Чудакулли и на негнущихся ногах поковылял за ним, но, когда они подошли к дому, лекарь уже выходил оттуда. Газон пятился задом, очень медленно. Наверное потому, что к его носу был приставлен огромный арбалет Детрита.

– Опустит арбалет, сержант, – велел Ваймс несколько сдавленно, поскольку вдруг прямо перед его носом оказалась земля.

– Он ворвался в дом, господин Ваймс, – прогрохотал Детрит.

– Он *лекарь*, сержант. Пропусти его наверх. Это приказ. Спасибо.

– Слушаюсь, господин Ваймс. – Детрит шагнул в сторону и неохотно положил арбалет на плечо.

Арбалет выстрелил.

Когда грохот стих, Ваймс поднялся на ноги и огляделся. На самом деле ему никогда не нравились эти как бы декоративные кусты. Так гораздо лучше. Осталась только парочка деревьев, да и та изрядно потрепанная. Над кучками листьев вился дымок.

– Простите за это дело, господин Ваймс, – извинился тролль.

– Что я тебе говорил о господине Предохранителе? – слабым голосом спросил Ваймс.

– Господин Арбалет Только Тогда Друг Тебе, Когда Стоит На Господине Предохранителе, – отчеканил Детрит и отдал честь. – Извините, сэр, мы все нынче слегка дерганые.

– И думаю, я еще долго буду дергаться, – сказал Чудакулли, поднимаясь на ноги и вытряхивая из бороды щепки. – До конца дня буду ходить подпрыгивая. Сержант, я предлагаю поднять доктора, отнести к колонке, привести его в себя и проводить наверх...

Все дальнейшее Ваймс видел и слышал как сквозь сон. Неприкаянным призраком он бродил по собственному дому, битком набитому стражниками. Никто не хотел уходить.

Очень медленно, концентрируясь на каждом движении, он побрился.

Сквозь розовые облака, заполнившие весь мозг, до него доносились голоса.

– ...велел сварить их в кастрюле! Он думал, эти кошмарные штуковины станут мягче?

– ...до утра дежурят тролли и гномы и пусть следят за каждой дверью и каждым окном, следят в оба, я сказал...

– ...вот прицепился, говорит, кипятить целых двадцать минут! Можно подумать, это капуста...

– ...а теперь ему захотелось бренди, видите ли...

– ...госпожа Контент как выскочит из спальни, а этот и говорит: да чтоб ноги ее тут не было...

– ...пришел Игорь, предложил помочь, а Газон только глянул на него и говорит: сначала пусть его, Игоря, тоже прокипятят так минут двадцать...

– ...трипперный докторишка, что тут скажешь...

– ...старина Камнелиц осыплет его золотом, если все будет в порядке...

– ...ага, а если не в порядке?

Чтобы просто заставить какую-либо часть тела пошевелиться, приходилось прикладывать невероятные усилия воли, однако Ваймс кое-как натянул на себя повседневную форму. Причесался. Вышел в зал. Сел на неудобный стул, положив шлем на колени, и замер. Вокруг мельтешили призраки живых и погибших.

Обычно – на самом деле всегда – часть Ваймса наблюдала за остальными его частями будто со стороны, потому что он был стражником до мозга костей. Но сейчас эта часть не работала. Присоединившись к остальному рассудку, она тупо смотрела в пустоту и ждала.

– ...кто-нибудь, принесите еще полотенца...

– ...он снова попросил бренди, на этот раз двойной!

– ...сказал, чтобы пришел господин Ваймс!

При этих словах запальный фитиль, тлевший где-то в той части мозга, где живут самые простейшие функции, сразу сработал, приведя в действие разум. Ваймс поднялся по ступеням, продолжая сжимать под мышкой шлем, как будто шел снимать показания. Постучал в дверь.

Ее открыл Газон. В руке он держал бокал с бренди. Улыбнувшись Ваймсу, лекарь отошел в сторону.

Сибилла сидела на кровати.

От изнеможения Ваймс видел все как в тумане, но все же разглядел у нее на руках нечто завернутое в шаль.

– Его зовут Сэм, Сэм, – сказала Сибилла. – И даже не вздумай спорить.

На улице выглянуло солнце.

– Я научу его ходить! – просяив, воскликнул Ваймс. – Я кого хочешь научу ходить!

И он уснул, даже не долетев до ковра.

Он шел по городу, наслаждаясь прохладой раннего вечера. Оставляя за собой след сигарного дыма, Ваймс не спеша добрался до Псевдополис-Ярда, где его встретил гром восторженных криков и поздравлений, и поблагодарил всех за чудесные букеты.

Потом заглянул к доктору Газону. Они посидели немного, поговорили о памяти и о том, какие шутки она иногда выкидывает, а также о забывчивости и о том, как выгодна она порой бывает.

Вдвоем они отправились в банк, где лежали деньги Ваймса. Это почтенное заведение любезно согласилось открыться в нерабочее время, поскольку его попросил об этом любимый клиент, герцог, самый богатый человек в городе, командор Стражи и, что немаловажно, человек, всегда готовый вышибить дверь ногой. Здесь сэр Ваймс передал сто тысяч долларов и право собственности на большой угловой участок у Гусиных ворот некоему доктору Газону.

А после, уже в одиночестве, он направился к кладбищу Мелких Богов. Первому Законней-Некуда, что бы он там себе ни думал, хватило ума оставить ворота открытыми этим вечером и даже долить масло в фонари.

Ваймс неторопливо шел по поросшим мхом дорожкам. Цветы сирени, казалось, светились в темноте. Их запах висел в воздухе подобно туману.

Путаясь в высокой траве, он подошел к могиле Джона Киля и осторожно, чтобы не потревожить венки, присел на могильный камень. Ничего, сержант наверняка не обиделся – он ведь знает, как устают иногда ноги стражника. Ваймс докурил сигару и стал смотреть на закат.

Через некоторое время слева раздался шорох и земля над одной из могил начала оседать. Из-под земли появилась серая рука, сжимающая лопату. Она с усилием отбросила прочь комья глины, и из могилы восстал Редж Башмак. Он уже наполовину вылез на свет, но тут заметил Ваймса и едва не свалился обратно.

– О, ты напугал меня до смерти, господин Ваймс.

– Извини, Редж, – ответил Ваймс.

– Конечно, когда я сказал, что ты напугал меня до смерти... – начал зомби с мрачным видом.

– Да, Редж, я понимаю. Там внизу все тихо и спокойно, да?

– Очень спокойно, сэр, очень спокойно. Впрочем, к началу следующего года придется обзавестись новым гробом. Нынешние так

недолговечны.

– Вряд ли кто-то из похороненных задумывается о долговечности, Редж, – заметил Ваймс.

Редж принялся аккуратно закапывать могилу.

– Знаю, все считают это странным, но мне кажется, я действительно многим им обязан, – сказал он. – Всего один день в году, но это своего рода... солидарность.

– Типа как лежишь заупокой? – спросил Ваймс.

– Что, сэр?

– Да я-то не против, – весело сказал Ваймс.

Вот он и наступил, идеальный момент. Даже Редж, хлопотавший вокруг могилы, тщательно разравнивая и приглаживая грунт, не мог испортить эту минуту.

Метельщик сказал, что придет время, когда все станет ясно. Идеальный момент.

Те, кто лежал в этих могилах, умерли не напрасно. Все говорило сейчас Ваймсу об этом: лучи заката, восходящая луна, аромат сигары, тепло, разливающееся по обессиленному телу.

История всегда найдет выход. События изменились, но мертвые остались прежними. Их жизнь закончилась в подлом, бесчестном бою, который стал крошечным пятнышком на исторической картине, но сами они не были ни подлыми, ни бесчестными. Они не сбежали, хотя могли, и никто бы не упрекнул их за это. Они остались, и, может быть, они видели свой путь так же ясно, как Ваймс сейчас. Они остались не потому, что хотели стать героями, это просто была их работа, которую они делали...

– Ну, я пойду, сэр, – сказал Редж, положив лопату на плечо. Его голос прозвучал словно откуда-то издалека. – Сэр?

– Да, Редж, хорошо. Спасибо тебе, – пробормотал Ваймс.

Сквозь розовую пелену идеального момента он видел, как капрал зашагал по темнеющей дорожке к городу.

Джон Киль, Билли Букли, Гораций Масхерад, Дэй Дикинс, Сесил Хлопман по прозвищу Пятак, Нед Тренч и, формально, Редж Башмак. Вероятно, не больше двадцати человек во всем городе наберется таких, кто знал их по именам. Никто так и не поставил им памятников, не развесил мемориальных досок. Чтобы знать их, нужно было быть там.

И уж кто-кто, а Сэм Ваймс там был. Даже в двух экземплярах.

Солнце садилось, наступала ночь. Она медленно выходила из теней, где пряталась от дневного света, растекалась лужицами, которые сливались в озера мрака. И чувства Ваймса обострились и ширились по мере того, как

вокруг разливалась тьма, словно гигантский темный кот расправлял длинные усы.

За воротами кладбища постепенно стихал городской шум, хотя Анк-Морпорк никогда по-настоящему не спал. Вероятно, боялся.

В странном умиротворении, охватившем Ваймса, ему казалось, что он слышит все-все, как в ту страшную минуту на улице Героев, когда история пришла взять свое. Слабое потрескивание остывающих камней в стене, шорох оседающей земли в опустевшей могиле Реджа, легкий шелест высокой травы вокруг могил... тысячи едва различимых звуков, составляющих ограниченный в пространстве хитросплетенный островок тишины. Это была песня тьмы, и в ней, на пределе восприятия, возник диссонансный аккорд.

Так... Он выставил охрану у дома, поручив ее самым надежным своим людям, тем, кому можно доверять, кто не заскучает на посту, а сохранит бдительность всю ночь напролет. Ему даже не пришлось объяснять, насколько это важно. Значит, о доме можно не беспокоиться. Охрана участков тоже удвоена...

Что-то было не так с могилой Киля. На ней всегда лежало яйцо, каждую годовщину, словно шуточный привет из далекого прошлого. А сейчас виднелись лишь осколки скорлупы...

Ваймс наклонился вперед, и клинок просвистел над его головой.

Но зверь был настороже. Зверь не задумывался о стойках и защите. Зверь вообще не думал. Он всегда нюхал воздух, всматривался в темноту и пробовал на вкус ночь, и это зверь заставил Ваймса сунуть руку в карман, прежде чем наклониться.

Пригнувшись, он развернулся и ударил Карцера по коленной чашечке одним из лучших изделий госпожи Пособи. Раздался хруст, Ваймс выпрямился, бросился вперед и повалил Карцера на землю.

Он дрался бездумно и свирепо. Зверь сорвался с цепи и хотел только убивать. Нечасто Ваймсу казалось, что ему выпал шанс сделать мир лучше, но сейчас он не сомневался в этом. Наконец-то все было предельно ясно.

И предельно трудно. Когда Карцер упал, его меч отлетел в густую траву. Но Карцер был крепок, как тиковое дерево, и сдаваться не собирался. Очень трудно голыми руками убить человека, который не хочет, чтобы его убили.

Ваймс сбросил с руки кастет, потому что кастет мешал ему вцепиться Карцеру в глотку. Хотя задушить мерзавца тоже не удалось – Карцер попытался большим пальцем выдавить Ваймсу глаз.

Они покатались среди могил, царапаясь и извиваясь в тщетных

попытках заполучить преимущество. Кровь заливала левый глаз Ваймса. Его ярости достаточно было бы и секунды, чтобы взять верх, но в этой секунде ему было отказано.

Он перекатился еще раз и, вытянув руку, нащупал на земле брошенный меч. И когда Ваймс снова вскочил на ноги, он уже был вооружен.

Откатившись в сторону, Карцер тоже поднялся – удивительно проворно для человека, у которого только одно здоровое колено. Ваймс увидел, что он схватился за ветвь цветущей сирени, на темную землю посыпались благоухающие лепестки.

Шорох металла, блеск лезвия в темноте. Карцер захихикал, словно говоря: «Неплохо веселимся, да?»

– И кто же меня сегодня арестует? – спросил он, когда оба немного отдышались. – Сержант Киль или командор Ваймс?

– А кто сказал, что тебя арестуют? – откликнулся Ваймс. – Я имею право на самооборону, Карцер.

– О да, еще недавно ты имел на нее право, господин Ваймс, – хмыкнула тень. – А теперь я стою перед тобой. – Что-то со звоном упало на гравийную дорожку. – И я не вооружен, ха-ха. Бросил на землю последнее оружие. А безоружного убивать нельзя, господин Ваймс. Ты должен меня арестовать, притащить к Витинари. Чтобы тот выслушал меня, ха-ха. Ты не можешь *убить* меня прямо здесь.

– Мне все равно, что ты болтаешь, Карцер.

– Тогда лучше убей меня, господин Ваймс. У меня нет оружия. И бежать я не могу.

– У тебя всегда есть еще один нож, Карцер, – сказал Ваймс, пытаясь заглушить в себе рев зверя.

– На этот раз нет, господин Ваймс. Да ладно тебе, господин Ваймс. Попытка не пытка, верно? Каждому надо дать шанс, а? Никаких обид?

В этом был весь Карцер. Никаких обид. Дать шанс. Попытка не пытка.

В его устах правильные слова превращались в грязные ругательства.

Ваймс подступил на шаг.

– У тебя есть прекрасный дом, где тебя ждут, господин Ваймс. А что есть у меня?

Он умел говорить убедительно. Такой кому хочешь мозги запудрит. И ты даже забудешь о тех, кого он убил.

Ваймс многозначительно посмотрел ему под ноги.

– Ой, извини, я прошел по твоей могиле, – сказал Карцер. – Не хотел тебя обидеть.

Ваймс промолчал. Зверь завыл. Зверь хотел заставить этот рот

умолкнуть навсегда.

– Ты не станешь меня убивать, господин Ваймс. Только не ты. У тебя есть значок. Ты ведь не такой, господин Ваймс.

Ваймс не глядя сорвал с себя значок.

– Да, я понимаю, ты хочешь меня напугать, господин Ваймс, и многие сказали бы, что ты имеешь на это полное право. И догадайся, что я сейчас сделаю? Брошу на землю еще один нож, ха-ха, ты ведь знал, что у меня есть еще один, верно?

Все дело в голосе. Из-за этого голоса начинало казаться, будто все, что ты знаешь, не более чем ложь.

– Ладно, ладно, я вижу, что ты расстроен, ха-ха, неудивительно, и тебе известно, что у меня всегда есть третий нож, смотри, его я тоже бросаю на землю...

Ваймсу оставалось сделать всего пару шагов.

– Вот так, господин Ваймс. Больше никаких ножей. Сбежать я не могу. Сдаюсь. На этот раз без подвоха. Сдаюсь, понятно? Просто арестуй меня. В память о прошлом, а?

Зверь внутри Ваймса истошно завопил. Никто не скажет Ваймсу дурного слова, если он лишит палача десяти долларов и бесплатного завтрака, вопил зверь. И да, убить Карцера сейчас одним ударом меча значит подарить ему легкую смерть, ведь любой палач знает, что казнь может быть разной, и во всей стране не найдется палача, который позволит такому подонку умереть без мучений. Боги тому свидетели, он заслуживает...

...но молодой Сэм смотрел на Ваймса через тридцать разделявших их лет.

Стоит человеку сломаться, ломается все. Так устроен мир. Да, обстоятельства могут тебя согнуть, а если хорошенько припечет, то и скрутить в бараний рог. Но нельзя, чтобы они тебя сломали. Потому что сломаешься ты – и начнет рушиться все, пока вообще ничего не останется. Все решается здесь и сейчас.

Ваймс опустил меч.

Карцер вскинул на него глаза и произнес с усмешкой:

– Знаешь, ха-ха, терпеть не могу яйца без соли...

Ваймс почувствовал, как рука помимо его воли поднимает меч...

И останавливается. Кроваво-красная ярость заледенела.

Зверь был вокруг него. Он не был другом, только зверем. Полезным, но тем не менее зверем. Можно держать его на цепи, заставляя плясать или жонглировать мячиками. Зверь не способен думать. Он глуп. Но ты, *ты*

сам и зверь – не одно и то же.

Ты не обязан делать то, что ему хочется. В противном случае Карцер победит.

Ваймс разжал пальцы, меч упал на землю.

Карцер не сводил с него глаз. Ваймс улыбался, и эта улыбка была куда более зловещей, чем гримаса ярости. В руке Карцера блеснул металл. Но Ваймс уже налетел на него, повалил, перехватил запястье и стал колотить его рукой по надгробию Джона Киля, пока четвертый нож не выпал из окровавленных пальцев. Подняв Карцера на ноги, Ваймс заломил ему обе руки за спину и вдавил грудью в каменную плиту.

– Посмотри на небо, Карцер, – сказал он, прижавшись губами к его уху. – Видишь закат? А звезды? Завтра для моего сына Сэма они будут светить ярче, потому что не будут больше светить тебе, Карцер. Еще не высохнет утренняя роса, как я притащу тебя к Витинари, и у нас будут свидетели, много свидетелей и, возможно, адвокат для тебя, если найдется хоть один, у кого хватит лживости просить за тебя, не меняясь в лице. И тогда, Карцер, тебя отвезут в Танти, на виселицу, без промедления, чтобы ты смог сплясать пеньковый фанданго. А потом, не сомневайся, я пойду домой и, быть может, съем яйцо вкрутую.

– Мне больно!

– Да ну? А ведь и ты говоришь правду, Карцер! – Ваймсу удалось сжать оба запястья убийцы стальной хваткой и свободной рукой оторвать рукав от своей рубашки. – Я действительно делаю тебе больно, но я делаю это по уставу. – Обернув пару раз запястья Карцера рукавом, он крепко затянул узел. – Я позабочусь, чтобы у тебя в камере была вода. Позабочусь о том, чтобы тебе принесли завтрак, все, что пожелаешь. А еще позабочусь, чтобы палач сделал свою работу как надо и ты болтался на виселице, пока не задохнешься. Может, я даже проверю, хорошо ли смазаны петли люка.

Он ослабил хватку, Карцер пошатнулся, и Ваймс подсек ему ноги так, что тот упал, как куль.

– Машина не сломалась, Карцер. Она ждет тебя, – сказал он, отрывая рукав от рубашки арестованного и связывая ему лодыжки. – Город убьет тебя. Нужные шестеренки повернутся, и ты умрешь. Все будет справедливо, я лично прослежу за этим. Чтобы потом ты не мог сказать, что суд над тобой был несправедливым. Чтобы ты ничего больше не мог сказать, ха-ха. Об этом я тоже позабочусь...

Он отошел на шаг.

– Добрый вечер, ваша светлость, – сказал лорд Витинари.

Ваймс развернулся, как ужаленный. Во тьме соткался мрак, чем-то

похожий на человеческий силуэт. Ваймс быстро подобрал свой меч, всматриваясь в темноту. Силуэт приблизился, теперь его можно было узнать...

– Как давно вы здесь? – спросил Ваймс.

– Ну... какое-то время, – ответил патриций. – Как и ты, я предпочитаю приходить сюда один, чтобы... поразмыслить.

– Вы не издали ни звука! – с упреком сказал Ваймс.

– Это преступление, ваша светлость?

– И вы слышали?..

– Как ты безупречно произвел арест, – закончил Витинари. – Мои поздравления, ваша светлость.

Ваймс опустил взгляд на незапятнанный кровью клинок.

– Да, возможно, – сказал он, временно перестав попевать за мыслью собеседника.

– Я имел в виду рождение сына.

– Ах... да. Конечно. Да, спасибо.

– Здоровый мальчик, как мне сообщили.

– Мы были бы не менее счастливы, если бы родилась дочь, – резко произнес Ваймс.

– Несомненно. В конце концов, какая разница, в нынешнее-то время? О, кажется, ты где-то потерял свой значок...

Ваймс бросил взгляд на высокую траву.

– Вернусь и найду утром, – сказал он. – А вот это, – он поднял с земли стонущего Карцера и кряхтя взвалил его на плечо, – попадет в Псевдополис-Ярд еще сегодня.

Оставляя позади аромат сирени, они неспешно двинулись прочь по посыпанной гравием дорожке навстречу привычному смраду живого мира.

– Честно говоря, – сказал Витинари после долгого молчания, – мне неоднократно приходила в голову мысль, что эти люди заслуживают памятника.

– В самом деле? – рассеянно спросил Ваймс. Кровь в ушах все еще стучала. – Может быть, на одной из главных площадей?

– Да, неплохая мысль.

– Этаким картины в бронзе? – с насмешкой уточнил Ваймс. – Все семеро поднимают флаг?

– В бронзе, да, – согласился Витинари.

– И с каким-нибудь вдохновляющим на подвиги призывом? – не успокаивался Ваймс.

– Да, несомненно. Может, что-нибудь вроде: «Они просто делали свою

работу»?

– Нет. – Достигнув фонаря у склепа, Ваймс вдруг остановился. – Да как вы смеете? Как вы вообще смеете! В такое время! В таком месте! Они делали работу, которую не должны были делать, и погибли из-за нее, и вы ничего не можете им дать. Понимаете? Они сражались за тех, кого все бросили, сражались друг за друга, а их предали. Таких людей всегда предадут. Какой прок от этой вашей статуи? Она лишь заставит новых дураков поверить в то, что они могут стать героями. Им, покойным, это бы не понравилось. Оставьте их в покое. В вечном покое.

Они продолжали путь в тяжелом молчании.

– Кстати, – сказал Витинари как ни в чем не бывало, – один новый священнослужитель, дьякон, неожиданно услышал зов.

– Да, и кто же его позвал? – спросил Ваймс, все еще злой из-за памятника.

– Я не слишком хорошо разбираюсь в вопросах религии, но, по-моему, у него возникло непреодолимое желание распространять слово божье среди закоснелых язычников.

– Где?

– Я предложил Тинлин.

– Но это же на другом конце света!

– Доброе слово не знает преград, сержант.

– Что ж, по крайней мере, это положит...

Ваймс остановился у главных ворот, под следующим фонарем, и бросил Карцера на землю.

– Вы знали? Черт возьми, вы все знали, да?

– Еще секунду назад нет, не знал, – ответил Витинари. – Командор, скажи откровенно, ты никогда не задумывался над тем, почему я тоже ношу веточку сирени?

– Задумывался, – признался Ваймс.

– Но никогда не спрашивал.

– Никогда, – отрубил Ваймс. – Это просто цветок. Все имеют право носить цветы.

– В такое время? В таком месте?

– Ну хорошо. И почему же вы ее носите?

– Я помню день, когда выполнял срочное поручение, – сказал Витинари. – Должен был спасти одного человека. Честно говоря, не совсем обычное поручение для наемного убийцы. Незадолго до этого я уже спас его.

Он выжидающе посмотрел на Ваймса.

– Застрелив того типа, что целился из арбалета? – уточнил Ваймс.

– Удачная догадка, командор! Да. У меня наметан глаз на... все уникальное. Но тогда моим главным врагом было время. Улицы были заблокированы. Кругом царил хаос и неразбериха, а я даже не знал, где смогу найти того, кого должен защитить. В конце концов мне пришлось воспользоваться крышами. Я добрался до Цепной улицы и увидел там неразбериху совсем другого рода.

– И что же вы там увидели?

– Увидел, как человек, которого звали Карцером... исчез. А еще увидел, как погиб Джон Киль. По крайней мере, я своими глазами видел его тело.

– Ну да... – пробормотал Ваймс.

– И тогда я вступил в бой. Взял веточку сирени у павшего бойца и, признаюсь, зажал ее в зубах. Смею надеяться, мне удалось повлиять на исход схватки, я лично убил четверых, хотя гордиться тут нечем. Они были бандитами, громилами. Вряд ли можно назвать их искусными бойцами. Кроме того, их предводитель бежал, очевидно захватив с собой весь их боевой дух. Должен сказать, что люди с сиренью сражались как тигры. Да, им недоставало мастерства, но когда *они* увидели, что их командир погиб, то просто разорвали врагов в клочья. Поразительно. Позже я осмотрел тело Джона Килья. Это действительно был Джон Киль. В этом не могло быть никаких сомнений. Он был весь в крови. Впрочем, крови везде хватало. Но его раны мне показались несколько... старыми. Смерть, как мы знаем, меняет людей. Но я помню, что подумал тогда: «Неужели настолько?» В тот день я решил, что столкнулся с частью головоломки, а сегодня... сержант... мы нашли оставшуюся часть. Поразительно, как люди могут быть похожи друг на друга, не правда ли? Наверное, даже твой сержант Колон ни о чем не заподозрит. В конце концов, Джон Киль погиб у него на глазах, а ты, наоборот, вырос...

– К чему вы клоните? – спросил Ваймс.

– Ни к чему, командор. Что я могу доказать? И главное, зачем мне что-то доказывать?

– В таком случае я промолчу.

– Честно говоря, даже не представляю, что именно ты мог бы сказать, – пожал плечами Витинари. – Да. Я согласен. Давай оставим мертвых в покое. Но что касается тебя, командор, в качестве небольшого подарка по случаю рождения...

– Мне ничего не надо, – перебил его Ваймс. – Повышать по службе меня некуда. Подкупить ничем нельзя. Я и так получил больше, чем

заслуживаю. Стража работает нормально. Нам не нужна даже новая мишень для дротиков...

– В память о покойном Джоне Киле... – произнес Витинари.

– Я вас предупредил...

– ...я могу вернуть тебе улицу Паточной Шахты.

Повисшую тишину нарушал только пронзительный писк охотившихся в тополях летучих мышей.

– Дракон сжег то здание, – пробормотал Ваймс. – А в подвалах поселились гномы...

– Да, командор. Но гномы... с такой милой непосредственностью относятся к деньгам. Чем больше денег город предлагает, тем меньше становится гномов. Конюшня сохранилась, и старая башня шахты тоже. Обнесенная крепкой каменной стеной. Все можно восстановить, командор. В память о Джоне Киле, человеке, который за несколько коротких дней изменил судьбы многих и, возможно, помог сохранить частицу здравомыслия в обезумевшем мире. Думаю, уже через несколько месяцев можно будет зажечь над дверью фонарь...

И снова стал слышен только писк летучих мышей.

«Может, даже запах вернется, – подумал Ваймс. – И над уборной снова будет окно, которое можно открыть, стукнув в нужном месте. Новые стражники, но старые фокусы...»

– Все верно, еще один участок нам не помешает, – с некоторым усилием согласился он.

– Вижу, тебе понравилось мое предложение, – сказал Витинари. – И если завтра утром ты согласишься заглянуть ко мне в кабинет, мы утрясем...

– Завтра будет суд, – резким тоном перебил его Ваймс.

– Ах да, конечно. Справедливый суд, – подчеркнул патриций.

– Иного не допущу, – сказал Ваймс. – Я хочу, чтобы эту сволочь наконец повесили.

– Хорошо, – согласился Витинари. – А потом мы могли бы...

– А потом я пойду домой, к своей семье, – снова перебил его Ваймс.

– Отлично сказано! – произнес Витинари, не смутившись ни на мгновение. – Не могу не оценить твой ораторский дар. – И Ваймс услышал в его голосе едва различимые нотки вежливого предупреждения, когда он добавил: – Здесь и сейчас, командор.

– Можете называть меня сержантом при оружии, – сказал Ваймс. – Здесь и сейчас.

Он схватил Карцера за шиворот и поволок навстречу справедливости.

Была уже глубокая ночь, когда Ваймс возвращался домой на Лепешечную улицу. Неожиданно он остановился. Это же те самые задворки! Там сидит ростовщик, а вот та сомнительная лавчонка, что выходит на Глиняный переулок. И раз он стоит примерно посередине между ними, значит, вот за этой стеной – двор храма.

Ваймс перебросил через стену окурок сигары. Раздался тихий стук, а потом едва слышный шорох гравия.

И тогда Ваймс пошел домой. А мир повернулся навстречу утра.

notes

СНОСКИ

Игорь, медицинский эксперт и по совместительству фельдшер Стражи, был достаточно молод (насколько можно было судить о его возрасте, учитывая, что конечности и другие полезные части тела передавались от Игоря к Игорю по наследству, как карманные часы) и придерживался современных взглядов. Он носил молодежную прическу с длинной челкой и башмаки на каучуковой подошве, а еще иногда забывал об убервальдском акценте.

Убервальдская Лига Трезвости, состоящая из бывших вампиров. Черные ленты на их одежде призваны показать, что они дали зарок полностью отказаться от своей кусачей привычки, йа-йа, натюрлих, и ныне предпочитают петь хором и играть в очень полезный для здоровья пинг-понг.

Знаменитый университетский колокол, прозванный Старым Томом, отбивает время не звоном, а тишиной. Точнее, поглощающим все шумы беззвучием, которое заполняет мир оглушительным молчанием.

Библиотекарь был орангутаном еще с тех пор, как в Библиотеке произошел один давно забытый несчастный случай с участием магии. Забытый настолько крепко, что люди уже начали забывать, что он, библиотекарь, орангутан. Хотя, казалось бы, забыть об этом нелегко, ведь даже небольшой орангутан мгновенно занимает все свободное пространство, но для волшебников и большинства горожан библиотекарь был просто библиотекарем, и точка. И если бы кто-нибудь сообщил им о том, что в Библиотеке видели орангутана, волшебники, вероятно, немедленно обратились бы к библиотекарю с вопросом, правда ли это.

Названы так в честь Уоллеса Сонки, человека, без чьих экспериментов с тонкой резиной проблема перенаселения Анк-Морпорка была бы куда более насущной.

Подобно тому как древние леса превращаются в уголь, древние заросли дикого сахарного тростника под гнетом тысячелетий превратились в то, что в разных частях Диска называют хоки-поки, свиной патокой или каменной мелассой. Но для того чтобы получить густой золотистый сироп, который горожане считают медом, эту массу приходится очень долго кипятить и очищать, так что в последнее время сироп доставляют в Анк-Морпорк из более богатых и доступных залежей ирисочной массы в окрестностях Щеботана.

То же самое, что и отбивная, только отбивается значительно дольше и тщательнее.

Он говорил чистую правду. «Плюнь ты на эти башмаки, – мог бы посоветовать Шнобби рядовой Габитасс. – Придется подкупать кого-нибудь в обозе, чтобы набрать солидный запас, а в итоге выручишь всего пару-другую долларов. Украшения – вот где навар. И места совсем не занимают». Рядовому Габитассу довелось побывать на стольких полях сражений, что, когда поминали «славу» и «доблесть», он даже не морщился.

Силачии и Вентурии взяли за правило в подобных случаях разговаривать только на те темы, по которым не может возникнуть разногласий. Учитывая историю обеих семей, количество таких тем было весьма ограничено.

Но конечно, следует добавить, что у «никогда» тоже есть своя цена.